

Серия «Феминистская коллекция»

Е.Н. Щепкина

**Из истории
женской личности в России**

*Издание осуществляется при поддержке
Фонда Форда*

Щепкина Е.Н.

Из истории женской личности в России. Сост. и общ. ред. В. Успенская. — Тверь: Феминист-Пресс, 2005. (Серия «Феминистская коллекция») — 320 с.

Данной публикацией Тверской Центр женской истории и гендерных исследований продолжает издательскую серию «Феминистская коллекция», возвращая в историю голос известной в начале XX века российской феминистки и профессионального историка Екатерины Николаевны Щепкиной (1854–1938). В книге представлены два произведения: «Из истории женской личности в России. Лекции и статьи» и «Женское движение 1905 года в отзывах современных деятелей». Опубликованные автором в первое десятилетие XX века, они представляют и по прошествии времени научный и практический интерес.

Редактор Серии «Феминистская коллекция»:

В.И.Успенская

Редакционный совет:

Н.Н.Козлова.

С.В.Рассадин,

Е.Н.Строганова

Е.И. Трофимова

О.А.Кислякова

Г.А. Успенский

© В.И.Успенская, Составление
и общая редакция, 2005
© Феминист-Пресс, 2005

Содержание

Благодарное слово от издательницы	4
Предисловие	5
Из истории женской личности в России	9
Женское движение 1905 года в отзывах современных деятелей ..	293
Избранные труды Е.Н. Щепкиной	318

Благодарное слово от издательницы

Эта книга подготовлена и издана благодаря финансовой поддержке Фонда Форда, благодаря также моральной поддержке его сотрудников, с энтузиазмом откликнувшихся на проект развития издательства феминистской литературы, предложенный Тверским Центром женской истории и гендерных исследований. Я выражаю искреннюю признательность Галине Рахмановой и Дженис Петрович.

Я благодарна судьбе за встречу с Флоренс Хоув, основательницей “The Feminist Press» (1970), которая любезно пригласила меня в издательство в Нью-Йорке, предоставила возможность познакомиться с процессом возвращения голосов женщин в историю и вдохновила на создание представительства “The Feminist Press” в Твери.

Я признательна всем сотрудницам научной библиотеки Тверского государственного университета, сохраняющим редкие тексты по истории феминизма (со многими текстами я познакомилась десятки лет назад, мечтая сделать их доступными для широкой общественности).

Выражаю искреннюю признательность администрации Тверского государственного университета за введение женских и гендерных исследований в научную и учебную деятельность и за постоянную поддержку моих инициатив.

И, конечно, нет конца моей благодарности моим коллегам по издательской работе в Центре: Наталии Козловой, Сергею Рассадину, Евгении Строгановой, Ольге Кисляковой и Григорию Успенскому (мужу и другу по совместительству), принимавшим самое активное участие в подготовке этой книги к печати, а также изданию ее в электронном виде.

В.Успенская

ПРЕДИСЛОВИЕ

(к сожалению, краткое)

О ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ ЩЕПКИНОЙ (1854–1938), одной из первых в России профессиональных историков-женщин, пока известно совсем немного. Не издано работ о ней и ее творчестве, но есть ее работы, посвященные истории русских женщин, а также истории движения женщин за равноправие, опубликованные в журналах и отдельными книгами в конце XIX века и в первое десятилетие XX века. Они никогда не переиздавались в нашем государстве и известны практически только узкому кругу читателей.

Развитие новой волны женского движения в России в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, а также развитие женских и гендерных исследований способствовало возвращению в историю ее имени наряду с именами многих русских феминисток, деятельниц женского движения, ученых, писательниц, журналисток второй половины XIX – начала XX вв. Мы должны быть благодарны за это зарубежным историкам (прежде всего, Р. Стайтсу и Л. Эдмундсон) и отечественным исследовательницам истории российского феминизма и феминистской литературы: О. Хасбулатовой, С. Айвазовой, И. Юкиной, Е. Трофимовой, М. Михайловой и др.¹

Специально для этого предисловия профессор Ирина Геннадиевна Воробьева, доктор исторических наук, участница научно-образовательных проектов Тверского Центра женской истории и гендерных исследований предоставила материалы писем Е.Н. Щепкиной, обнаруженных в Рукописном отделе Ин-

---

¹ См., например, посвященные истории феминизма в России: Edmondson L.H. *Feminism in Russia, 1900–1917*. Stanford University press, 1984; Стайтс Р. *Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930*. М., 2004; Хасбулатова О.А. *Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917)*. Иваново, 1994. Айвазова С. *Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории*. М., 1998; Юкина И. *История женщин России: женское движение и феминизм (1850-е – 1920-е годы)*. Материалы к библиографии. СПб., 2003.

ститута Русской литературы (Пушкинский дом) РАН в библиотеке Б. Модзалевского. Это письма к историку К.Д. Кавелину (2 письма, б/г) и историку и профессору Высших женских курсов К.Н. Бестужеву-Рюмину (8 писем, 1882–1893). Благодаря «раскопкам» моей подруги это предисловие пополнилось словами самой Екатерины Николаевны.

Е.Н. Щепкина окончила Высшие женские курсы профессора Герье, работала учительницей истории в Саратове и Москве. В 1880–1882 гг. занималась историей под руководством профессора Бестужева-Рюмина. Из писем Е.Н. Щепкиной известно, что в научной работе ей также помогали известные русские историки Нил Александрович Попов и Дмитрий Иванович Иловайский.

Зимой 1884 г. Е.Н. Щепкина слушала лекции в Сорбоне в Париже. К этому времени она готовилась преподавать историю для женщин и размышляла о разработке курса о русских мемуарах XVIII века. В письме от 28 января 1885 г. она пишет: «Что касается предполагаемого курса, то я полагаю бы на первый раз ограничить приблизительно первой половиной восемнадцатого века, от Петра до воцарения Екатерины, так как последний очень сложен, и охватить его в целом трудно; при этом я рассчитываю на один час в неделю, если дело пойдёт хорошо, то всегда успею просить о другом дополнительном часе. Начну с завещания Посошкова, как определяющего склад русского общества, с которым оно перешло в 18 век, с быта и нравов Петровской эпохи, и окончу характеристикой общества начала эпохи Екатерины. Здесь в Париже без всяких русских книг и материалов под руками, мне трудно в точности рассчитать, на сколько лекций у меня хватит материалов первой половины века. На всякий случай буду иметь в виду некоторые отделы деятельности Екатерины, например образование женщин, основание Смольного и первые институтки по запискам и письмам Нелидовой, Ржевской; тема интересна для женской аудитории. В случае надобности я, может, могу приготовить программу в Париже. У профессора Rambaud есть хоро-

---

² Ф.25.136. Л.10.

шая русская библиотека, которой он позволит мне воспользоваться»².

В 1895–1896 и 1898–1899 гг. Е.Н. Щепкина преподавала русскую историю XVIII и XIX веков на Высших женских курсах в Санкт-Петербурге³. С 1890 г. преподавала историю в классах и курсах для рабочих Императорского русского технического общества⁴. В «Малом Энциклопедическом Словаре» Брокгауза-Эфрона она вела отдел русской истории, поместила несколько статей в «Большой Энциклопедии» (под редакцией С.Н. Южакова)⁵. Е.Н. Щепкина была автором нескольких исторических работ, опубликованных в Журнале Министерства просвещения в конце 1880-х годов⁶.

Е.Н. Щепкина по праву считается одной из первых феминисток в России. В годы первой русской революции она была членом Петербургского отделения Союза Равноправности Женщин, членом Центрального Бюро Союза Равноправности Женщин от Петербурга, а позже — активной участницей Российской Лиги равноправия женщин (СПб)⁷.

---

³ Елизавета Дьяконова, слушательница курсов, в своем дневнике несколько раз упоминает преподавательницу Е.Ник.Щ-ну: «...и я поехала к Щ-ным. Там меня охватила привычная деловая обстановка. Е.Ник. готовилась к публичной лекции. Удивительная девушка Е.Ник.! Деловитость забрала ее всю, не оставив ничего для сердца...». Е.Дьяконова. «Дневник русской женщины». М.: Захаров, 2004. С. 228. См. также: С.267–268.

⁴ В письме из Санкт-Петербурга Бестужеву-Рюмину в Ялту от 6 марта 1890 г. упомянуто, что Щепкина ведёт «беседы по русской истории в Воскресных технических классах для рабочих; курс трехгодичный; в заключение - экзамен по конспекту пройденного. Эти школы открыты Техническим обществом по новому образцу; пока еще весьма любопытный опыт». Сообщается о работе в типографии над книгой о Болотовых. Есть упоминания о работах Ключевского, о посещении заседания Нового исторического общества.

⁵ См.: <http://www.rulex.ru/01260044.htm>

⁶ См.: ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ Е.Н.ЩЕПКИНОЙ в этой книге.

⁷ См. об этих организациях, например: Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново, 1994. Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. М., 1998. Очерк 1. Феминистская традиция в России.

В Российской Лиге равноправия женщин Е.Н. Щепкина возглавляла комиссию по пропаганде⁸. Линда Эдмондсон, американская исследовательница истории российского феминизма начала XX века, пишет, что после Октябрьской революции 1917 г. Е. Щепкина осталась в России и какое-то время работала историком. В 1921 г. была опубликована ее книга по истории женского движения в годы Французской революции (с критическим очерком А.Коллонтай). В 1925 г. Е. Щепкина работала над статьей, посвященной истории Союза Равноправности Женщин, но редакция журнала «Былое», для которого она писала эту статью, так и не опубликовала ее⁹.

Возвращая в историю имя Екатерины Николаевны Щепкиной, издательство публикует две ее работы, посвященные истории положения русских женщин и дающие представление об истории российского женского движения в начале XX века. Тексты печатаются по: Е. Щепкина. Из истории женской личности в России. Лекции и статьи. Спб., Типография Б.М. Вольфа. 1914; Е. Щепкина. Женское движение 1905 года в отзывах современников.

В настоящей публикации орфография текста приведена в соответствие с нормами современного русского языка, но сохранены некоторые особенности авторской пунктуации и ха-

---

⁹ Ibid. P. 169.

Е.Н. Щепкина
ИЗ ИСТОРИИ ЖЕНСКОЙ ЛИЧНОСТИ
В РОССИИ

Оглавление

I ЛЕКЦИЯ. Древнейший период

Шульгин В. О состоянии женщин в России до Петра В. 1850 г. *Шапов.* — Сочинения т. II стр. 57 и др. — *Шашков* — Очерк истории русской женщины. Собр. соч. т. II — *Добряков.* Русская женщина в домонгольский период. 1864 (слабо). — *Гаркави.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. — *Стрингольм.* Походы викингов, госуд. устройство, нравы и обычаи древн. скандинавов. Чтения 1861 г. — *Леонтович.* К вопросу о происхождении семьи. Журн. Минист. Юстиции, 1900, №№6,7,8. — *Рожков.* О Русской Правде. Жур. М. Просв. 1897 окт., нояб. — *Гильфердинг.* Былины. — *Рыбников.* То-же. — *Владимирский-Буданов.* — Хрестоматия по рус. праву, т. I.

II ЛЕКЦИЯ. По введении христианства

Голубинский. История русской церкви. II-й вып. — *Владимирский-Буданов.* Черты семейного права в Западной Руси. Чтения в истор. общ. Нестора. Лет. 1890, кн. 4-я — *Алексеев.* Об отношениях супругов по имуществу в древн. Руси и Польше. Чтения общ. ист. и древ. Росс. 1868. № 2. — *Шершеневич.* Русское гражд. право. 1910 г. Стр. 617 и др. — Наставление инокиням *И. Постника* в Душеполезном Чтении. 1901. № 3-й.

III ЛЕКЦИЯ. Сказания о злых женах

Шапов. Сочинения т. II. Положение женщины по допетровским воззрениям. — *Временник* Общ. Ист. и Древн. Росс. кн. 25. «Пчела» пер. с греч. — *Буслаев.* — Мои досуги, кн. II. Женщина в народных книгах. — *Забелин.* Быт русских цариц. — *Русская проповедь* в XV и XVI вв. Журн. Мин. Нар. Пр. 1869. №2. — *Некрасов, Иван.* Женский литературный тип древней Руси. Филологические Записки. 1864 вып. III.

IV ЛЕКЦИЯ. Домострой. Святые. Женские песни

Некрасов. Опыт ист.-литер. исследования о происхождении древнерус. Домостроя. — *Домострой.* — (Сильвестра) разн. изд., 1887 г. Одесса и др. — *Некрасов, Иван.* Женский лит. тип. — *Буслаев.* Истор. очерки рус. словесности, т. II. Идеальные женские характеры древ. Руси. — *Голубинский.* История канонизации рус. святых. Чтения общ. ист. и др. 1903 кн. 1 и 4. — К вопросу о канонизации рус. святых *Забелин.* Быт рус. цар. — *Барсов, Е.* Причитания северного края. Два тома.

V ЛЕКЦИЯ. Старинные помещицы. Первые дерзания

Украинские женщины. Докт. Антоний. Киевская Старина, 1883, №6. — *Левицкий.* Семейные отношения в юго-зап. Руси XVI и XVII вв. — *Щепкина Е.* Старинные помещики на службе и дома. 1890 г. *Иконников.* Рус. женщины накануне реформ Петра В. 1874 (лекции). — Чтение об Ист. и Др. Росс. 1903, кн. 2. — Ближний боярин кн. Н. И. Одоевский и его хозяйство. — Тихонравов Н. Боярыня Морозова и у *Забелина* — Быт рус. цар. — *Соловьев.* Ист. Рос. т. 14.

VI ЛЕКЦИЯ. Дерзания в тереме. Полковые дамы

Корб. Дневник. Чтение О. И. Д. 1866, №4. — *Желябужский.* Записки с 1682, изд. Языкова. — *Джон Перри.* Повествование о России. Чтение О. И. Д. 1871 кн. 2 — *Письма и Бумаги Петра I* т. I и III. — *Рус. Архив.* 1875 кн. 2-я Варвара и Дарья Арсеньевы, — *Забелин.* Быт р. цар. — *Щепкина.* Стар. пом. — *Берхгольц.* Дневник, изд. Рус. Архива 1902 и 3 гг. — *Соловьев* т. 14. — *Татищев.* В. Духовная, изд. Островского 1885. Казань.

VII ЛЕКЦИЯ. Образование женщин

Лихачева. Материалы по истории образования женщин в России. Вып. I и II-й. — *Столянский.* Частные школы в Спб-ге во 2-й полов. XVIII в. Жур. М. Нар. Пр. 1912, № 3. *Данилов.* Записки, изд. Рус. Архива. — *Болотов.* Записки. — *Левшин Н.* Домашний памятник, Рус. Старина 1873 № XII.—*Толычева Т.*

Семейные записки, 2-ое изд. 1903. — *Дашкова*. Записки. — *Головина*. *гр.* Записки. — *Пассек* Т. Из дальнейших лет, вып. I.

VIII ЛЕКЦИЯ. Женщины в столицах XVIII в.

Покровский В. Щеголи и щеголихи в исторической литературе; XVIII в. (и в «Чтениях» 1903 г.). — *Лихачева*. Материалы вып. I. — Кн. *Наталья Долгорукова*. Записки. — *Болотов*. Записки. — *Левшин*. Дом. Пом. — Кн. *И. Долгорукий*. — «Капище моего сердца» и «Записки». Собр. соч. II т. «Библиофил» за 1913 г. — *Головина*. Записки. — *Вигель*. Воспоминания. — *Владимиров*. Первые рус. писательницы. Киев. Унив. Известия 1892 г. — *Мордовцев*. Рус. женщины нового времени, вып. II. — *Михневич*. Рус. женщина в XVIII в. «Жен. Образование» 1882 №№ 2, 4, 10, 12, — 1883 №№ 1 и 5.

IX ЛЕКЦИЯ. Женщины в провинции XVIII в.

Чечулин Н. Рус. провинциальное общество во 2-й полов. XVIII в. (указаны источники). — *Держивин*. Пол. собр. соч. т. VI. Записки — *Миневич*. Рус. женщина. — *Дубасов*. Очерки из истории Тамбовского края. 3 вып. — *Щепкин И.* Стар. помещики. — *Вигель*. Воспоминания. — Кн. *Долгорукий*. Капище и Запаски. — *Аксаков*. Семейная хроника. *Болотов*. Зап. — *Данилов*. Зап. — *Пищевич*. Записки. Чтения 1883 и 85. 1-2.

Женская личность в старой русской журналистике.

I. Время Новикова и Карамзина

II. Журналы начала XIX в.

III. После отечественной войны

Мария Извекова

Две писательницы начала XIX в.

Кн. Голицын. Словарь рус. писательниц (указана литература) — *Русский Биографический словарь А. Бунина*. — *Федоров*. Отечест. Записки, 1824. № 2. О жизни и соч-ях девицы Поспеловой. — *Я. Грот*. Заметка о записной книжке Буниной. Рус. Архив 1908 г.

Женские типы Пушкина

Х ЛЕКЦИЯ. Жены декабристов. 30 и 40-ые годы

Покровский, В. Жены декабристов. 1905 г. — *Кн. М. Н. Волконская*. Записки, изд. 1914 г. — *Шенрок*. Одна из жен дек-в (Фонвизина) Рус. Бог. 1894 №№ 11 и 12. — *Милюков Л.* Из истории рус. интеллигенции. — *Лигачева*. Материалы, кн. III *гл.* 5-я. — *Abensour, Leon. Le Feminisme sous le reign de Louis-Philippe.* 1913. — *Кн. II. Вяземский*. Собр. соч. т. VII и VIII (из старой записной книжки). — *Платонова Н.* Кохановская (Н. Соханская) биогр. оч. — *Пассек*. Из дальних лет. — *Сабанеева*. Воспоминания о былом. 1913 г. — *Хвостова Е.* Воспоминания. — *Смирнова А.* Записки. — *Корнилов А.* О Бакуниных *Былое*. 1907 №6 и ряд статей в «Рус. Мысли» с 1909 г. по 1914 г.: Семейство Бакуниных. — *Е.Ган* (З. Р-ва) Собр. сочинений. — *Тучкова-Огарева* Воспоминания. — *Водовозова*. На заре жизни. *Шелгунова Л.* Из далекого прошлого.— *Ляцкий*. Любовь в жизни Чернышевского и др. о нем статьи. Современник 1912-13 гг.

XI ЛЕКЦИЯ. 60-ые годы; возникновение женского движения; литература

Пирогов. Запросы жизни. Морской сборн. 1856 июль № 9 ч. 23-2. — *А.* Жалоба женщины. Современник 1857 кн. 6-я, июнь. — Мы сами, женщины, виноваты. Журн. для воспитания 1859 №11. — *Д.* Письма к рус. женщинам. Жур. д. восп. 1857 №№ 1, 2, 1860 г. № 1. — *Д. Надежда*. Чему мы, женщины, учились. Рус. Беседа, 1859, № 3. *Рассвет* 1859 и 1860. — *Соколовский*. Наша женская лит-ра. Светоч, 1860 г., кн. 12 — *Михайлов М.* Женщины, их воспитание и значении. Отд., 1903 г. и Современ. 1860 г.кн. 80 и 81. — *Вернадская М.* Собр. Соч. 1862. — *Пантелеев Л.*, Из воспоминаний прошлого. — *Водовозова*. На заре жизни. 2-ая пол. книги.

XII ЛЕКЦИЯ. 60-ые годы; общественная жизнь; «Что делать?»: женский труд

Стасов В. Н. В. Стасова, 1896 г. — *Лихачева* Мат. вып. IV. — *Водовозова*. На заре жизни. Молодежь 60 гг. *Тучкова-Огарева*. Записки. — *Чернышевский*. Что делать? изд. 1907 г. *Бартенева*, Е. И. Конради. Женское дело. 1899 № 1. — *Отеч. Записки* 1863 г.

50 сент. и окт. Литер. Летопись, — (Чернышевский и Писемский). — *То же* Литер. хроника. (О «Что делать?»). — *То же* 152. Янв. Литер. Летопись. О нигилизме). *То же* февр. стр. 302 Проект устава об-ва женского труда. — *Русское Слово* 1863 № 1. Любовь и нигилизм, — *Отеч. Записки* 1863 № 1. 202. Внутр. обзор. (нигилизм). — *Карнович Е.* Женский труд - брошюрка, 1865, г. *Алчевская Х.* Пережитое и передуманное. 1912. *Волкова А.* Воспоминания, дневник и статьи. Биогр. очерк Ветринского.

ПРЕДИСЛОВИЕ

С 1905—1906 гг. в русском обществе очень оживился интерес к женскому вопросу. В провинции, даже в столицах охотно посещались публичные лекции и собрания с докладами на различные темы из этой области. Два больших съезда, общеженский и по образованию женщин, собрали массу докладчиц и посетительниц и привлекали к себе внимание широких общественных кругов. Автору предлагаемой книги за последние годы довелось тоже прочесть немало публичных лекций и докладов по женскому вопросу и его истории; участие же в женском журнале побудило его заняться отношением к женщинам русской журналистики былых времен и к деятельности наших ранних писательниц.

В 1911 и 1912 гг. в русском женском обществе и в кружке слушательниц высших женских курсов автор прочел 12 часовых лекций под общим заглавием «Из истории женской личности в России», пользуясь, главным образом, историко-литературным материалом и мемуарами. Только изредка касался он юридических памятников и то в области древней поры быта, от которой сохранилось мало сведений о судьбах женщин.

Самое свойство материалов позволяло говорить главным образом о женских «личностях» прошлого, да и то о личностях женщин высших классов, наиболее ярко отразившихся в литературных памятниках, о росте их умственных интересов и расширении их деятельности.

Для изучения положения русских женщин других классов были бы необходимы другие исторические материалы и иные, более научные приемки. Однако при всей своей неприязнительности и эти 12 публичных лекций представляют все-таки нечто

цельное в своем роде, почему автор и решился издать их отдельным очерком, дополнив запасным материалом, а в средней части несколькими статьями, связанными с ними по содержанию.

I

О положении женщин среди русских славян можно сказать весьма немного. О нем дошло до нас очень мало известий, да и те неопределенны, сбивчивы, нередко фантастичны. Образ древней славянки едва-едва выступает из тумана своими бледными очертаниями. Существует мнение, что в том периоде седой старины женщины пользовались полной свободой, жилось им привольней, чем в позднейшие времена, особенно в Московской Руси XV–XVI вв. Правда, тогда их еще не считали излюбленным орудием дьявола для прельщения благочестивых людей и носительницами печати отверженности за грехопадение праматери Евы. Тем не менее, говорить о древней свободе женщин можно только под непосредственным впечатлением от чтения древних былин и сказаний, повествующих о фантастических, героических подвигах, об исключительных по силе личностях.

Всякое общество в ранней стадии своего развития полно противоречий, говорит автор исследования о русской женщине А. Шульгин, полно непостижимой, чудовищной смеси добродушия и зверства, братства и дикой ненависти, честности и безнравственности, сонной апатии и страстных порывов; семейных добродетелей рядом с отрицанием семьи, женской свободы и женского рабства. Эти контрасты нередко порождали различные суждения о жизни древней женщины.

Думают, что власть отца не имела никакой исключительно силы, как у римлян; что у славян родительская власть была двоювластием отца и матери; что и позже личность жены не закрывалась личностью мужа: жена могла иметь собственность и распоряжалась ею самостоятельно; у сербов она владела своим приданым; у болгар — тем, что давал ей муж в день свадьбы. Но рядом рисуются другие картины: у бедного и невежественного народа патриархальный строй не мог улучшать диких нравов; в первобытных домах членов родовых союзов жили скучено и людно; в них ютилось беспорядочное половое сожителство; большак-зап-

равила, как феодальный сеньор, присваивал себе права на молодых женщин, пользуясь зависимым положением их мужей.

Несомненно, что среди патриархального уклада огромных семей и родственных союзов у славян южных и северных еще чувствовались пережитки матриархата. Рядом с Родом общим родоначальникам всех сородичей чествовалась Рожаница, Радуница — общая мать прародительница.

Женщины в семье уже сковывались властью старейшин, а между тем при заключении браков еще помнили первобытную свободу отношений полов, и девушки с юношами сходились на вольные игры между селениями разных общин и похищались, как говорят, по взаимному уговору. Древние предания чехов вспоминают время, когда осмеивали мужчину, если он довольствовался одной женой, и когда женщина со своей стороны могла иметь нескольких сожителей. Женская и мужская молодежь еще являются среди племени как бы двумя отдельными союзами. Раз обиженные чем-то девушки ушли будто бы в свою отдельную общину, даже отстроили укрепление и вели войну с мужчинами, пока не помирились на игрище среди любовных увлечений.

Сильная и смелая девушка могла взять оружие и сражаться среди воинов своего родового союза, могла одна выезжать на подвиги, как богатыри, с которыми она билась, мирилась и сочеталась браком. В ту пору физическая сила и удаль давали все права на личную свободу; эти качества могла иметь и женщина» и приобрести ими свободу. Но эти удалые богатырши-паленицы, выезжавшие в поле и степи потешиться силою, могли являться только исключением женского быта, продуктами еще совершенно не сложившегося общества, приукрашенные к тому же народной фантазией.

Наши былины в своих поздних дошедших до нас пересказах дают оригинальные образы этих удалых палениц, вольных степных наездниц. Они свободно руководятся своими склонностями, силой завладевают полюбившимися им мужчинами и легко меняют их. Так, прекрасная боевая королева наезжает чуть ли не на самого Илью Муромца и спрашивает его: «У тя есть ли охота, горит ли душа со мной, девицей, позабавиться»? Иные женские образы еще отмечены чертами глубочайшей старины.

Так, на группу богатырей наехала некая Бабища. Головища у Бабищи «с дошаной чан, а глазища то с пивны корцы»; и разговаривается смертный бой ее с молодым богатырем; уже противник близок к гибели; но старый Илья научает его, как одолеть богатыршу, и ее убивают. Для борьбы с женщинами-воительницами у опытных богатырей имеются особые приемы, крайне грубые, неудобопередаваемые в печати.

Догнал и Добрыня в поле «женщину великую» и нападает на нее; она сперва как будто и не замечает его богатырских ударов, кокетливо посмеивается — «я думала, комарики покусывают»; но затем схватывает его за «желты кудри» и сажает в карман. «Старому богатырю, думает она, голову отсеку, молодого — возьму в плен, а если в любовь войду, то замуж пойду». Вынула из кармана Добрыню, и он ей понравился.

В другой былине баба Горынинка, необычайно богатая и скупая, неотступно охраняет свои сокровища в погребке. Побивает она Добрыню, но старый Илья опять научает, как повалить бабу; она пытается тогда со страху откупиться, уступает свои сокровища, но ее убивают.

Чародейка Маришка Игнатьевна живет со злодеем Змеем Горынычем, как с другом милым. Отважного убийцу злодея, Добрыню, она обращает в тура-золотые рога. Тур долго упрасивает чародейку вернуть ему образ богатыря; наконец принимает ее условие жениться на ней, и тогда Маришка обращает его в богатыря. По совершению брака Добрыня говорит ей грозные слова: «Дам те, Марина, поученьице, как мужья жен своих учат!» — и рубит ей одну за другой руки, затем губы, зачем ласкали и целовали Змея Горыныча, и, наконец, отсекает голову. В повествованиях про этих диких Бабищ, злодеек-чародеек не слышится симпатий к ним; это — отражения вредных сил природы, начал противообщественных; непоэтичны эпитеты, которыми их награждают народные певцы, величая богатырш — «разъездными, походными девицами, или поклонными». Разъезжают они в одиночестве, не имеют роду племени; нет между этими одинокими странницами никакого единения; многим из них нет места у общего богатырского стола Владимира Красное Солнышко.

С миром мужчин-богатырей у них нет связей, кроме мимолетных любовных увлечений; они борются с ними смертным

боем, на жизнь и смерть; богатыри входят с ними в соглашения неохотно, часто ради обмана и обыкновенно убивают их.

В других былинах образы удалых палениц мягче, женственнее; в них проявляются духовные начала; они охотно расстаются с одиночеством и мирятся с богатырями; они не безродны; в иных боевых девицах богатыри встречали своих родных сестер; сказители лучше относятся к этим женским типам. Так древний богатырь Дунай, сын Иванович нарочно выезжал в поле поискать себе в удалой паленице достойной супротивницы (т. е. ровни), красной девицы» чтобы взять ее за себя замуж; ему нужна равная по доблести подруга. Такие богатырские подруги ездили сражаться вместо мужей, помогали им в подвигах. Даже молодая жена Ильи Муромца надевала его богатырское платье и ездила вместо него в поход. В сравнительно позднем сказании о Перепете, когда муж пропал без вести со своею дружиною, жена его собрала новый отряд, чтобы найти мужа и выручить из беды. Такую ровню, доблестную верную подругу богатыри очень любят и ценят; иной богатырь, как Добрыня в одной былине, нечаянно убив жену, с горя сам кончает с собой. Жену бойкого Данилы Логовчанина былины называют «грозной Настасьей Никулишной». А жена Ставра Годиновича, когда киевские богатыри насильно увлекают ее в жены кн. Владимиру, жертвует своей жизнью, чтобы остаться верной своему долгу и мужу.

«Ростом не мала и умом крепка», выхваляет богатырь свою невесту-супротивницу. Князь Владимир Стольно-Киевский, представитель более поздней и более культурной поры, просит друзей-богатырей найти такую невесту — «с кем бы ему думу подумать, с кем слово перемолвить, кем бы ему похвалиться». А в более позднем пересказе прибавлено даже, чтобы невеста была умом сверстна, знала грамоту и пенье церковное.

Из беглого пересмотра сказаний выносишь впечатление, что похождения необычайных бабищ и бойких походных девиц в сущности лишены разумного содержания, они бесцельны; мистическая сила древнейших богатырш не направлена на полезную и понятную для народа борьбу с вредными явлениями природы, с натисками врагов, как силы богатырей-мужчин; можно думать, что народ, сохранив смутную память о вольных богатыршах, позабыл смысл их подвигов. Дикие, нескладные древ-

нейшие паленицы грубо кокетничают своей силой и вызывают мужчин на грубые выходки, на грязные способы борьбы. Они одиноки, сами оказываются подругами и поддержкой злодеев мирной жизни, как Змей Горыныч. Это, несомненно, пережитки первобытного матриархата: те женщины, которых патриархально-пастушеский быт оторвал от материнского рода, но почему-либо не заставил подчиниться новой власти мужчины-старейшины; у них уже нет роду-племени; они ничьи дочери и ничьи матери; они потеряли всякие общественные связи; изгои, по терминологии нашей летописи; по физической силе титаны-женщины, они бродят по степям, уже никому ненужные выродки, неспособные ни победить новых порядков, ни примениться к ним, и как титаны греческой космогонии, гибнут в борьбе с новыми повелителями мира. Более молодое поколение палениц не таково; сестры или невесты богатырей, они более нормальные красные, т. е. красивые девицы, достойные подруги богатырей; они охотно принимают новый порядок семейной и общественной жизни, становятся равными по доблести и силе, но верными, т. е. на век связанными личным долгом женами товарищей богатырей. Смена древнейшего порядка жизни новым под главенством мужчины, подчиненное положение женщин в семье находит свое отражение в наших былинах.

В быту древних славян большое влияние имели любопытные личности женщин, познавших тайны природы, искусство врачевания, толкования снов и примет, знахарок, ухаживающих за больными и рожающими; они служили ближним и обществу, трудясь над избавлением людей от страданий, всяческих зол и напастей, и их за это почитали и очень высоко ценили. Древнейшая космогония сказывалась и здесь; по воззрениям первобытного человека, именно женщинам легче открывалась воля богов, бывали доступны глубочайшие тайны природы; и открывались познания, делавшие их прорицательницами, вещими, мудрыми, и народ преклонялся перед ними. Особенно обаятельными казались ему загадочные вещие девы; чистые недоступные страстям, они светились перед его воображением в каком-то таинственном сиянии; само солнце окружено чистыми, лучезарными девами, по словам древних мифов. Чувствуя свое обаяние, мудрые девицы вырабатывали себе особый дар речи,

полный поэтического остроловия, загадок, неуловимых намеков; красивой загадочной речью пленила князя Игоря вещая Ольга, перевозя его в лодке. Ведуньи, предсказательницы и вещие девы всегда выделялись быстротой соображения, наблюдательностью, чуткой отзывчивостью к настроениям приближающихся к ним лиц и даже народной толпы, здесь сказывались самые светлые стороны вещей силы древней женщины, которыми она завоевывала влияние и уважение. Чаровницы, колдуньи, с другой стороны, наводили страх и заставляли считаться с собой. Светлые стороны чутких, проницательных женщин и чистых вещей дев с их умением говорить с природой и влиять на психику людей отразились во множестве женских славянских песен — так называемой женской лирике, в сказаньях нашего средневековья и в житиях святых.

Обрами вещей, мудрых женщин украшены легенды о возникновении славянских государств. Любаша, правительница чехов, всенародно избранная, славилась кротостью, и вместе с тем мудростью и справедливостью; песнь о Суде Любаши описывает ее сидящей на золотом престоле и председательствующей сеймом народных представителей. При ней две вещие девы; одна держит доски с начертанными на них законами, другая — меч, карающий неправду. Польские предания рассказывают про избранную народом правительницу Ванду, прекрасную, как солнце. Немецкое войско, явившееся наказать поляков за то, что Ванда отказала в руке своей их повелителю, бросилось в бегство при виде ее сияющего образа, а она, победительница, лишила себя жизни, исполняя обет — принести себя в жертву за победу. Такой же вещей и мудрой правительницей была наша Ольга, но сохранилась она в памяти христиан-летописцев; народ же скоро забыл ее за личностью ее внука, князя Красное Солнышко.

Несомненно, по многим указаниям, что в древнем славянском быту женщины всех слоев принимали участие в публичных празднествах и жертвоприношениях; служили при культе домашних божеств, состояли жрицами при общих служениях. Знатные боярыни участвовали в пирах и застольных беседах воинов и богатырей. На шумных пирах у князя Владимира жены богатырей и представительницы знати и богатого купечества пили, шумели, хвастались и ссорились, как мужчины. Хвали-

лась Марина Лиходеевна числом богатырей, которых своими чарами обратила в туров; хвастались богатые вдовы казной, хоромами, обижая и унижая своих соседок. Заводились женские ссоры и даже драки. Прибежала разобиженная боярыня, поет былина, прямо с пира к сыну и нажаловалась на дерзкую обидчицу. Сын матушку уложил в постель — «в те поры совсем пьяна была», и тотчас побежал к дому обидчицы мстить за мать.

Наряду с удалыми, героическими мотивами старых сказаний, унаследованными от седой древности, слышатся и другие, глубоко скорбные, трагические. Победенная наездница, силой похищенная в жены победителю, поруганная, грубо им приниженная, надрывается с горя и тоски в тереме у своего повелителя; и на лестный вопрос его, еще увлеченного; «Кто тебя краше, белей и румяней?» отвечает: «У отца и матери я была красна и хороша, а теперь я — полоняничное тело; волен Бог, да и ты со мной!» — и называет ему другую красавицу, что во сто крат лучше ее, и отправляет к ней опостылевшего насильника. Чувственность мужа воспламеняется, скачет он за новой добычей — женщиной, опять побеждает, похищает, силой увозит; и другая красавица разливается слезами в запертом тереме, что превращена в полоняничное тело, опозоренное, измученное неволей, и отправляет победителя к новой жертве. Удел массы рядовых женщин из среды славянорусов был поистине ужасен. Господство грубой силы и экономический расчет действительно обращали их в «полоняничное тело», в орудие наслаждений и тяжелого труда. Нужно помнить, что древняя Русь служила главной поставщицей рабов на рынки востока, юга и даже в западную Европу; главным предметом ее вывоза были рабы, челядь.

Арабские путешественники оставили довольно яркие описания, как руссы привозили свои товары в г. Итиль, к низовью Волги и выше, к Великим Болгарам, близ устья Камы. Их самым ценным товаром были девушки. Красота женщины-рабыни делала ее особенно ценной для интимных личных услуг, и потому рабыни всегда ценились на рынке дороже рабов-мужчин. Приехав в торговый город, говорит арабский писатель, русский купец приносит жертвы идолам, творя молитву: «Я привез столько-то девушек, столько-то другого товару. Помоги мне распродать все». Обращение купца со своим живым товаром было отвратительно жи-

вотное, неудобопередаваемое; это видели все покупщики и посетители торжища, подходившие к скамьям, на которых руссы сидели с самыми красивыми своими девушками.

В самых интимных подробностях домашнего обихода торговцам и покупщикам прислуживали рабыни. Один араб описал картину неопрятного утреннего туалета нескольких вместе живших купцов перед рабыней, служившей им. Другой араб, проехавший по всем приволжским селениям вверх до самой Камы, видел самого царя руссов, начальствовавшего над младшими князьями. Царь или каган проводил обыкновенно время на высоком и необыкновенно широком престоле (вернее, помосте, покрывавшемся, когда нужно, шатром), ниже которого располагались сотни его воинов. Здесь, наверху, кагана всегда окружали до 40 женщин-наложниц; и здесь, на виду у всех дено и ночью протекала вся домашняя жизнь владыки; отсюда садился он на коня для похода; сюда же возвращался он, сходя с коня. Этому же писателю принадлежит известное описание мучений рабыни, согласившейся погибнуть на костре вместе с телом покойного повелителя. Неправы те немногие историки, которые видели в кагане сожительствующего с 40 рабынями Владимира еще язычника; иные, и не без основания, не признают описанных арабами купцов за русских, а называют их финнами; но для нас не так важно, кто были купцы. Важно то, что сам живой товар, рабыни, наложницы, несомненно, славянские женщины; арабы узнавали их по красоте и стройности, называя их самыми красивыми женщинами востока Европы. Богатый дар природы оказывался роковым, и судьба бесстыдно попираемых полоняничных тел выпадала на долю множеству славянок.

Старина выдвигает перед нами несколько героических женских личностей, легендарных и исторических: Любаши, Ванды, Ольги, поруганной и затем награжденной Рогнеды, но они теряются среди массы женщин, силы и жизнь которых эксплуатировались сильнейшими, в тысячах живых существ, лишенных права на элементарнейшее чувство, отличающее человека от животного — чувство стыда. И вполне понятно, что близкий к этому быту летописец-христианин имел основание отметить большую культурность своего родного племени полян, тем, что его соплеменники имели «стыдень» к женам, сестрам и снохам.

Обратимся теперь к юридическому положению женщин и к формам брака среди славянских племен. Как известно, главной мерой возмездия за преступления, за убийства была кровная месть родичей за пострадавшего близкого человека. Нельзя сказать, чтобы месть являлась делом вполне личным или семейным; наряжалось и нечто вроде суда, который знал о преступлении и, может быть, назначал месть. Мстили за убийство и похищение женщин, как за мужчин. Гораздо позже, в христианскую пору летопись говорит, что наместник великого князя Святослава на Белом озере приказал многим жителям мстить за убитых матерей и сестер, обвиненных в колдовстве, вызвавшем неурожай в области. Мстили и сами женщины за смерть мужей и детей; всем известны жестокие измышления Ольги, мстившей древлянам за смерть Игоря. Женщинам, как и мужчинам, полагалось по судебному приговору выходить на судебный поединок, и решать свое дело личной борьбой, не заменяя себя бойцом. Женский поединок был еще в обычае и в христианские времена, когда на него обратила внимание церковь.

Славяне появляются в истории живущими еще в родовом быту, который постепенно разлагался, заменяясь делением на племена. Земельною собственностью владела сообща целая община; все хозяйство велось сообща под руководством старейшины (домовладыки, домачина большой семьи). У славян южных и западных соблюдались при этом некоторые правовые нормы; родичи имели голос в управлении общиной, даже сами выбирали старейшину, а его помощницей бывала его жена. Допускалась даже возможность избрания женщины в старейшины общины; общий совет членов наблюдал за этими руководителями.

При такой организации рода-общины участь женщины вместе с другими рядовыми работниками была довольно сносной. Существует мнение, что старинная славянская община имела и тогда смешанный состав; в него входили не одни кровные родственники, но и посторонние, находившие экономические выгоды в таком приложении своего труда; они обеспечивали себе некоторые права особым договором, и этим ограничивали власть родового старшины. Таким образом, славянская община — задруга, как ее называли на юге, отклонялась от строя кровно-родовой общины римлян и становилась скорее экономическим со-

юзом, трудовой кооперацией с общим имуществом. Женщины входили в нее, как безусловно необходимые трудовые единицы, что сглаживало их подчиненное положение в семьях и давало им некоторые личные права. Такова была задруга у придунайских племен; но более чем сомнительно, чтобы она перенеслась к нам, на территорию современной России. В родовом быту племен, перешедших на нашу северную равнину, незаметно, чтобы власть старейшин чем-либо ограничивалась; у русских славян — среди суровой природы, бедности, полного невежества, среди разобщенных между собой огромными пространствами поселков, среди промышлявших первобытными промыслами зверолова, охотника и рыбака — власть старейшин без труда развивалась до деспотизма и тяжело ложилась на всех младших и особенно на женщин. Тяжелая доля дома, приниженность, зависимость женской личности побуждали отводить душу за пределами села на буйных игрищах и гульбищах. Очень часто среди многолюдного состава рода для мужской молодежи не хватало невест, и девушек отбивали у чужих общин, что обыкновенно происходило на игрищах. Здесь на веселых сборищах не грозила насилем власть старших, зато проявлялись другие насилия, порождения первобытных разнузданных нравов, уже осуждаемые немного более культурными элементами славянских племен. Вспоминает их первый летописец, описывая разгул страстей на игрищах между сел, где буйные молодцы не щадили сестер, никого не стыдились в своих эксцессах, хватали любую женщину, «которая жена или девица до младых похотение имать», а потом, после соблазна «иных девиц поймающе, других поругавше, метяху на посмеяние до смерти». Заключенный в такой обстановке брак по обоюдному соглашению являлся скорее счастливым исключением, нежели правилом; так думал и летописец. Эти браки умычкой бывали непрочны и временны; необеспеченность, тяжелая бедность побуждали уходить друг от друга, и в погоне за лучшим искать себе новой пары, новой судьбы. Что касается представителей высшего состоятельного класса, имевших возможность содержать многих, жен, то обилие их при имени одного мужа объясняется некоторыми историками как результат легкого взгляда на брак, быстрой замены надоевшей жены другою; но, несомненно, существовало и мно-

гобрачие и очень долго, захватив и христианские времена, а рядом с ним — и непрочность брака с частой сменой жен.

По русской равнине славяне расселились уже племенами, среди которых родовые связи сильно разложились. Разбросанные на широком просторе племена стали заметно различаться по нравам и обычаям. Кому, как древлянам, довелось бороться со скупой природой, гнездясь в глухих лесных дебрях, живя по редким разобщенным между собой селениям, те дичали и грубели среди бедности и первобытного хозяйства. Они жили «звериным обычаем», не имели «стыденыя» к матерям и снохам, умыкали невест. Но более богатые люди, следует думать, уже покупали жен, как рабынь, чтобы прочнее держать их в своей власти. У полян, живших в лучших условиях, сносившихся с обитателями Черноморья и с греками и потому перешедших на более высокую ступень экономического быта, и нравы стали мягче, быт несколько культурней. Женщина, хотя и младший член семьи, являлась до некоторой степени личностью с нравственными и даже имущественными правами. В домах мужчины считались с женской личностью, имели перед ними «стыденье», по выражению летописи. Благодаря тому, что торговля уже способствовала выделению состоятельного класса, женщины могли иметь личную собственность, — на этом настаивают видные историки древнерусского права. Условия брака усложнились; он становился не только личным, но и экономическим союзом (хотя брачующихся по старому обычаю водили вокруг куста или дерева). Сговоренную невесту вечером торжественно приводили в дом мужа, почему она и называлась в о д и м о й, законной женой в отличие от наложниц. На другой день, когда союз фактически совершился, так же торжественно привозили и сдавали ее приданое. С разложением родового быта женщина сохраняла более крепкие связи с отцовской семьей и не переходила всецело в род мужа. Девушка получила право на приданое, на свою долю из отцовского имущества. В теории приданое считалось всегда ее собственностью, хотя бы оно и входило в общее с мужем хозяйство, смешивалось с его собственностью; на практике, конечно, муж все-таки был властелином дома, и рука его тяготела на всем хозяйстве. Но все-таки с распадением родовых общин на семьи с домохозяином, личным собственником во

главе положение женщины улучшилось: она тоже получила право на личное обеспечение. Как это отражалась на судьбе женщин беднейшего класса, трудно сказать; в меньшей семье с меньшим числом работников, могла и возрасти тяжесть труда, выпадавшая на ее долю.

У поляков размер приданого, которое должны были выдать дочери, точно определялся обычаем и законом, как известная доля всего имущества ее отца; муж в свою очередь обеспечивал целостность приданого жены соответственной частью своего имущества. У русских славян как-то чуждались точных юридических норм; полагалось давать приданое за дочь, но сколько именно выделить ей — возлагалось на совесть; «что владуче», говорит летопись — сколько дадут. Князья и люди состоятельного класса охотно держались этой формы заключения брака, который, несомненно, давал больше устойчивости брачному союзу. Они сами, получив приданое, укрепляли за женой вено, то имущество, которое ранее выдавали за невесту ее семье, как выкуп за нее. Этим обеспечением женщина заинтересовывалась в совместном хозяйстве с семьей мужа.

Благодаря таким обычаям княгини и знатные женщины, главным образом вдовы, получали в свое владенье крупные состояния, волости, даже города. Хотя сестры князей не считались наследницами наряду с братьями, но все-таки, по-видимому, получали кое-какое обеспечение из отцовских владений. Когда заключались договоры князя Игоря с греками, в переговорах принимали участие представители крупных владелиц, княгини Ольги и двух боярынь, жен воевод со славянскими именами. Значит, знатные и богатые собственницы имели голос в экономических предприятиях и в политических договорах. Хорошо награжденные отцами и мужьями, такие женщины могли пользоваться большим влиянием в общественном быту, если обладали умом и энергией.

В договоре Игоря заметна забота о судьбе и рядовых женщин: если славянорусс, совершивший в Греции преступление, будет осужден и казнен по греческим законам, то его жене выговаривалась доля из имущества мужа.

II

При введении христианства и у нас, как на западе, должно было сказаться влияние женщин высшего класса. Они были далеки от более культурной жизни запада и юга Европы, но при первых отзвуках христианской проповеди не могли они, особенно те, которые уже сумели вкусить сладости власти и влияния, не сочувствовать учению, которое давало мужу только одну жену, а дому — одну хозяйку. Следует думать, что не одна Ольга со своим государственным умом склонилась на сторону веры греков, открывавшей пути к европейской культуре; успехам нового вероучение содействовали и другие женщины. Если муж Ольги не решился последовать ее примеру, а сын относился довольно безразлично к вопросам веры и культуры, то на внуках сильно сказало влияние бабки и ее приближенных христиан; не избежал его и Владимир, как не клеймил летописец его идолопоклонническое усердие. Из пяти его водимых, т. е. законных жен, четыре были, несомненно, христианки, из них 3 первые — 2 чехини и болгарка, принадлежали к знатым родам; во всяком случае, выросли среди более культурной среды, нежели общество Святослава Киевского и его сыновей.

Немного ранее Владимира близкий сосед его, польский князь Брячислав, последовал настояниям своей жены, чешской княжны Домбровки, и принял христианство. Скандинавская сага об Олафе, служившем в Киеве русским князьям, свидетельствует о сильном влиянии на Владимира его жены Адлогии, варяжки-христианки, «умнейшей из жен», которая уговаривала его креститься.

Вместе с христианством, письменностью, церковными обрядами перенеслись из Греции и новые нравственные и юридические понятия; в сознание высшего класса, а за ними и жителей больших городов они проникли довольно рано; но главная масса населения, сельский люд, прожил еще века в преданиях и воззрениях язычества, крайне медленно осваиваясь даже с внешними формами христианского богочитания. И новая вера провела довольно резкую черту между высшими слоями русского общества и крестьянством; говоря о русских женщинах-христианках долго приходится иметь дело только с княжнами и боярынями, мало касаясь женщин народной массы; долго волхвы

находили среди этой массы крепкую опору для борьбы с христианским духовенством; старые моления, колдовство, ворожба, единственные способы проявления своей силы и личного влияния, долго владели сознанием этих женщин, оправдывая филиппики аскетов против женского пола, доставляющего многих угодниц бесу.

Православная церковь усиленно старалась внушить новообращенным, что брак есть таинство; стремилась установить его таким же идеальным и твердым союзом, как союз Христа с церковью; с особой энергией выступала она на борьбу с плотской распущенностью восточных народов, и эту борьбу перенесла и в Русь. Но именно семейный быт, семейное право, особенно близкие человеческой личности, связанные с самыми интимными сторонами ее жизни, очень упорно не поддаются реформам и новизне, и крайне медленно уступают натиску новых обычаев. У высшего класса сложились одни понятия о праве и порядке; низшие классы довольствовались иным кругом понятий. Большая разница в понятиях о праве, о религии замечалась и по областям территории; в больших центрах, где скопилось духовенство и представители грамотности, прививался церковный брак, хотя очень долго при одной жене не стеснялись держать многих наложниц; и князья, переходя в новый удел, оставляли в прежнем гнезде не мало покинутых женщин. Чем далее от центров, тем крепче держался брак по договору, гражданский, без венчанья. Только с XIII века церковный обряд проникает в жизнь окраин; до этого времени венчались бояре и знатные горожане. В XV и в XVI вв. продолжалась борьба с невенчанными браками, наложничеством, даже многоженством, с отклонениями от христианского жития. В Москве в домах уже царил византийский обряд; а на Дону, где женщины были товарищами мужчин в их военном быту, вместо венчанья объявляли жениха и невесту в казачьем кругу, менялись женами, продавали их и отсылали из дома, не отличая от пленниц и рабынь. Еще доньше держались эти порядки в Сибири; церковный брак и христианская семейная жизнь были там совсем чужды массе населения; и это неудивительно, если оглянуться на Польшу; при строгом и образованном католическом духовенстве там долго тайлось многоженство, а в XVI в. оно, говорят, даже усилилось.

Особенно любопытно при этом разнообразии обычаев и порядков, что каждый класс общества, каждая местность считали свою семейную жизнь, свое отношение к женщине вполне законными. Гражданская и даже церковная администрация считались с местными понятиями о праве и законе. В Малороссии XVI и XVII вв. признавали вполне законными и невенчанных жен, лишь бы было установлено публичное признание брака. Историки права отмечают, что понятие о христианском церковном браке медленно развивалось и в Византийском законодательстве, и церковное венчание, как общеобязательное постановление, закреплено в законах только в начале IX в. Еще дольше терпелось наложничество; общество так твердо и открыто держалось старых обычаев, что императоры долго не решались прямо и резко запретить их. Только к XI веку запрещение наложничества было внесено в законы. Понятно, что наше духовенство на первое время не имело твердо установленного руководства для борьбы с распущенностью нравов и старыми привычками паствы. Настаивая на единобрачии, осуждая третий брак, оно еще не запрещало конкубината, права держать наложниц. Статья «Русской Правды» вносит в жизнь нечто новое, выделяя из семьи детей наложницы или рабы, и отказывая им в праве наследование в имуществе отца наряду с детьми законной жены. В XII в. новгородский диакон-уставщик Кирик спрашивал своих епископов, как подобает держать наложниц, тайно или явно? Епископ ответил, что такое сожителство вовсе не подобает христианину. Пережитки языческой свободы нравов долго терпелись рядом с суровым отшельничеством и аскетической проповедью.

Вообще церковь взяла женскую личность под свое покровительство, вместе со всеми сирыми и беззащитными, но женщинам пришлось многим поступиться. С первых дней своего утверждения на Руси православная церковь через клир, своих представителей, заботливо и твердо наметила демаркационную линию между полами, указывая, где место мужчины, где место женщины, как следует относиться к первому, как ценить вторую. Началось с мест для молящихся в храмах. В Греции сообразно исконному разделению полов в домашнем быту женщины на молитве помещались отдельно от мужчин на верхних га-

лереях каменных храмов. Эти галереи составляли обязательную часть церковного здания, ставились на каменных арках и столбах, особые лестницы вели к ним прямо с паперти, так что женская половина молящихся не встречалась с мужской. Галереи завешивались легкой тканью, сквозь которую женщины могли видеть церковь и службу, не будучи видимы сами. Священники и дьяконы поднимались наверх для каждения и благословения; прикладываться же к иконам женщины отправлялись вниз, когда церковь была еще пуста. В небольших и деревянных церквях не бывало галерей; женщины становились в задней половине храма, отделявшейся ступенями и загородкой. В древних храмах имелись скамьи и ниши, где могли сидеть мужчины, женщины же обязаны были всегда стоять. В Сербии по уставу царя Душана сидеть в храме могли только царица и ее старшая невестка и никто более из женщин.

Порядок этот перенесся и в русскую церковь. В наших каменных храмах воздвигались полаты для женщин с особой лестницей с паперти, и тоже завешивались тканями. В малых деревянных церквях женщины становились отдельно сзади. В Малороссии это место долго называлось «бабинец».

У нас отделение женщин в церквях проводилось, по-видимому, не так строго, как в Византии, но оно имело худшие последствия — женщины редко посещали церковные службы. Как и в Греции, в домонгольский период нашей церкви при храмах служили особые женщины, диакониссы, которые надзирали за женским отделением, и пели здесь все, что относилось ко вне алтарной службе. В Византии диаконисс рукополагали; следует думать, что и у нас они получали особое посвящение на служение храму и принадлежали к клиру; они святили кутью, хлебы, зерно. Позже, когда православие укрепилось в народе, в церковной литературе послышались протесты против диаконисс, а положение их изменилось. Стоглав жалуется на нескладное «бормотанье» над просфорами непосвященных женщин, невежественных, путающих молитвы за здравие и за упокой. Несчастные, безграмотные молитвенницы не сумели устоять на высоте положения, справляясь кое-как со своими обязанностями; их повсеместно отстранили от храмов, и от женского клира сохранились у нас одни просвири.

Вопрос, лучше ли исполняли требы малограмотные церковнослужители; но без них не могли обойтись, женщинами же очень легко поступились. Отстранением от алтаря и от главной части храма церковь отводила женщине второстепенное место перед лицом ее Творца. Никакое покровительство женщине, никакое заступничество за ее права, как жены и матери, не искупало внушительности такого отстранения, производимого публично, вполне очевидного для народной массы. Попутно наряду с этой мерой много ветхозаветных взглядов заносилось с востока, взглядов на женщину, сложившихся в пору древнего еврейского патриархата, когда он боролся с окружавшими его идолопоклонниками. В женщине систематически унижалось все, что было связано с ее чадородием, с тем опасным для патриархального строя ее служением будущности человечества, какое особенно ценили первобытные язычники, как проявление главных сил природы, творчества матери земли. Женщина была признана нечистой в важнейшие периоды своей жизни и периодически очищалась, как оскверненный сосуд. Считалось нечистым и подвергалось освящению помещение, где происходили роды; благодаря этому жизнь родильниц из бедных слоев населения и их младенцев подвергалась большим опасностям в холодных и грязных чуланах и закутах. Все это накладывало на женскую личность печать отверженности и приниженности, что очень глубоко проникало в сознание еще первобытного русского общества и поддерживало престиж сильного пола.

Взяв под свое наблюдение семейную жизнь новообращенных, церковь требовала строгого обуздания чувственности и отдаления мужа от жены на три-четыре дня в неделю; тогда учили, что дитя, зачатое в дни, предназначенные посту и воздержанию, будет обладать покорной дьяволу душой еретика и преступника; ограничивалась даже совместная жизнь супругов на все посты, что проповедовалось как идеал семейного жития христианина. Добиться установления постов среди населения древней Руси стоило духовенству огромных трудов; в ту пору очень медленной колонизации девственных лесов и полей наши предки жили еще звероловами, питались главным образом, а местами и исключительно, мясной пищей. Приходилось пускаться в оборот самые грозные застращиванья, самые строгие внушения,

чтобы поражать воображение детей природы и побудить их так или иначе почитать посты. Увлечение женщиной приписывалось чарам дьявола, исконного врага людского благополучия; ореол постников и затворников освещался с необыкновенной яркостью, чтобы привлекать внимание любителей веселья и сытой пищи. Долгое время эти проповеди почти не достигали слуха массы людей, затерянных среди громадных пространств, лишенных церквей и элементарных средств, побуждающих человека сознавать себя — хотя бы смутно — христианином.

Когда началась проповедь отречения от суетного мира, и в древней Руси возникло монашество, на проповедь откликнулись и женщины. В среде первых сподвижников женщины не считались чуждыми новых идеалов, перенесенных с юга на русскую почву. Феодосий Печерский охотно посещал в Киеве дом одной благочестивой четы и беседовал с умной женой так же охотно, как и с мужем. Эта женщина преклонялась перед самоотверженным подвижником; благоговели перед ним многие княгини и боярыни. В Киево-Печерском монастыре в ту раннюю пору постригались главным образом знатные и богатые люди, наиболее культурный элемент христианской Руси, что помогло обителю приобрести сильное влияние на просвещение страны.

Среди женщин этого класса тоже зародились аскетические настроения: вдовы, даже девицы стремились к уединению, молитве, постничеству и созерцанию. Иные знатные женщины уходили в келейки и затворы при церквях. Известный женский монастырь княжны Янки Всеволодовны, дочери греческой царевны и сестры Мономаха, был далеко не первым примером женского подвижничества. Его первые проявления таились в женских келейках при храмах, где селились охваченные религиозным энтузиазмом женщины для уединенных молитв и списывания книг, и откуда они содействовали в свою очередь распространению христианских понятий и книжности. Сама Предслава — Евфросинья Полоцкая постриглась довольно рано где-то у своей тетки, княгини-монахини, которая, вероятно, тоже жила при храме; затем она уже самостоятельно с особого разрешения епископа поселилась в подвале Полоцкого собора; там подвизалась и переписывала священные книги для приходов, а затем приступила к организации своих монастырей.

Нельзя ожидать, говорит видный историк, от женской немощи, да еще в тогдашних тяжелых условиях жизни, чтобы женщины основывали свои иноческие общины силою личного подвижничества, как иноки Печерские или герои пустынножительства в северной Руси. Женские монастыри были главным образом к т и т о р с к и е, т.е. основывались богатыми благочестивыми жертвователницами.

Впрочем, до татарщины все монастыри ставились в городах или около них, и самые строгие подвижники спасали душу близ людского общества; с этим связана и их основная миссия — служить просветителями и насадителями книжности.

Среди 70-ти домонгольских монастырей известно всего 13 женских, и все они стояли в больших городах; из них шесть — в богатом Новгороде, несомненно ктииторских, содержавшихся пожертвованием. При этом многие женщины по-прежнему ютились в келейках на церковных дворах, значительно увеличивая собой общее число женщин, посвятивших себя делам благочестия.

Правила и порядки монашеского жития перенесены к нам, как известно, с востока и из Византии. Там строжайше запрещалось допускать женщин в мужские монастыри; инокам запрещалось беседовать с женщинами, даже смотреть на них без необходимости; а между тем условия жизни были таковы, что женские и мужские монастыри строились совсем рядом. Пахомий Великий, основатель иноческих общин в Фиваиде, помог своей сестре устроить там и женский монастырь. Сотни девиц приходили к старцам Фиваиды поучаться благочестиво-созерцательной и труженической жизни. Сказание о св. Пафнутии, отправлявшемся в Александрию для спасения души гетеры Таис, обошло весь мир. Самые строгие подвижники церкви считали необходимым приобщать женщин к учению благодати, к упражнениям в благочестии и потому не чуждались их, хотя и рисковали подвергнуться величайшим соблазнам. Женские и мужские монастыри нередко основывались одними и теми же лицами; монахи и монахини соседних монастырей имели общих экономов — мужчин, заботившихся о двух хозяйствах.

Бывали обители, где женщины отделялись от мужчин одною внутренней стеной. Возникало не мало соблазнов, даже с глупо трагическими последствиями. Правительство еще со вре-

мен императора Юстиниана запрещало подобные монастыри общего характера; но борьба с этим строем обителей тянулась очень долго.

Есть указание, что эти двойные учреждения существовали и у нас, и тоже отличались большой живучестью, потому что их окончательно запретили только в начале XVII в. Сама Евфросинья Полоцкая построила в родном городе рядом два монастыря — мужской и женский. Такое соседство двух обителей замечалось и в других местах. Довольно долго женские обители имели верховного надзирателя в лице игумена ближнего мужского монастыря и зависели в своих хозяйственных делах от его администрации. Самостоятельность организаций русских монахинь сложилась сравнительно в позднюю пору.

Одновременно с парными монастырями существовали иноческие общины иного, очень строгого типа. Житие св. княжны Евфросинии Суздальской говорит, что в ее Суздальском монастыре девушки-инокини гораздо строже отделялись от вдов, чем на востоке женщины от мужчин. Неискушенные жизнью девицы должны были сохранить в полной чистоте свои душевные помыслы. Сама вдохновенная настоятельница неотступно наблюдала за ними; инокини-вдовы подчинялись другой игуменье. Неизвестно, много ли было таких идеально строгих монастырей; мало сведений сохранилось и о внутренней жизни их обителей. Вероятно, Евфросинии было знакомо «Наставление инокиням» Иоанна Постника, патриарха Константинопольского, знаменитое произведение, переведенное на многие языки. Автор развивает в нем мысль апостола Павла, указавшего на различие в положении женщин, находящихся под игом супружества от тех, которые вступили в «хоры девственников». «Разделись жена и дева», говорит он. Дева печется о Господнем, как угодить Богу, «и да будет свята телом и духом; а замужняя печется о мирском, как угодить мужу. Верность той и другой своему долгу логически выводится из одного источника. Если дева-инокиня в точности следует по стопам примерной замужней женщины, то она и не нуждалась бы в наставлении, как угождать Христу. Как та имеет «безраздельное стремление к своему мужу», так дева проникается священным уделом иночествующих — своей любовью ко Христу; как жена обращает взоры к своему супругу, так инокиня взывает ко Христу: «к тебе возведох очи мои,

живущему на небесе», дабы он призрел невесту и озарил ум инокини; а инокиня должна весь свой ум направлять к нему, его искать, ему внимать: «кроме него не найдешь помощи ни в ангелах, ни в человеках». Как жена не имеет никого кроме мужа, кто бы желал с пламенной ревностью защищать ее; так и девственница духом не имеет необходимости призывать кого-либо, кроме Христа, или кому-либо кроме него поведать свои скорби и нужды. Посему, если что либо без него сделаешь — не на благо тебе будет: ибо глава твоя не муж, но Христос»... Если инокиня не заботится о высшем для души, святом, доведется ей служить низшему. Лишь приближением к Христу освобождается она от страстей и раздражения. «Не предпочитай Христу ни вещи, ни дела, ибо Христос требует, чтобы ты без всякого извинения устранила предпочтение чего-либо ему, — требует как муж, как жених и Господь, без которого ничего не будет». Далее следуют советы инокине, как сопротивляться наущениям змия-дьявола, который всегда старается соблазнить ее, как соблазнял Еву.

Трудно сказать, поучали ли наших старинных монахинь наставлениями постника, и глубоко ли проникали они в их души; но одно несомненно, что яркие сравнения власти Христа над душой стремящейся к нему всеми помыслами девы-невесты с исключительными правами земного мужа на душу и все помыслы своей жены производили сильное впечатление на умы русских книжников и грамотеев. Для моралистов-проповедников древней Руси духовная жизнь женщин лишилась самостоятельного смысла и творческого значения; она вся вливалась в чувство беззаветной преданности и готовности служить мужу земному или небесному жениху. Устремление духом к Христу, единому заступнику и покровителю, возносило и просветляло лучезарным сиянием деви-подвижницу; но и значение земного мужа необычайно возвеличивалось и укреплялось сближением с небесным покровителем. Духовное величие девы-инокини проявлялось в тиши обителей, вдали от мирских глаз, как нечто уже далекое от земных забот; значение же и полнота власти мужа утверждались и проповедовались для земной жизни и были вполне доступны каждому мужчине; отсюда, из священного характера власти мужа выросло сильное влияние монастырского

строю на характер семейной жизни в московской Руси с XIV до XVII века, отразившееся в знаменитом Домострое.

Женские монастыри древней Руси вели довольно тихое существование; они редко славились чудесами, мало поражали умы и воображение верующих, сохранили очень мало житий своих подвижниц. Старинные монахини особенно прославились своими трудами в художественных рукодельях. Богатые монастыри, основанные и покровительствуемые княгинями, располагали богатыми складами дорогих материалов, греческой парчи, заграничных шелковых тканей, золота и серебра для пряжи, шелку, драгоценных камней для вышиванья. В монастырях устраивались особые школы, где готовились художницы, вышивальщицы и золотойши; опытные мастерицы годами вырабатывали художественные пелены, покровы, ризы, воздухи для украшения соборов, церквей и домашних крестовых у богатых людей. Замечательные изделия монахинь-мастериц очень способствовали развитию чувства изящного и художественного вкуса в русском обществе; они же создали технику тонкого рукодельного мастерства и долго поддерживали ее на должной высоте.

Итак, перед церковью женщина была признана лицом младшим, низшим, обязанным скрываться за личностью мужа и состоять в полном у него послушании; на нее легла печать чего-то нечистого; какое-то темное греховное пятно отметило ее без всякой вины с ее стороны. Но в среде светского общества та же церковь добивалась для нее почетного места и влияния в семье, уважения к ее человеческой личности, требовала внимания к ее слабости, защиты ее от насилий. Первое время духовенство положило много энергии на установление церковного брака, заключаемого по желанию самих брачующихся; только опираясь на вполне полюбовный союз, оно могло преследовать прелюбодеяния, браки при жизни первых супругов, бороться с самовольными разводами, с умыканием девиц. Облегчая условия брака, оно долго не требовало даже согласия родителей брачующихся; это требование внесено позже в сборник церковных правил (Кормчая книга появилась в XII в. и постепенно дополнялась). В грубом, почти диком обществе, привыкшем к многоженству, страдательная роль выпадала на долю женщины; поэтому в борьбе с язычеством церкви приходилось стоять за права законной

жены на одинаковое с мужем значение у домашнего очага, права на долю из имущества и хозяйства, на которое она работала.

Духовенство стремилось внушить, что похищение девицы — насилие над нею, позорящее ее честь, унижительное для ее личности; похититель подлежал суду князя и епископа; с него взыскивали вознаграждение потерпевшей, сумма которого росла соответственно с социальным положением женщины; за похищение боярской дочери или жены виновник платился шестью гривнами золота, сумма крупная для того времени. Еще строже карался самовольный развод, от которого часто страдали жены, выслеляемые мужьями из дома: провинившемуся боярину грозило взыскание на громадную сумму, до 300 гривен золота. Церковь взяла под свой надзор женские поединки, назначаемые судом. Такие публичные бои представляли слишком соблазнительное зрелище для благочестивых христиан. Не одобряя грубых, воинственных выступлений женщин, предназначенных для скромной жизни у домашнего очага, церковь, по-видимому, стремилась скрывать их поединки подальше от глаз праздной толпы.

В компетенцию церковного суда входили все ссоры и столкновения, происходившие внутри семей, жалобы супругов друг на друга или на детей; он считал необходимым преследовать всякое насилие над женщинами и детьми. Положение церкви обязывало к благим пожеланиям; но очевидная затруднительность, почти невозможность открывать преступление и насилие против слабейших среди не сложившегося первобытного общества, неудобства борьбы с высшим классом, боярами и дружиной, занимавшими особое положение в стране, надолго парализовало добрые намерения уставов и постановлений.

Впрочем, в судебной практике оказалось не мало дел о бесчестье женщин срыванием головного убора; как известно, православной женщине запрещалось показывать свои волосы кому-либо, кроме мужа и самых близких лиц; открыть волосы публично, «опростоволосить» женщину очень долго считалось большим и дерзким проступком против нравственности и религиозного чувства.

Своим отношением к браку и женщинам церковь оказала некоторое влияние на постановление «Русской Правды»; судя по уставу церкви, следует думать, что убийство женщины каралось

теми же 40 гривнами виры, как и убийство свободного мужчины. Жизнь же рабыни, как и ранее, ценилась дороже жизни раба — 6 гривнами вместо 5. Статьями, касающимися гражданского и семейного права, женщины древней Руси признавались самостоятельными юридическими лицами, и в браке — отдельными от мужей; они вполне самостоятельно владели своей собственностью отдельно от семейного имущества. Но девушки вообще не считались наследницами после родителей; они имели право только на приданое из имущества отца, размеры которого по-прежнему не определялись; за смертью отца братья-наследники обязаны были позаботиться о приданом сестер. Что приданое никогда не считалось за собственность, приобретенную по наследству, доказывается тем, что по смерти бездетной жены, ее приданое всегда возвращалось семье ее отца и братьев. Впрочем, права дочерей резко различались по их положению на социальной лестнице. Так, по смерти человека низшего класса, людина или с м е р д а, не оставившего сыновей, его имущество отписывалось на к н я з я, и уже от имени этого высокого лица выделяли приданое незамужним осиротевшим дочерям. Такое ограничение прав дочерей объясняют различно; одни видят в нем пережиток родового быта; другие говорят, что смерды часто пользовались общественной землей или работали на земле частного собственника, и дочери не могли вместе с имуществом принимать на себя их обязательств перед землевладельческой общиной.

Но отстранение дочерей от наследования не касалось высшего класса и княжеской дружины. Этот класс княжих слуг давно занял особое положение среди населения Руси. Слуги князя переходили вслед за ним из одной области в другую и не имели связей с местными обществами. Они имели особые привилегии в своих владельческих правах; даже внутри их семей между их членами зарождались особые юридические отношения; и права дочерей в высшем классе княжих слуг оказались отчасти сходными с правами феодалок в Англии; закон говорил: умрет княжий муж и не оставит сыновей, то дочери наследуют его земли и имущество. Только гораздо позже, в Московской Руси XVI в. стали сокращать права дочерей знати на наследование вотчин.

Наше раннее законодательство особенно внимательно к вдовам-матерям, тесно связанным с экономическими и интересами младшего поколения дома. Жена и при жизни мужа может вполне самостоятельно владеть своим приданым, тем, что ей даст муж, и что сама она приобрела в годы замужества; все это сохраняет она за собой и по смерти мужа. Значение личности матери-вдовы признается общим правилом: если муж умрет, оставив жену с детьми, то вдова заступает его место перед семьей и обществом; она берет себе на свое содержание долю из наследства детей, если муж сам не наградил ее при жизни (но без права ею распоряжаться); она одна опекает и воспитывает детей до совершеннолетия, ведет хозяйство, торговлю, все дела, какие оставил муж, отвечая за свои промахи и растраты. Ей не назначают соопекунов, как это делается на западе и до сих пор. Русское общество, едва вышедшее из порядков родового быта, при своих довольно первобытных экономических обычаях, очень дорожило цельностью и крепостью семьи и ее хозяйства, и потому очень высоко ставило личность «матери-вдовы», их естественной хранительницы, нередко управлявшей крупной экономической единицей после смерти первого главы семьи; оно проводило свое уважение к женщине, заступавшей перед ним личность своего покойного мужа, и в других статьях закона, обеспечивавших ей почёт и покой. Так, если уже взрослые дети не пожелают жить вместе с матерью, то закон приказывает им уйти из отчего дома, а мать-вдова остается в нем.

Если вдова предпочтет вторично выйти замуж, то она уносит с собой в другую семью свое приданое и прочее имущество, что дарил и завещал ей первый муж. Ее имущество наследовали ее дети от того и другого брака. Если поженятся вдовец с вдовой, имеющие каждый своих детей, то каждому из них наследуют только его дети. Умрет мать-вдова без завещания, а она могла завещать свое имущество безразлично — сыну и дочери, то ей наследовал тот из детей, у кого она жила и умерла, т.е. тот, кто последний о ней заботился.

Несомненно под влиянием церкви внесена в «Русскую Правду» статья, требующая, чтобы рабыня, состоявшая наложницей господина, отпускаясь на свободу вместе со своими детьми; но ее дети не могли считаться членами христианской семьи, и по-

тому не получали ни наследства, ни приданого из имущества отца; закон только давал им свободу; о их дальнейшей судьбе не заботились; но тут за них вступался обычай: есть указание, что семья выдавала им кое-что из вещей или скота. Затем церковь могла их взять под свое покровительство: на церковной земле обычно ставились избушки, мазанки, келейки, где ютились только что отпущенные на свободу люди, пока не устраивались где-нибудь, не находили приложение своему труду.

Старый закон на глазах церкви признавал полную имущественную самостоятельность не только вдов, но и замужних женщин, как бы впадая в противоречие с принципом полной покорности и подчинение жены мужу, которым учила сама церковь. Как понять такое разногласие? Как умещались в женской жизни подчиненность с самостоятельностью? Следует думать, что самостоятельность женщин-собственниц существовала главным образом в теории, в сфере допустимых возможностей; на практике жена отвечала за долги мужа не только своим имуществом, но и личностью: в случае несостоятельности, — она вместе с детьми поступала в рабство в счет уплаты долга кредитору; и лишь значительно позже было установлено призывать ее к ответственности только тогда, если она своими средствами участвовала в предприятиях мужа. С имущественной самостоятельностью женщины мало считались судьи и исполнители их постановлений; в семье личность подавлялась властью мужа и старших. Мудрено себе представить, как женщины средних и низших классов могли распоряжаться своими маленькими имуществами, когда они входили в состав общего с мужем хозяйства; ведь самих женщин мужья и свекры закладывали на отработку, брали на них кабалы, уводили с собой в холопство. Другое дело — боярыни и представительницы высшего купечества; они владели крупными имуществами, и могли вести вполне самостоятельные хозяйства в своих владениях.

III

Среди начавшей складываться христианской семьи люди уже начали чувствовать обаяние женщины и матери, которая давала им мир и тепло в обстановке личной, земной жизни, даже становилась иногда ее центром; но скопление тяжелых неблагоприятных условий не дало семье развиваться. Огромное бед-

стве обрушилось на страну; разразился татарский погром, потянулись годы тяжкого ига. Бодрый дух народа замутился. Тягота жизни побуждала самые закаленные сердца искать утешение в благочестии. Упадок веры в себя среди униженного народа выдвинул влияние идеи греховности, которую так охотно проповедовало духовенство: иго азиатов — наказание за грехи народа; настало время думать о покаянии и спасении души. Аскетические настроения сразу повысились. Число монастырей быстро росло, развивалось отшельничество и пустынножительство. Искание путей к спасению грешных душ вытеснило из сознания книжников и духовенства заботы о просвещении и грамотности, что очень невыгодно отразилось на отношении к женщинам. Новое направление мысли не одобряло наслаждения жизнью, доставляемого сердечной связью мужчин и женщин; в любви не видели ничего кроме плотской чувственности, поощряемой нечистым, врагом Христа; привязанности, привлекательность семьи могли только мешать человеку проникаться настроениями покаяния и умиления, проповедуемых духовенством, которое в години бедствий усердно укрепляло свои власть и влияние на развалинах старой вольной жизни Руси. Указывая пути к спасению души, литература и проповедники рисовали женщину носительницей самых мощных соблазнов грешного мира, первую жертву и верную служанку дьявола, своими прелестьями подчиняющую ему все новых и новых жертв. В отдельных поучениях, в сборниках для назидания верующих подбирались мнения великих людей «о злобе и лукавстве женщин»; книжники выхватывали отвечавшие их цели отрывки из страстных филиппик Златоуста против враждебной ему императрицы, написанных в минуты напряженного раздражения, из поучений восточных аскетов-пустынников, измученных соблазнительными видениями; приплетали к ним суровые отзывы о женщинах ветхозаветных пророков и мудрецов древности — Сократа, измученного своей Ксантиппой. Получался очень цельный по выдержанности основной мысли подбор ярких образцов красноречия, род хорошей хрестоматии, какими в наше время опытные педагоги умело настраивают учеников на заранее намеченные размышления, И в западной Европе в средние века под влиянием литературы востока и аскетов-проповедни-

ков распространялись беспощадные обличения греховности дочерей Евы, писались грубые до цинизма сатиры на женщин; но на западе крепко привилось влияние школы, поддерживавшее навыки к критической работе мысли; и изуверские нападки на женскую личность вызвали среди лучшей части общества обратное явление — горячую защиту чистоты женской души, «панегирики женской добродетели, рыцарское поклонение, прославление женщины, как источника красоты и счастья на земле. На «Евангелие для женщин», на «Хулу женщин», на «Сороку и женщину» отвечали трактатом «О добродетели женщин», поэтическим «Сказом о женщинах», наконец, истинно рыцарское отношение сильно сказалось в знаменитом «Романе Розы».

Не то у нас; запуганное воображение аскетов ни в чем не находило противовеса; при отсутствии материала для чтения литература «о злых женах», отвечая общему настроению приниженности и трепета, производила сильное впечатление. Работа мысли была еще чужда русскому обществу того времени; оно само еще жило воображением; а это воображение запугивалось на таком всем близком и знакомом аффекте, как влечение к женщине; ему особенно легко внушалась навязчивая идея о темном наваждении, о силе дьявола, и слабый духом, лишенный нравственной устойчивости люд охотно слагал на женщину ответственность за первородный грех и за пагубную власть дьявола над земной жизнью человека.

«Не взирайте на доброту женскую, но ходите пред ними в страхе Божьем, ибо лукави суть жены», писали книжники. Самое «естество женское вельми есть зло», — «сотворено дьяволом, дабы уловлять и прельщать человека ко греху». Из поучений Заточника: «Горе городу, в котором владетьствует женщина! Горе дому, где владеет женщина! Зло и мужчине, который слушает женщину!» Из творений Иисуса сына Сирахова: «Не отдавай души своей женщине, не встречайся с блудницею; на девицу не смотри, с замужнею не сиди, ибо женская красота соблазнила многих»...- Доходили до русских читателей слова мудрого Сократа: «Когда жена заявляет, что любит тебя, то остерегайся ее более, нежели когда она говорит дурное», великого пессимиста, автора «Суеты сует» Соломона: «Лучше жить со львами и змеями, нежели с женой лукавою и многоречивою... Мужчину умного я находил од-

ного в тысячах людей, а женщины ни одной во всем мире»... «Легче сварить железо, нежели научить злую жену, писал Златоуст; нет в мире зверя строптивее злой жены».

Русский затворник, спасавший душу еще до татарского нашествия, обрушивался на женщин потоком брани, соединяя в нем все то, чем греческие отцы церкви поносили развратниц изнеженно распущенного двора Византии. «Женщина-дьявол цвет, стралище бесовское и адское, спасаемым соблазн, покоище змеино, хоругвь адова, трясовица неоставляющая, неуголимая огневица... злая ратница, учительница грехам, совокупленица бесовская, несытная похоть, обьянница и еретица, медведица и львица, змия и скерпия, ехидна и василиска»...

«Что есть жена? спрашивает книжник, и отвечает: «Сеть дьяволом сотворена. Прельщает человека лестью, светлым лицом, высоко ланиты складает, языком поет, очами помывает, словами чарует, ногами играет»... В одной «притче» отец старается отвлечь сына от женщины, «злой домовной бури, копья сердцу, инокам сожжение»... повествует о жене-ехидне, что собственных чад ненавидит, — о девицах лицом, что скоро будут матерями, помышляющих, как бы удавить младенца при рождении... Но в заключение сын здраво возражает отцу: все это бывает, а только апостол все-таки прав, советуя лучше жениться, нежели разжигаться.

Бессильные побороть влечение к семейному союзу, органически необходимому человечеству, моралисты проникают с ревнивой подозрительностью в дом христианина. «Если в дому мужа не прилучится, то жена близ оконца присядет, семо и овамо колеблется, и со смирением не сидит; скачет и пляшет и всем телом движется, сандалиями (?) стучит, руками плещет, бедрами трясет, хребтом вихляет, — бесовские ризы многие переменяет... многим юным хочет угодить и всякого к себе манит»... Слово сандалии указывает на иноземное происхождение этой филиппики, рассчитанной на впечатлительность беспомощного перед чувственными инстинктами общества.

«Поучение о благоустройстве семейной жизни» самими черными красками рисует лицемерие жен, обманывающих мужей: «увеждте, яко мало жен добрых». Жена клянется умирающему мужу, что вдовой непременно пострижется, чтобы заботиться о

спасении его души; умирающий в ущерб детям предоставляет ей часть имущества; жена после его смерти тотчас выходит с этими средствами замуж и детей обездоливает. Больной муж хочет отписать имение монастырю на поминовение души, а жена плачется: «а с чем ты меня, горькую, оставишь? Чем я буду жить, постригшись после тебя?» И добившись награждения, вдовой ищет другого мужа, побогаче. Недомолвки закона о долях отцовского имущества, подлежащих выдаче на приданое дочерям, об обязанностях матери-опекуни порождали немало тяжелых семейных драм, в которых действительно играли большую роль расчеты женщин. Однако, автор «Поучения» вовсе не безнадежный женофоб; он признает существование и добрых жен, которые по смерти своего мужа спасут душу его, и при жизни мужа все доброе творят, и мужа своего «яко Бога чтут».

Современный читатель изумлен: не увлекся ли моралист до забвения основной заповеди «не сотвори себе кумира». Напрасные опасения: он только грубо и неудачно упростил витиеватые размышления грека — автора «Наставления инокиням» о Небесном женихе и земном муже.

Сторонники авторов посланий о злобе женской создавали для женщин глубоко трагическое положение. Их унижали до отрицания в них образа Божия; глушили в них чувство собственного достоинства и строго требовали от женщин искренности и чистоты душевной. Относясь очень взыскательно к женщинам, осыпая их беспощадными осуждениями, наши моралисты не заботились о воспитании их душ, их наставлении, чтобы помочь им бороться со своими слабостями и мирскими соблазнами. На западе в средние века тоже страшились женской нечистой прелести; зато при женщинах состояли руководители совести, исповедники и наставники в деле веры. В тяжелые минуты сомнений и душевных тревог католички шли в церковь отвести душу и получить наставление. Можно не сочувствовать характеру этого воспитания, но, во всяком случае, заботы о воспитании, об удовлетворении духовных потребностей там на лицо.

У нас очень мало занимались духовной жизнью женщин; не помогали им спастись от соблазнов. Грубое невежество и тяжелый труд женщин низших классов держал их в отдалении от церкви. В более состоятельной среде женщин и девушек старались

не выпускать из дома, подозревая в склонности к любовным похождениям, и ревниво подозрительно следили за ними; чтобы отстоять обедню или заутреню, женщины и девушки выпрашивали позволения мужей и старших; малейшая неосторожность вызывала подозрения, и женские члены семьи, кроме самых старых, лишались права даже посещать церкви. Много девушек ни разу не бывали в церкви до самого дня своей свадьбы. Молодым священникам не позволяли исповедовать женщин, опасаясь соблазна; женщинам давали в духовные отцы старичков, забывших грамоту, глухих, полуслепых, не считаясь с тем, слышат ли они исповедниц, понимают ли их речи; исполнить обряд мог и одряхлевший служитель церкви; большего женщине не полагалось, о ее духовных потребностях редко заботились. Свою впечатлительность, работу воображение женщины могли удовлетворить старыми языческими поверьями, тайными обращениями к фантастическим существам и явлениям природы; отсюда страшная отсталость женщин в религиозных понятиях.

Приниженные, лишённые доверия, они могли искать спасения и отрады только в изворотливости, лукавстве и притворстве. Женщина могла действовать на своих владык и судей тем же орудием, которым угнетали ее — страхом; она прибегала к волшебству, наговорам, ловким гаданьям, которым верили и перед которыми трепетали; она научалась говорить замысловатым языком, изошряя свое остроумие, отвечала притчами и загадками, которые исстари привлекали внимание и уважение слушателей. Женскую личность замечали и ценили грубочувственными эмоциями; она мстила грубым и дерзким кокетством или пугала притеснителей чарами и ведовством, и урывала у горькой судьбы минуты дикого личного счастья и наслаждение властью.

Суеверие всего русского общества оказывалось самой выгодной средой для борьбы женщин за свободу, за проявление личной воли; вещие жены, предсказательницы всегда выделялись из толпы, заставляли себя слушать и почитать и замечались летописцами. Духовенство жаловалось в половине XVI века, что женки, девки и старухи бродили по селам и городам, собирали народ и поучали его своими бреднями. Еще при Петре Великом

женщина могла объявить себя св. Пятницей, и ее водили всенародно с торжественной церемонией.

Общество игнорировало женщину в ее нормальном состоянии, как деятельную личность с инициативой и энергией, но преклонялось перед пророчицами и изуверками.

Понятно, что при такой оценке женской личности ее могли находить опасной для общества благочестивых людей и старались отстранять от него, помещая в стороне под присмотром. Примеров затворничества женщин имелось достаточно на православном юге; византийский терем давно заменил женский гинекей древних греков и уже послужил для мусульманского мира образцом в устройстве гаремов. Если в храмах женщинам полагалось молиться отдельно от мужчин, то и в благочестивом доме следовало проводить время в особых помещениях. И русские бояре, а за ними другие состоятельные люди стали отводить для слабейших членов своей семьи помещение повыше и побезопасней; самое же скрывание женщин, как основной принцип ее быта, под покрывалом вне дома и в затворе терема в доме, возникло позже, вслед за распространением аскетических идеалов и литературы. Не мало сложных, трудно уловимых причин повлияло на затворничество женщин в Московской Руси. Нельзя приписывать его постоянной опасности от набегов диких соседей; до татар грозили набегии половцев, угров, однако тогда женщин не запирали; в непосредственной близости к татарским владениям и к Турции, в Малороссии и среди казаков затворничества женщин совсем не знали.

На порядках наших теремов сильнее всего сказались влияние церкви, подчинившей женщину главе семьи, отчасти и литературы «о злых женах», запугавшей воображение благочестивых руководителей семейной жизни. Повлияло и строгое отношение к брачному союзу, единому, по учению церкви, трудно заменимому для благочестивого лица, что вызывало усиленное оберегание жены. Конечно, нужно отметить и страх перед насилиями инородцев и своих; молодое, красивое существо тогда опасно было показывать и не одним татарам; соблазн был велик всем. Может быть, тут просто проявился грубый способ создать себе более крепкую семью, которую по некультурности не умели иначе устроить. В крайних формах развитие затворничества

ства со строго установленным ритуалом семейной жизни на монастырский лад, с устранением жены даже от домашнего хозяйства сказалось чванство московской знати, напыщенность и чопорность, свойственная правящим классам московского государства.

Восточный порядок жизни, позволявший повелителю одному пользоваться обществом своей подруги, соответствовал всему духовному строю боярина-властелина, каким он проявлялся и на службе, и в хозяйстве. Чтобы не отпускать женщин своей семьи в приходские храмы, состоятельные люди ставили себе собственные церкви на дворе своих хором. В Москве XVI и XVII вв. существовало множество таких церковок.

Влияла, впрочем, и экономическая сторона жизни; женщина все-таки сохраняла за собой права собственности на свое отдельное имущество. Скрыв ее в глубине дома, контролируя малейшие сношения ее с внешним миром, муж мог легко завладеть ее имением, не допуская ее самостоятельных распоряжений. Дочери разделяли заключение вместе с матерями и невестками; нередко их оберегали пуше глаза, строже замужних. Затворничество помогало легко и свободно распоряжаться их браком и приданым. Обман сватов и женихов был делом обычным; им позволяли мельком взглянуть на красивую фигуру разодетой родственницы или прислужницы дочери, а под венец приводили под фатой кривую, некрасивую, подлинную дочь-невесту. «Нигде такого обмана на девок нет, как в Московском государстве», — писал умный дьяк, бежавший в Швецию в XVII в. Многие стянулось здесь в мучительный узел, поддерживая в русских неспособность обставить свою жизнь свободнее и светлее и находить удовольствие в разумной общественной жизни.

Затворничество женщин и соответствующий обряд домашней жизни развивались медленно, достигнув расцвета во 2-й половине XVI в., когда они пустили корни в термах Кремлевского дворца. В Новгороде до конца вечаевой свободы они так и не получили большего развития. Да и в Москве, в самом центре строгого благочестия, сами великие княгини долго не отстранялись от общественной и политической деятельности. Огромным авторитетом пользовалась вдова Донского, довольно долго и при взрослых детях не уходившая в монастырь, чтобы за-

кончить свои мирские дела. Ее невестка Софья Витовтовна, литовка родом, отличалась самостоятельным и властным нравом. Оставив в стороне влияние Софии Палеолог, гречанки европейского воспитания, можно отметить, что Иоанн III был окружен энергичными, деятельными женщинами; его сестра Агриппина и дочь Елена служили ему хорошими агентами его сложной политики, первая в Рязанском княжестве, вторая — в Литве, где сумела выдержать свою роль в очень ответственном положении. Особенно интересна обрусевшая молдаванка, невестка Иоанна III, мать погибшего в тюрьме его наследника Дмитрия. Молодая Елена Степановна имела свою партию близ первого из Грозных царей; по-видимому, довольно начитанная, она увлеклась религиозной проповедью свободомыслящих, представителей ереси жидовствующих, и помогла соблазнительному учению свить себе гнездо в самом Кремле. Такая женщина могла бы и на Западе с честью занять место в строю современниц эпохи Возрождения: в Москве её интеллектуальные силы не находили себе полного приложения, и память о ней, как и о многих других лицах, как-то затерялась среди придворных интриг и безразличия некультурного общества.

После непопулярной правительницы Елены Глинской, матери Иоанна IV, появляются скромные царицы, вознесенные к престолу из подданных, боярышень и мелких дворянок. Две из них играли некоторую роль. Анастасия Романовна умела скрытно действовать на душу мужа, и сам Грозный признавал, что жена имела на него влияние. Ирина Годунова умно и тактично следовала за своим Феодором, присутствуя даже при приеме бояр. Прочие подруги царей покорно и незаметно выполняли в глубине терема свою роль главных богомолиц в стране, а дочери их, царевны, были с рождения предначинаны к пострижению. Эти царицы, по свидетельству того же дьяка-эмигранта Котошихина, были так мало подготовлены к своему званию, что не могли связать двух слов в ответ на приветствия иностранцев и послов и играли печальную роль на больших приемах.

IV

В XVI в. укрепился государственный строй Московии и окончательно сложился семейный обиход, окружавший обитателей теремов и проповедуемый постниками и книжниками. А на Западе наступило время полного расцвета и первых итогов Возрождения рядом с мощной работой Реформации. Наша соседка Польша вовлеклась в общее религиозное брожение; протестантизм достиг больших успехов в Литве, а по всей стране распространились разнообразные секты. При всем отчуждении москвитян от иноверцев слабые отзвуки умственного движения на Западе достигали и до них. В Москву проникали через Польшу в отрывках и сборниках литературные произведения более светского характера, понемногу смягчавшие прежнее суровое отношение к радостям земной жизни.

С другой стороны выяснялись и задачи национальной культуры. Московское православие создавало собственное церковное предание, собирало сведения о собственных святых угодниках, заступниках за Русь перед престолом Всевышнего; среди них, по примеру восточной церкви, должны были занять место и праведные женщины. В эту пору составили, наконец, жития св. Ольги, св. Евфросинии, княжны Полоцкой, св. Евфросинии, княжны Суздальской, св. Февронии.

В эту же пору оживления религиозной и литературной мысли появилось в Москве руководство к семейной жизни, как жить мужу с женой и воспитывать детей, как вести хозяйство и доходы собирать — известный Домострой. Подобные поучительные произведения являются необходимой принадлежностью каждой европейской литературы; обыкновенно они полны мелочных правил и советов, от регулирования религиозных обязанностей до рецептов приготовления квасов, браги, варенья; они составлялись по образцам, заимствованным от соседней или от более древних литературных эпох, но всегда носили отпечаток своей эпохи и характера страны, где издавались. У нас Домострой запоздал своим появлением. На Западе сборники нравоучений и советов появлялись еще в XIII в., может быть, и ранее. Отражая современные им и общераспространенные взгляды и понятия на общественную и семейную жизнь, на личность женщины, на воспитание детей, эти сборники при общих чертах сходства значительно различаются по духу морали, по широте миропони-

мания. Западные Домострои, даже самые ранние, выгодно отличаются от нашего более развитым чувством общественности, большим уважением к человеческой личности, в том числе и женской; они носят более мирской характер.

Поучение заточника из Бари (Италия XIII в.) представляет собрание правил опытной мудрости, сложившихся среди народа, и потому считается с жизнью, менее вдается в религиозные поучения, нежели русский Домострой книжного характера; в основе его заметны общественные интересы. Отец наказывает сыну прежде всего любить честь своего рода и своей страны; затем следует высоко ценить дружбу и взаимные услуги между людьми: «Если хочешь вести торговлю, — говорит автор, — то веди ее честно и вежливо». В доме муж всегда глава, но обязан помнить, что «хорошую женщину следует любить, служить ей, воздавать ей честь», однако не открывать ей всех своих дел. «Маленькими людьми управляй с любовью, не делай им оскорблений и бесчестий». Можно и бить ближних, но «женщину и мужчину дурных не старайся наказывать и бить». Любопытное по опытной мудрости и человечности соображение.

В начале XIV в. получил известность трактат монаха Эгидия Колонны, наставника французского короля Филиппа Красивого. Муж и отец — глава семьи; он имеет естественную власть над сыном, но не над женой. Муж не должен так распоряжаться женой, как слугами, потому что природа женщины создана не на служение, а на иное... Кто обходится с женою, как с рабой или со своею дочерью, тот действует безрассудно, как сумасшедший или безумный. Между мужем и женой должно быть равенство. Муж имеет власть потому, что обладает большим умом и рассудком, объясняет Колонна, но рекомендует занимать ум женщин, чтобы они имели отдохновение и благородные удовольствия, ибо ум их нуждается в занятиях, иначе оне могут думать о дурном. Рассуждение об управлении семьи, очень популярное в XV в., влагает в уста мужа наставление: «Советую тебе, жена, для твоей чести быть заботливой в делах домашних»... Честь в каждой женщине всегда была дороже всех красот. Всегда необходимо, чтобы жена была уважаема. Домострой Запада считались с женщиной, как членом общества; им предлагались советы и правила не только относительно их поведения дома, в кругу семьи, но и как вести себя в обществе, как занимать свой ум.

Наш Домострой стоит на религиозной точке зрения и узко-практических расчетах и занят исключительно семейным бытом; он не касается общественных отношений, значения дружбы, взаимных услуг; нет в нем и сознательно-патриотических предписаний, понятий об обязанностях к отечеству, что внимательно отметил его исследователь Некрасов. И все-таки, если вчитаться в него, то нельзя не заметить, что он является известным шагом вперед в умственной жизни общества сравнительно с литературой аскетического характера. По его воззрениям, женщина не «дьявол цвет», не «трясовица неоставляющая» и не «хоругвь адова», а государыня дома, пример нравственной выдержки, скромности и трудолюбия для детей и челядинцев. Хотя после Бога, она во всем подчинена государю-супругу, но первая его заместительница в семье и доме. Перед детьми они равны, как отец и мать; «по Бозе» им от детей одинаковые честь и уважение. В Домострое нет ни одного резкого выпада против женщин, напротив, автор его как будто желает поднять женщин в их собственных глазах среди их унижения и затворничества. О самом затворничестве Домострой не говорит ни слова, потому что в его время это явление в Москве уже налицо; удаление женщин от общества — совершившийся факт, нечто, что само собою разумелось в пору составления сборника. Во многих его списках находим главу «Похвала женам», где автор говорит: «Аще дарует жену добру, дражайше есть камни многоцветного»... она «делает мужу своему все благожитие... и чада своя поучает, также и раб, и не угасает светильник ее всю ночь. Милость простирает убогу; плод же подает нищим. Не печется о дому муж ее». Последняя слова важны для своего времени: значит женщина считается книжником способной вести дом самостоятельно; московское высшее общество весьма нуждалось в таком напоминании: путешественники-иностранцы нередко дивились, что женщины богатых домов на Руси совершенно ничего не делают, даже по хозяйству; всем распоряжается муж. Далее читаем в сборнике; «Жены ради добра — блажен муж. Жена бо мужа своего честе творяще», заповедь Божию она сохраняет «ибо обрете муж жену свою добру, износит благая из дому своему»... то есть от хорошей женщины свет добра разносится и за пределы дома. Таков идеал семейной женщины, который не

только воплотила в себе, но даже превзошла праведная Юлиания Лазаревская.

Одна глава сборника учит, что жены должны обо всем спрашивать мужей своих, во всем советоваться с ними, как душу спасти и как хозяйство вести; другая предписывает и мужу советоваться с женой о домашнем устройении, но умалчивает относительно совещаний о душе: в деле религии муж один глава и представитель семьи перед Творцом; здесь он навсегда уподоблен Христу в союзе с церковью. Он руководит общим ведением дома. Жена должна с любовью принимать его наказания, со страхом внимать и творить по ним. Своим добрым разумом и указаниями мужа хозяйка должна сама знать всякое дело в доме и уметь всему слуг научить.

Дома муж с с женой молятся вместе и с домочадцами, справляют вечерню всенощную и часы. В церковь же на литургию жены должны ходить, сообразуясь с обилием своих занятий, как позволят обязанности, по совету с мужем или с его разрешения. Тут наставник странно уступчив; он политично уклоняется от прямой постановки вопроса: христианка обязана посещать церковь, слушать литургию и другие службы, но он уступает власти мужей, которые не любят выпускать жен из дома, особенно в места, где они непременно встретят посторонних.

Домострой строго запрещает женам самовольно ходить в гости и к себе принимать; на все это необходимо разрешение мужа. В гостях женщины должны быть внимательными, отмечать и запоминать все полезное, что услышат или увидят; если же у жены станут что-либо выведывать, то следует отговариваться незнанием. Печальная мораль и печальную картину общественной жизни рисует она: вместо умения ценить людей, дружбу, взаимные услуги, уважать круг лиц, к которому принадлежишь, внушается недоверие к тем немногим близким людям, кого могла посещать затворница терема; умей высматривать и слушать, а сама не проговаривайся — учит Домострой, как будто человек, выйдя за калитку дома, уже оказывается во враждебном лагере или в среде тонких дипломатов; чувство общности, развивающее духовно и поднимающее личность, как будто и не существовало среди московских моралистов XVI в.

И муж, и жена обязаны учить детей страху Божию (благочестию и добрым нравам; про грамоту — ни слова) и даже с нанесением им ран; не щадить наказуемых, так как отвечают за детей перед Богом, с них взыщется за послабления. При такой обязательной суровости в обращении с детьми, старинные матери все-таки умели ласкать, жалеть и нежить. Другие памятники той же эпохи говорят о «матернем обычае», с каким они встречали детей своих, отличая его от обычая отцов, на чьей совести лежала главная ответственность за строгий чин воспитания. Матерям полагалось, конечно, приучать к труду главным образом дочерей; подрастающие сыновья руководились отцами.

Домострой считает особенно важным строгий присмотр за дочерьми, чтобы без пороку замуж выдать; и с ними по-видимому, родителям было больше хлопот, чем с сыновьями. И это понятно — дочерей готовили к выходу в другой род; а там по ней судили о благочестии и нравственности её семьи. Показная сторона жизни играла в старину огромную роль. Как только родится дочь, следует тотчас приступить к откладыванию ей на приданое части от всяких доходов, от полотен, платья, украшений, приплода скота и т. д., прикапливать всего понемногу. «Ино дочери растут и страху и вежеству учатся, и приданое с ними прибывает». Если дочь умрет до замужества, то накопленное должно раздаваться на помин ее души.

Между мужем и женой не должно никогда вспыхивать ни раздражения, ни гнева; не подобает им обоим гневаться ни на детей, ни на слуг. Если жена поступает не по приказаниям мужа и не учит слуг его слушаться, то муж должен наказать ее телесно с глазу на глаз, «пользовати страхом наедине», а наказав и пожаловать (вероятно, приласкать с добрым словом), рассуждает с удивительной простотой и ясностью духа автор поучений. Если младшие члены семьи, состоящие перед Творцом и Судией на ответственности главы дома, — жена сын или дочь — чем-либо провинятся, то муж и отец должен наедине, осторожно постегать плеткой; но отнюдь не с сердцов, не бить как попало; особенно «вежливо» должна поучаться жена, она все-таки подруга, государыня дома. По логике старинных людей, муж, который держит дом не по правилу, не учит жены, детей и слуг, не выполняет своей основной обязанности — внушать страх Божий; он

губит души и свою, и своих близких. Понятие о личном достоинстве человека слабо пробивалось между заботами о душе в будущем мире и грубо материальным пониманием жизни и человеческих отношений в настоящем.

Мораль строго запрещает женщинам пить хмельное, особенно тайно от мужей; заметно, что этот грех доставлял много хлопот моралистам того времени особенно потому, что было очень мудрено проводить полное воздержание; прежде всего мешали обязанности гостеприимства, предписываемые обычаем и правилами самого Домостроя. Хозяйку обязывали устраивать пиры не хуже соседей, чтобы добрые люди не осудили; усердно угощать гостей едой и напитками, но самой не пить; как же будут пить гости без хозяйки? Ведь сам хозяин перед гостями опрокидывал кубок на голову в знак того, что осушил его до капли? Но книга обыкновенно дает правила и проходит молча мимо житейских коллизий. Далее обязательно для хорошего дома, чтобы хозяйка и её гости-женщины были совершенно отстранены от общества мужчин. Кушанья и напитки носит им один слуга, которому муж доверяет; у него же хозяин потом спрашивает, как вели себя хозяйка и ее гости. Кажется, только угощение, гулянье в саду да качели и могли занимать гостей. Дом благочестивых хозяев, требует Домострой, не должен оглашаться песнями и играми, скардными речами и глумлением; в нем недопустимы звуки гуслей, пляски бесовские, забавы с ручными медведями; запрещается даже излюбленная забава знатных — охота с ловчими.

Проявлениям молодой жизни не было выхода в старинной семье; она угасала в ней или извращалась и калечилась под давлением удушающей морали. Женская личность здесь никогда не считалась духовно взрослой; за нею наблюдали даже в тереме, как за бедовой школьницей, всегда готовой нашалить, и как ребенка-школьницу наказывали. А между тем детей обязывали почитать это несовершеннолетнее существо наравне с отцом? Как достичь такого почтения? Но Домострою нет дела до принципиальных противоречий; он дает правило, и всяк покоряйся, не рассуждая, — ни одни женщины, но и государи-мужья. «Смирного Бог любит, покорному благодать дает»... «Бог не любит высокие мысли наши; возносящегося смиряет»... «Мнение -

второе падение»: самые популярные мотивы старинных поучений, раздававшиеся повсюду, часто к несомненному утешению униженных и поработанных во времена Грозного, когда высший тяжело давил низшего; гордостью же и возношением любили прозывать проявления личной самостоятельности, чувства справедливости и сознание собственного достоинства. В нашей литературе высказывалось мнение, что терема являлись единственным средством сохранения добрых нравов хотя бы в одной части общества, что женщинам нечему было учиться среди распущенного общества той поры. Русские, собравшись, говорили иностранцы, вели речь о прелюбодеяниях своих и чужих, о гнуснейших пороках; грязные речи, пошлые шутки сопровождаются в этих компаниях неприличными телодвижениями. Пьянство русских невообразимо; пьянствуют все, богатые и бедные мужчины и женщины, валяются по улицам и творят все, на что толкают необузданные страсти. Мужья и отцы из любви к семье ограждали поневоле и по мере сил жен и дочерей от столкновения с разнузданностью нравов своих современников. Что бы случилось с нами в XV в. без церкви, монастыря и терема!» — восклицает историк С. Соловьев, но тут же признает, что удаление женщин от общества было для него очень вредно, ибо содействовало еще большему огрубению его нравов.

Однако, в разгар пира, сильно подгулявши, те же мужья и отцы посылали за женами и невестками и заставляли их с поцелуями чествовать своих пьяных гостей, слышать их соблазнительные речи, видеть, что себе позволяли забывшиеся люди. Нам скажут, что это древний обряд, который с неудовольствием терпела церковь, дань старине, приносимая в стенах благочестивого дома. Пережиток первобытных правил гостеприимства не затронутых культурой народов угощения женой сохранился в этом проявлении высшей любезности знатного хозяина — показать гостям святыню дома, почетную затворницу-жену; но к этой любезности примешивалось не мало чванства, хвастовства красотой и богатым убором хозяйки и ее свиты. Бывало, что иная боярыня по несколько раз выходила к гостям, и каждый раз в новом богатейшем наряде. Перед гостями появлялась великолепная выставка драгоценностей дома, которая могла возбуждать самые нечистые помыслы страсти и зависти.

Как ни унижали женскую личность за её физические свойства, за её таинственную обаятельность, источник которой приписывали хитрым сетям дьявола; как не отдаляли ее от святынь, где совершались таинства, но не могли выделить ее из сонма человеческого, носителей образа Божия; этого не допускали предания церкви и ее постановления, да не вместила и психология людей; народ чувствовал этот образ в женщине; он не умел обращаться с нею, как с равной на земле, но никогда не сомневался, что, взятая в иной мир и осененная благодатью, она такая же праведница, святая угодница, равноапостольная, как и святые мужи. Его не смущало и не удивляло, что существо, нечистое на земле, осеняется ореолом в высшем мире и получает дар исцелять тела, спасать души, творить чудо, и он с увлечением отмечал угодниц и праведниц, особенно чтимых им блаженных. Очень немногие из них удостоились канонизации, а деяния их - обнародования в житиях; жизнь большинства позабылась, благодаря недостатку грамотных и сколько-нибудь культурных лиц даже среди духовенства. Жила только, да отчасти и теперь живет случайная память о праведных женщинах, исцелявших, спасавших; имена их сохранились в «списках почитаемых усопших», по которым в определенные дни служат заупокойные и панихиды.

Почиталась когда-то Марфа, юродивая московская, погребенная в Ивановском монастыре в Москве; но теперь забыто самое время ее жизни; Харитина Новгородская, жившая, как думают, во 2-й половине XIII в. и подвизавшаяся в Петропавловском монастыре на Синичей горе; Иулиания, праведница Ульяновская, неизвестно, когда жившая, почитается в с. Ульяновском Сольвычегодского уезда. Также забыли бы про жизнь другой Иулиании, Лазаревской, если бы сын ее не решился сам составить для потомства биографию-житие этой выдающейся женщины; написал, как умел, оправдывается он, боясь, как бы житие блаженной не было забыто. 2-я новгородская летопись дает краткое указание, как возникало почитание усопшей и как о ней забывали. Она рассказывает, что в 1572 г. на Легошей улице за церковью Фрола и Лавра обрели мощи девицы Гликерии, дочери старосты Пантелея той же улицы; тело в гробе цело, но не все, руки согбенны на крест. Престарелая женщина Анаста-

сия сообщила епископу Леониду, открывавшему мощи, что лет 50 назад владыка новгородский провожал гроб этой девицы всем собором с духовенством и крестами на Легошу улицу, служил молебны в церкви Фрола и Лавра и положил его здесь. Тотчас у гроба исцелился 4-х летний мальчик, и у владыки звонили весь день в колокола. При открытии мощей в 1572 г. тоже произошло исцеление. Вот все, что помнила, и что нашла нужным рассказать местная летопись про отмеченную временным вниманием женщину.

Несколько лучше хранилась в русском обществе, благодаря участию духовенства и высших лиц, память о родственницах великих святителей и о великих княгинях: о матери св. Сергия, погребенной вместе с мужем в Хотьковом монастыре, в 10 верстах от Троицы; двух сестрах митр. Алексея, Иулии и Евпраксии, игуменьи и казначеи Зачатьевского монастыря в Москве; известны вел. княгини Феодосия, в инокинях Евфросиния, мать Александра Невского, и две его дочери - Мария, жена Довмонта, князя Псковского, и девица Евдокия, лежащая в Успенском монастыре во Владимире. Целые группы княгини являются в списке чтимых строительниц монастырей, благотворительниц, пострадавших за правду, замученных врагами; такова семья Юрия П, сгоревшая во Владимирском соборе во время погрома Батые; но о личностях их каждой в отдельности все-таки сохранилось мало или почти никаких сведений. Наконец, к числу чтимых принадлежит одна из старших сестер Петра I, участница великой трагедии, разыгравшейся вокруг его престола, пособница правительницы Софьи, царевна Марфа Алексеевна, сосланная в г. Александров Московской губернии и скончавшаяся здесь инокиней Маргаритой. Участь ее и ее сестер сильно поражала народное возмущение, и деревенские богомольцы толпами навещали сосланную царевну в ее келье.

Как исключение сохранилась одна очень поэтичная народная легенда про муромских угодников кн. Петра и кн. Февронию, отразившая народные представления об идеальном и обаятельном женском образе. Св. Феврония была дочерью смердодреволаза (крестьянина, промышлявшего пчелиными бортями); она родилась и росла в лесу; ее пониманию доступны были тайны природы и познание будущего; она знала силу трав и обла-

дала искусством врачевания; она предсказывала, умела говорить притчами и загадками, как древнеязыческие мудрые девы. Умом и острой загадочной речью она поразила слугу княжеского сына Давида, который просил полечить его повелителя. Вещая дева обещала вылечить больного княжича, с тем, чтобы он женился на ней. Давид обещал, но, выздоровев, не решился на унижительный союз с дочерью смерда, и в наказание был снова поражен болезнью. Тогда он исполнил обещание и выздоровел. Но когда Давид занял отцовский стол, родня и муромские бояре потребовали удаления низкородной княгини. Энергичная Феврония отказалась уйти одна из княжеских хором: с нею должны отпустить и её венчанного супруга; тогда оба они ушли из Муромы и вели простую праведную жизнь. Междоусобия и бедствия в Муроме заставили бояр просить княжескую чету вернуться к власти. Княгиня Феврония была всегда доброй советчицей мужу и делала много добра населению. В преклонном возрасте супруги постриглись (Петр - иноческое имя); умерли они в один день, и положены в один гроб. Дарования, чистота души и сознание своих личных прав вместе с деятельностью на пользу ближних хорошо оценены народной массой, и почитание святой согрето теплой симпатией к простолюдинке, сумевшей достичь высокого звания на пользу народа. Полуязыческое сказание-роман послужило канвой для составления в XVI в. жития св. Петра и Февронии.

Несколько иными рисуются перед читателями в житиях этой поры другие идеальные женские личности, какими их воспринимала страна и как их понимала Москва XV и XVI вв. Обе княжны св. Евфросинии, Полоцкая и Суздальская, отличались энергией и стойкостью в своих убеждениях и предприятиях. Первая, в миру Предслава, старшая по времени (XII в.), в жилах которой текла южная греческая кровь, обладала более горячим темпераментом и более широкой инициативой; она слыла образованной, вероятно, знала по-гречески; она путешествовала на восток и скончалась в Иерусалиме. Вторая, Феодулия, дочь св. Михаила Черниговского, погибшего в Орде, более спокойная северянка; покорная дочь, она по требованию родителей готовилась к браку; но князь-жених умер; тогда 15-ти лет от роду, княжна посвятила себя Богу и делам благочестия. Составители

житий, книжники XVI в., описывают обеих княжен очень образованными; тут сказываются веяния Европы и отзвуки Возрождения. Преподавателем Феодулии называют боярина св. Феодора, замученного татарами вместе с князем Михаилом; он посвятил девушку в познания «грамматики и философии». Обе святые обладали даром красноречия. Евфросиния Суздальская сама говорила поучения инокиням; много женщин сходилось на ее беседы и пение. Увлекаемые силой ее слова, многие постригались в обители, чтобы учиться у неё. По словам жития: «Она была мудрее мужей, и философам философ!» Впрочем, люди царской Москвы умилялись перед образованиям женщин, только говоря о княгинях и княжнах; иное дело, иная речь, когда касались благочестивых женщин других классов; по их поводу охотно вспоминали слова Антония Великого: «Имеющим цел ум, не требовати писания».

Единственной представительницей добродетельных мирянок XVI в. из среды провинциальных помещиц является перед нами Юлиания Осорьина, по месту погребения Лазаревская, почитаемая в Муромском уезде. Её биографию составил вскоре после её смерти один из её сыновей, принаравливаясь к тону житий, но очень живо, с литературным талантом. Этот единственный в своем роде образчик старой письменности так интересен, так много дает для выяснения семейного быта и жизни женщины того времени, что на нем необходимо остановиться немного подробнее. Юлиания родилась в Москве, в семье ключника двора Иоанна Грозного, Недюрева; с 6-ти лет ее воспитывали бабка, затем тетка, помещицы Муромского уезда. Она с детства прониклась любовью к Богу, предавалась молитве и посту, смирению и молчанию; всегда избегала она смеха, игр, веселья, проявляя изумительное трудолюбие; пряла, искусно вышивала днем, и тайно ночью, шила на бедных, заботилась о больных, оделяла нищих. Родственницы высмеивали ее, зачем в такой молодости плоть свою изнуряет и красоту губит. Всегда послушная и кроткая, она не изменяла своей жизни. Церковь была всего в двух верстах от усадьбы тетки, но Юлиания до самой своей свадьбы ни разу не была в церкви, не слыхала литургии, «только смыслом благим была наставляема нраву добродетельному», как говорит великий Антоний, «имеющим цел ум, не требовати писания». Никем не

наставляемая, блаженная сама все заповеди исправляла, благоговейно замечает сын её.

15-ти лет Юлианию выдали замуж за единственного сына богатого муромского помещика. В новой семье она получила право ежедневно посещать церковь; стала поучаться у местного священника, как жить мужу с женой, как молиться и творить добро, молилась подолгу и по ночам, учила тому же и мужа, как наставлял ап. Павел: «что веси, жено, аще мужа спасеши». Глубоко таила она свое горе, что недовелось ей сподобиться в инокинях чистого девственного жития; утешалась только писанием, слушая слова: «Привязаете жене, не ищи разрешения, и жена привязана законом, и своим телом не владеет, а муж, спасается же чадородия ради». Юлиания с жадностью слушала чтение писания, все запоминала и умела сама понятно истолковывать прослушанное другим.

Когда муж уезжал на службу, иногда на два и три года, она ночи проводила на молитве и еще усерднее трудилась, потихоньку продавая свои искусные рукоделья и полученное раздавала бедным. Старики Осорьины очень ценили разумную невестку и поручали ей хозяйство; труженица обо всех заботилась, как мать, особенно о рабах; для себя она никогда не пользовалась их услугами, все сама делала; только по необходимости при гостях уступала обычаю, и терпела, что рабыни служили ей, как полагалось по её званию; и всегда осуждала себя: «Кто же я сама, убогая, что предстоят мне такие же человеки, создание Божие». Очень кротко относилась она к дерзости и непослушанию рабов, хотя семья и корила ее за это.

В несчастные години неурожая, голода, повальных болезней в народе, Юлиания с поразительной энергией проявляла свое неутомимое человеколюбие; добывала все, что могла из своего хозяйства, не знала минуты покоя и все отдавала бедным. Скончались старики. У Юлиании было 13 человек детей; из них семерых она вырастила до совершенного возраста. Наступал и для неё пожилой возраст. Она слезно умоляла мужа отпустить ее в монастырь; но Осорьин сумел убедить ее словами писания, что можно и в миру душу спасти, что её труды необходимы людям; только одной мольбе её он внял — освободил праведницу от супружеского ложа.

Юлиания с восторгом устроила себе отдельное ложе из дров, засыпая на нем всего час-другой в сутки; ни разу с тех пор в бане не мылась, изнуряя свое тело, как пустынноница, молитвой и постом. Казалось бы, дух великой труженицы мог хоть не надолго отдыхать в покое и тихой ясности; но не такова была психология верующих и спасающихся людей того времени: страх искушения и бесовских сил удручал их бедное запуганное воображение, и Юлиания, как и все вокруг неё, жила с убеждением, что бесы ополчаются на нее и искушают её добродетель. Еще молодой ей доводилось видеть во сне и на яву, как бесы с угрозами бросаются на нее; в ужасе она взывала к Божией Матери и Николаю-Угоднику; и чудотворец являлся разгневанный, то великой книгой, то палицей бил бесов и разгонял их. Рассерженный неудачами дьявол посылал ей в испытание несчастья в дом, возбуждал ссоры в семье и среди рабов; так один из них убил старшего сына Юлиании, другой сын погиб на походе. Она никогда не роптала, переживая все тихо и кротко.

С её вдовством начались над нею знамения. Как-то раз в лютую зиму она, уже старуха, не пошла к обедне, как делала каждый день. Священник искал ее в храме, когда голос от иконы Божией Матери приказал почитать милостивую вдову Юлианию и передать ей, чтобы она бывала в церкви, так как молитва её приятна Богу. Как только пришла она к службе, благоухание распространилось по всей церкви.

Последним и высшим испытанием её сил были голод и мор в царствование Бориса Годунова. Она все распродала, все обращала в хлеб, чтобы давать и давать, не допуская, чтобы от неё уходили с пустыми руками. Юлиания приказывала собирать лебеду, кору, травы, и из них готовить хлебы; под её наблюдением хлебы делались очень вкусными, и соседи дивились их качеству. Вскоре, разболевшись, она и на смертном одре поучала детей и близких. Умерла она в другом поместье, но в уважение к её желанию ее перевезли к могиле мужа. Через несколько лет при погребении её сына, нашли её тело «кипящее муром»; тогда-то другой сын решил написать её житие, благодаря которому сохранилась память о праведнице.

И эта дошедшая до нас жизнь женщины, проникшейся не только религиозными идеалами своего времени, но истинно

евангельскими идеями равенства всех людей, служения ближним, оставляет грустное впечатление; и прав академик Буслаев, говоривший, что житье-бытье того времени и вся его неприглядная обстановка накидывают темный и печальный колорит на это повествование, хотя и согретое сыновним чувством автора. Кругом все печально и сумрачно, как серое неприветливое небо, висящее над темными лесами и пустынями муромского края. Однако, в этих лесах родилась и жила св. Феврония, а повесть о ней оставляет скорее светлое впечатление, и это потому, что в её основе лежит легенда лесного края, полная ясней непосредственности народного творчества, духа старины, когда еще не чувствовалось обострение социальных отношений; сама героиня — смелая женщина, боевая натура, всегда готовая на открытый отпор, послужила правде-жизни, а не идеалу смирения и изнурения плоти.

Юлиания провела жизнь среди более сложных условий быта и под гнетом других понятий. Извне тяготили ее бедствия русской жизни, голода, моровая язва и общественная разруха начала смуты. Тяжко ей жилось и в домашнем кругу среди толпы рабов, необходимой принадлежности старинного хозяйства. Не было ей утехи в молодости, пишет Буслаев, издавший житие защитницы рабов накануне реформы 1861 г., так груба и невзрачна её обстановка при отсутствии всяких признаков общественного образования, даже вне общения с церковью. Её сверстницы в помещичьих усадьбах только ели и пили вдоволь, питали свою красоту и радовались ей, осмеивали страсть к труду юной Юлиании, презирали её душевные порывы к лучшему, высшему, идеальному.

Насмешки близких, окружающая ее нищета людская, бедствия, семейные несчастья только изощряли её горевшее любовью и состраданием сердце и укрепляли её волю и энергию на дела милосердия, умиротворения, доброго, тихого поучения. Не её вина, если в минуты душевной тревоги ее преследовали отзвуки мрачных и диких распрей, побоищ, какими полно была русская жизнь того времени, и бедная запуганная фантазия населяла её сны набегами бесов и борьбой с ними угодников.

Со своей страстью к писанию она так и не пыталась научиться читать, вероятно потому, что такое научение не соответство-

вало истинной скромности, идеалу личного смирения, а являлось своего рода высокоумием, о котором она и не помышляла. И становится грустно за эту сильную, чуткую, богатую от природы натуру, это пылкое сердце, с таким энтузиазмом рвавшееся на служение людям, что ни откуда не прикоснулся к ней луч просвещения, не было просвета кругом, который бы сколько нибудь расширил кругозор её мысли.

Идеалы затворничества и смирения женщин не могли найти практического применения в тех слоях населения, где уделом женщин является труд наряду с мужчинами, где условия жилища, семьи не допускали отделения её женских членов от мужчин; не только крестьяне, ремесленники, низший торговый класс, но и небогатые служилые люди-помещики располагали очень тесными помещениями; к тому же в отсутствие мужа все хозяйство, ведение промысла, поддержка семьи ложилась на плечи жены. Крестьянский быт очень мало изменялся в течение ряда веков; языческая старина, древнее понимание природы, обычаи, формы поэтического творчества сохраняли всю свою живую силу в духовном мире крестьянина. Этот быт главной массы народа содействовал сохранению старины, её порядков и обычаев в среде горожан и провинциальных служилых людей-помещиков; его отзвуками питались национальные предания и в высших классах и в самых царских хороммах. Благодаря условиям хозяйства и промышленности, с одной стороны, энергичному развитию государственности, подчинявшему себе все и всех в стране — с другой, затворничество женщин не пустило крепких корней в русском обществе; оно применялось в быту немногочисленного высшего слоя знати и богатых людей, имело в нашей истории характер эпизодического явления, и довольно легко уступило культурному влиянию Европы; правда, отзвуки его сохранились надолго, но уже благодаря слабому и медленному развитию чувства общности в русском обществе новых времен.

В народной массе женщины, как древние жрицы, почитались хранительницами национальных обычаев, выразительницами традиционных понятий и чувств в важнейшие моменты жизни. Сватовство, свадьба, прощание с умершими, сходящими на войну по-старому разыгрывались в целые драмы, в кото-

рых участвовали не одни родные и близкие, а многие соседи и целые селения. Женщины хранили в памяти мотивы старинных песнопений, дополняли их работой воображения, приспособляли к новым случаям и временам, перепевали заново свадебные песни, причитания, погребальные вопли. Особенно нервные и чуткие, способные вдохновляться до экстаза певицы и плакальщицы пользовались огромным почетом и наперерыв приглашались в селения целого округа; иные имели специально плач по покойникам и силою выражения скорби и образностью картин умирания и значения потери «крестьянина могучего» производили потрясающее впечатление: другие мастерски вели свадебные песни и игры.

В старину свадьба со своими песнями являлась истинным брачным обрядом, укреплявшим союз, и долго сохраняла это значение в Малороссии и некоторых окраинах. Невеста оплакивала девичью свободу, на которую «суд пришел», и присудил ей «суженого», дал ей «ряд» на всю жизнь в образе «ряженого». Совершалось важнейшее событие личной жизни; чувства присутствующих обострялись, настраивались очень высоко; недаром немцы называют свадьбу «Hoch Zeit», и настроение требовало сильных, горячих слов и звучных напевов для своего выражения.

У гроба вопленица является истолковательницей семейного горя, говорит собиратель «Причитаний Северного края» Е. Барсов; она входит в положение осиротевших; она думает их думами и переживает их сердечные движения; чем богаче её запас готовых оборотов, тем лучше обрисовывает она думы и чувства среди животрепещущих явлений природы, тем умиленнее и складнее причитания; тем большим пользуется она влиянием и уважением среди народа. Отдать последний долг умершему собираются иногда целые селения, а потому нельзя остановиться на значении вопленицы только как на выразительнице чужого горя; влияние её шире: она объявляет во всеуслышание нужды осиротевших, указывает окружающим на их нравственный долг поддержать сирых; она напоминает о нравственных устоях жизни, открыто высказывает думы и чувства, симпатии и антипатии, вызываемые условиями семейной или общественной жизни. Иные плачи, например, о покойном старосте, слуге об-

щества, немного напоминают в наивной форме современные публичные речи в память общественных деятелей.

Форма плача над умершим или пострадавшим - очень древнего происхождения; некоторые плачи записаны в других литературных памятниках; плакали женщины над ослепленным кн. Васильком Ростиславичем; плакала о судьбе мужа Ярославна на стене Путивля. Известен плач вел. княгини Евдокии над телом Дмитрия Донского...

«Что ради и на дети свои не возриша,
Ни ответна слова не даси.
Звери земные на ложи свои идут,
И птицы небесные к гнездам летять!
Ты-же, государю, от дома своего не красно отходиши!
Кому уаодоблюся аз, уединенная?
Старые девы, утешьте меня!
Младые же вдовы, восплачите со мною!
Вдовья бо беда горче всех людей».

Церковь не раз осуждала продолжительные вопли, как внесение посторонняго мирского элемента в погребельные обряды. Петр I в 1715г. при погребении царицы Марфы Матвеевны строго запретил непристойные вопли над её гробом. Но в народе обычай долго сохранялся во всей своей неприкосновенности. Древняя причитанья и свадебные песни не дошли до нас, за немногими исключениями; но много старины сохранилось и в позднейших творениях певиц и плакальщиц.

Происходит сватанье; сваты сидят в красном углу, угощают; невеста скрывается в клетки, в чуланчике и плачется:

«И во почестном, во большом углу
Как не вороны слетаются,
И не воины съезжаются;
Уж как сходятся, съезжаются
Два свата полюбовные;
Как бы вороны слетались бы
Крылье-перьяцы щипались бы;
Кабы воины съезжались бы,
У их палицы ломались бы;
И не в трезвон ныне затрезвонили,
Мою волюшку поневолили,

И не в колокол ударили,
Меня девушку просватали.
И я гляжу смотрю, невольница,
Сквозь обиду-горючи слезы,
Я на лавочку бросовую,
И на стенишку личевую,
И на свещу да воску ярова;
Как свеща Божья туманится,
И Богородица печалится».

Девушка умоляет родителей не спешить с делом, не прельщаться расказнями сватов и подумать хорошенько над долей. Вспоминает она старину, великую, светлую волю деви, чуждой всякого ряда; мифической древностью веет от размышлений невесты, куда схоронить дорогую волюшку, в погребах ли под землей, во темном ли лесу, на дне ли реки, спрятать подальше, чтобы не пропала она в конец, а спряталась где-нибудь до времени. Горюет, недоумевает она, кто виновник в этой беде, что должна она, девица, слушаться уговоров родителей и сама снять с себя эту вольную волюшку. За неё отвечают исследователи песен: виновны сложившиеся порядки народного быта, созданная ими семья, требующая ряда для вольных дев, «походных» богатырш, виновата и она сама, красота её, юность её завлекающая, наконец, чувство, зарождающееся в ней самой, побуждает ее, хоть и со слезами, наложить руки на свою вольную волюшку и обращаться в девицу подневольную, как называют ее песни. Но еще высоко очарование чистой деви и внушительна её волюшка, и невеста выше всех и значительней в свадебном обряде.

Она спрашивает в песне замужнюю подружку: «И ты скажи, советна дружна подружка! Как со волюшкой ведь ты да расставалася?» И та отвечает:

«И ты подумай, подневольна красна девушка,
И не посмею я, печальная головушка,
И подойти к тебе, голубенько, скорешенько,
И да я стать к тебе, невольничка, близешенько,
И наднести да на тя бели свои рученьки,
И можешь знать-ведать ты, белая лебедушка,
И на перстах моих перстни не бриллиантовы,
И на руках да ведь пальца не залоченные,

И во моих да во бесчастных во плечушках.
Да 50 да е булавочек каменных,
И е пять вострых былатных столько ножичков,
И приобрезку твою вольну эту волюшку,
И посердьячишь ты, советна дружна подружка,
И на меня да ты, печальную головушку».

Соседка не решается рассказывать про «чужу сторонушку», где за всем примечают, все осуждают; осудят и ее, что с соседкой порасплакалась, на чужую семью расжалилась. Весь диалог ведется красиво и образно.

Не казист жених, не казиста жизнь замужня и невесте заранее рисуется картина предстоящей тяготы:

«И как охоч ходить остудник да захаживать,
И он по темным, по долгим по ноченькам,
И сождать да буде белой мне лебедушке,
И буде ноженьки держать да на дороженькой,
И белы рученьки держать да на заложечке,
И буйна голова держать да во окошечке
И ясны оченьки держать да во чистом поле,
И умом разумом смекать да во все стороны;
И на который придет путем дороженькой,
И он откуль приде, остудник, со сторонушке,
И ожидать буде невольной до полуночи;
И вот идет да он, остудник блад отецкий сын,
И он плотнешенько идет да подпоясанось,
И несть шапку то, остудник, на одном ухе,
И рукавички то несет да на правой руке;
И уж он пьян-непьян, остудничек, шатается.
И надо мной хочет, остудник, насмеяться».

Плачи несравненно разнообразнее свадебных песен; они повествуют о разных лицах, о множестве различных бедствий и событий, имевших роковые последствия: плачут вдовы о мужьях, дети о родителях, мать о молоденькой дочери, плачут об убитом молнией, об утонувших во время бури, о крестных и о крестниках, и о разных родственниках, об отце духовном, о старосте, прославляют семейные добродетели и общественные заслуги умерших, плачут, провожая на войну, и всюду широкий простор для проявления находчивой фантазии и чуткой отзывчивости.

Жена, оплакивая мужа, называет его «державушкой», «семеюшкой», как главу семьи и дома; мать именуется «родитель-жалостливая», дочь-девушка «белая лебедушка».

Сильно и образно рисуется, как смерть, крадучись, проникла в дом, горько сожалеют, что не укараулили ее, не боролись со злодейкою:

«Глупо сделали сиротны налы детушки,
Мы проглупали родительско желаньице.
Допустили эту скорую смеретушку,
Мы не заперли новых сеней решетчатых,
Не задвинули стекольчатых околенок;
У ворот да мы не ставили привородщиков,
У дубовых дверей да сторожителей;
Не сидели мы у трудной у постелюшки
У тяжела круто-складного зголовьица;
Не глядели про запас мы на родителя на батюшку..

...Подходила тут скорая смеретушка,
Она кратчи шла злодейка душегубица;
По крылечку ли она да молодой женой,
По новым ли шла сеням да красной девушкой,
Аль каликой она шла да перехожею»...
Просватанная дочь, оплакивая девичью волю, ищет утешения на могиле матери.

«Не утай, скажи, родитель жалостливи,
Где оставила сердечное желаньице,
Свои ласковы прелестные словечушки,
Знаю ведаю, кокоша горе-горькая,
В ветре-сивере великое желаньице,
В синем камышке прелестные словечушки,
Надо волюшкой победной мне спрошенная,
Буду горька сирота я застроченая,
Не по плечушкам крестьянска мне работушка,
Не по возрасту великая заботушка»...

Иногда вызванная мать является к дочери-невесте, и песня беседует с ней, как будто она и не покидала мира живых.

Большими художественными достоинствами отличается плач матери по молоденькой дочери; он сравнительно короток, но сжатая сильная речь дышет глубокой тоской, тихой безыс-

ход-ной скорбью; смерть юного существа не только горе, а злая обидушка материнскому сердцу:

... «Говорила мне ка бела лебедушка:
Я не знаю же родитель мой мижонный день,
Что болят да крепко резвы мои ноженьки,
Что устали ноне девичьи мои рученьки,
Изменился белый свет да со ясных очей».

Слегла больная девушка, день и ночь сидит горюет над нею мать, припасает ей яства сахарные; но болезнь побеждает:

«Уже день за день как река течет,
Приходить стала разлижня красна веснушка.
Стало синее Онего разливаться,
Мое дитяtko от нас да удалятися;
Быв, как дождинки уходят во сыру землю,
Как снежечки быдто тают вокруг на околе огней,
В роде солнышко за облачко теряется,
Также дитяtko от нас да укрывается,
Как светел месяц по утру закатается,
Как часта звезда стерялась поднебесная,
Улетела моя белая лебедушка,
На иное безвестное живленьице!»

Плач по убитом молнией вопленица начинает осторожным напоминанием об Илье Пророке, который испрашивает у Владыки разрешения наказать «крестьянина могучего», что не усерден он в молитве; далее описание душного дня, сильной грозы с бурей, посклонившей леса, разогнавшей зверей.

«С утра жалобно ведь солнце воспекало,
Была тишинка на широкой на уличке;
На часу вдруг тут е да объявилося,
Стало солнышко за облака теряться,
Наставала туча темная, неспособная,
Со громом да эта туча со толкучим,
Вдруг с молнией то тученька трескучей» .
...Стрела Божья тут вдруг да разлетелася,
Не на воду ведь стрелушка не на землю,
Не на зверя в темном лесушке съедучего,
Она пала на соседа спородивого —
Изорвала все ретивое сердечушко;

Заразил-побил Илья-свет-Преподобный
Да он славного крестьянина могучего
Туча темная зараз же уходилася,
Стрела молния зараз же приукрылася».

В плаче по старосте вопленица от лица вдовы рассказывает о самовольстве начальников, что измываются над крестьянами, мучают и обижают их, о судьях грозных, неправедных, о сборщиках, взыскивающих разорительные подати; и ко всем староста первый являлся, ответ держал и мир защищал:

«Стане староста судью тут уговаривать:
Не давай спеси во бладую головушку,
Сиротства ты во ретливое сердечушко.
Да ты чином то своим не возвышайся-тко —
Едины да все у Бога люди созданы:
На крестьян ты с кулаками не скакивай,
Знай сиди да ты за столиком дубовым».

Пение и плачи многих певиц и плакальщиц отличалось особой красотой и силой выражения; иные обладали даром импровизаций; одни женщины особенно хорошо вели свадебные песни, другие славились своими плачами, производившими потрясающее впечатление на слушателей, а слушать их собирались люди из дальних деревень. Еще в 60-х годах XIX в. в Онежском крае знали замечательных плакальщиц.

V

Старинные помещицы¹

Одновременно с полным расцветом затворничества в высших слоях московского общества, со второй половины XVI века зарождается иная сфера быта с иными требованиями от женщин. Быстро растут сила и значение в государстве военно-служилого класса, тех ранних воинов-помещиков, которых можно считать родоначальниками позднейшего дворянства.

Военно-служилых людей посылали на житье и службу в дальние степные места близ дорог, по которым бродили татары и другие кочевники, подготавливая свои набеги на русские города и даже на Москву. Вместо жалованья и содержания военным от-

---

¹ Лекции V и VI см.: «Исторический Вестник». 1913. № 7, с сокращениями.

водили участки пустых степных земель, чтобы заселяя их и заводя сельское хозяйство, они успешней оттесняли кочевников за Волгу и к Черноморью. По смерти служилого человека или когда старость, болезни или раны лишали его возможности нести военную службу его поместье передавали другому обязанному службой лицу, обыкновенно сыну или родственнику и только за неимением родных постороннему, обязывая преемника содержать старика. К XVII в. селения мелких и крупных помещиков, разбросанные по огромным пространствам, перерезанным земляными валами, завалами деревьев, а у татарских дорог — частоколом со сторожевыми башнями, широким полукругом охватывали центральную Русь от Приуралья и реки Белой — через нынешние губернии Симбирскую, Тамбовскую, Воронежскую, Курскую до Смоленской и литовской границы на Западе.

Жуткую жизнь выносили здесь семьи помещиков на отпущенных за службу землях; долгое время крестьяне не решались селиться на опасных местах и не приходили на свежие земли новых помещиков; обращать в холопство пленных и удерживать их за собой, приучая их к земледелию, не хватало сил и средств. Мелкие помещики с женами и детьми сами пахали и убирали поля, держа наготове ружья и самопалы. Летом в пору сельских работ спадала вода в реках, открывались броды, и кочевники свободно пользовались степными дорогами для своих набегов. Воинов требовали на усиленную службу к крепостям и сторожам.

Жены оставались одни при хозяйстве под грозой набега и татарского плена с увозом на продажу на мусульманские рынки. Целыми поколениями неслышно и незаметно вели здесь помещицы огромную экономическую работу; в заселении степей и укреплении сельского хозяйства на драгоценном черноземе заключался основной смысл борьбы с кочевыми народцами. С каждым поколением новые группы помещичьих семей отделялись от старых уже окрепших населенных мест и передвигались далее к югу и юго-востоку и заводили новые селения, налагая новые испытания на женские силы; женщины и в поле работали, и дома оберегали.

Когда жизнь в окрепших селениях становилась безопасней, и приходили на работы крестьяне, получая в свою очередь на-

дела на помещичьей земле, то их хозяева-помещики, как более состоятельные, отсылались в дальние, более трудные походы. Помещицы по целым годам управлялись одни со сложным хозяйством, наблюдали, чтобы не разбрелись крестьяне, что так легко удавалось вблизи степей. В своей сельской глуши помещицы с детьми жили в сущности в полной зависимости от своего рабочего люда.

Когда ожидалась татарские набеги, московское правительство строго наказывало служилым людям свозить жен и детей с имуществом и даже хлебом в ближайший острог-крепость или укрепленный городок, чтобы не оставлять добычи кочевникам. Но по бездорожью и огромным расстояниям такие перевозки бывали невыполнимы; даже жители ближних селений не любили забираться в городскую осадную тесноту. Помещики предпочитали, несмотря на строгие запрещения, строить свои острожки и загороди, где своими средствами защищались от набегов.

Нередко и их женам, одиноким помещицам, доводилось самим во главе вооруженных людей отбиваться от разбойничьих шаек или отсиживаться от врагов и за частоколами; заселения очень страдали от нападений разбойников и отчасти казаков. Обижали и свои братья-помещики: иной чересчур бойкий боярский сын собирал вокруг себя любителей легкой наживы и ходил с топорами и рогатинами на помещиков и на крестьян; удалая шайка била своих же земляков до увечий и смерти, отнимала имущество, ничем не гнушаясь, часто для того только, чтобы немедленно прокутить легкую добычу в первом кабаке. Подчас, как татарин, такой атаман завозил их жен и дочерей в свою усадьбу, чтобы закрепить их себе в холопство.

В записках Болотова отмечены по семейным пересказам бедствия женщин в глухих деревеньках. Когда один из его предков, каширских помещиков, попал в плен к крымским татарам, зимнею ночью разбойники напали на его усадьбу, жену его предали мучительной смерти, дом весь разорили; ушла одна только жившая с матерью незамужняя дочь, босая, неодетая. Добежала она кое-как по морозу за 3 версты в деревню родных; там разболелась и умерла. Люди их разбежались или были уведены насильниками, а крестьяне разбрелись по другим помещикам. Через

много лет старый помещик ушел от татар; добрел он до родной деревеньки, а вместо нее нашел заросшие бурьяном ямы и развалины.

Очень часто на долю женщин выпадали все деловые сношения помещицкой семьи. Умирал помещик или лишался службы вследствие ран и увечий, и деятельными гражданками становились вдовы-матери, и даже взрослые дочери-сироты оказывались во главе семьи. Они спешили закрепить поместья за детьми или маленькими братьями и обеспечить их, сохраняя с трудом созданное хозяйство. С помощью ближнего священника, дьячка, грамотного родича или холопа они посылали слезные челобитные в московские приказы, прося справиться за детьми поместья и выделить части вдовам на прожиток, а дочерям на приданое, обещаясь, воспитать новых воинов для государевой службы.

«Бедная вдова Кашерянина Антонидка Дорофеевская ж. Болотова с детишками, Большим Сенькой (5 л.), да Меньшим Сенькой (3 г.), да с двумя дочерьми девками бьет челом Вел. Государю... в прошлом в 154 г. (1646 г.) был муж на твоей государевой службе на Ливнах с окольничьим кн. П. С. Львовым... да занемог, и привезли с твоей государевой службы больного. И в нынешнем, Государь, в 155 г. после Богоявленъего дня на завтра мужа моего не стало». Вдова просит «пожаловать ее с сынишками выслуженным поместьем мужа 95 четями» (142 1/2 десятины), а им «с того поместья государеву службу служить и мать свою кормить до живота». Семья Болотовых была из крепких и жила довольно дружно; вдовы не торопились просить о выделе себе и дочерям на прожиток. Очень энергична и деятельна вдова более состоятельного Болотова, Дарьица. После обычного доклада о смерти мужа она перечисляет свою семью в челобитной: «А я, горькая, осталась с детишками своими, с Ивашкой да с Кирюшкой, да с Гаврилком да с Бориском, да со снохой Осиповой женой, да со внуком, Ларькой Осиповым сыном, сама сема». Поместья мужа 618 дес. она просила справиться за двумя младшими сыновьями и внуком: «А внука моего вели мне поить и кормить, покамест возмужает и поспеет в твою государеву службу»... А поспеет Ларька в 15 лет, он из того деда своего поместья служит и кормит бабку и мать. Вдова Дарьица была не

мелкая провинциалка, а москвичка, дочь головы московских стрельцов; такие браки представляли большие выгоды для служилого уездного человека: через родню жены он находил поддержку в Москве; было кому похлопотать за него в приказах, выпросить прибавки к поместью. Сама Дарьица энергично и твердо вела дела семьи и все потомство удерживала вокруг родного гнезда.

Только по смерти старшего сына она выхлопотала раздел поместья поровну на всех по 91 дес., двум сыновьям и внуку, себе на прожиток и снохе-вдове с дочерью. У молодой женщины был уже высватан жених, и 61 дес. ее прожиточного, (30 дес. шли дочери), доставались мужу как бы в приданое. Браки помещиц и служилых людей устраивались при участии московских приказов; невеста заявляла в челобитной, что ее жених ждет и готов жениться, если Государь пожалует, велит справить за нею прожиточное поместье. Если мужа записывали в службу в другой уезд, он мог обменяться поместьем жены с новым соседом или товарищем на то же число десятин.

Иные помещицы отслуживали, можно сказать, 2 срока службы: взрастив сыновей, они хлопотали о судьбе внуков, заботились о невестках, когда мужья подолгу пропадали в походах; даже выдавали замуж их молодых вдов. К числу их принадлежала и Дарьица Болотова. Еще ряд лет заведывала она хозяйством и делами семьи, и только с возвращением домой старшего из оставшихся в живых сыновей она подумала о покое и отдыхе; а покой и тишину в те времена мог дать только монастырь. Энергичная Дарьица постриглась, оставив свои 91 дес. внуку Лариону; сыновья же, следует думать, сделали необходимый вклад в монастырь, с которым община принимала в свою среду и на свое попечение постриженницу.

Вообще, при дележе поместий дела шли далеко не так гладко; родичи очень часто ссорились, тягались друг с другом, утаивали лишних членов семьи, чтобы больше досталось, и за это попадали под суд. Так, родственница Болотовых, вдова с сыном, чтобы лучше выдать старшую дочь, утаила в челобитной о прожиточных долях существование своей младшей дочери. За обиженную вступились другие родственники и подали жалобу. По

суду обиженной девочке выдали на прожиток большую долю поместья, чем матери и старшей дочери вместе.

В отдаленном Арзамасском уезде девна сирота Катерина Малахова долго жаловалась в приказы на дядю и братьев, что ей слишком мало выделили из выслуженных ее отцом земель; и все-таки уже вместе со сговоренным женихом добилась большой прибавки к своему приданому. Очень часто юноши новики из многолюдной семьи в прожиточном жёны получали свое первое земельное обеспечение, с которым начинали службу, а свою поместную землю выхлопывали позже за выслугу; поэтому экономические условия брака имели большое значение для служилых людей; а правительство находило очень удобным задерживать доли служилых поместий за девицами, готовить, так сказать, аванс будущей молодой чете, обязанной потрудиться над защитой и заселением родной земли.

За прожиточным девочек зорко и завистливо следили родственники, чтобы при первой возможности оттянуть клочок в свою пользу. В этом же Арзамасском уезде двум сестрам-сиротам, Большой Афимье да Меньшой Афимье, должны были достаться 16 дес. вымененной их отцом земли, а сосед родич уже спешил с челобитной, прося отдать ему, если что останется от прожиточного Афимий.

Сами родители не могли давать землю в приданое дочерям, так как поместья не считались их собственностью; они награждали дочерей платьем, вещами, холопами, крестьянскими дворами. В XVI в. до XVIII у нас временно установилась общность имуществ супругов, что потребовало заботливого перечисления приданого, которое по смерти мужа или при разводе возвращалось жене. При рядных записях, составлявшихся при сговоре, прилагался подробный список приданого и того, что жена вносит в общее хозяйство. Если муж входил в дом невесты, то и он давал такую же рядную на свое имущество.

У людей состоятельных большую роль в приданом играла движимость; вот для примера рядная конца XVII в. дочери тульского помещика Тимирязева, сговоренной за Писарева: отец благословил дочь четырьмя иконами в ризах серебряных. «Ларечной кузни» — цепь позолочена, двой серьги серебряные позолочены с камнем и жемчуги, да ошивка цепновая, переденка низовая, 10

перстней с камнем и с жемчуги; да трех соболей, верх низанный, да рукавья низаны. Приданова платья: шуба атласная червчатая, мех белый хребтовый, кружева серебряные згороды, пуговицы позолочены; шуба камчатая лудановая дымчатая, мех белый, кружево золотое згороды, пуговицы сереб. позол.; шуба тафтяная, мех белый, кружево кизилбацкое, пуговицы сереб. поз. Телогрее лудановая жеркая, кружево кизилбацкое, пуговицы поз. Телогрея камчатая белая с кружевом золотным, пуговицы оер. поз. Шуба киндячная червчатая на зайцах, телогрея киндячная. Перинг с сголовьем и подушки, наволоки тафтяные, одеяла выбойчатые на зайцах. Сундук с бельем. Всего платья на 100 руб. Из госуд. жалованья своей вотчины (собственная земля)... 50 дес. земли со всеми угодья и на ту землю переводит 2 крестьянских двора (2 семьи) со скотом и лошадьми; ставит им избы, дает по 6 дес. земли и хлеба на обзаведенье; кроме того, 2-х дворовых людей». Если Тимирязев всех этих условий не выполнит, зятю получить с него неустойки 500 руб.

Таково приданое дочери вотчинника, т. е. обладателя собственной земли в центральной полосе; иное находим в рядных симбирских и арзамасских служилых людей; сговорила вдова синбирянина Неклюдова свою дочь за Осипа Ананьина. «А благославляю я, Марья дочь свою Аграфену образом Пресв. Богородицы Казанские да образом Сергие Чудотворца», а приданого платья: шубка киндяшная теплая новая, да две кумачные холодные новые, да трех атласный новый; да 5 приданных дворовых людей, мужчина с женою да 3 девки». Свадьбу Неклюдова назначает на 6 апреля 1684, а если она в этот срок дочери не выдает или приданого ни додас, то взять с нее, вдовы, 200 руб.

Другая вдова Арзамасского уезда дала за дочерью только 2 иконы, шубку дорогильную, (?) да серьги двойчатки да дворового человека. Приданое крестьянских невест Вологодского края бывало богаче вещами; в одной сговорной рядной начала XVII в. читаем о нескольких однорядках и шушунах, правда суконных, 2 шапках камчатных с кружевом жемчужным; у крестьянки две пары серег с жемчугами, ожерелье жемчужное.

Торжественно, по возможности накануне свадьбы, приданое привозилось к жениху, и он давал расписку вроде следующей: «Се аз... Нербаров дал есми отпись дяде своему... Воронцову, что

взял за ею женою своею... а его племянницею против рядной записи приданого... и шубка и шапка да серьги дошло все... опричь приданных людей, что не додали»...

Казалось бы, значение женщин в поддержании и развитии хозяйств, которые давали возможность помещикам оставлять службу и содержать себя и семьи, заботы правительства об обеспечении женщин служилого класса прожиточным должны были возвышать их личное достоинство, внушать уважение к ним. На деле было не вполне так, и много тяжелых личных драм разыгрывалось внутри усадеб. Разводы встречались очень часто; при ранних браках по одному сватовству и экономическим соображениям, подвижной жизни мужчин супруги часто оказывались чуждыми друг другу, жена — устаревшей, надоедливой; тогда у сильнейшего находилось в руках много средств принудить жену постричься или идти на развод по обоюдному согласию; дело доходило до битья и насилий над несчастной помещицей при участии запуганных повелителем холопов, при содействии подкупленного странствующего иеромонаха. Обилие таких разводов заставило патриарха Филарета начать борьбу с самовольными расторжениями браков, противными церковным уставам. Печальная будущность ожидала немолодую женщину, вынужденную идти на развод, хотя бы и без насильственного пострижения. Правда, она получала свое приданое и прожиточную землю; но то были украшение и сырой материал для хозяйства, без теплого угла; устраивать его заново при первобытных условиях жизни и отсутствии наличных денег для одинокой женщины было очень мудрено. Разводка поступалась своей землей родным, чтобы они содержали ее в своей усадьбе; но нелегко ужиться в чужом доме, и бывшая помещица меняла свои условия, ездила по родным пока не постригалась, или, если имела много земли, не находила покупателя и устраивалась за деньги в городе. Так родственница Болотовых вдовой вышла за князя Волконского; а через три года оба они подали челобитную о разводе и очень скоро получили его. Весьма состоятельная княгиня доживала свой век в неопределенном положении; то поступалась своими землями сыну за то, чтобы кормил и почитал ее, то брала их обратно и распродала понемногу.

Вообще, в сфере жизни поместного класса, как и в крестьянском быту затворничество для русской женщины было невысказано, не имели настоящего применения и правила Домостроя. Здесь, на территории военной колонизации от женщин требовалось много личной смелости, самостоятельности и сообразительности; апатичная, робкая, не умевшая управляться в одиночку среди опасностей степного быта у военной границы могла повредить хозяйству и себя погубить. Марьицы, Дарьицы, Антонидки да Параскевы, жены и дочери помещиков, несли на своих плечах огромную долю колонизаторского труда русского населения, обеспечивавшего мирному люду лучшие черноземные земли нашей равнины. И московское правительство прекрасно понимало значение этих бессменных агентов своей военной колонизации; оно обеспечивало пожилых помещиц вдовьями долями из их поместья, а девиц-дочерей — участками на приданое. Марьицы и Дарьицы просили в челобитных пожаловать их с детьми «за кровь и за раны» мужей и отцов, а могли бы с полным правом приписать «и за наши пот и кровь, болезни и увечья». Отпускались ими в обеспечение потрудившихся вдов и в виде аванса дочерям на будущее служение, те самые доли недвижимости, не менее 8-й и 14-й, которые после Петра внесены в законы о наследовании. Порядки раздачи поместий служилым людям и обеспечение их жен распространялись и на земли к северу и западу от Москвы.

Этот класс помещиков, среди которого, как и в крестьянстве, представители обоих полов трудились рядом рука об руку, сделался впоследствии господствующим сословием в императорской России, руководителем крепостного труда сельского населения, первый подчинился просветительным мерам правительства и влиянию европейской культуры, а еще позже выделил из себя первые группы русской интеллигенции.

С присоединением Малороссии на духовную жизнь московского общества точно пахнула струйка свежего воздуха. На юге не знали затворничества женщин. Закон и обычай обязывал обеспечивать формальным актом за женой и вдовой не только приданое, но и часть имущества мужа. Малороссиянки состоятельных классов располагали личной собственностью, заключали договоры, самостоятельно вели свои дела, тем более, что

обыкновенно знали грамоту. Девы часто свободно выбирали мужей, а при неудачном замужестве без труда получали развод. В бурные смутные времена они удивительно смело пользовались и своей личной свободой и даже правами сильного в своей казацкой стране: выходили в походы во главе вооруженных людей, защищали свои усадьбы и замки, делали даже набеги на соседей. При сближении московской Руси с южною свобода, которой пользовались малороссиянки, не могла не произвести впечатление на приниженных московских затворниц. Однако и новые условия помещичьего быта и пример южанок могли только подготовить почву к освобождению женщин от теремов; первые личные выступления великороссийской женщины на публичной арене и проявления ее воли и индивидуальности имели место в среде старомосковского общества и и на почве религиозных вопросов, на которые они всегда очень чутко отзывались.

В заботах помещиц о семейных делах и судьбе поместий, в самом тоне их челобитных на государево имя много общего с челобитными крестьянок к их «государям», землевладельцам, вотчинникам и помещикам. Сохранилось от времени очень мало документов из частных хозяйственных архивов богатых землевладельцев; а еще меньше их собрано и издано. Вот несколько прошений крестьян из вотчин кн. Никиты Ивановича Одоевского и его сына со скорбными вестями о семейных бедствиях и горестях.

Пишет боярину Федосьица Филипповская женишко, что в 1642 г. мужа ее не стало, «я, бедная, осталась с ребятишками сама пята, а сынчек мал, 5-ти лет; с пашнею не смогу жить, а земли подо мною 11/2 дес.»; просит снять 1 дес. надела, пока сын не подрастет.

Бьет челом Варварко Логинская женишко; муж помер, «а я, бедная сиротка, осталась с ребятишками, с 3-мя сынчеки, и большому, государи, по 6-му году, и стали без спрострою, пить, есть нечего... помираем голодом и с пашнею не сможем... оброка не промыслим»... просит льготы до возраста детей, и прибавляет, как многие «а я бедная, рада жить за вами, государи».

Вдовка Ненилко Фокинская женишко пишет, что муж ее и 4 сына померли; она, сиротка, осталась одна без спростройки, тяг-

ло 3 дес., кляченко, коровенко, 3 овцы; земли окупать нечем. Просит сбавить 2 дес., а на одну примет в дом «сродного человека, чтобы мой домишко построился, и мне, бедной, в конец не погибнуть». Жалуются на сиротство и вдовцы крестьяне; так Федько Первушин пишет: «Волею Божию по грехам овдовел, а детей нет и стал без пристройки; пить, есть нечего, живу походя и кормлюся миром, а живота и хлеба нет ничего, и курята неть, и завода крестьянскогонит ничего»; просит избавить пока от тягла. «А впредь как Бог изволит, женюся и живота Бог даст, и яз опять буду крестьянином».

Как теперь, так и встарину в крестьянстве мужчина и женщина равноценны в хозяйстве, и один без другого не могут обойтись. Еще женщина скорее могла прожить на минимальном участке земли, только чтобы из последних сил сохранить дом ради детей и держаться за свое крестьянство.

Первые дерзания

Московская Русь прожила долгие годы вне живительного общения с иноземной культурой; свою веру и ее обрядовые формы, свои обычаи она привыкла считать неприкосновенной святыней. Южная Русь вековала под властью иноверцев и научилась защищать свою веру и народность силою школьного просвещения, литературой на родном языке, богословскими прениями и не боялась полезных заимствований. Едва сблизившись, великороссы почувствовали, что южные братья очень опередили их образованием и культурностью. Московское правительство решилось пригласить в столицу киевских монахов, сперва для исправления богослужебных книг, а затем и для обучения молодежи. В Москве появились новые учителя веры — событие огромной важности. Новые люди, сильные научной подготовкой, быстро расшатали старые навыки духовного учительства, подготавливая умы к сближению с Западом и готовящимися преобразованиями. Энергичные сторонники старых обрядовых форм бурно восстали против новых начал, проводимых киевлянами, и резких мер высшего московского духовенства. Разразился церковный раскол. Сильное умственное брожение разлилось потоком по всей стране, глубоко захватывая все слои населения; и самым чувствительным барометром, показателем

высокого давления на психику русских люлей, оказались, как и повсюду, женщины. До совершеннолетия Петра I мощные женские личности выделяются из различных групп передовых деятелей того времени и даже иногда становятся руководительницами общественного движения.

В первую самую горячую пору споров и борьбы религиозный вопрос вызывал распри в недрах замкнутых старинных семейных кружков, разбивая родственников на враждебные лагери; их отголоски звучали в самом центре охранения чистоты обряда и обычая — в царском дворце; царевны, сестры царя Алексея Михайловича, отстаивали исправление книг и распоряжения патриарха Никона, а тихая затворница, но строгая блюстительница своих обязанностей богомолицы и благотворительницы, царица Марья Ильинична втайне сочувствовала старообрядцам и их пылкому вождю, протопопу Аввакуму. Родственница царицы и влиятельнейшая представительница ее двора, боярыня Морозова, со своей сестрой, княгиней Урусовой была самой яркой последовательницей Аввакума в борьбе за религиозные предания; вместе с ними много смелых и умных энергичных женщин выдвинулись в первые ряды борцов за чистоту старого православия.

Семнадцатилетняя придворная боярышня Соковнина вышла замуж за пятидесятипятилетнего вдовца-богача, брата царского воспитателя Морозова, и рано осталась вдовой с единственным сыном. По своим духовным силам Федосья Прокопьевна Морозова — исключительное явление для своего времени; очень начитанная в духовной литературе — единственный вид образования, признаваемый старой Русью, она страстно и деятельно искала правды жизни; раз найденное решение всецело овладевало ее душой, и она шла за него на муки и смерть. Старик Морозов, царский друг и воспитатель, уважал молоденькую невестку; сам встречал ее приветствием: «Приди, друг мой духовный. Приди, радость моя душевная», и по целым часам беседовал с ней. Да и сам царь ценил общество умной женщины, горевшей искренним благочестием. Боярыня владела огромным состоянием, обширными вотчинами, где жило восемь тысяч крестьян. В ее великолепных московских палатах хранилось более, чем на два миллиона рублей на наши деньги казны и вся-

кого имущества, и толпилось до пятисот слуг. По торжественным дням знатная вдова ездил к царице в карете, выложенной серебром и мозаикой, на двенадцати армагаках, гремевших серебряной сбруей.

Морозова свято хранила заветы «Домостроя», возлагавшего на домохозяина ответственность за души домочадцев и челяди. Она лично правила своими людьми и работала по хозяйству, целыми часами разбирала деревенские нужды крестьян и творила суд, «иных жезлом наказуя, — рассказывает современник, — а иных любовью и милостью на дело Господне побуждая». Сама пряла, ткала и шила простое платье и белье, а ночью тайно с близкими богомолками и старицами разносила его по тюрьмам и по беднякам; спасала бедных от наказаний, выкупила холопов, поставленных на правеж за вины господ. В доме свято справлялись все службы для семьи и челядинцев; молились и по ночам. Нищие и странники наполняли покои Морозовой; она беседовала с ними и столовалась; сама кормила голодных, ухаживала за больными и увечными, обмывала им раны.

У нее постоянно скрывались от преследований знаменитейшие расколоучители, начиная от Аввакума. Пять стариц-инокинь, покинув соблазненные никонианством обители, жили здесь во главе с учительницей матерью Меланией. Натура сдержанная, гибкая, находчиво уклоняясь от резких фанатических протестов, Мелания отличалась организаторскими способностями. Она неутомимо устраивала раскольничьи общины, вела обширные сношения; неуловимая для властей, она появлялась всюду, где требовалась поддержка. Сильным, убедительным словом и примером Морозова со старицами привлекли много приверженцев к самоотверженной борьбе за старый обычай и прежде всех сестру свою Урусову. Слава о знатной подвижнице и благотворительнице распространилась далеко за пределы Москвы.

Всюду, где встречались ей никонианцы и киевские монахи с их учениками, Морозова обличала их, даже резко поносила, «везде являшесь, яко лев лисицам». А тогда сдержанности не знали и спорили с диким фанатизмом. Когда боярин Матвеев и учитель царевичей, Симеон Полоцкий, сходились с Аввакумом, то между ними заводилось такое «стяжание», что расходились они измученные, шатаясь «яко пьяни».

Морозовой довелось особенно горячо и мучительно спорить в доме своего родственника Ртищева, благороднейшего друга киевских ученых. В этой семье и женщины увлекались религиозными вопросами. «Что, дядюшка, разнствует хлеб со опресноком?» — спросила молодая дочь хозяина, Вельяминова, у гостя Потемкина. «Вижу, Михайловна, половина ты ляховки», укорил ее старый родич. Боярыня немного сконфузилась и закрылась рукавом.

Разгорались гонения на раскольников, вырастал и лев в образе женщины, фанатично ополчаясь на защиту кровного достояния души. Сестры понемногу отклонялись от обязанностей высокого положения, надолго запирались со своими единомышленниками, изнуряя себя трудом и постами. Морозова не смущалась грозившим ей гневом царя. Сын подрастал; она передавала ему мирские заботы, а сама отдалась под начало матери Мелании, восторженно готовясь к пострижению, которое впоследствии и совершил над нею знаменитый Досифей тайно на дому. Но вот скончалась царица, заступница и единомышленница, и время грозной расправы приближалось к царской ослушнице. Но царь Алексей не легко решался на крутые меры относительно лиц, близких ему или его семейным.

Наступил день свадьбы царя-вдовца с Натальей Кирилловной Нарышкиной. Как старшая среди женских чинов двора, Морозова должна была стоять во главе боярынь и говорить над увенчанной головкой царевны-невесты sacramентальные слова длинного царского титула; под предлогом болезни ног подвижница совсем не явилась во дворец. Царь отложил гнев, среди нового семейного счастья; но только отложил.

Ртищевы любовно убеждали Федосью Прокопьевну побережь себя и сына, не иди наперекор власти. «Смотри, какой красавец твой сын. Тебе бы, счастливой матери, любоваться им да оберегать его». Морозова отвечала пламенной отповедью: «Если хотите, выведите сына моего на пожар² и отдайте его на растерзание псам, устрашая меня, чтобы отступила от веры... но не помыслию отступить благочестия, хотя бы и видела красоту, псами растерзанную»... Мать умерла в фантастической проповеднице; она с открытым лицом шла на муки. Бояр, принесших ей объыв-

² Лобное место, где казнили.

ление царской опалы, она встретила исповеданием своей «правой веры». Алексей Михайлович мрачно выслушал доклад об открытом бунте влиятельнейшей в Москве женщины. «Тяжко ей бороться со мной, а один из нас победит». Он понимал, какой всенародный соблазн создаст эта борьба с неустрашимой и увлекательно-красноречивой поборницей раскола.

А Морозова удалила из своего дома Меланию, всех стариц и учителей, чтобы они укрылись от беды, перевезла к себе Урусову, и сестры вместе готовились на смертный бой. «Дерзай, сестрица, дерзай», подкрепляла она более робкую и слабую княгиню, когда они благославлялись друг у друга, как инокини. В «дерзании» заключалось значение их подвига. Явился суд. Чудовский архимандрит и дьяк Иванов, беспощадный гонитель расколоучителей, застали сестер в постелях, как бы больных, крестящихся двухперстным сложением. Они отказались стать на ноги и идти; на них надели цепи и понесли из хором. Юный Морозов мог только поклониться вслед матери. Весь следующий день боярынь продержали в Чудовом монастыре для наставления, но своим знанием обрядов, и твердостью они обратили его в прение о вере с духовенством. За такие продерзости женщин заковали в ошейники с цепями и заключили в разные городские монастыри. Там их принуждали слушать службы по новым книгам; монахини насильно водили, даже носили их в церковь. Боярыни громко выражали свое негодование, порицали никонианцев и отстаивали свои мнения. Их презрение к знатности и прелестям мирским, страдание за веру, простые, всем доступные речи привлекали к ним верующих. Знатные и простые женщины толпами шли в монастырь, с трепетом и умилением слушали жалобы и обвинение дерзающих подвижниц. Масса сочувствующих всюду проникала к ним. Сторожая, стрельцы, странники, монастырские богомольцы чем могли облегчали участь узниц; им устраивали свидание; наставники-старообрядцы приносили им дары, поучали и подкрепляли их дух. Даже принципиальные противники, как старик Ртищев, приходили к затвору Федосьи Прокопьевны, плакали и дивились ее страстному упорству.

Новый патриарх попытался воздействовать на бунтовщиц авторитетом главы церкви и помазать их миром; но его приступ вызвал такой отпор, что духовенство смутилось. Оскорбление

патриарха вызвало новые меры строгости. Боярынь повели на пытку вместе с примкнувшей к ним согласницей Даниловой; поднимали полуобнаженных на дыбу, встряхивали, выворачивали руки; Данилову, кроме того, били кнутом. Морозову мучили последней, и она молилась и благословляла страдалиц. Всем трем дали время отлежаться от мук. Между тем на Болотной площади поставили срубы; ожидалось торжественное сожжение. Неуловимая Мелания явилась в Москву напутствовать своих бывших послушниц, и они вполне приготовились к последнему акту борьбы. Но сожжение преставительниц московской знати пришлось обсуждать в боярской думе; голоса бояр не сошлись на страшном приговоре. Сестры царя жалели боярынь и просили за них. Но дело зашло слишком далеко. Всякий переезд Морозовой и ее сестры по городским улицам возбуждал волнение толпы; во все монастырские затворы к ним проникали единомышленники и поклонники. Боярынь приковали за шейные цепи к стулу, отвезли в Боровск и посадили в низкую, темную земляную тюрьму на медленную, мучительную смерть. Но и сюда находили дорогу наставники и наставницы с дарами и утешениями, а почитатели приносили пищу и платье. Через два с половиной месяца угасла Урусова; немного спустя последовала за нею и Морозова.

Вслед за первой группой талантливых защитниц старого обряда двинулось множество менее выдающихся и лично незаметных женщин отстаивать и сохранять чистую, по их понятиям, веру от насилий еретиков и тонущей в грехе власти. Они уходили в леса на героическую жизнь, полную лишений, заводили тайные притоны, откуда вели сношение с единомышленниками, строили пустыньки, проповедывали, читали, сжигались или закапывались в землю в тяжкие минуты безнадежного сопротивления. Скрываясь в глубине домашней, семейной обстановки, не связанные службой, внешними обязательствами, женщины сделались твердым оплотом раскола; а у самых крайних противников Никона и вдохновенных им властей, тех групп старообрядцев, которые совсем отвергли священство, женщины по необходимости служили при обрядах в часовнях и наставляли верующих.

В лице Морозовой московская женщина впервые выступила на публичную арену, и в самой важной области духовной жизни страны — в области веры. Не один царь с волнением смотрел на свою вдохновенную противницу, скованную, измученную, но грозно укоряющую его высоко поднятой рукой с двуперстным знаменем. Шесть нарядных головок приникали к решетчатым окошечкам теремов; юные царевны-затворницы горящими, жадными до впечатлений глазами следили за победой женщины над муками и унижением, женщины так хорошо знакомой им, любимой подруги их матери. Приближался и их черед, время их выступлений надвигалось.

VI

Дерзания в тереме

К половине XVII века под самыми стенами Москвы красиво раскинулось новое многолюдное поселение с правильно разбитыми улицами, красиво обсаженными деревьями, с чистыми домами, весело сиявшими ясными окнами; все смотрело здесь светло и уютно — это Кокуй, Немецкая слобода, заселенная иностранцами. Тут прочно устраивались на жительство представители различных народностей Запада из разных общественных слоев: офицеры из знатных эмигрантов, солдаты всех родов оружия, купцы, ремесленники всяких специальностей, наконец, актеры, музыканты, танцовщики. Здесь поддерживали постоянные сношения с Западом распространялись газеты, сюда привозились запасы иностранных книг. Пожилые переселенцы перевезли сюда свои семьи; молодые здесь женились. Женщины, богатые и бедные, свободно ходили по улицам с открытым лицом, даже шеей и руками; они вносили в мужское общество непринужденность и оживление, посещали театры, танцевали до упаду на вечеринках.

Приятная жизнь людей иной культуры завлекала наиболее подвижную и интеллигентную часть московского общества. Служилые люди, полковые товарищи иноземцев, даже важные бояре заводили знакомства в слободе, принимали приглашение на праздники, театры и концерты; такими увеселениями интересовался сам царь Алексей Михайлович. Заводились и родственные связи с обитателями слободы. При сближении нача-

лись позаимствования у иностранцев обычаев, домашней обстановки, житейского обихода. Кое-где в русских домах женщины получили больше свободы, не скрывались от мужского общества, чаще выходили на свет Божий.

Получили распространение иностранные книги; пошли в ход переводные сборники западной беллетристики. Повестушки Боккаччио, рыцарские романы, комедии Мольера находили пересказчиков и подражателей; увлекались и любовной лирикой; молодежь пыталась складывать стихи и песенки. В русских беллетристических опытах под влиянием иностранных образцов понемногу упраздняется роль беса-соблазнителя в завязке и развязке любовных приключений; герои и героини учатся действовать по своей инициативе и за своей ответственностью. Эти ранние, грубоватые повестушки развивали в русских читателях более осмысленный интерес и некоторое уважение к личной интимной стороне жизни. Новое освещение ее внутреннего смысла и значение особенно выгодно отражалось на личностях героинь; ведь женщина в этой сфере являлась необходимой соучастницей и даже руководящей силой. Беллетристика своим вниманием возвышала во мнении читателя личную жизнь русской женщины, загнанную в душные затворы, скованную тисками черствой устаревшей морали, как бы оправдывала ее порывы к свободе, на светлый простор.

Новизна яркими струйками вливалась в московское житейское бытие; запестрели ее лучи и в кремлевских теремах, где росли и отцветали царевны, обреченные на пострижение. В эту горькую юдоль примерного затворничества проникали веяния иного мира. Сын Алексея Михайловича учился у образованного киевского монаха, Симеона Полоцкого, богослова, стихотворца и литератора на все руки; совсем молодой человек, он еще был полон светских настроений; он быстро и хорошо складывал стихи и рифмованные речи на всякие семейные события и праздники, снабжал ими царских детей, а за ними и всю придворную молодежь. Светское рифмоплетство, благодаря его содействию, вошло в моду в боярских домах и принесло свою пользу, смягчая чопорность и оживляя общение. Ряса открывала учителю двери теремов; он часто видался с царевнами; умная, бойкая Софья читала его духовные сочинения, книги библиотеки бра-

та, старые хронографы, повествовавшие о жизни греческих царей и цариц. Она сама складывала стишки и песенки, а сестры слушали и подпевали. Ловкий полусветский монах явился освежающим элементом в сумраке теремов; с ним царевны могли поговорить о порядках жизни в других землях, где женщины имели большое влияние и принимали участие в общественных делах.

Дочери царя Алексея от первого брака выданы здоровее и способнее своих братьев. Они сияли молодостью и избытком сил, а будущее ничего не сулило им, кроме монашеской кельи. Они с жадностью прислушивались к рассказам про иную женскую долю. Рой родственниц и городских вестовщиц, наполнявший терема, занимал их пересудами о житье иноземок в слободе, появлении немцев в боярских домах, о всякой новизне в столице.

Но первой заводчицей в деле нарушения старинного обихода оказалась небожкая умом красавица царица Наталья Кирилловна. Привыкнув к новомодным порядкам в доме своего воспитателя Матвеева, она и во дворце не выдерживала подавляющей замкнутости своего существования. К изумлению уличной толпы она выглядывала из своей кареты, откидывала завесы ее окошек во время церемониальных выездов на богомолье; заставляла обожавшего ее немолодого мужа возить ее с собой в открытой повозке, когда запросто отправлялись в подмосковье. А по именинным дням молодая царица всегда лично принимала все боярство и собственноручно раздавала пироги. Сам благочестивый царь в последнюю пору жизни отступился от строгой постнической обстановки своей молодости и от души увлекался обществом и забавами. До глубокой ночи, иногда до раннего утра засиживался он на театральные представления вместе с женщинами своей семьи, еще скрытыми в глубоких ложах. Частые крепкие и именинные пиры во дворце затягивались на целые сутки при участии всего боярства и придворных чинов, и гости отпускаясь домой только до беспамятства пьяными. Его преемник, юноша Феодор, со своей стороны, отказался от обрядов торжественного избрания невесты; он увидел на улице бойкую, красивую девушку польского происхождения, Агафью Грушецкую, пленился ею и сделал ее царицей. За ее недолгую жизнь польские обычаи вошли в большую моду в Москве, и польский

язык сыграл при дворе роль французского более поздней поры. Натиск новых идей и интересов особенно сильно отразился на настроении царевен — слишком тяжким, противоестественным насилием грозила им судьба; и обездоленные старым обычаем девушки первые открыли дорогу великому перевороту. Сильное брожение умов в столице, возбужденное церковным расколом и подогреваемое влиянием иноземщины, захватило царевен и побуждало их, особенно смелую, талантливую Софью, отстаивать свои права на личную жизнь. В то время только власть могла открыть путь к новой жизни, и Софья неудержимо потянулась за властью. Яркие образы византийских царевен, правивших империей, не давали ей покоя. Царевны начали дело осторожно, соблюдая внешнюю обрядность старинного благочестия. Софья очень искусно укрепляла свое влияние на брата, появляясь в обществе его друзей, учеников Симеона Полоцкого и молодых бояр-полонофилов, безбородых усачей в коротких кафтанах. Сношениями со столичными кружками она знакомила москвичей со своею личностью. Когда Феодор умирал, она твердо заняла место у его постели во главе его приближенных; умная и распорядительная, она заслонила царицу-вдову, побеждая силу обычая, отводившего первое место вдове.

Московское население провозгласило царем Петра. Но смутное состояние умов, заметная расшатанность старых устоев требовали сильной личности, смелой руки для верховной роли, а ею обладала только девушка из терема. Софья дерзнула на открытое выступление. Вопреки обычаю, запрещавшему царевнам участвовать в погребальных шествиях, Софья пошла за гробом Феодора, как плакальщица, и на площади в страстном обращении к народу громко жаловалась, как обидели их, сестер-сирот, не выбрали их брата на царство, как дурно и жестоко обращаются с ними новые правители. В другое время такое публичное выступление затворницы почли бы за неслыханный соблазн, но теперь народ только растрогался. Порыв ярко выраженного чувства победил сухой обычай. Софья завладела общим вниманием, ей начали подчиняться. Старшее лицо, царица Наталья, не проявляла инициативы; в ней говорила только мать, трепетавшая за жизнь сына, и бесправная царевна с талантом и инициативой победила. Дворцовый переворот под гул бушующих стрельцов вручил Софье правление государством, как достойнейшей.

Правительница еще не была реформатором, но твердо руководила правительством, продолжая начинание предшественников; «как была принцесса ума великого», говорит про нее родственник и верный слуга Петра, и правила она «со всякою прилежностью и правосудием всем и к удовольствию народному». Ей удалось, несколько успокоив вражду церковных партий, открыть первое учебное заведение в Москве, славяно-греко-латинскую академию, чья программа долго вызывала ожесточенные споры. Горячие сторонники школьного образования, ученики Полоцкого, воспевали царевну, как «мудрейшую из дев». С открытым лицом, в девичьем венце на распущенных локонах, царевна председательствовала на заседаниях бояр; сидя рядом с братьями-царями, наблюдала за бурными прениями высшего духовенства с вождями раскола и резко прикрикивала на слушников власти. Вместе с нею на собрания выходили ее сестры, и даже тетки-царевны, уже монахини. Если слышался ропот против слишком смелых нарушений обычая, она сокращала на время свои выходы и потом снова выступала в торжественных процессиях.

Царевна свободно устроила свою личную жизнь; ее интимные подробности были хорошо известны Москве. И в выборе друга сердца сказались широкие духовные запросы Софьи. Не юный красавчик покорила ее сердце, а почтенный боярин Голицын, лучший представитель в Москве образованности своего времени, безбородый сторонник реформы государственной администрации и общественного строя, очень интересный собеседник, особенно любимый иностранцами. За аристократом скрывался в тени менее значительный фаворит, но на жизнь и смерть преданный царевне, думный дьяк и делец Шакловитый из учеников Полоцкого.

Правительница жила не по закону, а ее семь лет слушались — огромная победа женщины!

Царевны отстроили себе обширные каменные хоромы с большой палатой для заседаний боярской думы; в другой палате собирався своего рода литературный салон; Софья с сестрами принимали учеников Полоцкого, киевских ученых, сторонников польско-малороссийского направления в духовной литературе и церковных вопросах. Очень богомольные, они с живым инте-

ресом следили за богословскими спорами того времени. Софья шагнула далеко вперед сравнительно с обычным уровнем развития старорусской женщины, но и она и ее сестры все еще вращались в пределах старой книжной образованности.

Быстрый успех борьбы за власть, сама власть вместе с яркой личной жизнью опьяняла энергичную деятельную женщину; она чутко прислушивалась к лестным для нее планам близких сторонников, связавших себя с ее судьбой. Правительница не умела справиться со своей страстной враждой к мачехе и брату Петру, не считалась с его приближающимся совершеннолетием и необходимостью передать ему бразды правления. Слишком расходилась ее пылкая душа, чтобы вовремя смириться и идти на политичные уступки; сложись дело иначе, она бы при своих способностях нашла себе место среди кипучей деятельности нового царствования. Но благодаря стрельцам, между придворными партиями установился слишком резкий непримиримый антагонизм, и «мудрейшая из дев» сошла со сцены преступницей, подготовив умы к придворным переворотам и женским правлениям.

Из ее сестер никто не имел и тени ее политического ума; все они, младшие и старшие, шли по стопам Софьи только в своей личной жизни; царевны срывали, как умели, цветки наслаждений, окруженные льстивыми угодниками, охотно увлекаясь вместе с ними грубоватыми романическими приключениями. Впрочем, внешний порядок жизни теремов до некоторой степени сохранялся, и с ним все обряды старинного благочестия; но среди темноватых стен со множеством икон, между крестовыми и домовыми церквями дышалось полней и радостней; жизнь настойчиво врывается в глубину кремлевской твердыни. Приближенные царевен почти все певчие, представители клира. Царевна Екатерина Алексеевна, очень веселая нравом, нашла фаворита в лице провинциального священника, с которым вместе искалаклады. Приятная жизнь стоила денег, а с падением Софьи прежние источники доходов исчезли. После скандальных розысков и разоблачений в связи с новым судом над бывшей правительницей и стрельцами молодая еще царевна не могла успокоиться. Она стала усердной посетительницей Немецкой слободы, добиваясь знакомства с богатыми иностранцами, искала у них денег займы без залога, а больше всего набивалась на пиры и

угощения, приглашения на спектакли и всякие забавы; принимавших ее дам-инозенок она угощала, в свою очередь, в своем теремочке.

Софья сошла со сцены со всем кругом своих доверенных лиц; но уцелел живой рой деятельных приспешниц, окружавших царевен, и каждая из них переносила в свой обиход и в свою среду отголоски всколыхнувшегося женского мирка. Жены и дочери стрельцов, московские мещанки и слобожанки, попадьи, дьячихи и поддьячихи, вестовщицы, служившие Софье для разведок в глубинах столичного населения и сношений с группами ее сторонников, эти представительницы разных слоев московского общества успели стянуться вокруг определенного политического дела; их пересказы и вести выходили из рамок обыденной обывательской болтовни и выслушивались серьезно, с полным вниманием заинтересованными людьми; московские женщины готовились к реформе своего быта.

Полковые дамы времен Петра I

Необычайная подвижность молодого повелителя России заставляла и его близких и его двор передвигаться вслед за ним, проводить много времени на народе и чистом воздухе. В первые мрачные годы реформы, когда, вернувшись из-за границы, Петр заставил жену постричься, разгромил стрельцов и спешно готовился к войне со Швецией, единственный теплый семейный уголок находил он в хоромы своей любимой сестры Натальи Алексеевны, где воспитывался его сын. Увлекаясь кораблестроением, он вызывал царевну к себе в Воронеж; с ней пускались в поход женщины ее свиты; кроме того, некоторые бояре получали приказание везти с собой своих жен. Так на полудороге к Азову временно возникала мирная, но полная жизни стоянка, уголок Москвы с избранным женским обществом того времени. Нарядное и веселое, оно доставляло красивую обстановку спуска кораблей на воронежской верфи, любимому празднику Петра, присутствовало на буйных пирах. Гораздо ранее организации ассамблей вчерашние затворницы вводились в самый неудобный при тогдашней грубости нравов круг — круг веселящихся военных людей.

Образ царевны Натальи Алексеевны рисуется перед нами в несколько туманных, но изящных очертаниях. Слабая здоровьем,

довольно скромная, она нигде не выдвигалась на первый план. Она очень любила чтение и собирала книжные новинки; особенно занимал ее театр и драматическая литература; она лично подбирала труппы актеров и устраивала представления. Для нее и ее театра переводили много иностранных пьес; она и сама кое-что сочиняла. В ту смутную пору царевна была единственной женщиной в России с литературным вкусом, с оттенком интеллигентности и литературным образованием. Ее посещали иностранцы; у нее давались спектакли; вокруг нее зарождались новые привычки общественной жизни. Но и серьезной болезненной сестре приходилось подчиняться тяжелым обычаям брата. Под влиянием его военного товарищества и походной распущенности очень странная компания собиралась вокруг царевны. При ее дворе состояли три сестры Арсеньевы и две сестры сердечного друга царя, Алексаши Меншикова. Дарья и Варвара Арсеньева сыграли важную роль в биографии «безродного баловня счастья». Дарья была девушка очень красивая, сердечная и верная своим привязанностям, Варвара — некрасивая горбунья, сметливая и насмешливая, с выдающимся умом. Петр очень любил ее за этот острый ум; им же она долго покоряла своему влиянию Меншикова. Последний поручал надзору Арсеньевых своих тоже красивых и бойких сестер. Первое время эти женщины еще не забывали порядков старины и подписывали свои нежные цидулки: «свету Александру Даниловичу Дашка да Варька челом бьют». Посылали ему в армию белье, старались угадать, что ему особенно приятно или нужно. Близость росла, отношения становились ровнее, а переписка оживленней и интимнее. Девушки снабжали галстуками и другими полезными вещами самого «капитана», т. е. царя, и тот в галантном тоне благодарил девиц и просил не оставлять его своим вниманием. Эти дамы не стеснялись никакими походами; сестры Арсеньевы и Меншиковы езжали на стоянку армии и в сырую Белоруссию, и в болота Полесья; там усердно веселили света Алексашу и его повелителя, да и сами от души веселились. Красивая Дарья гарцевала верхом на европейский лад к соблазну знатных боярын.

Охладевая к изменявшей ему Анне Монс, Петр обратил внимание на Анну Даниловну Меншикову. Брат ликовал и радостно захоптал, как бы получше подготовить сестру к блестящей

карьере. «Для Бога, Дарья Михайловна, — писал он своей подруге Арсеньевой, — понуждай сестру, чтобы она училась русскому и немецкому ученью, чтобы даром время не проходило». Несомненно, у Петра замечали известные требования от официальной подруги — некоторой интеллигентности, знания языков для обхождения с иностранцами. Чтобы заменить оригинальную личность неотразимо привлекательной чаровницы Немецкой слободы простой русской девушке приходилось внимательно готовиться и развивать ум, наблюдательность, соображение.

Между тем кружок полковых дам пополнялся; среди него появилась некая Анистья Толстая и, наконец, в начале 1704 г. Катерина Трубачева, ливонская пленница. И произошло нечто неожиданное: безграмотная, невежественная ливонка оказалась всех веселей, всех догадливей и обходительней, всех лучше поняла повелителя, а главное — она очень скоро одарила его сыном, и подруги стали расступаться перед нею. Она дала царю семью, в которой он так нуждался; кроме того, до самой его смерти она умела неутомимо, всегда услужливая и тактичная, сопровождать его в странствиях, переноса с собою к его услугам этот семейный уголок — «идеальная полковая дама», говорил о ней профессор В. Ключевский.

Полковые товарищи поделили походных подруг: Дарья Арсеньева стала княгиней Меншиковой, Анна Меншикова — генеральшей Девьер. Ранее всех Марья Меншикова вышла за графа Головина, брата руководителя посольским приказом. Вслед за передвижениями царевны Натальи Алексеевны, ее боярынь и бойких подруг Петра и Меншикова, втягивались в полковую жизнь многие женщины служилого сословия.

Мучительная шведская война затянулась на двадцать лет, поглощая физические и экономические силы и средства всего населения. В своем бурном водовороте она поглотила старые государственные учреждения, старые служебные порядки и чины, остатки свободных отношений податного населения; но в этом же водовороте всесильная жизнь творила себе новые формы и краски. Долголетнее напряженное состояние всей страны заставляло приспособляться к себе. Служилые люди оказались всех гибче и способнее к приспособлению и охотнее поддавались европеизации быта, они же первые и вкусили от ее плодов. Новые порядки

службы пополняли ряды солдат рекрутами из податных классов, а государевы служилые люди посылались на обучение в школы, и, обеспеченные денежным жалованьем, назначались в офицерские чины. Победители армий Карла XII закончили войну с титулами благородий и высокородий, и, подобно дворянству Запада, начинали верить в особое благородство своего происхождения. Разделяя прерогативы мужей, женщины тоже переходили на новое положение.

Многие помещицы не выдерживали долгой разлуки с мужьями. Повозки и колымаги с женщинами и детьми под охраной холопей тянулись из глухих усадеб к Нарве, Ревелю, Риге, в белорусские и литовские местечки, всюду, где подолгу задерживались русские полки, где командовали гарнизонами русские капитаны и полковники — точно новая сила притяжения потянула струйки непрерывной колонизаторской работы от востока к западу. Иные знатные женщины с большими трудностями пускались на барках вниз по северным рекам в далекий Архангельск; там они целыми месяцами ожидали приезда на побывку учившихся за границей навигаторов и гардемарин, жаждавших свидания с семьями. Пожилые многосемейные матери привозили на полковые стоянки дочерей-невест, готовясь встретить здесь юных сержантов и прапорщиков, намеченных им в женихи, и на чужбине устраивались свадьбы. Военные писаря заготавливали рядные записи и росписи приданого, откуда робы и корсеты навсегда вытеснили былые летники и телогреи. Эти росписи — живые свидетели того, как с каждым десятилетием изменялись вкусы в помещичьих семьях. Резкие сочетания цветов, тяжелые ткани уступали место более мягким оттенкам красок и более легким материям, поддающимся прихотям покроя. В немецких городах, на польской и прусской границе вместе с париками и мундирами закупались сельскохозяйственные орудия, новая европейская мебель, экипажи, сбруя, книги и картины и с окаяниями препровождались в родные вотчины. Иной раз сами полковницы и капитанши возвращались домой уже не в старинных кибитках, а в каретах западного образца. Походы помещиц очень помогли распространению новых привычек и обычаев в глубине страны.

Жены сопровождали мужей, назначенных к школьному обучению. Семьи оригинальных великовозрастных учеников ютились по домам московских свойственников или по слободкам, вокруг центров цифирной и навигацкой науки того времени. Прекурьезные коллизии возникали в семейных мирах рабовладельцев, любителей медвежьей травли, соколиной и голубиной охоты, под угрозой «лишения живота» прикомандированных к науке. Не только матери, но и жены прилагали старания к успешному обучению своих недорослей и повелителей; ведь тогда выучка содействовала быстрой выслуге, а всякой жене было приятно и лестно поскорее сделаться офицершей и благородием. Подросток-ученик артиллерийской школы в Сухаревой башне, выдававшийся по трудолюбию и быстрым успехам, рассказывал в своих воспоминаниях, как его приглашали репетитором к его же школьным товарищам их матери и жены. Он удачно справлялся с тупостью недоросля, любителя голубей, сына своей квартирной хозяйки, когда заметил, что молодая соседка умильно зазывает его в окошечко; мальчик соблазнился и пошел к ней на угощенье. Оказалось, что хозяйка ученическая жена, пришла в отчаяние от бестолковости и легкомыслия своего мужа и умоляла хоть немного поучить и его, хотя бы одной арифметике. Польщенный доверием юный педагог взялся было за дело, но скоро спасовал перед почтенным учеником, к прискорбию его дельной жены. «Муж ее, Секирин, был большой шалун, списался в полевые полки и отбыл от учения», — записал учитель в мемуарах.

Женщины нарождавшегося дворянского класса могли только заботиться о выучке и карьере близких им мужчин; для них самих долго не намечалось никаких форм образования; один изменившийся обиход жизни несколько развивал их, укреплял в грамотности, делал их бойчее и развязнее. Едва заметные признаки обучения женщин мелькали в высшем обществе новой столицы. После Полтавской победы, когда перестали бояться Швеции, в Петербург переехали члены царской семьи, двор, семьи сановников, гвардейцев, даже купечества. И здесь в сравнительно мирное время продолжалась та же полковая жизнь. Праздники и танцевальные вечера устраивались по баранному бою, маскарады открывались пушечной пальбой.

Разряженные женщины, покрытые ослепительными драгоценностями, маршировали под военную музыку, смотря по сезону, то освежаясь петербургским дождем, то утопая в снегу. В дни самых блестящих праздников и маскарадов веселье растекалось по садам, площадям и улицам, на лодках и галерах разливалось по рекам и заливам, подвергая тяжелым искусам силы и здоровье участников.

«Царь выбежал на улицу», — сказал историк Соловьев, приступая к событиям эпохи преобразований. Женщины тоже из теремов выбежали прямо на улицу, а русская улица была тогда непомерно грязна, и отвратительно грубы были уличные нравы. Личная домашняя мораль старины не сумела развить общественной дисциплины, и волны смрадной грязи не щадили вчерашних затворниц. Как будто только ради прав плоти женщина освобождалась от покрывал и широких одежд, царивший в обществе разгул страстей стремился заполнить ее личность. Прошлое не оставило ни прочных традиций, ни руководящих начал, которые могли бы придти на помощь молоденьким женщинам и девушкам; им предоставлялось собственными силами выбираться из разливанного моря разгула и распущенности. Читая описания петровских пиров и маскарадов, чувствуешь страх за судьбу женщин, как тяжкий крест, выносивших все неистовства разнузданной фантазии повелителя и его всепьянейшей компании. Ни болезни, ни беременность не избавляли от участия в попойках и маскарадных испытаниях. На праздниках по случаю Ништадского мира петербургские дамы так пострадали от гомерических попок, что московские в ожидании возобновления пиршеств в Первопрестольной умоляли царя избавить их от насильственного питья, но они заплатились едва ли еще не горшей тяготой в наказание за свои уловки и упорство в воздержании. Целые покои превращались в приюты для больных, потерявших сознание представительниц двора и знати.

Многим ли женщинам удавалось в этой обстановке сохранить физическое здоровье и чувство личного достоинства? Однако, как это ни странно, если вникнуть в интимные свидетельства того времени и отзывы иностранцев, нельзя не заметить, что они до некоторой степени справлялись с тяжелыми условиями своего положения. Молодой придворный герцога голштинского, приехав

вторично в Петербург прямо из Парижа, очень удивился тому, насколько изменились к лучшему русский двор и русское общество, особенно женское. Дамы научились приятно вести беседы и занимать ими даже иностранцев; с ними интересно проводили время. «Русские дамы очень мало уступают немкам и даже французенкам в тонкости обращения, — писал он, — и даже в некоторых отношениях имеют преимущества». Правда, следует оговориться, что автор видел французское общество времени регенства, когда оно славилось своей распушенностью.

Когда царь надолго уехал к границам Персии, жители обеих столиц с удовольствием отдыхали от неистовых забав. Люди получили возможность проводить время по-своему. Составился кружок представителей высшего света из семей русских сановников при участии иностранных послов, куда приглашались и голштинцы. Приятно проводили время вокруг сестер Трубецких, из которых старшая была уже княгиней Кантемир, мачехой известного писателя; к ним примыкали княгиня Черкасская, молодая Ягужинская, Головкина, Румянцова и др. Почти все бегло говорили по-немецки. То русский сановник, то иностранный посол приглашал к обеду двадцать-тридцать человек. Кавалеры и дамы садились попарно за стол, оживленно беседуя и флиртуя; никого не принуждали пить; все были вольны в своих вкусах. После обеда танцевали до вечера. То собирались на званые вечера и потом приступали к танцам или играм, заканчивая вечер веселым ужином.

Рядом с избранным дамским кружком двор царицы-вдовы Прасковьи Феодоровны и ее дочерей неприятно поражал грубейшей смесью кое-каких новых обычаев с самыми неказистыми привычками старины. Екатерина Ивановна, герцогиня мекленбургская, мало чему научилась за границей; вместе с незамужней сестрой Прасковьей Ивановной принимали почетных гостей в постелях или полураздетые, среди хаоса неопрятной общей спальни, в компании грязнейших, неприличных шутов и шутих. Правда, княгиня Кантемир и Черкасская еще не успели обзавестись будуарами и тоже запросто принимали в спальнях, но хорошо убранных, с комфортабельной мебелью.

Русские дамы высшего округа наперебой подражали иностранным обычаям, обхождению, модам, но вовсе не так горячо увлекались самими иностранцами, как это привыкли думать.

Прабабки были чужды слепого преклонения правнучек перед заезжими карьеристами, вроде Дантеса-Геккерена, проповедниками и артистами. Они умели давать резкий, единодушный отпор неприятным для них или бестактным выходкам иностранцев. Так на одном званном вечере дамы танцевали только с русскими гвардейцами, даже с сержантами и унтер-офицерами из дворян, не обращая внимания на присутствие придворных кавалеров герцога Голштинского. «Точно нас тут и не было. В присутствии царя они не смели бы этого делать», — жаловался камер-юнкер герцога в своих мемуарах. Когда датский резидент, холостяк, имел бестактность пригласить жену шведского посла на роль хозяйки званного обеда, все приглашенные русские дамы вдруг перестали понимать немецкий язык, весь обед проговорили по-русски.

Со введением иноземного платья и новых обычаев среди столичной знати пытались обучать и девочек чему-нибудь, кроме церковной грамоты, но еще никто не знал, чему и как учить, и дело сводилось к тому, что их по внешности уподобляли иностранкам. Хватались за всех, от кого могли ожидать помощи в деле воспитания. Желая угодить царю, царица Прасковья приглашала в учителя к своим дочерям всех преподавателей царевича Алексея. Но избалованные царевны не восприняли никаких познаний. Более заметный след на их воспитании оставил француз Рамбурх, преподававший в гимназии пастора Глюка «танцевальное искусство, поступь, немецкие учтивства, а также немецкие и французские комплименты». Царевны научились употребительным танцам, но в «учтивствах» не отличались; обе старшие говорили по-немецки. Позже у Рамбурха учились и дочери Петра; обе превосходно танцевали, были очень изящны и грациозны; говорили по-немецки, а младшая Елизавета Петровна, училась немного по-французски. Гувернантка, м-ль Делонуа, не отходила от царевен на балах и праздниках. Ближайшие вельможи следовали примеру двора. У дочери князя-кесаря Ромодановского были учителя; она говорила на иностранных языках. Дочери фельдмаршала Шереметева учились даже некоторым предметам из школьных программ того времени. Их гувернантка, г-жа Штуден, так сблизилась с ученицами, что последовала в ссылку за многострадальной Натальей Борисо-

вой, разделившей судьбу мужа и его родных, Долгоруких. Изменились женщины, изменилась и оценка их личности. Защитники объясняли возникновение затворничества тем, что всякий глава дома должен был оберегать жену и дочерей от опасностей и неприличий старинных улиц и мужского, ничем не стеснявшегося общества. Следовало ожидать, что участницы петровских праздников упадут во мнении моралистов еще ниже современниц автора «Домостроя». Наоборот, отзывы моралистов значительно улучшились. Старший современник Петра, Посошков, крестьянин, разделявший много предрассудков старины, уже чужд взглядам «Домостроя»; для него женщина — не вечный малолеток, нуждающийся в телесном наказании; она дана на помощь, а не на послужание мужу. «Жена тебе не работница, а помощница, да не простая, а подобная, и ничтожить ее в рабий образ противно Богу, и не должен муж без совета с женой ничего делать». Даже если жена и умом недалекая, ее все-таки нужно почитать и говорить с нею про общие дела. Историк Татищев, человек петровской школы, идет дальше. Приступая к главе «о персоне супруги» в наставлении сыну, он оговаривается в своей смелости давать советы в таком деле, где важнее всего чувства и мнения самих брачующихся; по его мнению, брак устанавливается только свободным выбором мужчины и женщины. Молодежь его времени очень ценит приятность женщины в обществе — «веселость в беседе», даже больше красоты. Женщина — жизнерадостное существо, с кем предстоит «в веселии (т. е. счастливо) век свой препроводить и род свой умножить», но отнюдь не легкомысленное. Тон, которым один из образованнейших русских людей своего времени говорит «о персоне супруги», полон почтительной мягкости, какой не знала старая Русь.

VII

Сыграв деятельную роль в организации сословия служилых людей помещиков, будущего дворянства, после петровской реформы женщины наряду с мужчинами начали пользоваться всеми преимуществами, всеми благами, которые доставляло им обладание крепостными и привилегированное положение дворянства. Самой характерной чертой внутреннего быта России в

течение около полутора столетий до 1861 г. являлось правом этого сословия владеть себе подобными, поданными империи почти как движимым имуществом. Среди мыслящей, говорящей, даже обладающей собственной индивидуальностью, собственности, в постоянном общении с приниженными и поработанными росли русские женщины, которым предстояло положить начало сближению с европейской культурой, приспособить ее к местным условиям, самим учиться, воспитывать и учить детей, выдвигать из своей среды писательниц, общественных деятельниц—создавать культурную обстановку, необходимую для нарождающейся общественной жизни. Медленно и тяжело создавалась она под давлением мрачных пережитков социальных отношений глубокой древности, но все-таки кое-как налаживалась; такова живучесть духовных начал в человеке, что и в удручающей, мертвящей атмосфере они способны проявлять деятельную силу и развиваться.

Среди тысяч суровых помещиц, выгадывавших из крови и пота рабов богатый материал для сложного хозяйства и даже склады товаров, рядом с Салтычихами и обезумевшими от безудержного самовластия изуверками мельками кое-где гуманистки, как Лабзина и ее мать; могла развиваться образованная, способная Дашкова, хотя на ее характер и наложила неизгладимый отпечаток крепостная пора.

С развитием культуры к XIX веку взаимоотношения господ и рабов еще усложнились тем, что и крепостные умственно развивались. В состоятельных домах приближенная прислуга зачитывалась иногда теми же книгами, что и господа, даже начинала поговаривать по-французски. Способных крепостных стали учить музыке, художествам, готовили на сцену. Народилась «крепостная интеллигенция», положение которой становилось особенно трагическим.

Распушенность нравов, особенно в высших слоях населения, царившая и в западной Европе в XVIII в., в России еще омрачалась упадком стыдливости среди женщин; барыни не стыдились рабов, не считая их за людей и мужчин, и не стеснялись перед ними. Во второй половине XVIII в. шеголи, литературно образованные мужчины, нередко распутничали по принципу; вольтерьянцы крепостной России, отрицая религию, вместе с нею

отбрасывали, как предрассудки, нравственные стимулы и проповедывали, как правило, наслаждение всем, что доставляет удовольствие, находя в этом естественный закон жизни. Многие из них энергично распространяли свои взгляды среди окружающих; побуждали своих жен ничем не стесняться и пользоваться всеми чувственными наслаждениями; в этом духе воспитывали детей и внуков. Их жены и дочери легко бросались на тот же путь жадных безудержных наслаждений; только немногие особенно стойкие натуры находили в себе силы бороться со внушениями повелителей. Первобытная грубость нравов в главной массе общества, разнузданность рабовладельческих инстинктов, нравственная распущенность при недостатке выработанных условий общежития — мрачная обстановка, среди которой начала развиваться женская личность в России новых времен.

Итак, петровская помещица и чиновная дама известного ранга становились благородными и своими привилегиями отмежевывались от городского класса и «подлости», т. е. крестьянства, сохранявших старинные обычаи, бороды и одежды. Перемены быта и воспитания резко обособили сословия в XVIII в., и перемены в положении женщин играли немалую роль в этом обособлении. Однако русские дворянки, получив доступ в общество мужчин, долго еще не могли сделаться его деятельными членами, так как и самое общество в настоящем смысле этого слова очень медленно складывалось. Первые признаки общественной жизни в смысле разумного препровождения времени представителей обоих полов едва-едва проявляются в половине XVIII века. Ранее этого времени европейская жизнь, европейские развлечения составляли принадлежность двора и кружка придворных.

Нужно сознаться, что женские правления до Екатерины II не оказывали заметного влияния на умственное развитие женщин. Да и сама Екатерина II, организуя образование женщин и покровительствуя писательницам, не долюбивала женского общества; на интимные собрания в Эрмитаже писателей и выдающихся представителей образованности в виде особой милости допускались одна-две дамы. Русские дворянки долго не могли украсить своего благородного звания образованием. С эпохи преобразований почувствовали необходимость учить женщин,

но не знали чему и как учить людей, не предназначенных к службе, и потому учили очень немногих и очень мало.

Множество провинциальных дворянок, подобно матери Аракчеева, оставались неграмотными до самого XIX в. С женщинами стали обращаться иначе, чем прежде, это правда, но они долго не знали воспитания в его истинном, духовном смысле. Да и откуда оно могло взяться, когда не было общественности? На западе довольно рано установились известные требования от женской личности, сообразно ее положению в общественной и семейной жизни каждого класса общества; воспитание женщин взяло в свои руки духовенство - самое образованное сословие в средние века - и руководило им до новейших времен. Лучшее воспитание давали монастыри — таково было общее мнение; но монастырские общины были разные, хотя все они сохраняли крепкие связи с мирским обществом, на которое работали; одни служили приютом для женщин знати, были роскошно обставлены, снабжены библиотеками; привлекали самых образованных и талантливых проповедников и преподавателей. Сюда знатнейшие фамилии отдавали девочек в том опасном возрасте созревания, когда они особенно на юге уже становятся женщинами. Если девочка рано лишалась матери, отдавали и раньше. Здесь продолжалось воспитание семьи: из рук земных родителей девочек передавали на руки духовных отцов, матерей и сестер — женщин, отрекшихся от мира и принявших чин ангельский, и священников — руководителей совести. Девочку готовили в знатные дамы, учили любви к отечеству, к его преданиям, преданности церкви и религии, почтению к своему роду, фамильной чести, которую она должна перенести и в род будущего мужа; отсюда уважение к гербам, обучение геральдике, на которой учились истории знати в своей родине. В монастыри на приемы, в зал, разделенный решеткой, за которой сидели воспитанницы с сестрами- надзирательницами, являлись родные, светские молодые люди и вели светские разговоры с молодыми девушками. Часто тут намечались браки воспитанниц. Девушки проводили время в здоровой, комфортабельной обстановке, в среде подруг, благовоспитанных матерей-монахинь, проникались уважением к личности, мягкому обхождению с низшими, пропитывались правилами поведения уважающей себя благородной девицы.

«Нужно научить пользоваться услугами других, — говорил Фенелон, — нужно внушать девушкам, что деление на обслуживающих и принимающих услуги существует вопреки естественному равенству людей, и нужно облегчить людям эту несправедливость».

В других более скромных монастырях принимали дочерей сельских дворян, горожан, купцов, так называемую буржуазию; здесь из них готовили деятельных хозяек, приучали к работам в кухне и кладовых, где готовили запасы, к рукодельям от простой штопки до тонких вышивок, посылали заниматься с детьми в местный приют для бедных. Среди уроков закона Божия, чтения религиозных книг учили вести хозяйственные книги, писать счета и отчеты, что необходимо для жены коммерсанта и сельской хозяйки. Монастырское воспитание давало общий фон духовному росту здоровой женской личности, которая вовсе не так подавлялась, как это привыкли думать; на этом фоне общественная жизнь рисовала свои узоры сообразно духу времени; воспитание сообщало гибкость, помогавшую приспособляться и даже овладевать новыми положениями. В монастырях воспитывались образованные женщины эпохи Возрождения, подруги энциклопедистов и царицы литературных салонов XVIII в., героини французской революции, начиная с г-жи Ролан.

Подобной же системы воспитания держалась и первая светская школа для женщин, Сен-Сир г-жи Ментенон, вполне приуроченная к взглядам и потребностям мелкого французского дворянства. Здесь девочки из бедных дворянок делились на группы, как бы семьи из 8-10 учениц с матерью и ее двумя помощницами во главе: каждая группа имела свои обязанности в учреждении. Старшие были помощницами дам по классам, одевали младших в дортуарах, служили при церкви, дежурили при прачках и мытье посуды, убирали комнаты. Топили очень мало, чтобы воспитанницы согрелись движением и работой. Самые маленькие, лет с семи чистили овощи, собирали плоды, травы, листья для заготовок, помогали чем могли. Давали много простой хорошей пищи; ситный хлеб, если во Франции был неурожай пшеницы. Девушкам не полагалось смущаться явлениями, свойственными семейной жизни; их приучали спокойно относиться к щекотливым вопросам брака, беременности. «Говорите без утонченностей и уверток: правда имеет притягательную

силу», — говорила Ментенон. Преподавали по системе Фенелона, в живых беседах. Потребность в светских навыках, мода на bel-esprit побудили сообщать воспитанницам сведения из разных областей знания, прежде всего о социальном и экономическом быте Франции; поощряли находчивые и остроумные суждения. Как уступка придворным привычкам — устраивали спектакли, очень редко, только при посещении короля. Сен-Сир оказался учреждением вполне национальным по духу и очень практичным.

У нас в век Салтычихи трудно было создать нормальное воспитание. Расцвет крепостного права давал слишком большой простор распушенности, а прошлое не оставило школьно-воспитательных традиций. Отношение к человеческой личности, сознание ее ценности, понимание личного достоинства выяснялись очень медленно даже в высших классах; детской же души и не считали нужным понимать. С детьми, как со всеми младшими и низшими, обращались строго и бесцеремонно. Немецкие школы и учителя Прибалтийского края и Германии начала XVIII в. не могли служить добрым примером, так как и в них отсутствовала гуманность — необходимое условие здорового воспитания. Мальчика готовили к службе, к известной специальности, а потому понимали хотя приблизительно, что ему нужно дать кое-какие технические сведения и навыки; но что дать девочке, и нужно ли ей что-нибудь давать — тут становились в тупик.

Первые поколения женщин XVIII в. учились подобно своим братьям у кастериц и мастеров грамоты, дьячков и дьячих, иногда у монахинь. Указ 1724 г. даже обязывал монахинь открывать приюты-школы для детей-сирот; но — как справедливо замечает г-жа Лихачева, — он имел целью дать полезное для общества занятие монахиням, а не обеспечить население школами. Дети состоятельных семей учились у домашних грамотеев, обученных крепостных дядек. В домашних школах мастеров современники отмечают такие числовые соотношения: 5 девочек на 7 учащихся мальчиков, 6 девочек на 5 мальчиков; у одной старой мастерицы учились 6 мальчиков и 5 девочек. Учили плохо, невразумительно; дети медленно, с трудом выучивались читать, не имея никакого материала для самостоятельного упражнения в чтении: книг было слишком мало, и ребенок быстро терял приобретенный навык разбирать даже печатное. Позже девочек ста-

ли учить грамоте в семьях сами грамотные матери, но чаще бабушки, незамужние тетки: должно быть, матери бывали поглощены хозяйством и на время забрасывали книгу; бабушки же и пожилые девы сосредоточивались на душеполезном упражнении и лучше овладевали механизмом чтения. Писанию учили особо, как особому предмету преподавания и обыкновенно другие, лучшие грамотеи. Даже в конце века, в семье Болотова, читать учила детей бабушка года по два каждого, а писать и рисовать учил сам отец. Долгое время девочек и в дворянских семьях учили писать только «про себя», т.е. набрасывать каракулями счета по хозяйству, реестры вещам и покупкам, такую рукопись, которую непосвященный посторонний человек не мог разобрать. Девочек знатных семей, особенно при дворе, учили иностранным языкам, главным образом, разговору; в русской же грамоте и они оставались очень несведущими. С половины XVIII в. почувствовалась потребность в чем-то большем, чем простая грамотность.

Вместе с бедняком Даниловым, автором известных мемуаров, в доме богатой самодурки-помещицы учились у местного пономаря две его сестры; одна из них потом научилась и грамматике, читала какие могла найти церковные и исторические книги, была осведомлена даже по части современного законодательства. Бибикову довелось учиться у родственницы, монахини одного московского монастыря; там же положила начало его знакомству с французским языком. Про обучение у монахинь рассказывали не мало курьезов. У одной из них урок заключался в рассказывании детям библейских историй; потом она ложилась в постель отдыхать и затягивала нараспев духовный кант, а дети за нею повторяли. Грамотность монахинь, их преподавание недалеко ушли от книжных упражнений старинных раскольничьих мастериц, «курлы-мурлы», как слышалось современнику-очевидцу. Вообще же наши мемуаристы и особенно мемуаристки не распространялись о том, чему их учили, а запомнили, главным образом, курьезные эпизоды из своих учебных годов. Выдающиеся женщины Дашкова, Головина охотно говорили о том, что читали и какое влияние имело на них чтение.

Большую роль в образовании юношества обоих полов сыграли в XVIII в. частные пансионы. Первая публикация о таком заведении в Петербурге появилась в «Петербургских Ведомос-

тях» в 1749 г., но пансионы должны были существовать и раньше; иностранцы могли устраивать их и без публикаций еще при Анне Иоанновне, вслед за открытием первого кадетского корпуса. С 1749 по 1782 год учебной реформы Екатерины II найдено 118 газетных объявлений об открытии пансионатов в Петербурге; все они учреждались иностранцами для детей обоих полов; некоторые, впрочем, для одних девочек, и только одно объявление Екатерининского времени гласило: «женского пола дети не принимаются». Но пансионы для обоих полов тогда вовсе не задавались принципом совместного обучения по современным понятиям; далеко не всегда, особенно при Екатерине, мальчики и девочки учились в одних классах и тем же предметам. В раннюю пору учили, главным образом, языкам; о науках объявления говорили туманно: «и прочим пристойным шляхетным детям наукам». Объявление 1749 г. обещает обучать по-немецки, по-французски, а также экзерцициям, а «девушек шитью и домостроительству». В 1753 г. иностранная фамилия шляхетного рода обещала «девиц кроме французского языка обучать шитью, арифметике, экономии, танцеванью, истории, географии и притом читать ведомости». Часто, особенно девочек, учили только чтению и разговору на иностранном языке; обучение письму оговаривали особо. Обещали обучить языку в три года, а если не научат, то родители могли не платить денег. Крайне редко и только в самую позднюю пору в программе пансионатов встречается обучение русскому языку.

С 1757 г., когда учителей-иностранцев стали подвергать экзаменам, программы столичных пансионатов становятся серьезней и их устраивают солидней; кроме хозяина и его жены приглашаются другие учителя, в больших заведениях человек до 10 и более. В поздние годы явились преподаватели русского языка и Закона Божия.

Первое время девочки учились, по-видимому, вместе с мальчиками, а жили в особых комнатках и рукодельничали под надзором жен предпринимателей. Эти жены принимали и прислугу, «господских девушек», для обучения вышиванию, кройке и пр.

При Екатерине в Петербурге уже публикуют для успокоения родителей, что «покои девиц никакого сообщения не имеют с покаями молодцов». В хороших пансионатах девочки встречались

с мальчиками только за столом и на уроке танцев. В иных семьях очень боялись обучения девочек вместе с мальчиками. В Богородицке Тульской губернии бывший губернёр француз открыл пансион для дворянских детей и обучал успешно французскому языку. Но Болотов, живя в самом городке, не решился посылать к нему дочерей, даже приходящими, и так и оставил их без знания языков. То же самое сделала его соседка-приятельница.

С введением губернской реформы жизнь в провинции очень оживилась; родители обратили особенное внимание на танцевальное искусство, чтобы вывозить дочерей на губернские балы. Почти во всех пансионах устраивали особые классы танцев для девиц и взрослых. Помещики нарочно приезжали в столицы, чтобы обучать дочерей танцам, тратя на это большие деньги.

Известно не мало пансионов и в провинциальных городах; и там мальчики и девочки учились вместе; так было в Оренбурге у Розе, уголовного преступника, учителя Державина, который наказывал учеников так жестоко и такими непристойными способами, что поэт не решился описать их в своих записках. В 1750 г. в пансионе Ферре, надзирателя кадетского корпуса, на его казенной квартире училось 15 мальчиков и среди них одна взрослая девушка, дочь какой-то майорши. Учили в сущности одному французскому языку; обычным упражнением служили переводы с русского на французский басен Эзопа и русских газет; других легких пособий или хрестоматий еще не водилось; а ученики были очень благодарны и за эту методу, несравненно более живую и занимательную, чем зубренье вокабул; они с интересом читали газеты и кстати знакомились со всем происходившим в свете, с названиями стран и государств. Одно время наняли немца объяснять ученикам карту Европы, но он скоро исчез. Ни Ферре, ни его помощник-сын сами не умели обращаться с этой картой.

Другой мемуарист, Вигель, рассказывает, что в Москве в пансионе г-жи де Форсевилль воспитывались 30 мальчиков и около 25 девочек под ее постоянным наблюдением. Девицы обедали, а иногда и учились за одним столом с мальчиками; жили же они на особой половине. И те и другие были привезены из провинции; но мальчики были неуклюжи, а девочки гораздо живее и грациознее; хозяйка обращалась с ними более строго.

Любопытны некоторые объявления о женских пансионах: в 1757 г. две француженки открыли французскую школу для женщин, которых будут обучать: нравоведению, истории, географии, кто пожелает арифметике, музыке, танцам, рисованию, доброму домостроительству и прочему, что требуется к воспитанию честных женщин. В Москве мадам де Мога объявила: если кто пожелает отдать своих детей девиц на ее содержание для обучения французскому языку и географии, то она их примет удовольствием, показывая при том благородные поступки, пристойные к их природе. В 1760 г. мадам Сирин начала обучать малых детей обоих полов французскому и немецкому языкам, читать, писать, рисовать, также убирать на голове и другим приличным к воспитанию женского пола вещам.

Несмотря на такие соблазны, несомненно девочек все-таки учили недолго и весьма немногому; обучение в пансионах стоило очень дорого. Первые учителя не объявляли размеров платы; их было мало, и они брали, что хотели. При Екатерине II замечался наплыв иностранных педагогов, плату за ученье стали определять, иногда конкуренция заставляла ее сбавлять. Наименьшая плата за полного пансионера — 90 руб. в год, высшая — 300 руб. Бологов свидетельствует, что у Ферре обучение французскому языку, знакомство с картой Европы и чтение русских и французских ведомостей обходилось с полным содержанием в сто рублей в год, т.е. более 800 руб. на современные деньги, что составляло весь денежный доход с поместий его отца. Поневоле дворянская семья посылала учиться только одного ребенка, и, подучив его год-другой, спешила заменить другим братом или сестрой. Девочек же могли учить только в счет их приданого и очень недолго: с 14 лет они уже считались невестами.

Когда при Екатерине II являлось немало иностранцев в поисках за местами, еще немногие провинциальные дворяне позволяли себе такую роскошь, как приглашение гувернера в деревню. Часто соседи и свойственники входили в соглашение с богатым помещиком и посылали своих детишек к нему в дом учиться у общего учителя. Тут наступал нередко бенефис девочек, их учили заодно, за те же деньги; им уделяли внимание, смотря по бойкости и способностям. Более сдержанные и внимательные, чем мальчики, девочки могли даже лучше использовать уроки поря-

дочного учителя. Может быть, благодаря этому, среди уездных барышень начала XIX в. замечались интересные любительницы чтения и даже родной русской литературы. Посылали детей всюду, где только могли подешевле поучить их. Трудлюбивый моралист Болотов охотно принимал в дом детей родственников и соседей; девочкам и племяннику преподавал катехизис. Го-ворил им о Боге, мире и человеке; научил девочек арифметике, насколько нужно знать ее женщинам. Старшей дочери, однако, давал «понятие» о географии, вел с нею «философические разговоры» по переделанному им «Детскому Училищу» г-жи де Бомон. Очень начитанный, сам писатель Болотов был нежный отец, но в деле образования делал резкую разницу между сыном и дочерью. Бабушка учила всех его детей читать по-старинному, очень медленно; писать и рисовать учил он сам, преподавал арифметику; но сына учил по-немецки, для девочек же считал этот язык излишним. Французский был бы им нужен, но писатель пожалел денег на французенку, может потому, что определил дочерям очень скромное приданое, чтобы не обездолить сына. Относительно старшей дочери решил, что с нее довольно, если будет хорошо знать одно русское и оставил ее учиться рукоделию при матери; впрочем, развивал ее ум беседами и внушал ей «нужные понятия». Зато о танцах очень заботился и привозил девочек в Москву ради уроков танцмейстеров.

Когда же с замужеством старшей не повезло, о следующих дочерях проявили несколько больше забот: их приучали к чтению, поощряли их суждения о литературе, но все-таки обошлись без учительницы французского языка.

Ум женщины XVIII века мог развиваться только чтением, только та получала некоторое образование, которая соприкасалась с обладателями библиотек или умела добывать книги. Исключительно хорошо учили детей в семье Воронцовых, племянников елизаветинского канцлера, и среди них будущую кн. Дашкову; как она говорит, учили всему, что требовало лучшее воспитание. «Мы знали 4 языка... особенно французский, танцы, немного рисовать. Г. Бехтеев учил нас по-русски, когда мы этого хотели». Но Дашкова так дурно говорила по-русски, что смущалась, как ей представиться в Москве старой свекрови, которая не знала иностранных языков. «С приятной внешностью,

petites manieres du ton, мы должны были считаться прекрасно воспитанными, — говорит она про себя и сестер, и прибавляет: но о нашем сердце и уме не думали, для них ничего не сделали». Она сама рано полюбила чтение, поглотила книги Вольтера, Монтескье, Бэйля, Буало и так увлеклась великими идеями, что скучала вне дома. И. И. Шувалов, выписывавший все книжные новости, заинтересовался любознательной девушкой и предложил ей свою библиотеку. Уезжая с мужем в Москву, Дашкова забрала с собой 900 томов книг, так как в Москве книгопродавцы еще не следили за новостями. Так выросла умственно образованнейшая русская женщина своего века, благодаря книгам и личным способностям. Значительно позже гр. Головина, племянница Шувалова, получив первое воспитание в деревне при матери на чтении популярно-сентиментальных книжек, с 14 лет пользовалась в Петербурге прекрасной библиотекой дяди. Коллекции художественных произведений дали толчок развитию ее художественных вкусов; Головина стала рисовать и писать красками; ее произведения очень ценились знатоками. «Ребенком ее ума не развивали, — пишет Дашкова, — а воспитание дали чисто внешнее»; и она права в своих жалобах: толковать о значении воспитания начали довольно рано, с 1760 г., но делали для него мало, и только к началу XIX в., когда появились русские учителя и гувернантки, в пансионы, в занятия с юношеством проникают воспитательные тенденции, стремление влиять на духовный строй учеников, — это щедрая Франция за время революционных бурь разбросала по странам Европы массу способных людей, еще воодушевленных огнем борьбы. Среди учителей явились в Россию политические радикалы, даже республиканцы, но особенно влиятельными педагогами оказались католические аббаты со своими прозелитками; они всегда умели вносить в преподавание религиозно-этический элемент и согревали его глубоким знанием человеческой души.

Решительный толчок образованию женщин в России дала Екатерина II. Она задумывалась над ним еще великой княгиней, как свидетельствуют ее заметки по поводу Сен-Сира, и в первый же год царствования у нее оказался в руках определенный план действий. В основу своей учебной системы Екатерина положила воспитание личности, перед которым преподава-

ние знаний отступало на второй план; воспитанием детей с самого раннего возраста в закрытых заведениях, под неусыпным наблюдением добродетельных наставников, вне связей с испорченной общественной средой она намеревалась создать людей нового склада, усовершенствованного типа; ради этого воспитание женщин тоже должно было войти в эту систему, как необходимое усовершенствование матерей и воспитательниц. В первой же обработанной в 1763 г. части общего плана, в Генеральном плане Московского Воспитательного дома читаем: «Надобно ли в сем заведении девочкам учиться тому, что для мальчиков сказано?» И после утвердительного ответа: «Мы всем одолжены женщинам. Но, мы, мужчины, столь тщеславимся превосходством в крепости сил своих, столь горды и упрямы и неправосудны, что и в приобретении наставлений, к просвещению разума потребных, препятствуем полу, которому за все одолжены»... Так как в этом учреждении предполагали воспитывать людей третьего сословия, то девочкам полагалось, кроме общей программы, учиться «искусствам жизни человеческой и гражданству потребным, хранить в цветущем состоянии фабрики, купечества и ремесла ... их полу принадлежащие части домостроительства ... знать, как в казначействе поступать...» и т.д. В плане постоянно напоминается необходимость воспитывать в питомцах обоюго пола учтивость, справедливость, приятное обхождение, также быть всегда веселу и довольну, петь и смеяться», свойства людей здоровых, доброго сердца и острого разума. Общие принципы воспитания проведены во все уставы учебных заведений, в том числе и в устав «воспитания 200 благородных девиц», будущий Смольный институт. Программа детища Екатерины представляла странную смесь отвлеченных пожеланий, не имевших связи с современной жизнью, и практических предначертаний, заимствованных из порядков Сен-Сира.

В Смольный принимали одинаково и бедных, и состоятельных, но родители не имели права брать детей обратно до окончания курса. Кроме классных занятий грамотой, арифметикой, иностранными языками и трудно уловимыми обрывками географии, истории, программа требовала обучения стихотворству, геральдике, архитектуре, музыке, пению, искусству представлять драмы. «Но при этом следует, — говорила инструкция, — не

столько учить детей, сколько давать им охоту, желание и любовь к знанию, дабы сами желали умножить его». Сама Екатерина придавала огромное значение чтению и рекомендовала приохотить к нему.

Ежедневно две ученицы старших классов дежурили в классах маленьких учениц. По очереди ходили в поварню, договаривались с поставщиками о ценах, записывали счета. Трудно сказать, как эти предписания исполнялись, но несомненно, что благородные девицы не исполняли никаких грубых работ.

Хорошо воспитанная девушка должна быть веселой, уметь вести себя в обществе, служить его украшением; поэтому устав предписывал, чтобы в заведении устраивали собрания по воскресным и праздничным дням для приезжих из города кавалеров и дам; одно собрание предназначалось для концертов, другое — для спектаклей и пасторальных драм. Воспитанницы двух старших возрастов играли здесь роль любезных приятных хозяев — «дабы навыкнуть могли к непринужденному и учтивому поведению... то есть не иметь застенчивость и в случае о всем пристойно и благородно изъясняться». На такие дни казна отпускала нарядные шелковые платья и длинные перчатки. В этих туалетах воспитанниц возили на балы к их кавалерам в кадетский корпус, ко двору, на вечера Бецкого и других знатных лиц. Уменье жить в свете императрица считала «делом» и немаловажным, своего рода средством для просвещения общества; само же столичное общество того времени очень ценило изящных, остроумных увеселительниц. Понятно, что этот отдел программы отнимал массу времени от других учебных предметов: то готовили балеты, то учили роли, то репетировали спектакли, целые оперы.

Упражнения по домоводству предоставили «мещанским» девицам, для которых вскоре открыли особое отделение при Смольном, где не учили ни иностранным языкам, ни танцам, но воспитывали умы и сердца представительниц среднего сословия, тоже нуждавшегося в духовном обновлении.

Нужно признать, что родители не стремились отдавать дочерей в новое заведение, несмотря на лестное внимание к нему государыни, по необычности и новизне дела; приемы тянулись весь учебный год, принимали и 12 и 14-летних вопреки уставу. В

мещанское же отделение попадали дочери офицеров, выслужившихся не из дворян, мелких чиновников, дьяконов и очень мало мещанок. Системы не удалось провести в жизнь. Учителей и наставниц, сколько-нибудь отвечающих ее задачам, не находили. Учение шло очень плохо, что позже и засвидетельствовали ревизоры. Но девушкам, по-видимому, хорошо жилось в Смольном; с ними прекрасно обращались; они пользовались большой свободой; их баловали вниманием, выделяли от других девиц. Екатерина мило по-дружески переписывалась с самыми бойкими и остроумными. Первая ученица Ржевская говорит в своих записках, что несмотря на баловство, ее подруги были скромны, очень дружны между собой, никогда никого не выдавали; о пороках не имели понятия; дурных, неприятных девочек было мало, и то благодаря лени и упрямству, непослушанию и др. детским свойствам. А в соблазнах уже по одной близости ко двору не было недостатка.

Г-жа Лихачева приводит любопытные отрывки из дневника юного графа Бобринского, мало стеснявшегося в обращении со смольнянками; 14–15-летние воспитанницы уже играли роль взрослых светских особ; иные становились невестами, и награжденные императрицею, из классов отправлялись под венец. Однако, все это еще легко скользило по впечатлениям. После выпуска смольнянки часто смешили своей наивностью, но тем не менее и по развитию и по воспитанности оказались выше обычного уровня женской молодежи, и действительно умели быть украшением и душой общества и семьи.

Какое значение имела смелая инициатива Екатерины относительно образования можно судить по возникшей к 70-х гг. литературной полемике. Сама императрица не долюбивала «ученых» людей, тяготилась людьми с сильными критическими умами, склонными углубляться в каждый занимающий их вопрос; они лишены веселости, снисходительности, всегда непрактичны; тем суровее относилась она к женщинам, «ударившимся в высшие науки». Знания считала она только украшением «воспитанного добронравия». «Какое есть сходство, — писали на страницах ее журнала «Всякая Всячина» (1769 г.), между дворянином, который шьет и конфеты варит и женщиной, которая упражняется в математике, астрономии, военной науке» и т. д.

Другая статья призывает женщин в особое присутственное место, где им предстоит заниматься полезными рассуждениями на темы; о воспитании своих детей, о лучшем порядке в доме, о способах без брани и без драки воздерживать людей от всяких неистовств, как скромностью и снисхождением угождать мужу, о убавлении роскоши. Некоторые из писательниц ее времени тоже высказывались против «бесполезных знаний», «ложной учености», которая помрачает разум, вносит в него вместо света ночной мрак» (!!).

Эти мнения разделяла поэтесса кн. Урусова; в своей поэме «Полион» она противопоставляет «нелепой учености» «образование сердца». Тех же мнений держался ее приятель Державин; он поощрял писательниц как распространительниц просвещения, но с большими ограничениями и особенно ценил в женщине тихую кротость. Он не мирился с высоким положением кн. Дашковой и называл ее «бабой-мужиком». Серьезным писателям вторили щеголихи сатирических листков: «Ужесть, как смешны ученые мужчины! А наши сестры ученые — о! они совершенные дуры. Беспременно, как они смешны! Не для географии одарила нас природа красотой лица; не для математики дала нам острое и пронизательное понятие... Ученая женщина! — фуй, как это неловко!»

В противовес этому течению создалось другое — сторонников важности науки для всех, не исключая женщин. Одновременно с открытием Воспитательного общества в Смольном, в Москве журнал «Доброе Намерение» высказывал пожелание, чтобы женское образование стояло на одном уровне с мужским. Подобная мысль проскользнула и в провинциальном издании «Уединенный Пошехонец», Из писательниц редкой широтой взгляда на значение образования, (а не воспитания только) отличалась сотрудница изданий Новикова Храповицкая, по мужу Сушкова; она являлась горячей сторонницей влияния ученых людей, печати, серьезных училищ. Она осуждала в письмах в редакцию «ненавистниц наук», к какой бы группе они не принадлежали, к женщинам «староманерным» или «новоманерным», к щеголихам, жеманницам. В стансах Дашковой, президенту Российской Академии, она говорила:

«А ты, сотрудница писателей почтенных!
Честь пола твоего, свершай толь славный путь...
... Чудесное в сей век и новое явление.
В тебе, о Дашкова, ученый видит свет;
Минерва наших дней, гоня предрассужденья,
Достоинствам твоим награду подает».

И это течение прочно держалось среди литературного круга женщин. Их взгляды иногда поддерживали с высоты кафедры. Проф. права Десницкий, окончивший образование в Англии, в публичной речи (1775) в московском университете проводил мысль о равноправности мужчин и женщин и в сознании этой равноправности видел одно из ярких доказательств превосходства новой цивилизации над бытом древних времен, когда драгоценное сокровище — воспитание женщин и их дарования, как металл в земле, были погребены «в нищете и непомышлении». В наше же время многие женщины, не уступая мужскому полу, доказали свои способности передо всем ученым миром.

Права женщин на одинаковое образование с мужчинами вызвали горячие споры в начале XIX в., которые отражались в стихах А. Буниной и статьях Е. Пучковой.

За время Екатерины II в Смольном воспитывалось 1316 дворянок и мещанок; из них 850 девиц окончили курс: 440 на благородной половине, 410 на мещанской. В открытых его народных училищах для детей обоего пола, во всей России с 1781 г. по 1796 г. училось всего 12.595 девочек на 164.135 мальчиков. В 1796 г. учащихся девочек считалось 1.121: из них 759 приходилось на одну Петербургскую губернию, а 362 на прочие 36.

Вскоре по смерти Екатерины в начале XIX в. заметно сказались последствия деятельности пансионеров, Смольного, литературы и журналистов, призывавших женщин занять подобающее им почетное место в просвещенном обществе; дочерей, по крайней мере среди дворянства, стали учить охотнее прежнего; сами дочери охотнее и легче учились, благодаря лучшим пособиям и более удовлетворительному материалу для чтения. Явился спрос на русских учительниц в помещичьи дома, возникли русские пансионы.

Новая руководительница воспитательных учреждений Екатерины, имп. Мария Федоровна, приступила к делу открытием

институтов для благородных девиц, преимущественно бедных, в главных губернских городах. Наплыв учениц в Смольный и во вновь открытый Екатерининский институт поддерживал ее планы. В столицах институты открывались иждивением ведомства императрицы, в провинциях — на счет дворянских обществ. Первыми стали на ноги институты в Харькове, Полтаве, Казани. Тяжелые войны, особенно отечественная, заставили позаботиться об осиротевших детях; открылись школы для дочерей солдат; возникло женское Патриотическое общество, учредившее воспитательные заведения для девочек разных сословий.

Самая система воспитания быстро изменилась; она стала гораздо практичней. По убеждению Марии Федоровны, назначение девушек — быть матерями и хозяйками, но благовоспитанными, изящными, привлекательными, и вместе с тем достаточно подготовленными, чтобы самим воспитывать и учить детей. Девочек стали принимать в институты не моложе учебного возраста, 8-9 лет. В уставах многих новых институтов в столицах и провинции оговорено приготовление гувернанток и учительниц, даже нянь, чтобы бедные воспитанницы могли иметь заработок. Ради этого обращали особенное внимание на преподавание. «Мы должны, мутерхен, хорошо учить; это самая главная и первая наша обязанность», — писала Мария Федоровна любимой директрисе. Прежние заботы о балетах, операх, частые спектакли исчезли. На балы допускали немногих родственников, и те не могли свободно сидеть с воспитанницами и ходить по залам, а отделялись от них барьером, через который разговаривали. Впрочем, институток веселили не мало, самых изящных и красивых возили и ко двору.

О преподавании заботились, но организовывали его с большим трудом. В Европе в эту пору уже пропагандировались новые педагогические приемы Песталоцци и его последователей; но у новых руководителей в России не было чуткости и отзывчивости Екатерины II. При всем внимании к делу, перестали следить за новыми течениями мысли, легко удовлетворялись знакомым, обычным.

Одно время проф. Герману удалось улучшить преподавание в петербургских институтах прекрасным подбором учителей; в их классах появились Арсеньев, Плетнев, Никитенко. Ученицы ожи-

вились, даже увлекались занятиями. Никитенко сам было увлекся результатами дела. Но рьяным лекторам скоро дали почувствовать, что их новые приемы объяснений излишни; им не должно вдаваться в теоретические исследования и блистать высотой или новизной идей; с девицами нужно избегать учености. Профессора заметили, что не в них сила, а во мнениях директрисы и классных дам, которые руководят заведениями. К тому же взяла верх странная фантазия преподавать учебные предметы на французском языке ради лучшей практики; и хорошие преподаватели ушли. Однако Никитенко беспристрастно отдавал справедливость окончившим институт — они все-таки образованнее тех, что учились в гостиных. Даже в высшем кругу общие требования были очень скромны: девушка должна отлично говорить по-французски, иметь некоторое литературное образование и самые поверхностные понятия обо всем прочем; больших знаний боялись, как «учености».

Что касается отношения начальства и надзирательниц к воспитанницам, то с увеличением числа учебных заведений и с торжеством практичности, оно стало значительно суше, формальней, чем в старом Смольном при Екатерине II. Девушка, особенно бедная, была только ученицей, которую готовили к страде житейской, от которой требовали послушания и запоминания того, что всем знать полагается. Впрочем, Мария Федоровна проявляла много внимания к судьбе окончивших учениц, особенно бедных; она снабжала их денежными пособиями; заботилась о хороших местах; кандидаток Николаевского института отпускали наставницами только на жалованье в 500 руб. и выше. Бывшая институтка всегда могла найти, в случае необходимости, приют в институте; в случае обиды, преследования могла искать защиты у императрицы.

Этому примеру следовали и провинциальные институты. Харьковский, например, оговаривал в уставе условия брака воспитанниц. Совет института входил в рассмотрение нравственных свойств претендента и его материальных средств и давал или не давал согласия. Родители уведомляли совет о замужестве бывшей воспитанницы. Невесте давали из института приданое, даже деньги. Совет рассматривал условия, на которые приглашались кончающие курс в гувернантки или учительницы, ра-

узнавал, дадут ли ей платье, за каким столом посадят обедать. Он не отпускал девушки в дом к родителям, если они оказывались не надежными в нравственном отношении. При таком отношении к судьбе воспитанниц понятно отчасти, что установился обычай называть директрису «таман».

В начале XIX в. частные пансионы были подчинены надзору дирекции училищ; им предписали преподавать русский язык и предметы средних учебных заведений, иностранные языки, арифметику, географию, историю, музыку, танцы, рукоделие. Т. Пассек, писательница, подруга детства Герцена, говорит, что в ее московском пансионе Данкварт учили бестолково, зубрежкой; тетради письменных упражнений были полны непонятных иероглифов, обращались с детьми сухо, по-казенному; для маленьких практиковались нелепые унижительные наказания, надевали дурацкий колпак, водили на веревке по всему зданию. Учили хорошо только музыке. Пассек проучилась 2 года; в 12 лет ее перевели в пансион к француженке Воше, эмигрантке, страстной католичке. Главным лицом у нее был старичок аббат Малэрд. Оба они бежали из Франции в 1790 г. и открыли пансион в Варшаве, где воспитывалась Жанета Грудзинская, впоследствии супруга вел. кн. Константина Павловича. В Москве Воше принимала всего 25 девочек и воспитание было почти домашнее. Аббат приходил из католической церкви к обеду и оставался до вечера; дети восторженно встречали его; он ласкал отличившихся, беседовал с провинившимися, добивался их прощения; интересовался занятиями. Учителей приходило трое — священник, учитель русского языка и знаменитый танцмейстер Иогель; все прочее преподавала по-французски сама Воше; после древней истории она переходила к истории Франции, восторженно рассказывала о Людовике XVI и Марии Антуанетте, с ужасом о их казне и терроре. Иное девочка слышала у Яковлевых на уроках Саши Герцена; там эмигрант Буше, бежавший в разгар революции, хотя никогда не рассказывал о ней, но давал почувствовать, что был участником многих событий, резко отзывался о короле.

14-ти лет Таня Пассек считалась окончившей необходимый курс наук; родные перевезли ее в Корчеву, купив в Москве обновок. Бабушка с дядей проэкзаменовали девочку в танце-

вальном искусстве и музыке; она сыграла из «Вури» Штейбельта и оперы «Калиф Багдадский», протанцевала русскую и мазурку; проверили, бойко ли говорит по-французски, кстати припугнули, что в уезде барышни, и не бывавшие в пансионах, сильны во французском языке; и начали вывозить девочку на помещицы вечера. Так воспитывалась девушка, принадлежавшая к блестящему кружку передовой молодежи 30-х годов. Ее литературное образование закончилось чтением исторических романов, беседами и чтением с юношей Герценом, занятиями с его учителем, студентом Протопоповым. Учитель, сам увлекающийся юноша с горячей душой и педагогическим огоньком, разжигал любознательность живыми рассказами по истории, поклонением Шиллеру, Гёте, своим знанием всех литературных новинок в России. Он приносил тетрадки с запрещенными стихотворениями Пушкина. Темами сочинений он пробудил литературный талант Герцена, научил писать и Таню, будущую издательницу и писательницу. Наступали иные времена; молодежь заговорила другим языком.

VIII

Петровская европейзация прежде всего повлияла на жизнь столиц, медленно отражаясь в провинции, вместе с передвижениями жен чиновников и офицеров, привыкших к немецкому платью и новым обычаям. Столичное женское общество двинулось на тот путь, куда толкнула его реформа, понемногу втягивая в светский круг представительниц тех семей, которые при Петре не успели или опасались фигурировать на нелегкой службе бурных увеселений. В первые два десятилетия после смерти преобразователя пышность двора и шумные уличные забавы заслоняли от наблюдений частную жизнь жителей среднего круга. Придворные перевороты, смены временщиков очень тяжело ложились на общественные настроения. Два правления женщин мало влияли на смягчение нравов. Доносничество во всех слоях населения, борьба сильных людей и их сторонников заставляли семьи крепко припирать двери внутренних покоев и таить за ними свою интимную жизнь, опасаясь даже своей прислуги. Может быть, поэтому нелегко разобраться в характере жизни широких кругов общества первой половины XVIII века.

Немногочисленное высшее и придворное общество Петербурга, часто переносившееся в Москву, красовалось среди ослепительной роскоши балов, феерической обстановки апельсиновых рощ в бальных залах, обедов и ужинов среди аллей зимнего сада. Народ то дивился на необычайные охотничьи экспедиции Петра II и Долгоруких, то поражался сказочными маскарадами Анны Иоанновны. Дамы по-прежнему оценивались иностранцами по уменью носить костюм, танцевать, по снисходительности нрава. Но часто веселились на вулкане; за балами и маскарадами следовали немилости, ссылки, казни; вслед за падением милостивца или главы семьи начинались бедствия придворных красавиц, избалованных судьбой. А страшное «Слово и дело» разбивало существование семей видных чинов коллегий и приказов. Яркий образец такой трагедии сохранился в записках Толычевой. На ее прадеда был подан донос за то, что он оказал милость какому-то арестанту. Он поплатился именем, тюрьмой, здоровьем. Его маленькая дочь помнила ужас мрачной темницы, куда они с матерью входили с фонарем среди белого дня, страшный вид измученного отца. Отпущенный на свободу, он скоро умер. Вдова, погруженная в бурное отчаяние, каждое утро надевала траурное платье, распускала волосы по плечам, брала за руку дочь и направлялась к палатам врага покойного мужа, уже елизаветинского временщика; садилась наземь под окном и, несмотря на страх и плач прижимавшагося к ней ребенка, начинала гробовым голосом петь псалом проклятия: «Да будет двор их пуст, и в жилищах их да не будет живущего». А вельможа, пробужденный грозной песнью, из какого-то суеверного страха не решался отогнать от своего порога полубезумную женщину. Скоро закатилась и его счастливая звезда, прибавляет мемуаристка.

Браки поневоле, по царскому приказу порождали в высшем свете любовные связи, нередко прочные, общепризнанные, но прилично маскируемые; они тоже иной раз кончались трагедиями, как гибель красавицы Лопухиной, не прощавшей имп. Елизавете ссылки своего возлюбленного Левенвольде. Но простому щеголю еще опасно было громко шутить и хвастать успехами среди русских дам; его немилосердно выводили на свежую воду с помощью мужей и карали; один такой петиметр-иностранец по

вынесенному совместно с мужьями приговору был высечен женскими руками, самих дам или их прислуги — неизвестно. «Щегольство», которое впоследствии так бичевала наша сатира, особенно в женщинах, еще занимало главным образом мужчин-петиметров; женщины еще не отличались на этом поприще.

Влияние женщин в политической жизни не заметно; в кружках, доставлявших проекты реформ при избрании Анны Иоанновны, не замешано ни одного женского имени. Только значительно позже, при воцарении Екатерины II выделилась одна Дашкова. Лишь в расколе, особенно в сектанстве, очень выросло значение женщин; в сектантских же группах они часто занимали центральное положение и пользовались огромным влиянием.

При Елизавете с 40-х годов XVIII в. общество понемногу успокаивается от тревог за завтрашний день; стихает брожение вокруг престола. Военная служба облегчается для дворянства с привлечением к ней солдат из низших классов. Понимногу налаживается общественная жизнь на европейский лад. Накопился материал для чтения, образцы светской литературы, переводные романы и повестушки, стишки и песенки, которые складывали еще «галланы» петровской эпохи, и с большим развитием грамотности живей заходили по рукам читателей обоего пола. Женщины среднего дворянского круга и столичного чиновничества перенимали светскую обходительность и новые манеры у светских дам. Нравы в столицах смягчались; нежные ухаживанья, некоторая тонкость обращения проникали в самые скромные гостиные, в офицерские квартирки в казармах. Мемуарист Болотов помнил общество своего дяди гвардейца; молодая тетка была «великая щеголиха» и любила светскую жизнь, однако, не выходила из повиновения мужу; вместе с приятельницей, такой же щеголихой, она часто выезжала и принимала гостей. «Тогда (1751 г.), говорит мемуарист, вся светская нынешняя жизнь получала свое основание и начало. Все, что хорошою жизнью зовется, тогда только что заводилось, равно как входил в народ тонкий вкус во всем. Самая нежная любовь, толико подкрепляемая нежными и любовными и в порядочных стихах сочиненными песенками, тогда получала первое только над молодыми людьми свое господство, и помянутых песенок было не только еще мало, но они были в превеликую еще диковинку

и буде где какая проявится, то молодыми боярынями и девушками с языка была неспускаема». Быстро, раньше других запомнить новую песенку, новое словцо и составляло «щегольство», термин 70-х годов, который Болотов переносит в жизнь более ранней поры. Собравшись, женщины и мужчины занимались картами, но без азарта, иногда и без денег. По временам у дяди Болотова устраивались танцы; иногда компанией ездили кататься на острова и за город.

Центром таких домашних кружков, зачинщицами веселья являлись женщины, пересиливая старинную власть вина; это уже не те женщины, которые вслед за юным царем выбежали из терема на улицу и немедленно бывали охвачены неопытным разгулом улицы; это в известном, очень условном, правда, смысле, сдержанные, нравственно сложившиеся личности, сами устраивающие себе обстановку личной жизни. С ними появились в общежитии более мягкие отношения людей, больше вкуса и разнообразия в удовольствиях, больше живости и занимательности в домашней повседневной жизни. Даже модные песенки, распространяемые щеголихами, как выражения личных чувств, служили в свое время средством к сближению людей и оживлению общежития.

Через 10 лет на женщинах столиц сказались результаты деятельности пансионеров и прилива иностранцев учителей. Как ни плохи были их педагогические приемы, но они помогли распространению знания иностранных языков среди дворянства средней руки. Практическое знакомство с французским языком давало бойкой девушке в России XVIII в. не мало средств для умственного развития; читая новые романы в подлинниках, иногда кое-какие популярные трактаты, книжки нарождающегося русского журнала, она находила в них отзвуки руководящих философских идей века; общение с мужчинами, любителями чтения, помогало ей разбираться в новых впечатлениях и хранить в сознании: материал женских бесед обогащался новыми сложными, интересными темами; естественное стремление женщины овладеть вниманием и распространять свое обаяние проявлялось в более разнообразных и более культурных формах. Женщина с потребностями разумного общения, овладев умением схватывать на лету хотя бы поверхностные познания, тре-

бовала более развитых собеседников. Литературное образование проникает и в женскую среду. Воспитанные девушки со знанием французского языка, умением привлекать мужчин интересными разговорами очень ценились и в Москве; ими дорожили титулованные и чиновные аристократки, как украшением гостиных, особенно привлекавшим посетителей в гостеприимные дома. Светские интересные бесприданницы могли даже отвлекать женихов от богатых невест.

Таких бесприданниц восторженно описал Болотов, в поисках невесты посетивший Москву в начале 1763 г. Его свойственница, жена скупого старика, почти не выезжавшего из дома, оказалась боярыней «умной, расторопной, нарочито бойкой, знающей светское обращение»; она старалась жить «как все», с соблюдением, однако, во всем «доброго хозяйства, и благоустройства в доме». Она взялась руководить молодым человеком в столичном свете. Невелик оказался круг знакомств скромного моралиста, но и его пребывание в Москве скрасили две девицы Бакеевы, «обе умницы, прекрасные собой и столь ласкового и приятного обращения, и таких хороших и благонравных, что они очаровали меня своим поведением», — пишет Болотов. Младшая была красивей старшей, жива, умна, приятна, одарена всеми совершенствами обаятельной девицы. Обе сестры принимались как свои в дом кн. Долгорукой, соседки Болотова по имению, где всегда собиралось большое светское общество, и там приобрели такой отпечаток высшего общества, как будто родились в знатной семье. Не одна внешность пленяла сельского жителя — «Какой ум! Какая острота и пронизательность! Какое сведение обо всем! Как ласкова и скромна! — восторгается он младшей Бакеевой. — Какие взоры, какая воровская улыбка». Страстный любитель чтения, литературы, театра впервые встретил женщину, с которой мог говорить обо всем, что его интересовало в этих областях. Влюбленный, он забывал обычные благоразумие и расчетливость и склонялся к женитьбе на бесприданнице. Позже в деревне у княгини одетая в простое сельское летнее платье она показалась ему сущим ангелом. Но при дальнейшем знакомстве среди сельской непринужденности оказалось, что Бакеева не скрывала своего равнодушия к выгодному претенденту. Она, как и сестра ее, была любезна, оживленно бе-

седовала с Болотовым, как со всеми, ничем не отличая его; даже как будто иронически относилась к его сентиментальным увлечениям природой, к его наивному морализму, к его хозяйству, его пристрастию к деревне; не скрывала, что ее больше занимает беседа с подростком-сыном княгини и его гувернером, бойким, светским французом; и сельскому жителю пришлось утешать себя размышлениями, что столичная модница-щеголиха не годилась бы в жены скромному деревенскому хозяину, и искать другой невесты среди деревенских соседок.

Сестры Бакеевы даже в несколько наивной обрисовке Болотова являются ярким образцом тех новоманерных светских девушек, которых с легкой руки сатирических листков клеймили именем «щеголих». Будь они в самом деле изломанными жеманницами, грубыми кокетками в изысканных нарядах, с вычурным языком, им не пленить бы скромного любителя книг и философии. Но бесприданницам не на что было рядиться; они и в княжеском доме одеты просто и грациозно; внимательные, любезные, они с интересом переживали девичьи годы и не спешили замуж, даже привлекая выгодных женихов. Эти девушки, пленявшие занимательной беседой, не товар для брачного аукциона, не пожива для свах, они уже личности, располагающие собой. Может быть, после неудачного замужества и они завертели бы в мужском обществе, но вряд ли бы впали в грубое «маханье» щеголих журнальной сатиры. Несомненно, что в эпоху Екатерины II распущенность нравов широко распространилось в обществе. «Едва вышедши замуж, молодые женщины пускались открыто в любовь и куртизанство, давая ту же свободу своим мужьям», — говорит В. Покровский в статьях о щеголях и щеголихах. Иные девицы, выходя замуж, заранее выговаривали себе право на свободную любовь. Француженки-воспитательницы не мало помогали вольности поведения. Сами мужья вольтерьянцы и сенсуалисты, поклонники французского свободомыслия, разрешали себе широкое пользование прелестями жизни, не только позволяя женам, но даже требуя, чтобы они следовали их примеру. Мужья заставляли жен промышлять красотой, извлекая из этого для себя выгоды. Но нужно вспомнить, что и в старину, в XVII в. Московское правительство грозило наказаниями служилым

людям, уступавшим за деньги своих жен во временное пользование, даже продававшим их. Сатира же слишком сгущала краски, слишком утрировала типы своих излюбленных жертв. Отчасти в этой возне со шеголихами сказывалось подражание сатирическим листкам, очень распространенным в Германии, которые в свою очередь следовали образцам, народившимся в Англии. С другой стороны, в общей массе русского общества действительно совершался важный и весьма чувствительный перелом. К прежней розни между высшим классом и низшим по правовому и экономическому положению присоединилась новая, обуславливаемая новым воспитанием, иными средствами умственного развития; среди свободного сословия благородных воспитывались понемногу люди особого душевного склада, непонятного народной массе, с другими привычками и другим употреблением времени, и перемена в положении женщин сыграла важную роль в этом обособлении высшего сословия. Народ чувствовал, что пропасть между ним и правящим классом становится еще глубже, негодовал и высмеивал праздность и пустоту барского быта в песнях на старинный лад:

«И судьи, властии то пошли да скрозкозны
И начальнички пошли да все безделбные,
У их женушка пошли да белорукие,
У их дочушки пошли да нечевухи:
И не ткиюшки они, да не прядеюшки,
И одно у их в уме, да одно в разуме,
И все белила то у их, да со румянами,
И как хвостом вертеть, да как ногой тряхнут,
И не знают то бесчестные, неведают,
И што ведь дом вести, не головой трясти».

Писатели-стародумы и патриоты как бы вторили народной песне в своих сатирах; их пугало увлечение забавами, легкая болтовня обо всем, не допускавшая серьезного обсуждения, порча языка французскими фразами и словечками, и они предостерегали современников от пошлых увлечений и крайностей резкой насмешкой и портретами-шаржами.

Средние дворянки того времени не могли подражать последнему крику моды; эта роскошь была доступна тогда только придворной знати; самих модных журналов не было в России до

конца XVIII в., и наши дамы долго применялись к ним издалека и весьма приблизительно, городским шеголихам не легко было привыкать к сложному помещичьему хозяйству; однако, по многим свидетельствам современников, и городские светские дамы сами закупали провизию на рынках, и даже женщины высшего круга сами учитывали управителей и старост своих вотчин, вели сложную хозяйственную корреспонденцию. Высмеивая легкомыслие шеголих, авторы сатирических статей в то же время делают их корреспондентками и сотрудницами своих журналов, видят в них своих верных читательниц, внимательно следящих за литературными новостями. Литературное образование, по-видимому, считалось одно время принадлежностью шеголихи. Писатель Майков называет известную писательницу и добрую жену Хераскову «щегольской барынькой».

Страсть к увеселениям в широких кругах только росла, достигнув, по-видимому, апогея в последнее 10-летие жизни Екатерины II. То была самая блестящая эпоха в жизни двора и столицы, писала гр. Головина, племянница И. И. Шувалова. Все гармонировало в С.Петербурге; город был полон знати. Каждый день собрания, балы, спектакли при большом или малом дворе наследника. Ежедневно собирались по 30-40 человек гостей у Разумовского, гр.Панина, Чернышева и пр., не считая особых званных обедов, торжественных праздников и балов.

Знатные свмьи Москвы считали необходимым появляться по временам в Петербурге, представить ко двору дочку, поискать жениха или завести новые связи в высших сферах. В свою очередь, Москва в разгар веселого сезона переполнялась провинциальным дворянством; с декабря сюда съезжались с чадами и домочадцами, с обозами слуг и провизии. Не предприимчивые провинциалы за 2-3 месяца не часто успевали завести новые знакомства и устраивались по губернскому соседству, составляя калужские, тульские, орловские кружки. Разряженные барыни и барышни наполняли по определенным дням тысячными толпами благородное собрание; многим не удавалось, конечно, танцевать; но все провинциалы почтительно любовались на статс-дам и фрейлин со значками, на знаменитых столичных красавиц и цариц гостиных; замечали новые моды и надолго запасались впечатлениями. Танцевать, устраивать спектакли со-

бирались друг у друга по частным домам. Иные помещицы не тратились на наряды дочек; бойкой девушке случалось целый сезон отплясать в том же платье, и ничего, — было весело, как всем. Бойкие столичные дамы особенно любили маскарады, вольные, общедоступные, где среди роскоши и блеска царили вольность и равенство, и так смешивались посетители разных состояний, что уже переставали различать людей; эти развлечения отличались оживлением и многолюдством и вносили демократизирующую нотку в среду веселящегося дворянства.

Яркую картину бурного, опьяняющего веселья, охватившего русское дворянство к 80-м годам XVIII-го в. и участия в нем женщин дают воспоминания кн. И. Долгорукого, особенно часть их, озаглавленная «Капище моего сердца». Светский человек, даже петиметр, он увлекался женщинами по пылкости темперамента, но всегда был чутким ценителем женского ума и души, очарования беседы развитой, образованной женщины. В «Капище» он набрасывает более 150 женских силуэтов, от императриц и великих княгинь до мамок и горничных, верой и правдой служивших его семье. У одной пожилой дамы забавлялись день и ночь, чем и как угодно. Князю случалось с нею, ее двумя сыновьями-офицерами и жившей в доме барышней, расставив по зале стулья, целую ночь напролет проплясать между ними кадрили и променады под музыку пьяного крепостного скрипача. Другая «удалая» барыня веселилась напропалую под предлогом добывания финансов для дочерей; но строгий муж под сердитую руку не стеснялся расправляться по старому обычаю с запоздавшей женой, и провожавшая ее с позднего катанья молодежь не раз слышала за воротами дикие вопли барыни и брань колотившего ее барина.

Дамы заигрывались в карты по-мужски сплошь на целые сутки и более; а проигравшись, привлекали к игре на дому по маленькой приятелей дома, и поздним утром посетители заставляли страстных картежниц в углу боскетной за тем же столом, где они садились накануне после обеда.

Самым могущественным средством сближения молодежи обоих полов сделались спектакли; к концу XVIII в. поражало повальное увлечение домашним театром. Страсть к благородным спектаклям из дворцов распространилась по знатым и

незнатным домам и скоро захватила провинцию. В Смольном умение держаться на сцене было предметом преподавания; играли во всех великосветских хорах, играли в средних дворянских домах, играли и в школах. Развивающийся интерес к чтению стремился вылиться в это активное участие в жизни героев, в воспроизведение типов. Полная обеспеченность во всем, даже роскошь и досуг порождали потребность в эстетических наслаждениях, в легком применении физических сил.хлопотливая возня с выбором пьес, подготовлением обстановки, балета, ролей, репетиции давали иллюзию деятельности. То было дорогое, но лучшее просвещающее удовольствие. Во всяком светском кружке имелись свои таланты, свои артисты и артистки. Громадные хоромы богачей с их великолепными залами могли служить культурным целям, а нервная энергия петиметров и щеголиц находила себе полезное приложение. Нужно сознаться, благородный театр сослужил службу и русскому искусству и литературному образованию. Едва кончался бальный сезон в столицах, как начинались съезды в подмосковных, в роскошных усадьбах магнатов, где городские забавы разнообразились фейерверками, хороводами, плясками и играми крестьян. Проскакать 40-100 верст в дорожных каретах только ради бала считалось обычным делом даже для старух и стариков.

В столицах многие просто держали открытый дом для всех, мало-мальски знакомых, не подбирая общества. Но иные, особенно более образованные представительницы знати научились составлять интересный кружок избранных. В этом смысле выделялся дом гр. Головиной. Вместо ежедневных вечеров у нее собиралось небольшое общество, «вроде того, которое в Париже поддерживало старинные традиции Версаля, — пишет А. Чарторижский. Хозяйка дома остроумная, чувствительная, восторженная, обладает талантами и любовью к изящным искусствам».

Головина прекрасно рисовала, как художница; после нее остались альбомы с ее рисунками, портретами родных и современников, наброски старого Парижа. Ее портрет Потемкина считается знатоками едва ли не лучшим по сходству. Ее увлекала и музыка; она пела и делала опыты композиции, с успехом выступала в концертах при дворе с романсами своего сочинения, никогда не впадая в претенциозный дилетантизм, говорит изда-

тель ее записок. Изучая французских писателей, она достигла легкости, ясности слога и отчасти их остроумия. Впоследствии графиня была известна приятностью разговора, острой шуткой, быстрой живостью возражений...

В женщинах начинают ценить «таланты», arts d'agrément; музыкальность, хороший голос, игра на арфе, клавесине, сценический талант, наконец, литературный придавали женщине большое обаяние.

Сами женщины, особенно столичного общества, больше ценят и сами себя; чаще заключаются браки по любви, по личному выбору; юноши делают предложение лично девице, а не родителям; часто случается, что девицы вовсе не спешат с замужеством и даже не боятся судьбы старой девы.

Первая любовь кн. Долгорукого, 14-летняя княжна Меншикова, «умная и ловкая», с первого выезда имела шумный успех в московском свете и долго от души наслаждалась им, даже одна, оставшись сиротой; замуж же вышла очень поздно и в старости пленяла живостью ума. В Петербурге князя пленила 30-летняя княжна Шербатова, учившаяся в Смольном. Ее дядя с теткой держали открытый дом; нестарая еще княгиня занимала гостей среднего возраста; молодежь вертелась около племянницы. «Простота в обращении, умная беседа, пристойное поведение, все было занимательно в этом семействе». Юный князь, «вытвердив лучшие объяснения в любви, каких только начитался в Элоизах и прочих романах», на коленях просил ее руки, клятвенно уверяя в вечной страсти. Княжна спокойно «велела мне сесть, успокоиться и заставила себя выслушать. Долго она со мной говорила без жеманства и без жару о неравенстве лет, суете страстных чувств», — так тонко отказала, уверив в своей искренней приязни, что юноша не только не обиделся, но проникся к девице большим уважением и теплой дружбой. Влияние эпохи чувствительности, произведения Руссо и его немецких современников сильно сказывались на отношениях Долгорукого к женщинам; он понимал «любовную» дружбу и очень ценил просто платоническую приязнь с интересными девицами. С одной юной княжной- сверстницей они очень сходились во вкусах; она была прекрасно воспитана, умна, рассудительна, с большой выдержкой. Они вместе читали, сообщали друг другу свои познания; играли роли из любимых

пъес, но с глазу на глаз, только для себя. Эта особа с холодком замуж не выходила.

«Прекрасно образованная, молодая девушка Вельяминова «вошла в его сердце», — пишет князь. В ее семье братья во всем отставали от сестер; она же сияла, как звезда, дарованиями ума и сердца. Нехороша собой, она казалась лучше красавиц выразительностью лица. Такого соединения прелестей, *charmes* князь ни у кого не встречал. Малый недостаток семьи не помешал ей приобрести тщательное «роскошное» воспитание, знание нескольких иностранных языков и «многих наук». Отсутствие чувственности только усиливало «чувство сердца». Они нередко спорили, но всегда умели на чем-либо сойтись. Только первая жена Долгорукого умела так владеть его сердцем.

Особенным вниманием князя пользовались воспитанницы Смольного или те девицы, которые приближались к ним по воспитанию; они более других отвечали запросам представителей светской образованности. В его воспоминаниях нередко отражается очень разнообразная судьба Екатерининских питомиц.

Занимала его бедная сиротка Львова, под именем «барышни» проживавшая в богатом доме Бороздиной и ее трех сыновей-офицеров. Дом был всегда полон веселящихся мужчин, игроков, танцоров, любителей домашних спектаклей. Воспитанная «для общества», с талантами», т. е. с умением петь, декламировать, танцевать, держаться на сцене Львова умела сдерживать окружающих ее барчуков и волокит. На нее возлагалось множество щекотливых и утомительных обязанностей в этой домашне-клубной жизни: играть на сцене, (конечно, по-французски), вести репетиции, съездить, куда пошлют, зазывать и увеселять посетителей, даже завлекать, если требовала политика семьи; ради хлеба насущного смольнянка вряд ли могла от многого отказываться, и все она делала весело, тактично с природной сообразительностью. «Милая Львова! Где ты теперь?» — вспоминает князь.

В любом сколько-нибудь достаточном дворянском доме крепостной России можно было найти приютившихся девиц и вдов из более бедных семей; очень юные воспитывались с дочерьми дома, постарше — просто проживали, помогая по хозяйству или приему гостей. Воспитанниц и бедных «барышень» устраи-

вали, выдавали замуж, слишком часто по своему произволу. Другого способа помощи бедным не знали в пору натурального хозяйства, как взять в дом, на готовые хлеба.

Галерея Долгорукого дает один особенно яркий образ дочери XVIII в. — светской щеголихи-львицы; Нарышкина, урожденная Опочинина, очерчена им немногими словами. Вполне подготовленная для светской жизни, умная, пригожая («мила», как говорили карамзинисты) с отличным французским языком, прекрасная актриса на благородных спектаклях, она надолго заворожила женолюбивого князя. Ее легкомысленное «откровенное» поведение до и после замужества должно бы, казалось, вызывать ревность, тревогу и недоверие ее многочисленных поклонников, говорит автор; но она так искусно распределяла между ними свое время, что самые взыскательные оставались ею довольны; каждый знал, что его часы принадлежат именно ему. Умная дама так «сильно и хитро управляла душой» князя, что удовлетворение пылкого обожателя было полное, и он до старости чтил ее память благодарный за дарованное ею счастье.

Первая жена Долгорукого, Евгения Смирная, 4-летней девочкой из очень бедной дворянской семьи была помещена в Смольный институт; оттуда вместе с некоторыми другими окончившими девицами вел. княгиня Мария Федоровна взяла ее к себе во дворец под надзор статс-дамы. Там царил в ту пору ее старшая подруга Е. Нелидова. Евгения была не только миловидна лицом, но очень грациозна, прекрасно пела, танцевала, особенно отличалась сценическим талантом, возбуждая общий восторг посетителей придворных спектаклей; при этом она была очень тактична, сметлива, «благоразумна». Князь-петиметр, сам без средств, пленился изящной бесприданницей и женился против воли родных. За 15 лет брака, до самой своей смерти, Евгения была божеством мужа; она умела прощать ему измены, очень ценила его любовь к семье, и всегда умела брать верх над всеми предметами его увлечений. Ясный ум жены и ее уверенность в себе князь очень высоко ставил, и сравнение с Евгенией являлось высшей похвалой женщины в его устах. Его вторая жена, вдова Безобразова, тоже воспитывалась в Смольном.

Несмотря на крайне тяжелые свойства социального строя общества, умственное развитие женщин высшего класса во 2-й по-

ловине XVIII в. несомненно делало успехи. Маленькая кучка правителей и собственников считала себя «народом», призванным служить представителем культурного государства, каждый свой шаг для удовлетворения своих духовных потребностей, выписку иностранных книг, нескольких картин, благородный спектакль — учитывая, как патриотический подвиг на пользу просвещения отечества. Но к общественным делам в истинном смысле, даже к усовершенствованию деловой и служебной техники проявлялось большое равнодушие. Той же близорукостью, самомнением, безразличием к государственно-общественному делу заражались и женщины. Выдающаяся по уму и таланту Дашкова с успехом приучала современников считаться с правом женщины на ответственный пост, но сама сохранила свойства чисто русской барыни выросшей на почве крепостных отношений. Просвещенная и гордая графиня Головина не стеснялась скакать в лагерь к Потемкину, чтобы добиться избавления мужа от опасности полковой службы на войне, и его действительно вернули домой — «к жене, даже если он этого не захочет», как записали в приказе.

Увлекаясь французской литературой века Руссо и Вольтера, иные дамы принимали к сердцу взятие Бастилии и другие яркие события первых лет революции, но легко смущались и скоро теряли вкус к красивому свободомыслию. Среди представительниц нашей аристократии возникла в эту пору особая склонность к католицизму, очень усилившаяся в начале XIX в.

Одновременно с зарождением нашей общественной жизни начались и первые выступления русской женщины в печати, и как раз в бурную пору дворянского веселья, которым до безумия увлекались женщины, литературная работа, участие в журналах стало своего рода модой, почетным украшением женщины, покровительствовалось самой императрицей-писательницей. Печатались даже переводы юных великих княжен.

В ту раннюю пору нашей литературы женщины ни с кем не конкурировали, ни у кого не отбивали журнальных страниц; пишущие, особенно женщины, принадлежали к одному и тому же дворянскому слою населения, привилегированным просветителям отечества; привлекая женщин к литературному труду, писатели и издатели проявляли все ту же заботу о просвещении отечества, которой гордились.

IX

В XVIII в. поместная система исчезает; поместья, обращаясь в вотчины, становятся полною собственностью служилых людей, которые сами постепенно освобождаются от обязательной службы, сплачиваясь в сословие привилегированных владельцев земельной собственности и крепостного населения. Помещики понемногу возвращаются в свои имения. Семьи и имущества землевладельцев не нуждаются в былой напряженной деятельности женщин, как их представительниц; сами помещицы уже не являются предметом особых забот правительства. Закон дает женам и дочерям право на известную долю наследства после мужа и отца, приблизительно в том же размере, как их прожиточные доли из поместной земли; только теперь доли наследства становятся их полною собственностью.

Теперь дворянам-собственникам приходилось увеличивать и улучшать свои владения внимательным ведением хозяйства, выгодными браками, приданым жены. Судьба девушек по-прежнему обеспечивалась приданым, зависевшим и теперь от воли родителей. Чтобы не дробить поместий, отцы предпочитали награждать дочерей, главным образом, семьями крепостных, которые являлись основным имуществом многих дворянок. Среди хозяйства мужа заботам помещицы предоставлялся домашний отдел, заготовка провизии, холст, одежда и пр. Ей приходилось распоряжаться трудом рабов, стоя лицом к лицу с дворовыми, постоянно сталкиваясь с самыми мрачными сторонами социального порядка. Со времен Екатерины I, с введением губернских учреждений, когда повысились культурные потребности, жизнь в провинции усложнилась и вздорожала, помещицы нередко заводили целые мастерские кружев, тканей и вышиванья, целые фабрики, конкурировавшие с купеческими, полностью используя здесь труд своих крепостных.

Мужчина-помещик исполнял гражданские обязанности, был правоспособным гражданином, насколько это допускал государственный строй. Женщина, особенно из мелкопоместного слоя, могла проявлять свою деятельность и самостоятельность только в командовании над крепостным людом, в постоянной борьбе с их чувством самообороны, среди личных столкновений, мелких уколов владельческой гордости. В постоянной за-

висимости то от родных, то от мужа, только в сфере владельческих отношений чувствовала она себя силой и властью. Отсюда масса примеров мелочной злобы, бесцельной мстительной жестокости, отравлявшей горькое существование подданных, наполнявших помещичьи усадьбы. Страдая от произвола мужа, от последствий подневольного или случайного брака, помещица делалась первой помощницей крепостника в расправах с рабами, даже в насилиях над женщинами и девушками, изливая на них собственные горькие обиды. Культурные веяния медленно проникали в глубины провинциальной жизни, долгие годы отражаясь только на поверхности, в обиходе модниц, когда для особо торжественных случаев отпирались парадные гостиные.

В первой половине XVIII в. влияние помещиц на хозяйство и ремесленные работы крепостных проявлялось еще слабо. В деревенских усадьбах жили по старинной простоте; сами усадьбы сохраняли еще неприкосновенной старину XVII в. Только с освобождением от обязательной службы дворяне вернулись в родные гнезда, привезли новые потребности, для удовлетворения которых завели разные улучшения в хозяйстве.

В западных провинциях, прилегавших к польским и недавно завоеванным немецким областям, быстрее сказывалось влияние Европы.

Старшая сестра мемуариста Болотова, жена состоятельного псковского помещика Неклюдова, в 40-х и 50-х годах XVIII в. жила в благоустроенном доме, поразившем своей отделкой брата, приехавшего из Каширской глуши; чистая половина его держалась всегда готовой к приему гостей. Все дворовые в усадьбе были обучены ремеслам лично самим хозяином. Гости съезжались довольно часто; один сосед привозил своих лакеев музыкантов. Молодежь танцевала менуэты и контрдансы. Старшие мужчины и барыни играли в карты и забавлялись напитками. Развеселившись, переходили к национальным забавам; созывались деревенские певцы и певицы, заводили хороводы и пляски; тогда и старшие гости бросали карты и присоединялись к пляшущим. На смену танцам и картам устраивали охоты, рыбные ловли. В ту пору здесь чаще сносились с Петербургом; сюда заезжали столичные барыни, занимавшиеся светской муштровкой местных недорослей.

В центральной России те же записки Болотова рисуют иные картины. Старшие родичи мемуариста не трогали своих жилищ старинной постройки, их низенькие домики с высокими крышами вrostали в землю. В одном из них доживала свой век мать Болотова, вдова полковника. Большую часть ее дома, как у крестьян, занимали сени и кладовые. Из трех покоев больший, зал, не имел топки, и наполнялся народом только по праздникам, когда приходил священник с крестом. Единственным жильем господ служила угольная с огромной печью и кроватью, где постоянно лежала рано одряхлевшая барыня.

Третья комнатка служила одновременно детской, девичьей и лакейской; здесь в юности жил мемуарист, отделенный перегородкой от дворовых; перегородка — уже прогресс в сельском обиходе того времени. Гости, отставные сержанты и прапорщички петровской службы с женами в бостроках и русских шушунах, с платками на головах, пировали у нее дня по три и спали вповалку в том же теплом покое. Такие же усадьбы находились и в других селеньях, и большинство из них еще пустовало.

Далее к Волге обстановка семейной и женской жизни носила более первобытный характер. В Арзамасском уезде помещики жили в горницах на высоких «подклетах с волоковыми окошечками» (помещения для кладовых и для жилья дворовых). Высокая лестница вела со двора в верхние сени, которые делили жилье на «черную» кухню, и «белую» горницу — единственный барский покой, обыкновенно без перегородок. Здесь помещалась чета помещиков, их дети разных возрастов и приближенная прислуга. Члены господской семьи укладывались спать на печи и лавках; дворовые спали вповалку на полу.

Здесь же по зимам пировали гости, приезжавшие на семейные праздники. Богатый стольник, дядя мемуариста Данилова, довольствовался двумя такими горницами; в теплой жил зимой, в другой — без печи — летом.

В этом мало населенном земледельческом крае ковыльные степи еще широко раскидывались во все стороны; хлеба росли «буйные»; стада и табуны всюду находили корм. Несложные потребности помещиков прекрасно обеспечивались; жизнь долго сохраняла черты старины. При обилии продуктов, здесь, однако, страдали недостатком наличных денег, что очень затрудня-

ло воспитание детей даже для немногих семей, сознававших важность знания, хотя бы простой грамотности.

Сплошная безграмотность, дикая первобытность нравов поразили губернатора Державина и его жену, явившихся просвещать Тамбовский край уже под конец царствования Екатерины II.

Прежде эти восточные области нередко разорялись от мятежей и кочевников, а в XVIII и даже XIX в.в. они страдали от разбойников, спокойно разъезжавших отрядами в 80-100 человек. Разбойничали сами местные помещики, нападая подчас даже на воеводские дома в городах. Славилась разбойничьими похождениями иные помещицы. В 40-х и 50-х годах XVIII вв. Кадомская помещица унтер-офицерша княгиня Енгальчева со своими дворовыми людьми при участии священника и дьячка своего села делала наезды на помещиков и даже на областных чиновников, избивала господ, людей и крестьян брала в плен, завладевала деньгами и ценным имуществом. Во времена Екатерины II славилась вдова коллежского регистратора Моисеева; днем и ночью с шайкой дворовых, вооруженных ружьями и дрекольем, тревожила она помещичьи усадьбы, выслеживала, где собирались гости, чтобы захватить побольше того, что могла дать семья неприхотливых обитателей сельской усадьбы.

Жизнь сытая, бездеятельная, без возбуждающих интересов, порождала избыток сил и энергии, который прорывался в диком молодечестве, в необузданных порывах самовластия.

После петровских постановлений относительно знакомства друг с другом брачующихся, молодые люди могли свободней видаться, знакомиться, выбирать; но браки долго устраивались по старине и зависели от благоусмотрения родителей, для дочерей — вполне, для сыновей — в значительной степени. В городах играли огромную роль свахи; в среде сельского дворянства сватали родные, рекомендовали женихов и невест сослуживцы, товарищи, начальники. Серьезные родители искали для детей «ровню» по состоянию среди семей одинакового достатка и родовитости; охотно выбирали земляков своего уезда, потому что лучше знали их и потому, что земли жениха и невесты, находясь по близости, легче объединялись в общее ховяйство.

О любви и взаимной склонности не заикались. После сморин, когда молодые люди впервые видели друг друга, от них до-

бивались ответа, находят ли они друг друга «непротивными». Сами разумные родители находили такой ответ вполне достаточным, чтобы начать формальное сватовство. Нередко решающую роль при выборе жениха или невесты играли памятные сны, гаданья. Женились часто очень рано, и еще раньше выходили замуж. Отец писательницы Буниной женился 16-ти лет. Девушек выдавали 14-ти, иногда 13-ти, даже 12-ти лет. Конечно, в таком возрасте мудрено говорить о любви, о сердечной склонности.

Среди немногочисленного сельского соседства выбора почти не было; едва в деревенской глуши мелькало подходящее лицо, хорошая партия по состоянию и положению для девушки-ребенка, родные решали, что случая нельзя выпускать из рук. Отцы в чинах, с хорошими связями в администрации не торопились со сватовствами, уверенные, что судьба их дочерей недурно устроится; охотно выжидали женихов, не требовательных по части приданого; чтобы не дробить поместий, отрезывая дочерям в чужой род. Таким осторожным родителем был полковник Болотов, отец мемуариста. Ему рекомендовали помещика с хорошим достатком, гарнизонного сержанта. Родня искала ему не богатую невесту, а дельную, домовитую девушку из строгой семьи заслуженного лица. Брак счастливо устроился, и полковник позаботился о карьере зятя. За Болотовой дали приданого, по сохранившейся описи, «деньгами 300 р. и на 300 же платья: шлафрок обьяринный зеленый на юбке алой, 2-й шлафрок алый на юбке голубой, полушлафрок желтый полуобьяринный на юбке зеленой тронценелевой. Всего 4 шлафрока и 3 полушлафрока; 5 корсетов (лифа на китовом усе) обьяринных и штофных, 6 шитых шапочек, лисья шуба; 2 пары соболей, 3 пары серег, одне с алмазами, 2 кольца, 1 холостой дворовый, нянька-вдова, 3 горничные девушки». При начинавших развиваться потребностях в дворянской среде такое приданое очень скромно, — что признает сам мемуарист. Самого полковника в молодости заботливо женил его отец на «ровне», единственной дочери и наследнице своего соседа и приятеля, Бакеева. То была совсем простая женщина, по-видимому, грамотная, умевшая писать «про себя», подписывавшая свои деловые бумаги. Частые походы за полком мужа, жизнь с ним в Лифляндии среди немцев мало повлияли на ее нрав и обычай; она любила жить по-ста-

ринному в глухой деревеньке, по возможности не расставаясь с теплым покоем и постелью; подчинялась бойкому священнику-духовнику, умевшему ее запугивать. Любопытно, что через 40 слишком лет, в начале царствования Екатерины II, по таким же соображениям, с тем же благоразумием ее единственный сын-писатель женился на единственной дочери соседки по уезду. Женщины XVIII в., оставившие свои воспоминания, очень скупы на описания своих душевных переживаний во время сватанья и свадьбы; поневоле приходится удовлетворяться записками мужчин; очень интересны искренние излияния Болотова, подробно описавшего свои попытки найти себе подходящую подругу жизни и соучастницу своих литературных увлечений.

Очень интеллигентный для своего времени, деятельный хозяин в своих небольших владениях, 26-летний Болотов считался завидным женихом. Его отношение к браку напоминало взгляды Татищева. Вопрос «о персоне супруги» казался ему важнейшим в жизни; жена должна была разделять его вкусы и умственные потребности, любить чтение и размышление, не бояться и нравоучительных трактатов; по состоянию быть ему равной: «чтобы мой был обед, а женин ужин». Сельский эконо и философ желал иметь в жене друга, «с которым я мог говорить о книгах и о учебных делах, и которой я мог сообщить самые чувствования души моей, и от нее тем же самым пользоваться». Требования слишком высокие, невыполнимые в провинции его времени, когда приходилось искать невест с помощью свах и знакомиться на смотринах. Молодой человек не имел знакомых девиц в мало населенных усадьбах уезда. Пришлось с помощью посредников ездить на смотрины. В доме родственника генерала писатель смотрел его подроставшую падчерицу. Девица оказалась недурной лицом, но слишком юной и такого простого деревенского воспитания, что жених сразу нашел ее неподходящей: «Все что-то находил в ней несогласным со своими мыслями и желаниями, и никак не мог примениться к ней мыслями».

Расхвалили другую невесту; Болотов поехал в дом, где его давно поджидали и прочили за него дочку. Эта девица оказалась недурной, но «гораздо посидевшей и такой дородной», что один взгляд на нее привел в замешательство; к тому же она «разрядилась впрах, нарумянилась и набелилась и казалась такой подра-

жательницей московской светской жизни, в поступках, разговорах и поведении такой вольной», что моралист испугался, что делать с такой модницей в деревне? После трех опытов писатель прекратил смотрины, найдя свое положение искателя тяжелым и глупым. Однако, в Москве дал себя свезти в родовитую семью Палицыных, где ему представили трех сестер невест, неподвижно, как куклы, сидевших вдоль стены. В столице модное воспитание отомстило за себя; по справедливому замечанию Татищева, веселость нрава и живость обращения девушек более всего привлекает юношей; Болотов пленился бойкой, грациозной Бакеевой, но благодаря ее холодности, поборол увлечение и благо-разумно обратился к «запасной» невесте, 12-летней девочке, смущавшей его только своею юностью. Как «ровня», она была самой подходящей; единственная дочь и наследница, воспитанная матерью вдовой и теткой, разумными, скромными особами с хорошим родством, как семья Арцыбашева, автора «Повествования о России». Деревеньки сироты находились близ поместий Болотова. Мать и тетка тоже не хотели выпускать из рук хорошего жениха. На смотринах в обычном дамском разговоре с родственницей Болотова участвовала только тетка; молодая еще мать от волнения не могла говорить. Девочка поразила писателя сходством с невестой, виденной недавно во сне; он внимательно всматривался, но при всем желании не мог найти в ней ничего пленительно-го; в ее лице и всем образе было так много детского, что она «не могла вызвать в нем особые чувства», как взрослые девицы; она была высока ростом не по летам и не представляла ничего неприятного, чем и приходилось довольствоваться; заговорить с нею Болотов не решился.

Соседка-посредница сообщила, что жених очень понравился дамам, но от самой девочки не могли добиться ответа, как находит жениха; она сконфуженно пряталась или начинала плакать, однако, не просила, чтобы прекратили сватанье и оставили ее в покое; значит жених ей «не противен», и она не прочь от замужества, решили старшие, и, должно быть, были правы по условиям жизни своего времени. Чуть было не смутила девочку другая соседка, уверявшая, что Болотов все сидит за книгами и, должно быть, черно-книжник; невеста плакала, пока ее не уверили, что это вздор.

По обоюдному соглашению формальное сватовство и стговор отложили на год, когда невесте сравняется 13 лет. Писатель решил, что юную, неиспорченную светом и модами девушку он сможет воспитать по-своему, развить в ней любовь к чтению и стал переводить для нее книги. Он сильно волновался, какой-то окажется суженая, однако, весь год не пытался повидаться и познакомиться с невестой; должно быть, это считали неудобным и странным в дворянском обиходе; свободой обращения пользовались только «шеголихи».

Явившись на стговор, он чуть было не принял за невесту постороннюю барышню, и очень обрадовался, когда увидел нареченную выросшей и похорошевшей, теперь очень привлекательной; но и тут не сумел с ней заговорить. Изредка посещая невесту до свадьбы, Болотов не видел от нее ни ласки, ни приязни. Так и не довелось ему испытать удовольствия, какое находят другие женихи в обществе взрослых любезных невест, пишет он в записках. Свадьбу сыграли скромно, однако, с танцами, добыв крепостных музыкантов. По старинному обыкновению, от которого Болотов не посмел отделаться, как не осуждал его, жена-ребенок подверглась в брачную ночь торжественным поздравлениям от ожидавших приглашения в спальню гостей. Не посмел он отменить обычай и гораздо позже на свадьбах дочерей. 13-летняя девочка стала женщиной и точно нравственно захирела от слишком раннего перелома жизни. Она апатично относилась к мужу и ко всему, чем он старался занять и заинтересовать ее; в молодых годах ее ничто не занимало ни в доме, ни в хозяйстве. Это долго и глубоко огорчало мемуариста; большим утешением послужили ему живость и отзывчивость еще молодой тещи, которая стала для него приятным собеседником и товарищем в его работах и предприятиях.

Через 1/2 года с большими опасностями для здоровья 14-летняя жена стала матерью; были другие дети; с 20-ти лет она долго хворала женскими болезнями и истерикой. Только в зрелых годах воля ее окрепла, и она овладела своим положением старшей в доме и стала советницей мужа в семейных делах. Обе, мать и дочь, отличались религиозностью на старинный лад; строго соблюдали все посты, несмотря на протесты писателей, часто разъезжали по богомольям. Такова судьба совсем простой деревенской дво-

рянки, каких было очень много, какую герой «Семейной хроники», Степан Михайлович Аксаков, напрасно сулил своему сыну, чтобы отвлечь его от городской шеголихи Зубовой.

Иначе сложилась она у оригинальной и способной Анны Лабзиной, жены выдающегося вольтерьянца своего времени.

Ее отец, умирая, поручил маленькую дочь заботам на редкость преданной и умной няни. Мать ее, очень болезненная, отличалась редкой гуманностью. Ее величайшей отрадой были посещения заключенных по тюрьмам, раздача милостыни и утешений, заботы о ссыльных. В доме вокруг девочки все работали на бедных и заключенных; мать сама лечила приходивших к ней больных, водила девочку в тюрьму, где все кормились ее заботами, и там перевязывала раны. Особенно много хлопот доставляло прибытие прикованных к одной цепи или пруту каторжан. «Ежели ты будешь в состоянии делать добро для бедных и несчастных, ты исполнишь закон Христа!», — говорила она дочери, и дочь была свидетельницей глубокой преданности и почтения, с какими несчастные люди относились к ее матери. Девочку держали сурово и строго, на простой пище, в холоде, приучали к труду, напоминая, что и она может испытать бедность; росла она крепкой, здоровой, сильнее и подвижнее мальчика. Восторженную до мистицизма религиозность она унаследовала от обеих воспитательниц.

Удивительная мать-гуманистка проявила большую немилость к дочери. Она сильно хворала, когда приехал, окончив курс за границей любимый ученик ее мужа, ученый геолог Карамышев, скоро достигший известности. Боясь оставить дочь одну на свете без покровителя, больная, не предупредив дочери, дала за нее слово присватавшемуся Карамышеву; она верила ему в память мужа. Ошеломленная девочка пассивно слушала строгие наставления, как отныне должна во всем повиноваться мужу.

Карамышев оказался приверженцем грубого сенсуализма, возводимого им в основной принцип жизни. На глазах жены он открыто сожительствовал со своей племянницей; детски добродушное отношение его жертвы к его изменам доставляло развратнику особое наслаждение. Он лишил ее верной няни, не пускал к умирающей матери; горе бедняков, оплакивавших благодетельницу только раздражало умного и жестокого ученого.

Скоро он начал донимать жену, почему она не имеет любовников, сам приводил к ней поклонников, а за решительные отказы религиозной женщины колотил ее под сердитую руку. «Нет греха и стыда в том, чтобы в жизни нашей веселиться, — поучал ученый юную жену, — ты все будешь моею милой, и я уверен, что ты вечно меня любить будешь, а это только временное удовлетворение». На ее протесты против греховности его жизни он отвечал: «Как ты мила, когда начинаешь философствовать! Я тебя уверяю, что ты называешь грехом то, что только есть наслаждение натуральное, и я не подвержен никакому ответу». Сам он пил и развратничал в любой компании; дома пьяный иногда бил жену, раздетую выгонял из дому. К счастью, у нее не было детей.

В Петербурге 16-летняя Анна попала в среду, благоприятную для умственного развития женщины. Муж и жена Херасковы, оба писатели, очень полюбили ее и оказали на нее огромное влияние. Ее религиозность и нравственный закал только укрепились. Хорошие знакомства дали толчок ее дремавшим способностям. Она быстро научилась интересоваться литературой и занялась самообразованием посредством чтения. Нравственная выдержка, кротость, энергия, а потом и начитанность привлекали к ней внимание и симпатии. Сама она особенно увлеклась сочинениями мистиков XVIII в.

Второй муж ее, известный писатель-масон Лабзин, нашел в ней страстную последовательницу масонских учений и деятельную помощницу в своих предприятиях и изданиях. Женщины не принимались в члены масонских кружков, что не мешало Лабзиной энергично помогать организации лож; она умело содействовала объединению масонов, проповедывала, убеждала, поддерживала дух колеблющихся; помогала она мужу и в создании «Сионского Вестника»; сопровождала его под старость в Сибирь, куда он был сослан за выходку против Аракчеева. Благодаря столичным литературным кружкам провинциалка Лабзина выросла умственно в оригинально интеллигентную влиятельную женщину.

В сельской глуши живые и сильные характером женщины с трудом выделялись из общего уровня, если богатство, власть, особый случай не помогали им. По «Семейной Хронике» С. Аксакова известна жена другого вольтерьянца, Куроедова. Бога-

тая наследница, двоюродная сестра героя «Хроники», до 14-ти лет росла на деревенском приволье в далеком Уфимском крае. Новый небогатый сосед Куроедов обворожил всю округу любезностью, остроумием, особенно дам и в том числе родственниц сироты; ее же подкупил дорогими куклами, шумными забавами и катаньями: и девочка без ведома опекуна Аксакова оказалась с ним обвенчанной. По образованию, начитанности в просветительской литературе века Вольтера Куроедов был бы выдающимся явлением в русской провинции. Автор кратких и малоизвестных «Записок человека» рассказывает, что встречался с молодым Куроедовым в Пензе и навсегда сохранил о нем благодарную память за то, что тот разбудил его мысль, открыл целый мир идей, снабжая его книгами, научил думать над прочитанным. После женитьбы богатство, власть над крепостными жены и раболепство администрации вскружили Куроедову голову, а теория наслаждений всеми благами жизни обратила его в распутного крепостника. Он не развращал жены, как бедняк Карамышев; ему, ее управляющему, вряд ли была бы выгодна ее вольная жизнь; но не интересовался ее духовным миром, не пытался развить ее, юную, умную и вполне ему преданную. Властный крепостник утратил вкус к миру идей, который занимал его, небогатого чиновника. А жена, избавившись от мужа, осталась по-старому избалованной помещицей с суховатым умом, славившейся гостеприимством, любительницей карт. Куроедову совершенно затмевает в «Хронике» блестящий образ матери автора, М. Зубовой.

Незадолго до губернской реформы жизнь в провинции по-прежнему оживлялась; соседи иногда съезжались, веселились, даже в глухих центральных уездах; кое-где появлялись оркестры крепостных. На свадебных праздниках Болотова играла музыка, и немного танцевали. Его часто посещали соседи и весело проводили время за разными забавами; а в начале 70-х годов на Рождество и на Пасху не проходило дня, чтобы дом не был полон гостей; играли в старинные русские и иностранные игры, иные танцевали, но танцевальных вечеров еще не устраивали. Собирались только дворянские семьи и молодежь; и среди женщин только дворянки, хотя бы неграмотные, грубые, совсем простые женщины одни признавались за приличное общество;

«будучи настоящими подъяческими женами и самыми охреянками не могли делать им компании», — говорит Болотов про жен богородицких канцеляристов, одно время единственных соседок его жены и тещи.

С введением нового управления жизнь быстро шагнула вперед. В города на дворянские выборы собирались окрестные помещики разных достатков, разных культурных ступеней с женами и дочерьми, людей посмотреть, другие и себя показать. Развлечения, до того знакомые только столицам, балы, маскарады, театральные представления перенеслись в губернские города и становились обычной принадлежностью дворянского быта. На дворянских съездах жители уездной глуши входили в соприкосновение с высшими и даже столичными представителями сословия. Привычки и потребности жителей столиц проникали в глубь провинций и разносились по скромным усадьбам. Для их удовлетворения быстро изменялись жилища помещиков даже средней руки. Усадьбы перестраивались или сносились, уступая место новым светлым домам с террасами, балконами, вышками ради красивых видов, о чем не помышляли в старину. Светлая гостиная или диванная делалась необходимой принадлежностью порядочного дома. Ее главным украшением, необходимыми участницами приемов и собраний являлись женщины дворянской семьи.

Открытия наместничеств расшевелили сонные захолустья: раскошелившись, помещики везли семьи, даже с детьми, в город. Юное поколение поражалось невиданными зрелищами; да и матери семейств в возрасте Болотовой удостаивались первого выезда в свет. Здесь набирались неотразимых впечатлений, имевших нередко решающее значение на воспитание молодых поколений, на их дальнейшую жизнь. Провинциалки разных возрастов бросились учиться танцевать. Не танцующая девица не имела места в губернском свете, рисковала спуститься до уровня невоспитанной деревенщины. Заботы о костюмах выросли до тревожных размеров, незнакомых старине. Губернаторши, жены предводителей, нередко и других губернских чинов, в иную пору лица неизвестные и незаметные, теперь, особенно, если вышли из Смольного, по справедливому замечанию современника, оказывались необходимыми членами гу-

бернской администрации. Обе первые дамы обязывались объединять общество; они же являлись законодательницами моды и хорошего тона. Страсть к развлечениям быстро охватывала провинциалов. Молодежь, дети под впечатлением виденных в городе представлений принимались дома устраивать театры. Так было у Болотова; эта игра и декламация детей заинтересовали его, и он принялся устраивать домашние спектакли, имевшие огромный успех среди соседей. Его старшая дочь лет с 13-ти считалась одной из лучших танцорок в губернии. Увлечение танцами, страсть к увеселениям в его семье, как и в других, мирно умещалась рядом с набожностью на старинный лад, постничеством и богомольями.

А все-таки старинное разобщение полов чувствовалось повсюду и очень сильно. В широких кругах общества девушки и в 40-х г. г. XIX в. редко могли сделаться истинными членами общества; их наряжали, торопливо бросали на руки кавалеров, поощряя танцевать до упаду; но пляска кончена, и девицы опять сидят как куколки по стенкам, стыдливо не подымая глаз на мужчин, занимая беседами друг друга. Старые понятия о скромности не мирились со свободным обхождением девушек с мужчинами; самостоятельные беседы, смелое обращение все еще считалось привилегией щеголих. Только выдающиеся люди или живые просвещенные петиметры, как кн. Долгорукий-писатель, дорожили общением с женщинами; да в конце века Екатерины новые люди, герои чувствительности, умели сбрасывать путы старины. Даже смешной сентименталист Шаликов негодовал на запуганность женской молодежи в своем «Путешествии по Малороссии»: сидит юная особа среди общества, как бы не слыша и не понимая; но стоит только разговорить ее, она оживится и проявит бойкое соображение, даже ум.

И браки в массе заключались по старине смотринами и сватовством без личного знакомства. Старшая дочь Болотова, танцорка, до 22-х лет не имела женихов; за нею подросли другие сестры, и она после долгих колебаний, успокоившись на знаменательном сне, согласилась дать слово неприятному, почти незнакомому человеку и «подала отцу руку» в знак того, что идет добровольно. Следующих дочерей лучше воспитывали, но и самая красивая из них смиренно ждала, когда колебавшийся

претендент благоволил назначить сговор. Бывало, что на самый сговор жених присылал отказ, раздумал жениться; и такой поступок не считался за особую обиду, а просто за житейскую неприятность.

Когда кто-то посватался к сестрам, предоставляя родителям решить, которую из них выдать, у Болотовых собрался семейный совет; а обе девушки сидели рядом в темной комнате, «как оглашенные», с волнением ожидая решения своей участи. Выйдя к ним, отец попробовал пошутить, «а они встав обе поцеловали молча мою руку. Сцена сия была для меня самая трогательная и такая, что глаза мои смягчались слезой чувствительности», — пишет мемуарист.

С перенесением в провинции столичной культуры, появлением институток и пансиониров в обновленных усадьбах завелись переводные и французские романы, собрания иностранных и русских авторов просветительного века; зазвучали клавикорды и арфы. Помещичьи дочери из более способных получили материал для упражнения в грамоте и французском языке. Литература сентиментального направления внушала новое понимание жизни чувства, более полной и разнообразной с новыми оттенками отношений к мужскому обществу. Изменились и расширились понятия о скромности под влиянием нового литературного направления и нового воспитания, научивших особенно ценить в женщинах чувствительность, отзывчивость на впечатления. Среди веселящихся и богомольных появлялись женщины с деятельными умственными интересами, любившие беседовать и даже спорить в мужском обществе. Дочь товарища Оренбургского наместника, М. Н. Зубова, мать автора «Семейной Хроники», красавица, умная, с пылкой душой, только с 17-ти лет успевшая кое-чему поучиться с учителями братьев, принимала весь город, вела деловую переписку больного отца, писала и говорила прекрасно, почти талантливо. Все, кто появлялся в крае из образованных выдающихся людей того времени, посещали девицу Зубову, переписывались с нею, восхищались ее письмами. Страстная и впечатлительная, увлекавшаяся и увлекавшая, она блистала, как редкий самородок; но, странно, невестой не считалась; должно быть, в ту пору за Волгой интеллигентная женщина слишком выделялась из общего уровня и не

подходила к обычной мерке жены помещика или провинциального чиновника. Зато, удовольствовавшись скромным Аксаковым, она решила сама заняться умственным развитием мужа, что до сих пор составляло привилегию мужей по отношению к женам.

Выдающиеся люди очень ценили интеллигентных женщин. В диком Тамбовском крае губернатор Державин со своей бойкой женой, собирая все местное дворянство, задавались широкими просветительными целями. Устроив уроки танцев в губернаторском доме, они попутно пытались привлечь дам и девиц к занятиям русской грамотой и словесностью; для дам более просвещенных, побывавших в столицах, заводили литературные собрания, чтобы побудить их поработать самих на пользу словесности. На танцы съезжалось более 150 дам; успехи других уроков сомнительны. Но опыт литературного салона в Тамбове принес свои плоды; некоторые посетительницы воодушевились, взялись за переводы и издали свои труды. Особенно отличилась Е. Нилова переводом философского романа «Граф Вальмон или заблуждения рассудка» в 7-ми томах. Светская дама долго и добросовестно боролась с большими трудностями передачи замысловатых французских оборотов на наш бедный еще язык, но зато приобрела славу литератора. С отъездом Державиных жизнь в крае замерла, но те, кому они привили вкус к умственным занятиям, остались верными любви к литературе.

В 90-х годах кн. Долгорукий нашел в провинции бьющее через край веселье, местами интересные светские «круговеньги», как он выражается, и отметил не мало достойных внимания дам и девиц. В Нижнем Новгороде он «увяз» в обществе красивой барыни Прокудиной, которая блистала приемами в богатейших для провинции палатах. В Пензе, где князь служил вице-губернатором, нашлась своего рода гетера, некрасивая, но пленительная, с самыми «соблазнительными ухватками». Она имела «хорошие поверхностные познания», ум достаточный для общезнания, была начитана по части романов и стихов. Отец ее баловал, но благодаря обычным приемам сватовства, она оказалась замужем за пьяным и диким человеком, который под пьяную руку сажал ее в собачью конуру; и князю пришлось содействовать ее освобождению от мучителя.

Придворная смольнянка княгиня нашла себе приятельницу и друга для семьи в лице скромной чиновницы, стоявшей по образованию «выше сферы своего мужа», по выражению записок. Приятная собеседница, она в свою очередь находила в доме писателя нравственную поддержку своим духовным потребностям. Любитель женского общества встречал и девиц «отличного ума и дарования»; одну из них ценил за любовь к горячим спорам. В сельской глуши его привела в восторг и умиление девица Кошкарева. В совсем простой семье выросла девушка с удивительными способностями; зная только деревню, не выезжая даже в Пензу, «она сумела приобрести все преимущества роскошного воспитания», прекрасно говорила и писала по-французски, хорошо играла на клавикордах, отлично рисовала ... Эти таланты — принадлежности женской интеллигентности «для света того времени. Ближе к Москве, во Владимирской губернии, густо населенной усадьбами, встречалось еще больше воспитанных и любезных женщин. В Шуе нашлась жена городничего, «милая и приятная дама во всех отношениях. Она не видала большого света, но по природным качествам и такту могла бы всюду представиться; она обладала прелестями кроткого нрава и образованного ума...» В самом конце XVIII и в первые годы XIX в. столичный щеголь радовался появлению в провинции немногих дам «приятных во всех отношениях»; в 40-х годах они в свою очередь сделались предметом сатиры.

Еще ранее Вигеля князь познакомился с оригиналкой Турчаниновой, которая изучала латинский язык, в Одессе и Москве собирала у себя профессоров, интересовавшихся ее беседой, и находил вполне естественным в женщине интерес к знанию. Даже в старосветских семьях, как семья Степана Михайловича Аксакова, младшая дочь, не получившая никакого воспитания, по словам ее племянника, очень любила читать, берегла каждый добытый роман и книжку стихов; она очень любила природу и сады и на своих излюбленных местах вырезывала на деревьях целые стихотворения. Литературные вкусы не мешали ей тщательно и упорно копить себе приданое; в ее собственной огромной кладовой хранились сундуки белья, ящики не портящейся провизии, бочки колотого сахара и т. д.

Иные любительницы чтения заражались недовольством окружающей жизнью, не мирились со случайными и неудачными браками и утешались мечтами. Мать Карамзина «не выпускала из рук романов», по словам сына. Она тяготилась своей будничной жизнью, не искала общества и просиживала целые дни в глубокой задумчивости, развив в себе «удивительную склонность к меланхолии». Вероятно, она не по своей воле вышла замуж. Среди следующего поколения женщин мемуарист Вигель встречал настоящих героинь сентиментальных романов. Девушка Ступишина отличалась «скромностью, любезностью, знала иностранные языки», прекрасно говорила по-французски и «чуждалась общества подруг», как Татьяна. Она завела любовную переписку с одним юношей и в мечтах переживала собственный роман. Вигель имел случай читать ее письма и сперва поразился красотой языка страсти, но скоро заметил, что они очень похожи на излюбленные страницы знаменитых романов того времени. Другая девушка была тиха и скромна..., но чтение французских романов воспламенило ее воображение; она предалась чувству любви, которая не принесла ей радости; она «прилепилась» к призракам, тешилась в мечтах... Доходило до того, что молодые люди и женщины разыгрывали целые сцены любви со страниц сентиментальных романов, обменивались страстными посланиями, даже пили капли крови друг у друга. Болотов только болел душой и волновался перед печальной участью своих дочерей, выходявших замуж за незнакомых им людей из одной покорности Провидению, наложившему на них повинность брака, а в современной литературе уже чувствовалось влияние Руссо и слышались размышления о свободной личности и свободе чувства. В 1779 г. В.Левшин писал в своих оригинальных «Утренниках Влюбленного»: «Старики говорят: «Мы женивались, не зная никакой страсти и изживали век согласно... Возможно ль, что в старину не было страстей?.. Да и какое сравнение лет прошедших со счастьем нынешних? Тогда жены были невольницы, а мужья — тираны, кои брали их для должности ключника, и может быть, почитали их за некое приятное животное, могущее угождать нежным чувствам»... Да и то много сказано: ведь они видели жен только после свадьбы. «Буде жены любили тогда мужей, то по одному обычаю, а вернее, по

притворству, причиняемому ужасом неограниченной супружеской власти и тяжелой его руки». В наш старинный словарь можно поставить вместо «супруг» «господин или тиран»; вместо — «жена» — «раба и мученица»... «Мы почитаем прелестный пол в его совершенствах, любим в его приятностях, и, зная, что в их нежности находим облегчение нашим горестям, покой в наших трудах и истинных друзей к блаженству нашей жизни, отдаем им полную власть над нашими сердцами, по справедливости их одну достойную». Автор так уважает женщину и ее чувство, что не допускает мысли о ревности; если бы жена ему изменила, рассуждает он лет на 50 ранее знаменитого «Жака» Ж. Занд, он и тогда бы ее любил по-прежнему; только этим, думает он, можно вернуть себе сердце изменницы.

Изменялось понемногу отношение к женщинам; изменялись и они сами. К началу XIX в. и в провинции в среде уездных барышень нарождалась читающая публика, готовая приветствовать самостоятельный рост русской литературы. Но эти успехи не могли удовлетворять представителей русского просвещения; они требовали более деятельного участия женщин в общественной и умственной жизни страны.

Женская личность в старой русской журналистике³

I

Первый смельчак, попытавшийся выделить интересы русских женщин-читательниц от запросов прочей читающей публики, был никто иной, как сам энергичный просветитель— филантроп Н.И. Новиков. Исследователи его многосторонней деятельности вовсе не интересовались первым в России журналом для женщин «Модное ежемесячное издание или библиотека для дамского туалета»⁴ 1779–80 г. Очень тщательно и подробно изучались западные образцы нравоучительных и сатирических журналов Новикова, его отношение к современному русскому обществу и к жизни старых поколений; но что натолкнуло его на мысль издавать журнал для женщин, да еще модный, на это не удалось найти указаний в обширной литературе его

³ Журнал Министерства Народного просвещения, 1912, № 7.

⁴ Неустроев. «Розыскание о русских повременных изданиях», стр. 272.

издательской деятельности. А между тем, старый запад заготовил не мало материала для чуткого литературного деятеля; литература о женщинах, издания, предназначенные для женщин, накопились уже давно.

Еще в средние века составленные под влиянием аскетов-поведников обличения греховности дочерей Евы, литература «о злых женах», грубые до цинизма сатиры на женщин вызывали нередко среди книжников обратное явление — панегирики женской добродетели, прославление женщины, как источника красоты и счастья на земле. На «Евангелие для женщин», на «Хулу женщин», на «Сороку и женщину» отвечали трактатом «О добродетели женщин», поэтическим «Сказом о женщинах»⁵. Старые нравоучительные «Домострои» запада отличаются от нашего памятника XVI в. более развитым чувством общественности, уважением к человеческой личности и лучшим отношением к женщине⁶. «Хорошую женщину следует любить, служить ей и воздавать честь», — поучает в XIII веке заточник из города Бари (Италия). «Отец имеет естественную власть над сыном, но не над женой. Природа женщины создана не на служение, а на иное... Между мужем и женой должно быть равенство», — писал монах-философ Эгидий Колонна в конце того же века, доказывая, что ум женщины нуждается в развитии и в благородном наслаждении.

Добрые католики, затронутые просвещением отцы и мужья давно блуждали среди споров об умственных способностях и духовном влиянии женщин, когда Возрождение освежило умы и дало решительный толчок работе мысли. Охваченные массой разнообразных впечатлений, образованные люди того времени объединяли все силы духа, чтобы перерабатывать их для создания новой культурной жизни; и женщины вошли в их общества деятельными членами, желанными участницами литературных бесед и наслаждения искусством. Горячий интерес к внутренней жизни человека возбудил новый интерес к личности женщины, на первое время порывистый, с резкими диссонансами. Лирик Петрарка был страстным приверженцем холостой жиз-

---

⁵ Petit de Juleville, «Histoire de la langue et de la littérature France des origines à 1900». P. 205.

⁶ Некрасов. «Введение в опыт истории литературы исследования о Домострое», 1873.

ни, зло высмеивал женщин и запугивал женатых приятелей, доказывая им, что болтовня с женщинами — главная помеха успеху великих дел⁷; а между тем, воспоминания о дорогом женском образе служили ему неисчерпаемым источником вдохновения, совершивших огромную реформу в литературном мире.

Его друг и современник Бокаччо много раз осыпал женщин желчными сарказмами; однако, изящные женские образы, блестящие тонким умом и бойкой речью, царят в его произведениях, а знаменитый «Декамерон» посвящен читательницам. Женская личность, ее особенности и влияние в мире очень занимали его, и на склоне лет он написал оригинальную работу «О знаменитых женщинах» (*De claris mulieribus*), сборник кратких очерков жизни и деяний разных героинь, действительно существовавших и легендарных.

Работа Бокаччио имела успех; ее переводили на многие европейские языки, подвергали вольным переделкам, а главное — ей подражали: первый сборник сведений о выдающихся женщинах пополняли другие писатели, часто монахи; дух эпохи так увлекал, что забывались строгие суждения св. отцов о женщинах, и носители рясы становились рыцарями женщин. Одно время женщинам льстили, их захваливали, этого требовал хороший тон.

Блестящее участие женщин в умственной жизни многих поколений эпохи Возрождения не изменило, однако, не улучшило их правового положения; а с XVII века наступило даже временное охлаждение к женской личности и ее судьбе... Что за причина такого странного явления? Объяснение одно: домашний быт за время Возрождения почти не изменился, а условия этого быта были очень тяжелы для женщин, особенно для девушек; как и в средние века, последние жили почти взаперти. Регламенты некоторых городов Италии разрешали девушкам выходить из дома только в церковь и то рано утром и под покрывалом. Судьба дочерей вполне зависела от воли родителей: им выбирали мужей, их отдавали против воли в монастыри, если не желали отделять приданого⁸. Благодаря этой нездоровой обстановке, получавшие блестящее классическое образование девочки развивались рано,

---

⁷ Rodoconachi, «La femme italienne a' l' epoque de la Renaissance». P.54.

⁸ Rodoconachi, P. 46, 49.

но рано и увядали⁹; их организмы часто не переносили напряженной умственной работы в душном затворе дома-крепости, и многие рано умирали. Немногие ученые женщины доживали до полного расцвета своих способностей и развивали широкую просветительную деятельность. Только в XVIII веке сказываются заметные изменения бытовых условий; но тут мы накануне зарождения женского вопроса.

Английские мыслители конца XVII и начала XVIII века довольно жестки в своих отзывах о женщинах. Но скоро интерес к ним возрождается и проглядывает в развивающейся журналистике. Отсутствие подробной истории журнала в Англии очень затрудняет уяснение вопроса; можно только догадываться, что новый толчок к оживлению литературы о женщине был дан в Англии. Среди ее сатирических журналов, вызвавших массу подражаний, появлялись листки «Зрительниц», «Говоруний» и т. п. Затем, едва в 1731 г. возник весьма долговечный «Gentleman's Magazine», как рядом с ним появился прародитель женских журналов — «Ledy's Journal». Что он из себя представлял и долго ли существовал — неизвестно. Французский «Journal des dames» появился значительно позже — в 1759 г.¹⁰

Он составлялся из тех же отделов беллетристики, биографий, отчетов о театрах и зрелищах, какие с тех пор стали обычными для этого типа изданий. Его ожидала печальная судьба: вместе с некоторыми изданиями он попал в свиту «Annere litte'raire» Фрерона, грубо и резко нападавшего на Вольтера и всех энциклопедистов, что создало журналу дурную репутацию.

В эту пору, во второй половине XVIII века, литература о женщинах становится гораздо серьезней и значительней. Маленький женский журналчик явился знаменем времени, а, может быть, и помог возбудить внимание к духовной жизни женщин и их труду. В 1769 г. вышли разом 5 томов «Histoire litteraire des dames francaises» (литературная история французских женщин), в форме писем — *le'ttres historiques et critiques*. В предисловии

⁹ То же P. 31.

¹⁰ Hatin «Histoire politique et litteraire de la Presse en France» Указания на «Lady's Journal» p. 222. Весной 1768 г. возник первый модный журнал — «Courier de la Mode et du bon Gout» В курьезной статье «Me'moires Secrets pour servir a'la republique de le'ttres». Гримм предсказывал ему блестящую будущность. Hatin III, 222.

авторы обещают наглядно показать публике, «что может сделать женщина в области знаний и просвещения, если сумеет стать выше предрассудков, запрещающих ей обогащать свой ум и совершенствовать свое мышление». Почти одновременно с этим изданием вышла в свет и пользовалась известностью книга Томаса «Опыт о женщинах»¹¹; последующие писатели часто ссылались на нее. Безансонская академия объявила премию за сочинение на тему: «Каким образом воспитание женщин может способствовать улучшению человечества?» В конкурсе участвовала начинающая писательница, девица Манон Флипон, будущая г-жа Ролан. Труд англичанина Александерса «История женского пола с древности до текущих дней»¹² немногим моложе «Опыта». «Ничто в мире так не привлекает нас, не проникает так глубоко в наше сознание», — говорит автор, как женский пол, — а между тем, мы не занимаемся предметом нашего обожания. Судьба женщин поистине изумительна: с древних времен и почти повсюду они угнетены нами, и именно потому, что мы их любим»; и далее: «Свобода, независимость, всегда необходимые человечеству, отсутствуют там, где женщины не имеют политического влияния»... В Америке, где женщины свободнее, чем где-либо, люди очень независимы.

В Германии в 1788 г. Мейнерс, преподаватель в Геттингене, издал 1-й том своей обширной и основательной «Истории женского пола», третий том которой остановился на веке Людовика XVI. Здесь названы всего несколько образцов произведений, подготовивших почву для пропаганды о равноправии полов Кондорсе и его последователей и выступления женщин с требованиями гражданских прав для своего пола в первые годы великой революции. С другой стороны, в умственную жизнь и литературу XVIII в. проникла новая цивилизующая и гуманизирующая сила — чувство. Рационалистическая оценка человека, как носителя творческого разума прежде всего, теряла под собой почву: весь душевный мир человека становится важен и интересен в его целом, а чувства и страсти играют огромную роль в этом

---

¹¹ Thomas, «Essai sur le caracte're, les moeurs et esprit des femmes» 1772.

¹² В публичной библиотеке немецкий перевод 1780 г. Wilhelm Alexanders — «Geschichte des weiblichen Geschlecht's von den fruhesten Alterthum bis auf gegenwartigen Ze'iten».

мире. В противовес искусственной культуре городской жизни, условным приличиям прославляется простота, сельская жизнь среди природы, свобода личности и чувства от ига выдуманных правил и порядков. Сказалось и влияние учения Лейбница о бессознательных или малых представлениях, которыми человеку свойственно, хотя бы смутно, постигать мир, чувствовать силу природы. Эти перцепции, как называла их психология, в XVIII в. отождествляли с чувствительностью, которой придавали особое значение в духовной деятельности человека.

Новые веяния сильно изменили общие понятия и взгляды людей на ближних, на себя, на социальные отношения. Личность человека стала ценна сама по себе безотносительно к ее талантам и степени образования; нарастало внимательное и гуманное отношение к слабым, угнетенным и страдающим. Женщина, более слабая, непосредственная и близкая к природе, привлекает к себе особое внимание. Руссо своей «Новой Элоизой» освятил права любви и любящих сердец, руководимых добродетелью. Культ чувства зародился собственно в Англии, но французские романы более реалистического характера, как «Мадон Леско» и «Новая Элоиза», появились в России ранее романов Ричардсона, и именно они вместе с новыми взглядами на образование и положение женщин могли повлиять на Новикова и его сотрудников, когда они пытались издавать третий по времени женский журнал в мире.

Изыскивая все средства для возбуждения охоты к чтению среди русской публики, страстный труженик просвещения пытался соблазнить щеголих известиями о модах и хоть этой уловкой заставить их взяться за русскую книжку. В эту пору (1779 г.) Новиков был уже влиятельным членом масонского кружка и проникался идеями нравственного усовершенствования рода человеческого и ради этой цели нашел нужным позаботиться о духовном развитии женщин. С трогательною скромностью издатели «усерднейше посвящают» журнал «прекрасному полу», льстя себя надеждою, что хоть «несколько минут, может быть иногда праздных при туалетах наших дам употребятся на прочтение листков наших¹³... от дам зависит сделать наше издание

---

¹³ «Модное Ежемесячное Издание», 1779 – 1780 г., предисловие. В Императорской Публичной Библиотеке имеются экземпляры — полный с картинками и без картинок.

модным». И в самом деле, только фантазия читательниц могла его сделать модным, так как кроме одной модной картинки при каждом номере в «Модном» ежемесячном издании ничто не напоминало о модах. Оно общелитературного характера, с заметной тенденцией просвещать путем легкого чтения. Первая часть каждого номера отводится стихотворениям с «Ироидой» во главе, т. е. произведениям с героическим или мифологическим содержанием; за нею следуют идиллии, песни, басни и т. д. Как силлабические переводы, так и самостоятельные рифмованные песенки очень плохи, хотя попадаются и стихи Сумарокова.

Гораздо интереснее второй отдел, беллетристический, заботливо составляемый из отрывков, небольших рассказов и повестей. В беллетристике за малыми исключениями господствует любовное содержание, часто в духе знаменитой «Манон Леско», с намеками на здоровый реализм. В расположении неблагоприятного, нехудожественного материала видны чистые, благородные руки издателей, людей XVIII в., готовых открыто смотреть в глаза пороку, смело касаться темных сторон жизни и всюду прежде всего видеть человека.

В первом в нашей литературе журнале для женщин нет и следа ни лицемерной морали, ни слезливой сентиментальности; часто сказывается особый интерес к свободному чувству, к искренним увлечениям, к тем «страстям живым», которых с такою настойчивой пылкостью искал Чацкий в душе обожаемой московской барышни.

Среди стихотворений любопытен только перевод письма Элоизы¹⁴ к Абеяру. Здесь даже в неуклюжих силлабических стихах звучит мощный язык страсти и свободной мысли, рвущейся к жизни и творчеству. Сердце ученой абатиссы полно тоски и жгучих воспоминаний:

Безвинно я с тобой входила в разговор¹⁵
Все прелести тогда в твоём лице сияли,

---

¹⁴ «Модное Ежемесячное Издание», ч. I, стр. 833. Перевод эпистолы Попа, вероятно, сделан с французского издания в полном собрании его сочинений 1754 г. и впервые напечатан очень неудачно в 1755 г., как свидетельствует примечание 83 стр.

¹⁵ Модное Ежемесячное Издание, ч. I, стр. 85.

Сладчайшие слова твои уста вещали,
Беседуя с тобой, кто б тронуться не мог!
Но рано я почла любовь не за порок!..
...Я тщетными должна законы почитать,
Которы не любовь мне стала бы давать!..
...Какое счастье, когда сердца возженны,
Цепьми свободные любви соединенны!»
Ужасно было ее невольное пострижение:
«Устами хладными вещала я обет¹⁶,
Светильники тогда пускали бледный свет.
Победу получить в сомненьи небо было,
И ангелов мое деявье удивило...
Вступила, наконец, во храм против себя,
И видела не крест, я видела тебя»:..

Страсть и Божество сокровенно соединяются в моей душе,
признается Элоиза:

«Законы строгие здесь страсти запрещают,
И нежность и любовь под игом сокрушают.
Однако, Абельяр, пиши ко мне, пиши¹⁷,
Соедини с моей тоску своей души».

Подобный гимн свободной любви мог бы сделать честь радикальному журналу 60-х годов.

Не менее характерно для модного журнала дамы XVIII в. письмо Фрины¹⁸, Фиванской гетеры к местному философу Ксе-нофону, в грозных филиппиках обличавшему ее безнравственность. Жрица свободной любви старается обличить ограниченность мировоззрения философа¹⁹. «Поверь, что истинное сладострастие не может быть чуждо стыдливости. Поверь, что для собственной моей корысти я не в состоянии уничтожить себя... но если люблю я веселие, то равным образом ненавижу распутство... порок ужасен мне!»... Фрина описывает артистические увеселения, которыми наслаждаются на ее приемах; ее посетители — «мужи и граждане» — обязаны прежде всего должностям, дарованиям своим и обществу. «Они почитают

¹⁶ Там же, стр. 87.

¹⁷ Там же, стр. 85.

¹⁸ Там же, ч. II-я, стр. 186

¹⁹ Модное Ежемесячное Издание, ч. 2, стр. 186 и след.

меня для того, что не налагаю я на них невольничества: они любят меня за то, что требования мои не простираются далее их желаний... Мудрый есть существо независимое от сего множества разнообразных законов, вымышленных и последуемых множеством невежд. Дом мой может почесться храмом, где царствует сие несравненное божество» (т. е. вольность). «...Ты отказывал царям, призывавшим тебя; по счастью не имею я ни скипетра, ни короны, приди в дом мой», — говорит гордая своей свободой красавица Греции и убеждает мудреца примером Сократа, поучавшаго в доме Аспазии.

Любопытна далее небольшая повестушка, героиня которой, молодая особа, пять лет скрывала в доме матери своего ребенка. Когда мать случайно открыла его убежище, дочь рассказала про свое увлечение, про постыдное бегство своего возлюбленного. Мать без малейшего негодования утешила ее, научила, как найти бежавшего, уговорить его стыдиться своего малодушия. Молодые люди встретились, сошлись, и все благополучно закончилось браком²⁰.

В журнале имеются повести и с политической окраской; таковы «Видение Абу-Бекр-Езера»²¹ и «Ренси»²², где критикуется государственный строй Японии.

Самостоятельных статей в журнальчике крайне мало — разве две-три. В примечании редакция усиленно рекомендует читательницам одну из них, картинку общественной жизни под заглавием: «Московские письма»²³.

Усилия Новикова и его сотрудников не увенчались успехом: «Модное Ежемесячное Издание» приобрело всего 58 подписчиков и среди них не более 9-ти женщин. Цель издания не достигана

---

²⁰ Модное Ежемесячное Издание, т. 2-й, ч. 4-я, стр. 34.

²¹ Там же, ч. 1-я, стр. 59.

²² Там же, ч. 2-я, стр. 120.

²³ Там же, ч. 1, стр. 2–3. Первое письмо «О любопытстве» подчеркивает огромное значение этого элемента в человеческом сознании. Автор, юный студент Строкин, задается целью посещать спектакли, бега, всякие увеселения и сборища, всюду за всем наблюдать — «ибо добродетельному нет нигде стыда» — и сообщать свои впечатления: «Учусь сочинять коротко, ясно, внятно и правильно, о чем наши многие писатели и стихотворцы и думать еще не начинали. Боже, прости им согрешения».

лась — оно не становилось модным. К концу года стихотворный отдел стал однообразен; его заполняли переводом «Овидиевых превращений», и в следующем 1780 г. издание прекратилось. Таков был первый неудачный опыт журнала для «прекрасного пола»²⁴.

Но влияние новых идей, увлечение правами чувства, сливавшимся с правами самой человеческой личности, только усиливалось, проникая в среду писателей через иностранную и переводную литературу и сказывалось в масонских изданиях Новикова. Очень интересна глава «О любви» в первой части «Философических снов»²⁵. Путешественник под впечатлением рассказа одной юной матери о ее бедствиях, вызванных бесчеловечными преследованиями родителей за брак вопреки их запрещению, видит во сне природу в образе величественной женщины: в магическом зеркале она показывает ему, как весело, свободно и просто любили первобытные люди и умели быть счастливыми, и как жалки и нелепы представители современной культуры, лицемерно скрывающие любовное пламя, говорящие обиняками, объявившие

---

²⁴ Через 12 лет, в апреле 1791 г., преемник Новикова, новый арендатор университетской типографии Окороков приступил к изданию ежемесячника «Магазин английских, французских и немецких новых юод с присовокуплением писания образа жизни, публичных увеселений и времяпровождений в знатнейших городах Европы, приятных анекдотов» и т. д. См.: Неустроев (Розыскания, стр. 799). Издатель не имел смелости обратиться к одному прекрасному полу. В конце XVIII в. сами дамы еще не выделялись исключительным пристрастием к модам: шеголихи часто уступали пальму первенства шеголям, и издателям было необходимо считаться со вкусами сильного пола. На иллюстрациях рядом с дамами в туалетах погибавшей Марии Антуанеты франты во фраке Робеспьера, косынке и сапожках принца Валлийского, лакеи и кучера в моднейших ливреях, экинажи, лошади в сбруе нового фасона. Известия о модах и разных туалетах получались из Парижа, Лондона, Берлина и других больших городов, даже из Варшавы. В годы французской революции модные журналы процветали на западе, и потому русский издатель имел выбор для переводов. В «Магазине» помещались переводы из французских и немецких изданий, сообщающих сведения о нравах и общественной жизни в разных странах, даже исторические справки о домашней обстановке древних народов. Статейки не чужды юмора и тенденций морализировать. При обилии заманительного чтения, журнал просуществовал всего месяцев девять.

²⁵ «Философические сны», кн. 1-я, стр. 63 до 120; перевод с фр. кн. И. Долгорукова.

бесчестными множество невинных вещей и потребностей. Установив ряд неравенств, они не допускают свободного соединения брачующихся, справляясь повсюду о состоянии и происхождении. Возбужденный сновидением, путешественник пламенной речью убеждает родителей признать брак юной четы. Подобными нравоучительными рассказами последователи Руссо как будто пытались внести поправки к его «Новой Элоизе», героиня которой подчинилась с разбитым сердцем требованию отца и отказалась от возлюбленного. Те же мотивы звучат и в масонских журналах Новикова. «Покоящийся Трудолюбец» 1784 г., внушая читателям стремление к самосознанию и нравственному самосовершенствованию, обращается к женщинам с горячим призывом всеми своими дарованиями и прелестями содействовать совершенствованию людей. «Похвала женскому полу»²⁶ неизвестного автора (или переводчика) заявляет: «Прелесть жизни, очарование дней, забвение несчастий — все приятные чувствования и совершенная способность их чувствовать, о женщины!.. всем сим мы вам одолжены²⁷... Но мы вам должны еще добродетелями... Мудрость определяется своим благополучием в самом себе..., но добродетель автор определяет «своим благополучием в других»... «И вы одни, о женщины, можете нас научить что тамо должно его искать!.. Что бы мы были без вас! Самственники, пожирающие людей и алчные тигры» ... «Нет добродетели, нет храбрости без чувствительности, а первый луч ее всегда проникает в душу из глаз чувствительной матери». Женщин восхваляют до небес, особенно тех, которые развертывают все заложенные в них дары природы. Но не все женщины бывают тем, чем должны быть, и к ним предъявляются требования: «Не делайтесь никогда наградою порокам. Вы, сокровища целого света, цветы общества, не давайте никогда права подлеишим своим невольникам быть вашими повелителями!» Увы, по грехам современной культуры женщины не свободны в любви. «Ужасное смешение, страшное несогласие, смешное варварское и тщетное предрассуждение полагает вам наиприятнейшее удовольствие в число пороков. Но не то бесчестие, что бы иметь любовников, но то, что бы иметь хотя одного бесчестного. Подлец, целующий

²⁶ «Покоящийся Трудолюбец» 1784, ч. I, стр. 151.

²⁷ Там же, стр. 154 и след.

ваши руки, затмевает совсем ваши прелести... Увенчайте добродетели, дарования и науки. Да будет название любовника священнейшим титулом честного человека... Делайте героев и приятных людей: ибо те и другие, редки, и в том вы сами виноваты! Будьте нежны, скромны, привлекательны, веселы и просты — общество будет прекрасным, а государство — процветающим».

Неумеренно-льстивый тон обращения к женщинам не должен смущать читателя: он вполне отвечал духу старой литературы, отличавшейся склонностью к славословиям, воспевавшим и хвалебным одам. Считалось нужным сперва восхвалить, а затем внушать и требовать; к этому тону прибегает и сотрудник Новикова, желая повлиять на читательниц.

В других журналах помещались переводы и пересказы из немецких и английских исследований о судьбе женщины. Таково «Письмо о женском поле» в «Зеркале Света»²⁸. «Во всех почти странах судьба женщин есть: страдать и жить в порабощении! Даже в культурной Европе, где перед ними преклоняются, под личиной любезности пренебрегают ими и их способностями, не дают им серьезного воспитания. Совсем не подготовленную к семейным обязанностям девицу выдают замуж. Она клянется вечной верностью человеку, к которому ничего не чувствует, которого даже ненавидит», — негодует автор. «Кто осмелится противоречить, что женщины равные с нами, если не превосходнейшие дарования имеющие, равными силами одаренные... назначены к равным с нами подвигам, полу их приличным, и к равному понесению житейского времени».

Статьи «Новых Ежемесячных Сочинений»²⁹ защищают женщин от сарказмов Монтеня и других мыслителей XVII в. с любопытными замечаниями, что женщины являются во всем свете действующими лицами и вместе с тем вынуждены скрывать в себе множество чувств и мыслей.

Большие требования к умственному развитию женщин предъясняет «Рассуждение о женщинах и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках» Гартига³⁰. «Обычай и люди», — читаем здесь, «не дают женщинам просвещать свой

²⁸ «Зеркало Света», 1786 г., ч. 2-я, стр. 4-я.

²⁹ «Новые Ежемесячные Сочинения», 1792 г., ч. LXVII., стр. 26.

³⁰ «Чтения для вкуса, разума и чувствований», 1793 г., ч II, стр 50 и след.

разум»... Приведа в пример женщин, отличившихся высотой образования, автор кончает патетическим воззванием: «Матери, внушайте дочерям своим вкус к наукам с самых нежных лет. А вы, которые преступили пределы, в коих вас содержали, вы, которых число, к сожалению, весьма ограничено, не устрашайтесь усилий невежества»...³¹

Многие журналисты Новиковского времени высоко ценили влияние женщин, но они еще не умели говорить о женщине, как личности; они обращались вообще ко всему женскому полу, сами же женщины — современницы еще не имели в их представлении определенных образов, индивидуальных очертаний. Но их обращения к женщинам важны уже тем, что показывают широкое понимание их значения и влияния; в них особенно ярко призывы к знанию и к общественной деятельности; они мало останавливаются на работе женщин в семье.хлопотливые заботы о развитии в женщинах исключительно семейных добродетелей возникают в более позднюю пору с началом реакции 30-х гг. XIX века.

Литература последних лет царствования Екатерины II подчиняется мощному влиянию Карамзина; его новый легкий слог очень расширяет круг читателей, облегчая чтение, делая книгу более доступной для широкой публики, тем более доступной, что писатели обращаются теперь не столько к уму и знаниям, сколько к сердцу и чувствам. Новой чувствительной и легкой литературе особенно нужна и желательна чувствительная читательница, способная впечатлительностью и отзывчивым сердцем способствовать расширению области доступных ее переработке чувств, мечтаний, тонких восприятий и ощущений. Первые журналы Карамзина и его последователей примыкают непосредственно к угасшему издательству Новикова. В них тоже воздают хвалы женщинам, но в иной окраске, с новыми оттенками отношений; новое поколение писателей любит обращаться к более определенным женским образам, к женщине-другу, блистающей не красотой внешности, а свойствами ума и сердца. Эти оттенки присущи эпохе чувствительности в пору ее расцвета. «Московский Журнал» Карамзина привлек массу чита-

---

³¹ «Чтение для вкуса, разума и чувствований», ч. II, стр. 71.

тельниц, прославившись его «Путешествием» и повестями «Бедной Лизой» и «Натальей». В то время еще поклонник Руссо, Карамзин усердно распространял культ «Новой Элоизы». Здесь же появился перевод «Похвалы Элизы Дрэпер» аб. Рейналя³². Похвала несомненно послужила образцом для чувствительных обращений нового поколения писателей и повлияла на воспитание нового типа русских женщин. Англичанка родом, Элиза Дрэпер в свое время имела влияние на Стерна, а Рейналь обязан ей многими вдохновениями. Эта героиня чувствительности обладала сложной психикой, позволявшей ей отзываться на самые разнообразные настроения своих знаменитых друзей; в ней замечалось редкое соединение «чувственного жара с благопристойностью, которая обнаруживалась во всех ее движениях. Ваятель, изображая сладострастие, взял бы за образец Элизу; живописец мог бы в ее образе изобразить невинность. Элиза прельщала всем, что бы она ни делала, и возбуждала желание, но желание робкое и безмолвное. Один только честный человек осмелился бы полюбить ее, но не отважился бы открыть ей любви своей»³³. Элиза имела ум просвещенный, но никто не замечал ее искусства; оно только украшало природу и служило ей к продлению очарования, как бы извиняется автор перед хулителями цивилизации. «Итак, Элиза прекрасна?» «Нет, мила только», отвечает Рейналь. «Но не было красоты, которой бы она не помрачала, будучи единственной». «Увидя в первый раз Элизу, я почувствовал, нечто дотоле неизвестное мне: для дружбы было сие чувство слишком пламенно, для любви — слишком непорочно!» Автору слышится голос покойной, во имя истории и славы призывающей его быть всегда защитником человечества, истины, свободы. Он же клянется ей, что в каждой написанной им строке всегда узнают ее друга.

В подобных произведениях русская публика впервые знакомится с теми отношениями мужчины к женщине, которые сентименталисты называли «любовной дружбой» (*amitie' amougeuse*) впервые освещается мощное влияние женской личности всю полнотой своей женственности, без отдельных эф-

³² «Московский Журнал». 1792, г., ч. VI, стр. 10.

³³ «Московский Журнал». 1792, ч. VI, стр. 15.

фектов красоты, веселья, остроумия. Тут все в гармонии гибкой интеллектуальности, душевной отзывчивости и физической грации. Элиза мила; термин и женский образ, к которому он прилагался, составили эпоху в жизни нашего общества. Черты подруги Рейналя отразятся впоследствии в духовном облике многих русских героинь.

Другой журнал «Приятное и полезное препровождение времени»³⁴ печатал не мало статей о женщинах и привлек много сотрудниц, из которых некоторые, как Хвостова и Урусова, получили известность. Первый номер начинается посвящением: «К сердцу Виновнику дел благородных». Автор сентиментального путешествия на «Ростовское озеро»³⁵, страстный поклонник «Новой Элоизы» — «прекраснейшей из всех существ», восторженно рассказывает, как он нашел сродную героине Руссо душу в одной воспитанной крестьянке. В «Любовной картинке»³⁶ кн. Сибирского молодая особа поучается перед нежнейшей из картин: Амур показывает лежащей девушке томик «Новой Элоизы». В. Измайлов возвращается к средневековой Элоизе и восхищается пламенностью ее чувств к Абеляру.

Много самостоятельных прозаических отрывков и стихов рисуют легкими штрихами образ любезной, милой женщины и всюду намекают на ее любовь к «Музам», к просвещению. Таково «Нечто о ней»³⁷, особенно «Портрет Темиры»³⁸ кн. П.И. Шаликова. Бездарный представитель крайностей сентиментализма, не знавший меры в слащавой слезливости, Шаликов сумел выдвинуться в тяжелые годы царствования Павла, и еще тогда в чувствительных стихах он обещал посвятить женщинам всю свою литературную карьеру, что отчасти и исполнил, часто оказывая им поистине медвежьи услуги. Весьма неуклюже вываливает он свою Темиру. «Она равномерно способна заняться се-

---

³⁴ Издатель Подшивалов, судя по его примечаниям, предназначал журнал для мало подготовленной публики, особенно для женщин. Произведения сотрудниц сопровождалась любезными примечаниями и выражениями благодарности от редакции.

³⁵ «Приятное и полезное препровождение времени». 1797 г., ч. 5, стр. 15.

³⁶ Там же, 1796 г., ч. 10, стр. 225.

³⁷ Там же, 1798 г., ч. 18, стр. 236.

³⁸ Там же, 1798, ч. 20, стр. 262.

рвезным и забавным. Ежели вам угодно, она будет рассуждать глубокомысленно: а ежели вы хотите, она будет шутить... как грация. Чем более кто имеет разума, тем более найдет его в ней; она говорит только языком сердца. Все, что ни скажет, что ни сделает, имеет прелесть «любезнейшей простоты».

Но ярче всего отношение к женщинам людей своего поколения рисует сам Карамзин в «Послании к женщинам» в сборнике «Аониды»³⁹. Значение женщин воспевается красивыми стихами, но монотонно и растянуто. Сам автор приносит женщинам в жертву все самое дорогое, ради них берется за перо...

«Что б вы могли сказать.

Он, право мил, и верно переводит

Все темное в сердцах на ясный наш язык,

Слова для тонких чувств находит...

Скажу вам, милые (и чем другим начать)⁴⁰

Что вы родились свет моральный укреплять!!!»

Любовь возвышает и облагораживает человека; кто пленяется женщиной, становится нежен «сердцем, добр делами». Жи-вуший для любви всегда предан счастью ближних, полон альтруистических чувств. Пускай философы кричат, что должно жить без страстей; сдадим в архив это ученье. Но, говорят многие⁴¹ нечестивцы, «часто страсть любви нас к горестям ведет!» «Не часто—иногда», дает отпор поэт.

Автор дивится остроте разумения женщин, которую Лафатер называл «чувством истины»⁴². Мужчина с трудом доискивается истины :

«Для нас она живет в лесах, в вертепах темных...

Для вас же птичкою летает на лугах

Махнете ей, — и вдруг у вас руках».

Восхваляется готовность женщин делать добро и их умение занимать общество.

«Вы нас во всем, во всем добрее,

Почти во всем умнее».

³⁹ «Аониды», 1796 г., кн. I, стр. 218.

⁴⁰ Там же, стр. 227.

⁴¹ Там же, стр. 232.

⁴² Там же, стр. 237.

Слабости женщин не унижают их, как пятна не мешают красоте луны, а луна — образ женщины. Сам автор всеми своими успехами обязан женщине. Он был ничем — «жалким, никому неведомым сиротой»⁴³, но она — «дружбой и искренностью милой

«Утешила мой дух унылый;
«Святой любовью своей —
Во мне цвет жизни обновила».

И дружбой этой женщины он дорожит больше славы и успехов в жизни.

«Что истина своей рукой
Напишет над его могилой?
Он любил: он нежной женщины
Нежнейшим другом был».

Так выражалось, правда, в значительно приподнятом тоне настроения главарей сентиментализма, преобладающего течения в обществе и литературе того времени. Оно объявляло женщин руководительницами чистоты и простоты естественной жизни, главными ценителями чувствительных эмоций писателей и просветителей. Без участия таких ценителей становилось немислимым дальнейшее развитие литературы и самой культуры в русском обществе. На стихотворном «Послании» заметен отпечаток влияния «Похвалы Элизы» и других западных образцов, но очевидно также и резкое различие между культурой и политической жизнью русского и западного общества: дружеская поддержка выдающихся женщин побуждала Рейналя и Кондорсе посвящать свои дни служению человечеству, истине и свободе. В России, да еще павловской, писатели не питали таких дерзких мыслей и тем менее могли говорить таким языком. Тем не менее и у нас общение с женщинами и их усилившееся влияние уже в самом начале XIX в. помогли литературным деятелям вывести русскую литературу из того тупика, в котором она слишком долго вращалась в XVIII веке, и положить начало более здоровой и осмысленной общественной жизни.

---

⁴³ «Аониды», кн. I, стр. 248-9.

II

Нельзя сказать, чтобы в последние годы эпохи Екатерины II много писали о женщинах, но то, что писали, было серьезно и значительно; оно показывало, что со времен Новикова среди пишущих и читающих нарастали новые потребности в лучшей, более полной общественной жизни, в более гармоничных отношениях представителей обоих полов. О новом настроении общества, которое обнаружилось в исходе XVIII века, главным образом под влиянием сентиментализма говорит академик Л. Майков в биографии Батюшкова⁴⁴. В течение всего XVIII века патриархальная суровость уживалась с грубой распушенностью, пока сентиментальное направление не противопоставило естественных влечений сердца холодной рассудочности житейских отношений и не обуздадо до некоторой степени распушенности нравов идеализацией чувства. Отношения к женщинам стали приобретать иной характер — более утонченный и в то же время более свободный, романический, как его стали называть, потому что его главным проводником служила широко распространенная литература романов. При таких условиях стала складываться салонная жизнь, в которой могло быть отведено место изящным удовольствиям и живой беседе о предмете отвлеченного интереса.

Прекрасную характеристику сентиментального направления в его крайнем течении дает академик А. Веселовский в своем труде о Жуковском. Любовь среди этого поколения, заканчивается он, переходя к друзьям юности поэта, становится жалостливой, печалующейся, любящие проливают тихие слезы⁴⁵. Способность проливать слезы — мерило чувствительности благородного сердца... Возник культ месяца, божества целомудренных душ, бледного, как боязливая; отринутая любовь. Дружба получила особенную ценность и очень разнообразные оттенки. «Нам нужен друг, чтобы мы сами себе нравились сами собою наслаждались», — говорил Юнг. Любовь к переходным ощущениям, к переливам красок, к заре и светотеням создала особую любовную дружбу, *amitie amoureuse*; о ней размышляет г-жа Ролан в

---

⁴⁴ Майков, Л. Н., Батюшков, его жизнь и сочинения, изд 2-е, стр. 25.

⁴⁵ А. Н. Веселовский, В. А. Жуковский, стр. 34 и след.

письме к своему поклоннику Боску: «У тихой, святой дружбы есть стрелка, правящая весами. Прелестные, но жестокие страсти выводят нас из себя, чтобы впоследствии покинуть; но честность души и поступков, доверие прямого, чувствительного сердца, умеренность характера, разумно установившегося в добрых правилах, вот что упрочивает связь, каким бы охлаждением она не подвергалась».

Этот особый вид сложного, утонченного чувства способствовал очищению атмосферы после грубоватой и черствой распушенности нравов XVIII века; новая форма чувствительно дружеских отношений вносила больше непринужденности и взаимного доверия в совместную общественную жизнь обоих полов; она помогла способным и чутким русским женщинам занять более самостоятельное и влиятельное положение в литературных кружках.

Интересна жизнь этих кружков молодежи на рубеже столетий. Среди друзей юноши Жуковского выделяются братья Тургеневы⁴⁶, сыновья приятеля Новикова, члена его масонской директории. Самый талантливый из них, Андрей Иванович, служил при архивах коллегии иностранных дел с группой других юношей и своей обаятельной личностью заметно влиял на товарищей, даже на злоязычного Вигеля. С ним служили Блудов, Михаил Макаров, впоследствии издатель курьезнейшего из дамских журналов и сотрудник Шаликова. Молодежь росла в годы господства Карамзинской поэзии, когда с улучшением языка литература становилась более легкой и доступной и вызвала развитие встречной потребности прежде всего в легкой литературе, тем более, что она обращалась исключительно к чувству, воспевала природу и жизнь близких к ней людей. Дамы то увлекались «Новой Элоизой» и другими произведениями раннего сентиментализма, полными жгучих страниц, посвященных могучей силе нежной страсти, то мечтали с «Кларисой» Ричардсона или «Аглаей» Карамзина в руках⁴⁷.

Жуковский был связан с Андреем Тургеневым самой идеальной дружбой, какую культивировали на западе корифеи сенти-

---

⁴⁶ А. Н. Веселовский, В. А. Жуковский, стр. 51 и след.

⁴⁷ Там же, стр. 67.

ментализма, а у нас прославил Карамзин своим Агатоном (Петровым), позже Батюшков с Петиным. Они вместе обдумывают темы своих работ, обмениваются критическими мнениями, нападают на нелепости Шаликова и оправдывают его в минуты трогательного любования луной и ручейками. У них свой кружок, в который входили Мерзляков, Соковнины, Сулима и другие представители чувствительной Москвы. В часы мечтаний о счастье среди природы, о сельской жизни мелькал образ ее немного в тумане. Любовь у этих юношей оказывалась сложным, не легко определяемым чувством, часто сливающимся с *amitie' amougeuse*. «Женщины определенно воспламеняют нас к великим делам, к труднейшим пожертвованиям», — пишет Андрей Тургенев. Но это пламя, думает Веселовский, они сами вызывали воздействием своих чувствительных душ. Они придавали любви образовательную силу; они развивали женщин, читали с ними и руководили их чтением; в основу всегда полагался Руссо, затем пиэтисты и т. д. до Карамзина. Женщины настраивались на тот же лад и по-своему отвечали воспитателям, вызывая трогательное обожание. «Воспитатели млели перед своим же отраженным светом», говорит Веселовский и немного преувеличивает⁴⁸. Если это и замечалось в самом начале эпохи, то отношения скоро менялись и уравнивались. Майков смотрел шире и спокойнее на эти отношения; собрав отзывы Батюшкова о значении женского общества, он посвятил несколько страниц своей книги «влиянию женщин на словесность»⁴⁹.

Жуковский руководил чтением Свечиной и одновременно немного увлекался Анной Соковниной, сестрой своих приятелей, с которой взапуски писал стихи. Андрей Тургенев шлет ему напоминание, что Анна — предмет увлечения его брата Александра, и ему, другу, не следует заводить флирт и там, и там. Но *amitie' amougeuse* допускала значительную растяжимость чувств, и сам Андрей, увлекаясь Екатериной Соковниной, вел нежно дружественную переписку с дочерью Буниной. После объяснения с Соковниной он, потрясенный, в восторженном состоянии объявил друзьям, что только теперь вполне понимает Элоизу Руссо,

---

⁴⁸ В. А. Жуковский, стр. 73

⁴⁹ Майков, Батюшков, его жизнь..., стр. 24. 25.

Геро и Леандра. Андрей Тургенев — «то Владимир Ленский «с душою прямо Геттингенской», справедливо замечает Веселовский. Талантливый юноша слушал лекции в Геттингенском университете и умер 22-х лет. Младшая Соковнина осталась верна его памяти.

Батюшков, человек иного темперамента, вовсе несклонный к английскому сентиментализму, очень высоко ценил влияние и общество женщин. В детстве он подчинялся обаянию жены своего воспитателя, Е. Ф. Муравьевой, по уму, деятельности и образованию вполне достойной подруги М. Н. Муравьева, известного куратора Московского университета. Подростком он немного увлекался веселой остроумной Ниловой, умевшей занимать огромное общество в своих гостиных. Уже известным писателем Батюшков посылал свои произведения Квашниной-Самариной, дорожил ее суждениями, советовался с нею в своих делах⁵⁰. Он ценил в Самариной представительницу той светской образованности, которой придавал большое значение для занимавшего его прогресса литературы. «Я думаю, — писал он Гнедичу, — «что вечер, проведенный у Самариной или с умными людьми, наставит более в искусстве писать, чем чтение наших варваров... Стихи твои будут читать женщины... а с ними худо говорить непонятным языком»... «Сей род словесности, — рассуждал он о легкой поэзии, — беспрестанно напоминает об обществе; он образован из его явлений, странностей, предрассудков и должен быть верным его зеркалом». Предшественник Пушкина яснее многих современников определял тесную связь между ростом общественности и органическим развитием литературы; он лучше разбирался во влиянии женщин на то и другое явление. Но это не мешало ему очень зло высмеивать плохеньких писательниц своего времени вместе с их вдохновителями и защитниками⁵¹. Совершенно так же относились к женщинам ранние герои Возрождения.

И все-таки интересные приятельницы Батюшкова не типичны, как представительницы современных им общественных течений; то были благополучные московские барыни и барышни, умные, часто практичные, как Квашнина-Самарина, хоро-

⁵⁰ Майков, Батюшков, его жизнь..., стр. 23.

⁵¹ Батюшков, Сочинения, т. I, XXXIV. «Видение на берегах Леты» и др.

шо пользовавшиеся духом времени. Истинные героини современности — это те чувствительные женщины, которыми увлекались Жуковский и его друзья, ученики Карамзинской школы; здесь, в их кружках, очевиден духовный рост женской интеллигенции с теми индивидуальными особенностями, которые ярко отразились в литературных и общественных типах 20-х годов. Это — мечтательные страдалницы, изящные и воздушные, легко поддающиеся сентиментальному воспитанию; они — Сильфиды, Ундины, как говорит Вигель о Воейковой (урожд. Протасовой). Все эти женщины, начиная со Свечиной, более или менее несчастливы в замужестве, но несокрушимо добродетельны в круг своих обязанностей — верные подруги, милые вдохновительницы своих интеллигентных друзей. Свою задушевность и чувствительность они изливают в письмах, которые любили и умели писать, создавая из переписки интересные романы.

Идеал юных литераторов тотчас воспринимается и пропагандируется журналистикой. В первом же номере знаменитого «Вестника Европы» Карамзина появляется статейка «Портрет милой женщины»⁵². Автор, г. Л. описывает свою приятельницу, отличающуюся приветливостью и некоторым сходством во вкусах с ним самим. Оба любили стихи, хорошие романы и подолгу читали их вместе. Она вовсе не отличалась красотой; только добрый, чувствительный человек с тонкой разборчивостью избрал бы ее в свои подруги. Ум г-жи М. — не столько блестящ, сколько тонок и основателен, довольно жив, приятен и способен к острым ответам; все в ней покрыто дымкой беспримерной скромности. Г-жа М. знает лучших французских авторов и почерпнула из них все, чем может пользоваться приятная в обществе женщина (первое качество), добрая жена и нежная мать. Она не была автором, «но ее письма, украшенные легким слогом, исполненные чувствительности, философии, могли бы занять место в лучших романах». Ее первая добродетель — христианская набожность, сообщившая ей покорность Провидению, великодушную крепость в печалях и кроткое, снисходительное обращение со всеми, особенно со слугами, которым она

---

⁵² «Вестник Европы», 1802 г., № 1, стр. 55. Не сам ли Карамзин скрывается за псевдонимом Л.?

боится дать почувствовать их рабство. В обществе г-жа М. никогда не оскорбит ничего самолюбия; всякому позволит быть довольным самим собой». Ей не чуждо и кокетство; она любит тонким образом обращать на себя внимание, отчего становится в глазах всех еще милее и почтеннее. Она вышла замуж не по своему выбору, а покоряясь обстоятельствам; нравы супругов оказались несходными; но г-жа М. сумела откинуть романтические мечтания и приучила себя видеть в муже необходимого товарища.

Так возник и укреплялся в сознании первого поколения интеллигенции XIX века образ «милой», тонко обаятельной женщины, занесенный в Россию «Новой Элоизой» Руссо и «Похвалой Элизы» аб. Рейналя, женщины — члена интеллигентного общества, отзывчивой подруги просвещенного человека. Даже некрасивая, она привлекательна, любезна, приятна в обществе. Еще в цепях старого быта, без сил и опыта для борьбы с ним, она долго, среди невольного сожительства стойкой волей и нравственной выдержкой сама выковывает себе осмысленную личную жизнь. 20 слишком лет будет эволюционировать этот женский тип, от ранних приятельниц Жуковского до милейшей из милых — Татьяны Лариной, родоначальницы ярких женских образов, прославивших русскую беллетристику.

В другом тоне, напоминающем взыскательные похвалы Новикова, обращается к женщинам издатель «Московского Меркурия» П. И. Макаров. Обещая в предисловии угождать главным образом читательницам, он шлет им наставления⁵³: «Во Франции женщины упражнялись в литературе, и все первоклассные ученые стекались к ним... Дома их были лучшими школами вкуса и просвещения. Если бы и наши дамы вздумали подражать сему примеру, нет сомнения, что и они заставили бы всякого учиться... Сколько предметов открылось бы для их честолюбия... Они могли бы перенести трон философии (!) в свои будуары». Чтобы найти счастливую середину, где соединяются добродетель и любезность, женщинам необходимо просвещение. Француженки XIX века посещают лицеи, лекции профес-

---

⁵³ «Московский Меркурий», 1803 г. № 1. Издателя Петра Ивановича Макарова нередко смешивали с однофамильцем Михаилом Николаевичем Макаровым.

соров, музеумы, читают, сочиняют. У нас нет лицеев, музеев, дружеских ученых собраний... Но все это было бы, если бы женщины захотели. От их вкуса, пылкого воображения и нежной души Макаров ожидает новых вдохновений. «И почему не быть женщине столь же ученой, сколько и мужчине? Ужасны люди, которые думают, что, приобретя знания, женщины теряют прелести своего пола». Сообщив примеры ученых женщин, автор восклицает: «И ваши имена запишутся в вечность, и мы в восторге благодарности скажем: женщины просветили Россию!»

Сотрудники Меркурия вторили издателю. Кн. Шаликов в «Путешествии в Малороссию» скорбит о слабых успехах просвещения в крае, особенно среди женщин⁵⁴. «Милая, прелестная Грация сидит безмолвною в обществе. Но разговорите и развеселите ее и ее подруг — увидите, что они вовсе не обойдены дарами природы и при лучшем воспитании были бы любезны». «Почтение к женщинам весьма полезно⁵⁵, — заявляет другой сотрудник, — они из самолюбия стараются оправдывать его своим поведением, а нравы их действуют на участь всего человечества. Воспитатель может обогатить память, украсить разум, но характер образуется единственно женщинами — в цветущее время юности». «Меркурий» готов все простить женщинам за любезность и приятность в обществе и с восторгом печатает панегирик Нинон де Ланкло⁵⁶, «славной француженке, какой другой вряд ли будет», заслужившей бессмертие одной любезностью. Дмитриев и карамзинисты протестовали против подобных статей в духе сенсуализма XVIII века и нашли, что поклонение женщинам у сотрудников «Меркурия» не освещалось уважением. Если настроения лучших представителей молодежи отражались в журналах, то журналы, в свою очередь, оказывали влияние на более слабые, не самостоятельные элементы русского общества. Среди архивных юношей, бывших товарищей по службе Андрея Тургенева, находился Михаил Макаров, однофамилец издателя Меркурия; ограниченный, без искры таланта, он горел желанием прославиться на литературном поприще, если не в кругу известных писателей, то хотя бы среди начинающих

⁵⁴ Там же, № 9, стр. 171.

⁵⁵ Там же, № 10, стр. 43.

⁵⁶ Там же, №6, стр. 160

дам-дилетанток. Вместе со своим другом Смирновым, он как бы проникся советами «Московского Меркурия» заканчивать воспитание чувствительного сердца в обществе милых цариц гостиных. Образы руководительниц парижских салонов, особенно чарующий облик древней Аспазии тревожил юное воображение. Оба друга решили посвятить свое свободное время прославлению писательниц без отказа открыть всем женщинам страницы собственного журнала «Для Милых».

Возник курьезнейший до карикатуры памятник одной из тенденций того времени привлекать женщин к литературным салонам и литературной работе. Издателю было тогда не более 17–18 лет. Журнал продержался всего год (1804) и, странное дело, приобрел все-таки подписчиков. Кроме оригинальных стишков сотрудников он заполнялся нескладными переводами, вольными до искажения пересказами, весьма бойкими французскими повестушками, иногда переделанными на русские нравы эротическими идиллиями XVIII века. Большая часть материала была как будто случайно выхвачена из дедовского или отцовского книжного шкафа и для чего-то водворена на страницы журнала. Идиллия «Победа над нимфами» своим эротизмом особенно возмутила серьезную публику⁵⁷. Наивный переводчик сам признается, как, сидя в кабинете, в долгий осенний вечер «со скуки взял книгу, и со скуки начал переводить французскую идиллию»⁵⁸. Другой юноша тоже, вероятно, от скуки подсунул редакции анекдоты из сборника «Gasconiana»; но тут⁵⁹ удары критики повлияли, и дело обошлось без скабрёзности. Петербургский «Северный Вестник» счел долгом заступиться за стыдливость «милых» дам и усердно советовал им не брать в руки неприличного журнала⁶⁰. В Петербурге возмущались его порнографическими статьями. Но московские критики-земляки не

---

⁵⁷ Журнал «Для Милых», в 2-х томиках имеется в Публичной Библиотеке. В «Чтениях» Общества Истории и Древностей России, за 1905 г. юбилейная статья о журнале В. Покровского.

⁵⁸ Там же, кн. 1, стр. 96.

⁵⁹ Журнал «Для Милых», 1804, № 7, стр. 34. Подписана М. Мак-в сам издатель.

⁶⁰ «Северный Вестник», 1804 г., кн. 3, стр. 259.

любили обижать своих и только смеялись над нелепым изданием и шалостями юношей.

Кроме случайных сотрудниц Макаров имел и постоянных, переводчицу Аспазию Макарову и эмигранток из славянских земель, сестер Безнину и Трубеска. Обличенные в плагиате, который печатался, согласно обещанию издателей — не отказывать женщинам авторам, они отбивались от нападок журналистов и сами попытались завести отдел критики; Безнина писала бесвязные отзывы о статьях «Вестника Европы», и обе вместе «фельетонную болтовню на французский лад»⁶¹. Во всяком случае, это были первые опыты женщин-критиков в России. Журнал «Для милых» прекратился вовсе не по недостатку подписчиков или невниманию публики. В своем прощальном обращении к читателям издатели сообщают, что имели «благое намерение чем-либо пожертвовать прекрасному полу», но им слишком надоело слушать пересуды; закрывая журнал, они просят прощения у «милых», если чем-либо оскорбили их.

Последний номер подписан соиздателями: М — (Макаров). К — (?) Кн. Ш — (кн. Шаликов), С — (Смирнов); кроме того в журнале участвовали: Жеденев, Д***, Лавров, кн. Н. Кугушев, Илья Старинкевич, А. П. Бунина, Кн. Ел. Т-я, (Трубецкая или Трубеска), Алс-р Мел-нов; прочие подписались буквами.

Макаров как будто стыдился своего мальчишеского опыта, но первая попытка издательства только подогрела его страсть к литературе. В 1805 г. он пресерьезно готовил в издательницы свою сотрудницу Е. Трубеска. Она намеревалась издавать с 1806 г. журнал «Амур» и могла сделаться первой по времени в России женщиной-издательницей⁶². Но эта странная особа имела неосторожность подписаться под публикациями княжной Елизаветой Трубецкой. Московские князья Трубецкие оскорбились за свою родственницу, подлинную княжну Елизавету, непричастную к литературе, и пригрозили скандалом. Говорят, сестрам-писательницам пришлось скрыться из Москвы; издание «Амура» не состоялось. Макаров утешался участием в «Московском Курьере», где усердно хвалил статьи женщин в других журналах.

⁶¹ № 4, стр. 141 и № 6, стр. 358.

⁶² Дмитриев, М. «Из запаса моей памяти» и Вигель, «Воспоминания», 1-е изд., ч. III, стр. 138.

А в 1806 году народились одновременно «Дамский Журнал» неизвестного издателя и «Московский Зритель» кн. Шаликова.

Веселый студент Жихарев⁶³ забавно рассказывает, как ему привезли только что оттиснутый проект нового журнала. «Это просто объеденье, что твой Шаликов!» Из уважения к почтеннейшим российским дамам, в следующем 1806 г. будет издаваться ежемесячное издание «Дамский Журнал». Главным предметом будет нежная чувствительность, сопряженная с моралью. Иногда помещаемы будут статьи о модах, переведенные из иностранных журналов. Критика и политика исключаются.

Вышло всего 3 или 4 номера, и журнал угас, убитый равнодушием публики. Немногие библиофилы знают его. В Москве в Главном Архиве Иностранных Дел В. Покровскому недавно удалось найти три номера «Дамского Журнала» и переиздать их к столетию выхода в 1906 г. на средства Общества Истории и Древностей Российских⁶⁴. В противоположность изданию Макарова журнал отличается строго выдержанным тоном, чувствительно-идиллическим, даже буколическим. Пастухи и пастушки — его любимые действующие лица. Главная тема стихов и прозы — дружба и любовь, или обе вместе на грани *amitie' amoureuse*. Любовь во всех ее перепетиях завладевает личностью, поработочает ее; пастушки только и дышат, что возлюбленными пастушками; в их отсутствии они грустят и вянут. Дружба, укрощающая волненье и пламя любви, дает личности свободу, внушает альтруистические чувства; любовь к человечеству объединяет людей, вносит счастье в мир. Грации и нимфы поют в храме, посвященном дружеству.

Явися ныне с юным годом⁶⁵,
Явися дружба, мир, любовь!
И между смертным родом
Не будет быстро литься кровь
Повсюду век златый явится,
Все будут дружбу зреть одну.

---

⁶³ «Записки Современника», изд. 2-е, ч. I, 200.

⁶⁴ «Чтения», 1906 г. и отдельно. В интересном предисловии издатель недостаточно выделяет элемент дружбы в статьях Д. Ж.

⁶⁵ Там же, № 1, стр. 1.

Песенки в том же нравственно-чувствительном духе. «Надпись к силуэту, на коем изображены два сердца»⁶⁶:

В них дружба воцарилась,
Любовь, ты удались.
А другая поэтесса поет:
Дружба жар мой потушила,
Ей я храм соорудила,
Для любви там места нет.

Та же поэтесса, А... Н...ва, посвящает дружбе и отрывок «Вечер»⁶⁷. «Кажется все ошущают дружбу, все со мною наслаждаются и везде ходят парами... Теперь только я узнала щастие, теперь я узнала дары природы... Прежде плакала от грусти, теперь — от радости... В сердце моем обитает образ милого, прелестного друга моего, который вместе со мной сокроется в мрачной могиле».

Эта поэтесса дает очень яркие образцы *amitie' amoureuse*. Вообще же любовь среди действующих лиц целомудренна и непременно ведет к браку.

Из переписки чувствительных друзей по поводу брака одного из них узнаем о важнейших качествах жены⁶⁸: «для света, а особливо в нынешний век, нужно, что бы имела понятие о науках, а в некоторых был и успех». Нужно знать получше собственный язык; нужен и иностранный. Вообще от женщины требуется некоторое образование. По цельности направления журналчик заслуживал в свое время лучшей участи.

Дела «Московского Зрителя» шли немного успешнее. В первых книгах участвовали выдающиеся писатели, в том числе Крылов, но со 2-й половины года журналчик измельчал. Поклонник женщин Шаликов в эту пору еще заставляет их выслушивать осуждения. Русские женщины слишком мало думают о своей роли и своем значении в общественной жизни. Отчего, например, среди русских нет меценаток? Почему подражают французенкам во внешности, модах, но не подражают их преданной заботе о писателях?... А русские дамы пошумят восторженными похвалами и скорехонько забудут автора и его книгу. Русские

⁶⁶ «Дамский Журнал», № 1, стр. 8.

⁶⁷ Там же, № 1, стр. 9

⁶⁸ Там же, № 2, стр. 10 и 11.

дамы не понимают важности духа общности. Их часто занимают не общие со знакомыми интересы, не сердечные сношения, с ними связанные, а исполнение своих капризов; они любезны с расчетом, приглашают гостей условно, требуя от них услуги или одолжения. Девушки же за пустяки, за противоречия охотно мстят грубым пренебрежением. Маленькими биографиями⁶⁹ девушки Леспинас, Ментенон, самой великой Аспазии, которая волнует дух даже почтенных годами литераторов, русским дамам напоминают про огромное значение женщин, преданных интересам общества.

В «Зрителе» находим два любопытных для своего времени документа, к сожалению, единственных в своем роде — два письма⁷⁰ сельских жителей, старого и молодого. Сельский дворянин, отец семейства, просит издателя выслушать его жалобы и быть посредником между ним и обществом, единственным судьей в его беде, так как закон не может ему помочь. Дело в том, что у дворян его губернии появился странный обычай — жениться на своих челядинках и крестьянках. К чему теперь им, старым дворянам заботиться о воспитании дочерей, если образованные девушки осуждены на горькое одиночество? Сами же они, старики, лишены поддержки зятьев и утехи от внуков... А каково положение благовоспитанных сестер и родственниц, в чью среду вводится бывшая рабыня? Каково воспитание детей в семьях, где царит простолюдинка?... Благородный отец так встревожен неравными браками, что грозит бедой всему государству, водворением варварства в провинциях.

Молодой сельский житель отвечает на его печалование страстной отповедью в духе Руссо. «Мне больно видеть, что твари, подобные вам и мне, — пишет он издателю, — но лишённые звучного имени, так презираются, что с их дочерьми стыдно вступать в супружество». Защитнику добронравия следовало бы обратить внимание на образование ума и сердца знатного потомства, тогда бы он сделал нечто полезное, а он изливает лицемерный гнев на женщин, не гордящихся предками... Все должны помнить естественную жизнь древних людей, когда не

---

⁶⁸ Там же, № 2, стр. 10 и 11.

⁶⁹ «Московский Зритель», 1806 г., № 1, стр. 22.

⁷⁰ «Московский Зритель», 1806 г., № 4 и № 6, стр. 25.

знали неравенств; и теперь все люди одинаково начинают и кончают жизнь, и теперь в своих личных делах, как супружество, человек остается естественным и следует внушениям природы. Если его родственницы благовоспитаны, они все это понимают, ласково примут молодую женщину, свободную от уз рабства, и помогут ей сделаться хорошей матерью. «Ах, она и в невежестве своем сохранит сердце непорочное», — восклицает чувствительный демократ.

«Много ли, спросят, крестьянок с добрыми сердцами? Смело говорю, столько же, сколько и дворянок!» Дурной светский лоск — вовсе не воспитание. При ложном воспитании легко предпочесть крестьянку. «Нежный родитель, укрась разум дочери, сделай ее сострадательной к несчастьям, снисходительной к слабостям ближних, внушай ей любовь к человечеству более, чем к дворянству, и крестьянке не отбить у нее жениха!»

В русском быту не раз вспыхивало увлечение браками с женщинами некультурного класса. Такое явление замечалось в 60-х, отчасти 70-х гг.; тогда союзами с более непосредственными детьми природы думали освежить семейный быт, даже обновить кровь потомства. Но можно ли считать напечатанные Шаликовым письма отзвуками подобного же явления в начале XIX в. — на это мудрено ответить, так как нам не удалось найти в журналистике того времени других произведений в этом роде. Может быть, издатель нашел полезным напечатать эти письма ввиду их поучительности, отвечающей целям журнала, Как ни плох журнальчик селадона-издателя, но на его страницах все-таки отражаются принципы либеральной морали того времени: стыдно рассчитывать на почет ради благородства предков; женщины же, чтобы нравиться, должны просвещать себя и блистать духовной красотой и своим влиянием содействовать просвещению общества.

Московским журналам 1806 г. в Петербурге вторил грубовато и безвкусно один Остолопов в своем ежемесячнике «Любитель словесности»⁷¹. Издатель обещает иногда помещать известия о модах, но не для того, чтобы понравиться прекрасному полу, не этим ищет он его благоволения. Прося литераторов украшать издание своими произведениями, он обращается особо

⁷¹ «Любитель Словесности». С.Пб., 1806, № 1-й, предисловие издателя.

к писательницам: «Мы знаем, что посредственное сочинение женщины имеет более над нашим полом действия, нежели примерное произведение мужчины от того, что, читая первое, мы воображаем о самой сочинительнице, переносимся мыслью в кабинет ее, видим прекрасную, целуем руку, изображающую нам мысли ее и чувствования, и сами стремимся подражать ей. Должны признаться, что мало еще имеем авторов-женщин, однако имеем и творениями их можем похвалиться». Вообще же Петербург не мог похвалиться щедростью на чувствительные любезности по адресу женщин и долго не имел журнала, предназначенного для читательниц; за такими органами приходилось обращаться в Москву. Там неутомимый Шаликов с 1808 г. снова выпускает ежемесячник «Аглаю», именем одной из Граций приветствуя женщин-авторов.

Несмотря на большой балласт скучных и водянистых статей, «Аглая» имела успех и считалась лучшим журналом своего типа. Ее охотно читали в провинции. Иносказательные и откровенные любезности по адресу дам рассыпаны по всем страницам в стихах и прозе, и всюду выдержан чувствительный, немного жеманный стиль во вкусе невзыскательных читателей того времени, но с претензией на интеллигентность.

«Нисса или моя фантазия», например.⁷² Что такое красота?... Посмотрите на нее (Ниссу); послушайте ее! Физиономия составляет ее красоту, разговор — прелесть».

К NN. Стихи в альбом.

«Но ты на сих богинь не мало не походишь:

Ты к сердцу ключ другой находишь;

Он в чувстве, в разуме и в нежности твоей,

Ключа сего названье

Любезность, скромность, дарованье».

В статейке «Цветочек для милого»⁷³ Шаликов сравнивает «прекрасное» и «милое». Первое замечается и провозглашается всеми... «Милое» замечается и ценится более тихими сердцами, сохраняется их чувствами... «Милый» предмет тот, которого нежная обрисовка даже кажется нам неправильной, но мы любим его, прилепляемся к нему с первого взгляда. «Милое» —

⁷² Аглая», 1808, № 6.

⁷³ Там же, 1808, № 12, стр. 23.

светотени; оно держит приятное равновесие между противоположными одно другому цветами. При виде «прекрасного» — крик удивления. При рассматривании «милого» чувства наши не смеют явно обнаруживаться... Как мила, говорят украдкой от взыскательных критиков... Правильный стан, прелестное лицо не могут одни составить «милого», которое требует при том качеств душевных.

Получившим некоторую известность писательницам приходилось тогда защищать женщин от укоров и насмешек почти теми же аргументами; какие слышались в 60-х годах да повторялись и в более позднюю пору. Екатерина Пучкова⁷⁴ рассказывает, что в одном кружке очень одобряли ее заметку «О женщинах»⁷⁵. Только один молодой человек резко осуждал женщин, особенно за тщеславие и корыстолюбие, с какими они выбирают мужей. «И что такое ученая женщина, философка, женщина со вкусом? Чем разнятся они от обыкновенных женщин? Сии просты, скучны и сварливы, а другие притворны, хитры и мстительны; вот плоды просвещения!» Читавшая заметку скромно выступила со своими возражениями. Рассудок и просвещение равно нужны мужчинам и женщинам, особенно женщинам, потому что они повелевают мужчинам, как говорит сам хулигатель, лучше же повиноваться просвещенным людям, нежели невеждам. Что касается браков, то они, как известно, устраиваются родителями, а дочери неповинны в их расчетах. Женщинам приходится заботиться о бедных и слабых; может быть, самая близость к беспомощным побуждает их скрытничать и осторожно обходиться с людьми. Если женщины бывают хитры, то ведь все рабы, все угнетенные поневоле становятся притворщиками и т. д.

В 1811 году, кем-то обиженный, Шаликов приостановил издание «Аглаи», а возобновив в 1812 году, скоро прекратил из-за войны. Со своими чувствительными поучениями и дифирамбами прекрасному полу «Аглая» оказалась своего рода заключительным аккордом господству чувствительных настроений. Еще 1810 году, приехав в Москву, Батюшков⁷⁶ захворал, и уве-

⁷⁴ Там же, 1810, № 1-й, стр. 43.

⁷⁵ «Вестник Европы», 1810, № 4-й.

⁷⁶ А. Н. Веселовский, Жуковский, стр. 46.

рял друзей, что пострадал, главным образом, от тяжелого воздуха чувствительной Москвы, густого от воздыханий туманного от слезной влаги, проливаемой современниками. Но с этих пор чувствительность идет на убыль; журналы меньше заботятся о воспитании чувствительных собеседниц и подруг. Жуковский занимает читателей своими балладами; среди излишней освободившихся чувств начинает ощущаться потребность в освобождении фантазии.

Вслед за стремлением привлекать женщин к общественной и литературной деятельности понемногу проявлялся и интерес к вопросу о их воспитании и школьном обучении. Императрица Мария Феодоровна была его деятельной руководительницей, что побуждало администрацию способствовать учреждению институтов и школ в столицах и провинции. Народившиеся педагогические журналы относились с некоторым вниманием к воспитанию женщин. «Патриот»⁷⁷ В.Измайлова вышел в свет с посвящением императрице Марии. Руководящая статья о воспитании относилась с особым почтением к педагогическим сочинениям выдающихся женщин де Бомонт, Жанлис, м-сс Эджворт⁷⁸. «О как бы я желал присоединить воспитание женщин к воспитанию мужчин!... Но нравы наши этого не терпят»⁷⁹, говорит ее автор.

Но рядом другой смотрит на дело иначе. Современное воспитание крайне неосновательно, по его мнению; оно внушает молодежи дух честолюбия, стремление к славе, к карьере. Даже женщины, всегда более близкие к природе, и те удалились от естественной простоты, от домашней жизни⁸⁰. Им следует помочь возвратиться к ней, а для этого им непременно нужно по сердцу выбирать мужа. Сотрудник «Патриота» развивал мысли, особенно популярные среди публицистов первой французской республики, когда женщин энергично отстраняли от непосредственного участия в политической жизни. «Патриот» занимается личностью женщины и ее ролью в мире; но его редакция еще не имела установившегося взгляда на эту роль и часто сама себе

---

⁷⁷ Издавался в 1804 г. в унив. типографии у Любия, Гария и Попова.

⁷⁸ Там же, № 1-й, отд. I ст. 10.

⁷⁹ Там же, № 1-й отд. I. стр. 13

⁸⁰ Там же, стр. 24 и след.

противоречила⁸¹, не разбираясь в различных точках зрения. В библиографии старательно отмечались сочинения, предназначенные для просвещения женщин.

«Друг Юношества» масона Невзорова⁸² тоже стоит за подготовку женщин к тихой семейной жизни, но довольно широко понимает эту задачу⁸³. Шаликов был сотрудником журнала и писал исключительно о женщинах.

«Друг Просвещения»⁸⁴, по-видимому, очень ценил работы женщин сотрудниц, но мало печатал о воспитании женщин, зато первый перевел известную книгу Сегюра «О правах и состоянии женщин»⁸⁵.

Несравненно интереснее и определеннее взгляды на воспитание женщин редакции литературно-политического журнала «Улей» (изд. в 1811 г.)⁸⁶. Она помещала много статей о Польше и переводов с польского языка, вообще многое в журнале отзывается иной, не русской культурой. Одна из первых статей — «Прекрасный Пол»⁸⁷ — руководствуется мнением Сегюра, что «наука знать людей, кажется, есть наука знать оба пола». Не следовало бы предпочитать один пол другому. Но философы думали (и нас к тому приучили), что, описывая мужчин, они описывают все человечество.

Особая глава каждого номера посвящена вопросам просвещения и школьной жизни с отделом о женском воспитании. Говоря о составленном гр. Чацким⁸⁸ проекте училища для приготовления домашних учительниц или надзирательниц для детей, сотрудник «Улья» развивает его основную мысль; напрасны усилия правительств воспитать юношество, если они не обратят внимания на женский пол, женщины — половина рода человеческого, и им люди обязаны первоначальным воспита-

---

⁸¹ «Патриот», № 9, стр. 294 и след. № 4, отд. III, 95.

⁸² Издавался с 1808 по 1815 г.

⁸³ «Друг Юношества», 1808. № 5, стр. 9 и след.

⁸⁴ «Друг Просвещения», изд. 1804—1806 г.

⁸⁵ Там же. 1809, кн. 2-я, стр. 240 и след.

⁸⁶ Собрательница «Материалов для истории женского образования в России», Е.Лихачева, не видела этого журнала.

⁸⁷ Там же. ч. I-я. стр. 57.

⁸⁸ Там же. ч. I-я. стр. 215

нием... Сознаем истину: мужчины будут всегда тем, говоря вообще, чем будут женщины; их влияние очевидно, и необходимо направлять его. Оговариваясь любезностями по адресу покровительницы женских школ, императрицы, автор решается критиковать самый принцип школьного воспитания женщин. Принося несчетные пользы мужчинам, общественное (т. е. школьное) воспитание не может быть приспособлено для женщин. Женщины созданы для дома; самоотверженная смелость выполнять добродетели (!) в домашнем кругу — их первейшая обязанность... Да наконец, многие родители, по условиям климата и дальних расстояний не решаются расставаться с дочерьми... Система воспитания женского пола в России совсем особая, ей нет примера в других странах, осторожно говорит противник нашего действительно своеобразного воспитания женщин в институтах, оторванных от семьи и общества. Но эта система удовлетворяет только столицы; для воспитания дочерей семейств, живущих в глуши провинций, необходимы домашние наставницы, которые отвлекли бы детей от иностранцев и частных пансионеров⁸⁹. Только русская наставница может воспитать россиянку, и потому необходимы заведения для подготовки таких наставниц для всех классов населения.

Что касается «учености»⁹⁰ женского пола, то обозреватель школьного отдела так размышляет: еще не решен спор, способны ли женщины к наукам, и какой род учености наиболее приличен им. Были целые века, благоприятствовавшие прекрасному полу, были и противные ему времена; к последним принадлежит и наш век с некоторыми частными исключениями. Оттого ли, что женщины имеют меньше истинного воспитания, или мы сами сделались взыскательнее, а женщины возбудили нашу ревность (требовательность?), но только они имеют больше критиков, чем славителей... И эта строгость зависит не столько от превосходства дарований мужчин, сколько от перемен в нравах, от великих совершившихся событий. «А природа, может быть, гораздо справедливее в разделе своих даров чадам обоего пола, нежели наши гражданские законы». «Удивительно, почему прилагательное «ученый» в женском роде щекотливо для уха муж-

---

⁸⁹ Там же, ч. 1-я, стр. 218.

⁹⁰ Там же, ч. 2-я, стр. 38.

чин?» Для своего времени автор оригинально и твердо разбирается в очень сложном вопросе: он верит в умственные способности женщин и потому сторонник научного образования способных женщин; но правильное воспитание женской личности вообще он считает возможным только среди домашней, семейной обстановки. Однако, как чуткий, вдумчивый человек, автор прекрасно понимает, что устои старого быта потрясены до основания политическими переворотами, а с их падением начинается изменяться положение женщин.

Письмо тещи к зятю⁹¹ «О воспитании дочерей» тоже не одобряет общественного воспитания для женщин. Девушке вовсе не полезно расти и развиваться исключительно в женской среде: она должна испытывать и закалять свою добродетель перед мужчинами. Кроме того, автор замечает сходство между принципами модного «вольного правления» и общественным воспитанием детей; в общественных (и светских, вероятно), школах все понятия о власти, повиновении и обязанностях связаны с правилами и установлениями, а не с лицами. Девица в школе приучается к повиновению разуму и правилам справедливости; но что ей делать, когда придется повиноваться одному мужу? Для чего привыкать к познанию прав, когда всю жизнь придется зависеть от чужой воли? Мужчина должен заблаговременно научиться знать — *чему* повиноваться, а женщина обязана знать — *кому* повинется. Ей нужно давать поменьше правил, но побольше подробных указаний, *как где* поступать. Для нее крайне опасно, даже не позволительно ждать уроков опыта, она, не учась, должна суметь сразу поступать правильно; а этому могут научить только близкие, семья.

Намек на своего рода отвлеченно-конституционный уклад в организации школьного воспитания очень любопытен: в нем как бы мелькает предвидение будущих переворотов в недрах русского общества: события 60-х годов, бурное стремление русских девушек к личной свободе, бегство от семей к новым формам жизни, несомненно, отчасти связано с ранним развитием у нас общественного воспитания женщин, покровительствуемого государством. Интересно так же, что сто лет тому назад между тен-

---

⁹¹ Там же, ч. 4я. стр. 265 и след.

денциями самого общества, особенно передовым его слоем и мнениями писателей-педагогов чувствовался некоторый диссонанс, как и в позднейшую пору: общество искало в женщинах деятельных себе членов, сотрудниц и руководительниц в организации общественной жизни; оно умилялось перед чистой женственностью, но давало чувствовать, что особенно ценит в женщине человека. Так думала и Екатерина II, воспитывая первых институток для общества; она хорошо знала, что говорит, возражая сатирику: «В свете жить — не значит ничего не делать». Мы видели, как усердно журналистика начала XIX в., высоко ценя их семейные добродетели, привлекала женщин к общественной жизни и умственному труду. Несколько иная мораль звучала в педагогических журналах: нужно помочь женщине вернуться к простой домашней жизни, для которой она создана; грешно развивать в ней честолюбивые мечты о блестящей карьере в обществе. Впоследствии эти взгляды сослужили службу реакции 30-х и 40-годов, когда правительственная система потребовала, чтобы женщины воспитывались благочестивыми семьянинками, свободными от общественных идеалов. В некоторых журналах, как «Детский Вестник» 1815 г., признаки реакции проявились довольно рано⁹². Даже цельные и яркие воззрения, отразившиеся в полонофильствующем «Улье», и те против воли авторов оказались полезными системе 30-х годов, которая взялась за мудреную, неблагодарную задачу — новыми для Европы формами школьного воспитания восстанавливать и укреплять старые устои быта и миропонимания; в обособленной от семьи школе готовить не только религиозно-нравственных, смиренных жен и матерей, но и практичных хозяек.

III

С упадком чувствительных настроений, в бурную пору Отечественной войны и в примыкающие к ней годы в общественном сознании и журналистике стало смутно и туманно. Гигантская борьба глубоко до самых недр всколыхнула Россию, виднинула много новых политических задач, теснее связала страну с судьбой европейского запада. Но общественное сознание пло-

⁹³ Кн. VI, стр. 3 Ив. Захаров, «Похвала женам».

⁹⁴ «Вестник Европы», 1814 г., ч. 2-я, май, стр. 36 и след.

хо разбиралось в нахлынувших на него веяниях и запросах. В журналистике замечалось удивительное смешение омертвевшей старины со слабыми попытками заговорить самостоятельным языком. В «Чтениях» только что организовавшегося общества «Беседа любителей русского слова», имевшем почетными членами трех писательниц, печатались запоздавшие пересказы «Опыта» Томаса в виде «Похвалы женам»⁹³. В передовом «Вестнике Европы»⁹⁴ некая россиянка разбивает недавние кумиры, объявляя, что «Новая Элоиза» дает опасные примеры для неосторожного юношества; многие страницы романа возмущают ее бесстыдством языка, откровенной грубостью в излиянии чувств, которых не может слышать невинность. Достается и знаменитой Клариссе Ричардсона, которую считают ничуть не нравственнее Юлии.

Рядом с этим еще слышатся отзвуки увлечений Макарова и его сотоварищей. В деловитом Петербурге в 1815 г. вдруг несвоевременно возникает подобие журнала «Для милых» — «Кабинет Аспазии» — без имени издателя. Первый номер начинается большой хвалебной биографией Аспазии, идеала многих русских мечтателей⁹⁵. Далее находим маленькие биографии писательниц и знаменитых женщин с XIII в. до кн. Дашковой; есть известие об ученой китаянке Пин Юси Пан. Сведения о женщинах, писавших о преимуществах своего пола, печатаются вперемежку с жизнеописаниями фавориток, как Ла-Вальер. Этим материалом для чтения редакция, несомненно, имела благое намерение возбудить деятельную энергию современниц, но собирала его крайне бестолково, кое-как. Обозреватели всех больших журналов обрушились на убогое, издание с язвительной критикой⁹⁶; хотя слышались и голоса защитников, говоривших, что на страницах «Кабинета Аспазии» мелькают кое-где «мысли и чувства». Издатель обиделся и на 8-м номере прекратил издание журнала.

В провинции стремление дать женщинам литературное воспитание и привлекать их к писательству, по-видимому, проявлялось более серьезно. Оно заметно в «Украинском Вестнике»

---

⁹² «Детский Вестник», 1815, изд. в Москве. Интересны письма институток-подруг.

⁹⁵ «Кабинет Аспазии», 1815 г.

⁹⁶ «Вестник Европы», 1815 г., сент., 138.

первых двух лет его существования, прекрасном областном журнале⁹⁷. В лице Шумлянской и Каменской он имел постоянных переводчиц и компиляторш философских и популярно-научных статей и свою поэтессу Л. Кричевскую. Издатели выражали уверенность, что пример их сотрудниц возбудит и в других желание доставить удовольствие читателям. «Обитатели нашего края увидят, что и Харьков по многим отношениям заменяет столичное воспитание»⁹⁸. Издатели выдвинули симпатичных писательниц, чтобы привлечь южанок к литературе и чтению.

Вспоминая, как М. Н. Муравьев организовал в Москве кружок мелких писателей, чтобы научить их писать хорошим живым языком, Гонорский рассказывает, что то же самое устраивала редакция «Вестника», сообщая выбирая статьи и исправляя язык сотрудников⁹⁹. Все указанные им статьи подписаны женщинами. Очевидно, редакция обрабатывала дарования сотрудниц. Зато поэтесса Кричевская — подлинный самородок и очень скромная, всегда с извинениями помещает свои стихи; она не имела случая учиться «даже на медные деньги», сама читала только стихи, и по навыку писала для тех, которые, не разбираясь в стихосложении, «измеряют одни мои чувства и говорят, что я пишу по их сердцу»¹⁰⁰.

Журнал с уважением и искренней теплотой относится к женщинам. Очень бойкая статья «Женская свобода» протестует против предрассудков, сковывающих женскую личность. Как китайская обувь, мнимая благопристойность сжимает любезность обращения прекрасного пола. «Не мешайте чистому ключу извиваться по своему произволу... Стесненный ключ в водоеме — не та краса и чистота». Живость в женщине то же, что душа в теле нашем. «Если бы бойкие, живые женщины не тормозили мужчин, они бы задремали на пиру жизни»¹⁰¹...

Вестник очень внимательно следит за жизнью Харьковского института для дочерей бедных дворян, помещает речи об образо-

---

⁹⁷ «Украинский Вестник» издавался в Харькове с 1816 года Филомафитским, Гонорским и Квиткой.

⁹⁸ «Украинский Вестник» 1816. стр. 53.

⁹⁹ Там же, 1816 г., дек., 374, Смесь.

¹⁰⁰ Там же, 1817, апрель, 134 и след.

¹⁰¹ Там же, 1816 г. Смесь, стр. 370.

вании девиц, которое должно быть не иначе, как общественным. Но на 3-м году издания понемногу исчезают со страниц его статьи сотрудниц и статьи о женщинах, и в 1819 году журнал совсем не заботится о литературном воспитании малороссиянок¹⁰².

Хотя собранные нами из русской журналистики данные довольно отрывочны, они все-таки сообщают некоторые указания на то, как развивался интерес к женской личности среди затронутого культурой общества, как откликались сами женщины на голоса литераторов, призывавших их к просвещению, к деятельному участию в общественной жизни.

В XVIII веке, как известно, русская литература вращалась в одном и том же заколдованном кругу, не развиваясь органически. Благодаря грубости, инертности общества, она не находила пищи в источниках национальной жизни и была вынуждена подражать, поработавшая иностранными образцами. Работы нескольких писательниц печатались в самых ранних журналах, но эти авторши принадлежали к семьям писателей и издателей и работали под строгим руководством; их индивидуальности почти не проявлялись. При таком состоянии общества обращения Новикова и его сотрудников в свое время почти не находили отклика в современниках.

Печать подражательности лежала и на карамзинской эпохе; но к этому времени вековая работа подражателей и переводчиков накопила богатый материал литературных тем и переработок, и с улучшением языка началось необходимое выяснение и разделение основных литературных течений, что очень оживило работу мысли и подняло уровень литературной образованности. Под впечатлением бурных событий французской революции, наглядно воплотившей освободительные идеи, прежде доносившиеся до России в очень туманных очертаниях, в самом русском обществе зародилась новая, скрытая, притаившаяся работа. Дворянская интеллигенция со страстным любопытством прислушивалась к событиям и втихомолку накапливала сведения о народных движениях и их вождях. Мысль работала и в павловския времена под покровом чувствительности и пиэтизма. Грандиозными событиями интересовались и женщины последнего поколения XVIII в., увлекаясь «Новой Элоизой», «Эмилем» и их бесчислен-

¹⁰² С этого года журнал вел один Фидонафитский.

ными подражаниями, изошряя над ними свою чувствительность, вернее свою восприимчивость к впечатлением.

Теперь в эпоху чувствительности обращения к высшим духовным свойствам женщин находили подготовленную почву, имели успех и даже сделались на время общим местом в популярной литературе. Наиболее чуткие, впечатлительные женщины примыкали, как действительные члены, к передовым кружкам карамзинистов; другая умело пользовались духом времени и объединяли в своих гостиных видных деятелей литературы и просвещения. Чувствительные и требовательные просветители восторженно вызывали к жизни лучшие качества женского ума и сердца и, помогая литературному образованию приятельниц, давали импульс их самостоятельной работе мысли¹⁰³.

Можно думать, что в столице было не мало литературных кружков, а в Москве литературный свет удивлялся и даже обижался, если юная авторша выступала на литературное поприще, не считаясь ни с одним из них¹⁰⁴. Новые внимательные читательницы, поглощая легкую и идейную беллетристику, не чуждались и научно-популярных трактатов по самым животрепещущим вопросам того времени. О достоинстве произведений, особенностях авторов, идеях мыслителей велись серьезные живые беседы в кругу друзей; еще неопытные в жизни, но чуткие читательницы вдумчиво вслушивались в их речи и учились судить собеседников по их литературным взглядам. Благодаря своему литературному образованию, они могли и сами критиковать их и заставляли прислушиваться к своим суждениям.

Интимная литература начала XIX в. рисует перед нами не мало начитанных влиятельных собеседниц Батюшкова, Жуковского, кн. Вяземского и др. Известен литературный прием Пушкина: он давал своим любимым героиням в руки книги из библиотек их героев и по отметкам на полях заставлял судить об умственной физиономии возлюбленных¹⁰⁵. Это, несомненно, навеяно знакомством с внутренней жизнью кружков.

---

¹⁰³ Ничтожный сотрудник Макарова, Бланк, руководил первыми опытами поэтессы А. П. Бунинной, получившей некоторую известность.

¹⁰⁴ «Дамский Журнал» 1830 г., т. II, № 51-52, стр. 117, отзыв М. Макарова о юной беллетристке М. Извековой.

¹⁰⁵ Татьяна в кабинете Онегина, Лиза «Романа в письмах».

По сильному влиянию на уровень развития женщин эпоху чувствительности можно сравнить с Возрождением. Общее сходство признает и замечательный знаток последнего А.Н.Веселовский. Русских женщин призывали на общественную арену, содействовали их самообразованию, возбуждали в них веру в свои силы. Они скоро выросли духовно и сумели приобрести влияние на общество и культуру. Но, подобно героиням Возрождения, они должны были вращаться в рамках старого быта и нередко страдали от его пут.

В столицах указанные нами журнальчики для дам являлись только знаменем времени, отражением, часто утрированным, общих мест, принятого по отношению к женщинам тона. Но в провинции и они имели некоторый авторитет и побуждали ценить деятельное участие женщин в общественной жизни.

Но уже в первые полтора, два десятилетия XIX в. русские женщины заметно выросли умственно и нравственно и складывались в деятельных, интеллигентных и сильных сознанием личностей. Прежние чувствительные любезности, слащавые поощрения лишились всякого смысла. Журналы «Для Милых» и «Аглаи» стали анахронизмом; один лишь Шаликов, 23 года служивший редактором Московских Ведомостей, попутно отводил душу изданием «Дамского Журнала»; но это был сколок с иностранных моднобудуарных листков без прежних замыслов. Сохранилось не мало отзывов о деятельных, интересных, даже обаятельных женщинах, воспитавшихся духовно среди литературных кружков эпохи чувствительности и в свою очередь разливавших вокруг себя свет и тепло. В. В. Стасов помнил, каким влиянием пользовалась во время его раннего детства А. М. Сухарева, одна из первых председательниц женского патриотического общества и тюремного комитета; рядом с нею пользовалась известностью Полторацкая, дочь собирателя древностей Хлебникова и устройства образовательного музея, продолжавшая дело своего отца¹⁰⁶.

Очень уважаемая Батюшковым Е. Г. Пушкина стояла на одном уровне развития со своими лучшими современниками. А. А. Воейкова (урожд. Протасова) оказывала неотразимое влияние на посетителей своего салона. «Светлана Жуковского вряд ли не лучше стихов его», — писал про нее А.И.Тургенев кн. П. Вяземскому в 1820 г. «Теперь не она по Жуковскому мне мила,

¹⁰⁶ И. В. Стасов. «Воспоминания о моей сестре».

но Жуковский становится интереснее по ней. При ней можно отдохнуть от жизни и снова расцвести душой. Большой свет не опалил ее своим тлетворным дыханием»... Про ее сестру, М. А. Мойер, предмет нежнейшей любви Жуковского, восторженно отзывается даже злоречивый Вигель.

По сознанию некоторых современников, юные ученицы переросли учителей и ушли вперед из тесных рамок доступных им поэтических форм. Женские личности 20-х годов отливались в яркие, цельные индивидуальности, сильные сознанием нравственного долга и чувством общественности. Они обновили общественную жизнь и помогли воспитанию новых, уже национальных поэтов. Среди них были первые русские общественные деятельницы и первые политические подвижницы в лице жен декабристов¹⁰⁷.

Мария Извекова¹⁰⁸

«Знаете ли вы девицу Марию Извекову, читали ли вы романы девицы Марии Извековой? Если нет, то бегите в книжную лавку, попросите книгопродавца порыться в его погребе и кладовых, этих книжных кладбищах, и отыскать вам романы девицы Марии Извековой, если их еще не съели мыши, и прочтите их как можно скорее... Каковы одни заглавия — так и дышат чистой нравственностью! А содержание еще лучше, еще нравственнее, хотя надо признаться — невообразимо скучно. Его составляют происшествия, в которых действуют лица без образов... Романы г-жи Извековой кроме чистой нравственности проникнуты еще нежнейшей чувствительностью; и вероятно многих слез стоили они прекрасным читательницам того времени...» Так отзывался Белинский в 1843 г. о совершенно забытой в его время писательнице. Однако он выбрал именно ее для своего очерка о женском творчестве былых времен, написанном по поводу со-

---

¹⁰⁷ Вигель жалуется, что женщины более, чем когда-либо руководят жизнью высшего общества обеих столиц. Провинциальные чиновники и дворянки стараются подражать светским львицам. Уже в начале Александровского времени деятельная губернаторша сделалась необходимым лицом в провинциальной администрации. «Воспоминания», 2-ое изд., ч. II, стр. 123 и 208.

¹⁰⁸ «Русская Старина» 1911 г., кн. 6

брания сочинений Зинаиды Р-вой (Елены Ган)¹⁰⁹. Обычная чуткость критика не обманула его: беллетристка-дилетантка, Мария Евграфовна Извекова, действительно - довольно любопытное явление для своего времени и своего общества.

Современники оставили очень мало сведений о её жизни. Извекова появилась в Москве около 1805 г. В обеих столицах в эту пору нарождалось много маленьких литературных кружков; очень немногие из них сумели проявить заметное влияние в общественной и культурной жизни, но все они были в свое время полезны и нужны, удовлетворяя потребности своих членов в постоянном взаимном общении. Женщины принимали в этих кружках живое и деятельное участие; роль их становилась заметной и влиятельной. В Москве возникли журналы «для дам», в кружках интересовались литературными опытами женщин. По словам одного из поклонников женского творчества, М. Макарова¹¹⁰, около 1805 г. в Москве заговорили, что девица с хорошим состоянием приехала из провинции в столицу только для того, чтобы издавать романы, написанные во вкусе г-жи Жанлис; послышались толки и пересуды. «Девица Извекова не должна была спешить с изданием своих романов», - замечает тот же благосклонный современник; ей бы следовало искать связей у двора литературного, и, шутки в сторону, просить советов, но желания питомицы муз были решительны ... Очевидно, москвичи удивились и даже немного обижались, что юная дебютантка выступила вне связей с литературными кружками, упорная в своей одинокой самостоятельной карьере.

Извекова приехала в Москву, вернее, следует думать, была привезена матерью и родными, чтобы составить себе имя, блеснуть талантами. Ей было тогда не более 15-ти, 16-ти лет. В одном из предисловий она сама заявляет, что писала первый роман на 16-м году¹¹¹. Кроме заметки Макарова не сохранилось других известий о её жизни в Москве. Но она, вероятно, являлась в свете, и родные не без гордости представляли ее как писательницу; а любопытное московское общество судило и ря-

¹⁰⁹ Соч. изд., 1883 г., ч. 7-я, стр. 161..

¹¹⁰ «Дамский Журнал», 1830 г. т. 11. №№51 – 52, стр. 117.

¹¹¹ Кн. Голицын (Словарь русских писательниц. 122 стр.), говорит, что Извекова родилась 12 февраля 1794 г. Не могла же она писать романы в 11-12 лет.

дило о ней, но суховато и не без ехидства, ведь ее выдвигали без заискиваний перед «светом».

Уже в 1806 году Извекова выпустила свой первый роман в 4-х томах, «отменно длинный, нравоучительный и чинный». Тонем, полным достоинства, она посвятила его императрице Марии Федоровне, почитая в её особе «покровительницу наук, пекущуюся о просвещении нежного пола». Императрица отдала ей перстнем. В предисловии она выражает уверенность, что публика окажется снисхождением первому труду новичка, извинит неопытность молодой девушки, писавшей без руководства учителей по одной природной склонности к литературе; она выпустила его в свет, только повинувшись воле матери и уважая просьбы родных и друзей. Оговорка вполне во вкусе г-жи Жанлис, которая резко осуждала бойких девиц, способных распространять свои мысли среди незнакомых в двух тысячах экземплярах и более; девицам не подобает проявлять личную инициативу в таком деле; они должны руководиться волею старших. В семье Извековых, по-видимому, знали правила модной писательницы, и рука начитанной матери направляла авторские подвиги юной Марии.

Первое произведение — «Эмилия или печальные следствия безрассудной любви»¹¹² — по обилию эпизодов вмещает несколько романов: львиная доля страниц отведена рассказам матерей, отторгнутых злодеями от семейств, или похищенных и найденных детей.

Все героини необычайно добродетельны, особенно матери; последние вместе с тем смелы и деятельны в непрерывной борьбе с препятствиями. Как почти во всех произведениях Извековой, место действия скрывается в тумане; героини вращаются в «некоем царстве», часто переносятся «за тридевять земель», на необитаемые острова. Дочь придворного, Эмилия, против воли родителей обвенчалась с наследным принцем, имела двоих детей. Интересны те моменты их тайного сожительства, когда наследник, перейдя на положение простого смертного, начал задумываться; полная искренность между супругами исчезла. Эмилия почувствовала, что не имела права похищать у страны политического деятеля и хорошего государя у народа. Принца-беглеца нашли,

---

¹¹² Сочинения М. Извековой имеются в Императорской Публичной Библиотеке.

вернули в столицу и женили на принцессе. Далее три тома на- полнены необычайными приключениями Эмилии, её матери, детей, товарищей по несчастью и злодеяниями её отца. Отцы у Извековой или тираны или, в лучшем случае, легкомысленные люди. Наконец, героиня умирает в присутствии принца, его при- знанной женой, а её пасынок изъявляет даже готовность уступить права наследования её сыну.

Даже современник Макаров¹¹³ видит в этом романе только «портретную живопись» с иностранных образцов, находя призна- ки некоторой самостоятельности лишь в последнем по времени труде Извековой. Но тут нет и живописи; не заметно даже работы молодой руки; это какая-то безудержная болтовня старой рассказ- чицы. Можно думать, что страстная мать усердно помогала доче- ри своей начитанностью в модной беллетристике.

В следующем 1807 г. девица Извекова издала свою драму «Альфонс и Флорестина, или счастливый оборот». Сюжет тот же — приключения молодой женщины, разлученной с мужем его отцом-злодеем.

Самая форма изложения мешает развитию старческой бол- товни, и стиль письма становится моложе. Здесь интересна суб- ретка, говорящая в духе сентиментального демократизма фран- цузских комедий конца XVIII века¹¹⁴: «Вы думаете, граф, что мы, бедные твари, рождены единственно для ваших услуг, и что даже мысли наши ограничиваются только нашей должностью. Ко- нечно, мы большей частью должны молчать, но замечать и чув- ствовать — никто не властен отнять у нас этого права!» и т. д. Её госпожа, со своей стороны, проявляет сознательное отношение к тяжелому положению девушек в обществе, даже красивых и богатых; внимание, почет, любезности поклонников не вознагра- ждают их за душевные муки, порождаемые строгим осужде- нием каждого их смелого поступка и каждой неосторожности, которое произносит взыскательный свет: юноши не имеют по- нятия о нравственных искусствах, выпадающих на долю девиц¹¹⁵.

После 1807 года семья Извековых перебралась в Петербург. Там в 1809 году Марья Евграфовна выпустила второй большой

¹¹³ «Дамский Журнал», 1830 г. т. II, тоже.

¹¹⁴ Альфонс и Флорестина, т. II, стр. 42.

¹¹⁵ То же, стр. 61.

роман в трех томиках — «Торжествующая добродетель над коварством и злобою». В предисловии она благодарит публику за лестные похвалы своему первому опыту; они побудили ее вновь приняться за работу и представить трогательные картины страждущей невинности, дабы утвердить в сердцах читателей правила добронравия. О! как бы ей хотелось быть полезной! Это желание и любовь к отечеству защитят ее от «ядовитых стрел критики». Героиня романа, «будучи воспитана в уединении и имея свободное сердце... без принуждения последовала воле отца своего и приняла супруга от руки его». Но скоро сердце заговорило; она влюбилась в одного из своих поклонников, но сохранила самую нежную любовь и преданность к своему мужу; новое и довольно интересное положение в сочинении девицы-дилетантки начала XIX века! В этом романе все женщины необыкновенно смелы и полны инициативы, затмевая своей энергией мужчин. Героиня, переодетая в платье мужа, выходит вместо него на дуэль, чтобы спасти мужа и жениха сестры от опасности и спасает обоих¹¹⁶.

В том же году вышло лучшее из произведений Извековой — «Милена или редкий пример великодушия», роман, разумно уместившийся в одном томике. Впервые действие происходит в России, в губернском городе. Кое-где мелькают даже попытки нарисовать обстановку, отвечающую душевному настроению героев. Роман посвящен «наидостоинейшей матери», отдавшей жизнь и силы воспитанию дочери-автора; все предисловие — панегирик этой добродетельной воспитательнице. Милена получила ложное известие о гибели своего жениха и в состоянии скорбного безразличия вышла за другого искателя, легкомысленного, капризного мота. У нее уже есть сын, когда она встречает Виктора, первого жениха. Разгорается тяжелая душевная драма. Муж и его родные мучают, запирают Милену; но Виктор всюду находит ее. Она старается успокоить себя тем, что мать, имеющая прелестного ребенка, не может быть несчастной, но чувство все-таки рвется наружу: «О Виктор! тщетно бы я старалась себя обманывать; ты знаешь, что я люблю тебя; ты первый обратил мое внимание, ты дал мне почувствовать, что я имею сердце, и признаюсь, что почла бы за первое счастье быть тобой любимой, если

¹¹⁶ «Торжество добродетели», т. I-й, стр. 92.

бы могла желать того без угрызания совести. Виктор, я люблю тебя, люблю больше всего на свете, но честь и Миловзор (её сын) мне драгоценнее и самого тебя»¹¹⁷.

Когда муж оказался двоеженцем и попал в тюрьму, Милена великодушно спасает его, заявив, что её измена оттолкнула от неё мужа; она боялась, как бы бесчестие отца не отразилось на судьбе сына. После смерти мужа её самообвинение открылось, и весь суд единодушно преклонился перед её нравственным величием. Она упорно желала постричься, но Виктору удалось спасти жизнь её ребенку, и она согласилась выйти за него.

«Милена» очень интересна для своего времени, как показатель нарастания некоторого, еще слишком индивидуального гражданского сознания на почве сентиментальных настроений; в романе проявились намеки на душевный строй следующего поколения русских женщин, среди которого Пушкин нашел ту, «с которой образован Татьяна милый идеал». На 20 лет ранее в многословном, устарелом стиле Милена произносит знаменитое: «я вас люблю, к чему лукавить!»... А современницы Татьяны, жены декабристов, идут спасать мужей и возлюбленных ценою своих жизней, гражданских прав и репутаций... Вообще, женщины этих поколений уже с трудом выносят тягость старого патриархального быта; в романах Извековой одна любовь матерей создает и поддерживает семейный очаг, а не власть отцов, избалованных и испорченных огромными общественными привилегиями.

После «Милены» Мария Извекова ничего не печатала; она вскоре вышла замуж. Лишилась ли она руководства своей матери, или её литературная деятельность встретила с противодействием мужа и новой семьи? Насчет этого можно строить какие угодно догадки; но после энергичной 4-х летней работы она вдруг умолкла, едва начав самостоятельно развиваться. Впрочем, для себя она продолжала работать в тиши своих покоев: после неё осталось много рукописных сочинений; что с ними произошло — пока неизвестно; а жаль, они могли бы сохранить не мало любопытного материала для истории русского общества её времени. Мария Евграфовна скончалась 15-го января

---

¹¹⁷ «Милена», стр. 135.

1830 г., женой действительно статского советника Николая Федоровича Бедраги.

Что сказать о литературном достоинстве произведений Извековой! Несомненно, согласиться с Белинским: они невыносимо скучны для публики его времени, неудобочитаемы и непостижимо наивны, но они отвечали вкусами широкой публики своего времени, и русские читательницы, поглощавшие их, ничуть не отставали от представительниц просвещенного Запада. Подобные романы читались во Франции нарасхват. Следует отодвинуть в сторону сочинения г-жи Сталь и Шатобриана, чтобы составить себе отчетливое представление о литературе, которой зачитывались во время 1-й империи, говорит известный исследователь французской словесности¹¹⁸. Тогда царили романы, состоявшие из цепи невероятных приключений, сентиментальных излияний говорунов и говоруний, туманных образов без малейших признаков индивидуальности, вращающихся в неопределенных пространствах без намека на местный колорит. Можно думать, что их писали для подростков и очень молодых женщин, но ими зачитывался сам Наполеон I. Авторами этих романов были преимущественно женщины — г-жи Коттэн, Жанлис, Суза и др. — и братья Дюкре-Дюмениль. По их стопам пыталась идти наивная Мария Извекова.

Две писательницы начала XIX века ¹¹⁹

Новиков и другие издатели усердно привлекали женщин к литературному труду, считая их участие в едва зарождавшейся русской литературе очень важным для развития в обществе просвещения и любви к чтению; и страницы журналов конца XVIII века уже пестрели именами сотрудниц; издатели наперерыв восхваляли их; статейки и стихотворения женщин-авторов сопровождались любезными примечаниями с комплиментами и благодарностью от редакции. Одно время в некоторых кружках столичного общества, занятия литературой считались для женщины как бы признаком хорошего тона; наряду с произведениями сотрудниц зрелых лет, издавались упражнения 13–14-летних девочек, и

¹¹⁸ Hist. de la langue et de la litter. franse. Petit de Julleville. VII. P.138.

¹¹⁹ Доклад, читанный в Историческом обществе при СПб университете в марте 1913 г.

детский лепет в печати оправдывался, как заслуживающее поощрения раннее проявление любви к отечественной словесности и стремление послужить её скорейшему развитию. На выступления женщин на литературном поприще часто оказывали большое влияние их семьи, поощряемые похвальными речами современных авторитетов, любивших указывать на распространение просвещения внутри семей, как на важный признак духовного прогресса в стране. Родные охотно эксплуатировали легко увлекавшихся девочек, развивали в них экзальтированную чувствительность в духе того времени и их литературными опытами привлекали к себе лестное внимание общества, а иногда приобретали и материальную пользу.

Сумароков первый деспотически распоряжался произведениями своей дочери, не смевшей выбрать темы без его разрешения. Анна Алексеевна Волкова, член Державинской «Беседы любителей русского слова», с детства была чтицей своего слепого отца и рано начала складывать стихи, подражая прочитанному; почти девочкой поднесла хвалебную оду великому князю Павлу Петровичу и в награду получила пенсию для отца. Тронутый добродетелью новой Антигоны, Шишков взял под свое покровительство всю дальнейшую деятельность Волковой. Здесь влияли семейные несчастья; но девочку Поспелову наталкивало на то же самое, по-видимому, одно тщеславие её родных; 13-ти лет от роду она тоже послала оду Императору Павлу и получила от него алмазный перстень, что произвело сенсацию чуть не на всю Москву. Вслед за этим родственники издали два тома её произведений в стихах и прозе, художественной прозе, как тогда любили говорить. Сочинения 14–15-летней Поспеловой поражают уже не экзальтированной чувствительностью, а обилием мрачных размышлений о бренности всего земного и величии смерти. В 19–20 лет она писала драмы для развлечения своих родных, а к 21 году скончалась от чахотки. Иные семьи спешили записать девочку в литераторы, как малолетних сыновей в гвардию. Немного позже семья же выдвинула в литературный свет 16-летнюю беллетристку, Марию Извекову, на чьи сентиментальные романы, как на знамение времени, обратил свое внимание Белинский; с замужеством и переходом во власть новой семьи она уже не выступала в печати, пряча свои творения в столе и шкафах. «Я никогда не завишу от себя!» — обыч-

ный припев русских девушек интеллигентных семей, звучащий в переписке женщин кружка юноши Жуковского и в женских письмах семьи Бакуниных, нового поколения 40-х годов.

В начале XIX века насчитывалось, пожалуй, не мало женских авторских имен, но благодаря случайности женских выступлений, вольному и невольному дилетантизму большого числа пишущих женщин не легко до сих пор говорить о значении и влиянии писательниц в раннюю пору нашей литературы. Даже современник Греч в своем «Опыте краткой истории русской литературы» 1822 г. называет только трех писательниц — Императрицу Екатерину II, кн. Дашкову и Анну Петровну Бунину; обе первые пользовались совершенно исключительным положением в стране, и он справедливо оставляет их в стороне; Бунина же, по его словам, «занимает отличное место среди писателей и первое между писательницами»; но о других писательницах он умалчивает. В настоящее время их имена, и даже имя Буниной изредка встречаются в ученых примечаниях филологов, да кое-где в больших энциклопедических словарях, где составители мелких биографий просто повторяют факты из жизни забытых литературных дам, по свидетельствам современников, проявляя полное незнание с их литературными работами. Тоже можно сказать и про немногие популярные биографии старинных писательниц; авторы трактуют своих героинь, как «выдающихся» женщин, совсем не считаясь с их литературной физиономией.

Правда, наши ранние авторши были лишены того «чувства личной свободы», которое, по меткому определению А. П. Чехова, необходимо пишущему даже при наличии таланта, чтобы выработаться в настоящего писателя; но их личности очень интересны, как общественные явления, даже независимо от литературных заслуг; как деятельные члены литературных кружков, просвещенные собеседницы гостиных, они оказывали несомненное и сильное влияние на общественную жизнь, на развитие истинного чувства общности, на духовный склад писателей и вместе с этим на литературу.

Что касается нашей первой героини, Буниной, то она действительно выделяется довольно яркой фигурой на общем фоне пишущих дам по упорной трудоспособности и самостоятельности, с которой она распоряжалась своей жизнью и трудом. В 1812

г., ровно сто лет тому назад, вышли в свет второй и последний томик собрания стихов «Неопытная Муза» и «Первые Опыты в прозе» её поклонницы и последовательницы Екатерины Наумовны Пучковой. Обе авторши могут поспорить в скромности; обе усиленно извиняются перед публикой, что дерзают выступать с изданиями своих сочинений. Пучкова в предисловии называет свою книжечку «опытом своей неопытности»; если бы не её любовь к словесности, она бы побоялась навести скуку на читателей. Оговорившись несколько жеманным заглавием своего сборника, Бунина снова извиняется и оговаривается в примечаниях и предисловиях к отдельным произведениям. Под красивой виньеткой первого тома, выпущенного в 1809 г., находим подпись: «муза спасла меня от потопленья». Скромности оговорок в обращениях к публике требовал хороший тон того времени, изысканный и вычурный, от женщин, кроме того — двойственность отношений к ним: с одной стороны, издатели и критики льстивыми любезностями побуждали их смелее и громче поднимать голос в печати, с другой — авторитетные представители общественного мнения, даже Державин, покровитель писательниц, твердили им, что «тихость и смирение суть первые достоинства, истинные превосходства женщины», т. е. та робкая принужденная связанность личности, которую называли в старину скромностью. В 1812 г. собрания произведений женского творчества были еще делом необычным в литературном свете; но нашим героиням вряд ли стоило особенно конфузиться за свои творения, они были знакомы читателям по журналам и уже оценены критикой. В эту пору Бунина могла быть спокойна за судьбу своего сборника: значительная часть публики знала ее, как прославленную многими критиками «десятую музу», «Российскую Сафо» и «Северную Коринну»; она пользовалась покровительством высоких особ, участвовала в Державинской «Беседе», а главарь другой литературной школы, Карамзин, аттестовал ее похвальным отзывом: «ни одна женщина не писала у нас так сильно». Правда, самый опасный новатор утопил было ее в Лете своим шуточным стихотворением («Видение на берегах Леты»), вместе с прочими «русскими повивальными Сафами» и кн. Шаликовым, но в 1811 г. спохватился, прочитав её поэму «О счастии»; он простил ей отсутствие требуемой темой философии, «предмета слишком важного для

дам», за поэтические достоинства третьей песни, конец которой прелестен, и отшучивается в другом тоне: «Стихи текут сами собой, картина в целом выдержана, краски живы и нежны. Позвольте, милостивая государыня, иметь счастье поцеловать вашу руку, Клянусь Фебом и Шишковым, что вы имеете дарование!»

При недюжинных способностях Бунина - не дилетантка, как многие «Сафы» её времени; она много работала и действительно сделала свою карьеру литературой, жила работой пера, хотя далеко не в современном смысле слова. Её биография очень любопытна, и крайне жаль, что автобиографические материалы, оставленные ею родным, не были, или не могли быть ими использованы. А. П. Бунина родилась 3-го января 1774 г., младшим ребенком в семье рязанского помещика Бунина (однофамильца семьи Жуковского); разница лет между нею и старшими сестрами была такова, что она оказалась впоследствии чуть ли не сверстницей своих старших племянников. Семья Буниных была велика, родство многочисленно, и писательница всегда насчитывала довольно много племянников. Мать умерла, когда А. П. было всего год с небольшим. Девочек не решились оставить у молодого еще вдовца, (он женился 16 лет): их взяла на воспитание тетка, Усова. У неё и росла А. П., научилась грамоте и первым правилам арифметики; впоследствии она подолгу гащивала у замужней сестры. Девицы жили в деревне, скучали, перечитывали собранные старшим поколением книги, коротали время за пяльцами, плетеньем кружев, а для удовлетворения духовных запросов, плели, кто мог, стихи. Об этом времени Бунина рассказывает в одном шуточном стихотворении:

- «Займемся ж чем-нибудь ... да чем! Вот та беда! —
- Здесь пяльцы, и с канвой! —
- Нет, нет, глазам накладно...
- Так книжками, вот шкаф! — Лишь шаг сюда! —
- От них уж в голове, ей-ей, туманно. —
- Ну, вот чернильница! Прекрасно! Точно так!..
- Пускай о кровлю дождь стучит, дробится,
- Пускай на стекла снег ложится,
- И в полдни спустится сумрак,
- Иль ветер один спешит другим на встречу. —
- С пером в руках, авось, того я не примечу.

— Но, что же мне писать, — и что возьму за цель? —

— Труды смешны, когда им нет предмета»... —

Перебираются разные темы сообща с присутствующими; каждый предлагает свою. «Диктуют все...

— Кураж, терпением строят города!

— Однако, что-то не клеится»...

Кто-то намекает ей... возьми, что познакомеи, попростее ..

— «Начни-ка ты с себя, себя изведай, потом и проповедуй»...

И девушка пишет: «Мой портрет, списанный на досуге, в осенние ветры для приятелей», вышедший в свет значительно позже. Свою стихотворную болтовню на 14-ти страницах Бунина заканчивает от лица недовольного читателя:

— «Сочти-ка, сколько насаждала!»

— «А проку нет, все дрянь»...

«Таких стихов не мало мы читали»...

Французскому разговору и танцам Бунина могла научиться только в Москве, куда по временам наезжала вместе с родными. Сестры её рано обзавелись семьями; одна скоро овдовела, а поэтесса упорно не выходила замуж, хотя обладала наружностью, по меньшей мере, интересной и миловидной; один из её младших племянников, знавший ее, когда ей было под сорок лет, свидетельствует, что и тогда А. П. была замечательно хорошенькой; при небольшом росте её движения отличались грацией; немного продолговатое лицо с очень живыми, блестящими глазами сияло белизной и румянцем. Благодаря своему племяннику, Б. К. Бланку, она познакомилась в Москве с писателями, И. И. Дмитриевым, Шаликовым и крайними карамзинистами, и под их руководством начала заниматься литературой. Лет 24-25 ей удалось видеть свои произведения в печати; поэтому критики, отмечая, что стиль её местами тяжеловат, приписывают этот недостаток тому, что она слишком поздно принялась за литературный труд. Библиографам известно только одно из её ранних произведений — прозаический отрывок «Любовь» (Иппокрена 1799 г.)¹²⁰. Для автора-девицы того времени оно отличается довольно смелым обращением со скользкой темой. Впрочем, по некоторым намекам в её позднейших сочинениях и по письму

---

¹²⁰ Макаров в «Дамском Журнале» 1830 г., № 20 приписывает его Анне Жуковой.

при завещании, можно думать, что писательница переживала в эти годы какую-то сердечную драму. В указанном отрывке и в повести, изданной в книжке «Сельских вечеров», чувствуется что-то личное, автобиографическое. Оба произведения не вошли в собрание сочинений Буниной, да и критика умалчивала о них. Было же какое-нибудь горе, побудившее говорить, что «муза спасла от потопленья» нашу поэтессу.

Получив после смерти отца на руки оставленный ей маленький капиталец, она решила самостоятельно распорядиться своей судьбой. В 1802 г. её зять, Семенов, собрался везти своих сыновей учиться в Петербург; Анна Петровна удивила его настойчивой просьбой взять ее с собой, ссылаясь на желание повидать брата моряка, вернувшегося из дальнего плавания. Потом он еще более удивился, когда молодая девушка решительно заявила, что не вернется к родным ни в Москву, ни в деревню. Она поселилась со степенной женщиной-прислугой в собственной маленькой квартирке на Васильевском острове. Тут в уединении Бунина провела года два за усиленной работой, занимаясь под руководством хороших и дорогих учителей тремя иностранными языками, некоторыми необходимыми учебными предметами и русской словесностью с П. Соколовым (бывшим одно время секретарем Академии Наук). Подготовившись, она с тем же усердием принялась писать, и с 1805—6 г.г. стихи её печатались в московских журналах. Между тем ученье и петербургская жизнь поглотили её капиталец, а гонорары тогда не могли пропитать. А. П. обратилась со своими произведениями к обеим императрицам и получила от них пенсии, как одинокая, талантливая сирота.

По другой версии Бунина поселилась сперва у своих родственников Ахвердовых. Генерал Ахвердов состоял «кавалером» при дворе Императрицы Марии Федоровны и младших великих князей. Находя её средства ничтожными, он посоветовал А. П. обратиться за помощью к Императрице-матери. Вместо прошения девушка написала трогательные стихи вроде оды, произвела впечатление и получила денежную помощь. Впрочем, одно не исключает другого. Все знакомые помнили, что она училась, жила и писала в своей скромной квартирке на Острове. Близость же с Ахвердовым помогла ей проникнуть ко двору и войти в кружок Державина.

Нужно отдать ей справедливость, она не изливалась в хвалебных одах, не низкопоклонничала; вынужденная питаться литературным трудом, она в то время не имела другого выхода, как добиваться наград свыше; но то, что она подносила, были, действительно, литературные и даже деловитые произведения. А её современник, кн. И. Долгорукий, губернатор, чиновное лицо, обижался, что его жену императрицы не награждали за поднесение кошельков своей работы! С родными же и частными лицами князь-писатель был шепетилен в денежных делах. Таково было отношение к казне государства и государей!

Вообще Бунина была умна, сообразительна и очень тактична. Живя в Петербурге, она сумела занять свое довольно самостоятельное положение между героями чувствительности, московскими карамзинистами и представителями старого Державинского толка. Из женщин-писательниц она одна состояла сотрудницей «Драматического Вестника» 1808 г.

Свои мелкие произведения она посылала в московские журналы; сама же чтением и упражнением в переводах готовилась с достоинством участвовать в литературных беседах у Державина и Шишкова; сочинения покрупнее, стоившие ей труда и подготовки, она берегла для отдельных изданий с посвящениями и для Державинской «Беседы».

В 1808 г. Бунина выпустила сокращенный перевод с французского «Правил поэзии» Бате с приложением необходимых сведений о русском стихосложении, довольно серьезная работа для женщины её времени. Книга посвящена Императрице Марии Федоровне и предназначена «для девиц», вероятно, для покровительствуемых ею институток. В предисловии Бунина объясняет, почему нашла полезным перевести и дополнить Бате для соотечественников, и в заключение обращается к женщинам: «она желала дать им занятия в часы, свободные от домашних трудов и туалета, слишком почту себя вознагражденною, если сия книга будет посредницею между вами и музами, доставя вам способ к союзу с сими нежными усладительницами наших горестей».

В 1809 г. она издала первый томик «Неопытной Музы», поднесенный, как говорят, императрице Елизавете Алексеевне и доставивший автору новую маленькую пенсию. В 1811 г. вышло подряд несколько произведений: «Спасение Фив», повесть в

прозе, опять с посвящением молодой императрице; нечто невероятно сухое, совершенно устаревшее для начала XIX века. Она вошла в книгу под заглавием «Сельские Вечера», рядом с гораздо более интересной повестью о несчастной судьбе смелой молодой девицы, страстно влюбленной в отказавшегося от неё юношу и умершей от любви. Этот единственный опыт писательницы в беллетристическом роде написан искренне, довольно живо и местами напоминает романтический стиль повестей 20-х и 30-х годов. Книга посвящена П. П. Бунину, «кроткому помещику и доброму брату»: его семью поэтесса как бы увеселяет своими рассказами. В этом же году вышло дидактическое стихотворение «О щастии» в 4-х песнях, которому удалось примирить Батюшкова с российской Сафо. И в эту же пору Бунина готовила для «Беседы» поэму в стихах «Падение Фаэтона», вполне соответствовавшую вкусу Шишкова и Державина. Как усердная посетительница их литературного кружка и общепризнанная поэтесса, она была избрана в почетные члены нового литературного Общества «Беседы любителей русского слова», одновременно со старушкой Урусовой и М. Волковой — большой почет для женщины. Собрания общества обставлялись необыкновенно торжественно, в большом, красивом зале дома Державина, внешним убранством которого заведывал сам великий театральный критик Шаховской. Члены и почетнейшие гости размещались вокруг столов посредине залы, а для публики были устроены в три яруса места вдоль стен. Для большого блеска в честь литературы установился обычай, что дамы являлись на собрания в бальных платьях, а мужчины в мундирах и орденах. Заседавшую среди ареопага литературных и чиновных знаменитостей Бунину видел весь столичный beau monde и проникался почтением к писательнице, достигшей такого славного поста.

В 1812 г. появился 2-й томик сборника «Неопытная Муза», куда не вошли ни «Сельские Вечера», ни «Счастье». Многие в сборнике указывает на стеснительные условия, в которых жили и работали наши ранние писательницы. Перед нами очень мало стихотворений, где поэтесса вполне отдавалась бы настроению; Бунина всегда сдерживается, куда-то оглядывается, точно приседает перед кем-то; искренние порывы спешит обратить в шутку. Она — одинокая девица, она известна двору, член знаменитой «Беседы», что особенно обязывает ее сочинять нечто отменно серьез-

ное, высоконравственное и поучительное; а вместе с тем ей необходимо занимать читателей, ведь она живет литературой — и вот она постоянно лавирует между неудобствами и опасностями; едва почувствует, что увлеклась, готово примечание с оговоркой и советом, как понимать её шутки, или совет смотреть на легкомысленные стихи, как на белые страницы. А перед более серьезными произведениями она извиняется, что при своей неопытности взялась за ответственную тему; но часто в скромных оговорках сквозит сознание ненужности этих приседаний, даже затаенная насмешка.

Очень цельно по настроению, одобренное всеми критиками стихотворение «Тем, которые предлагали мне писать гимны».

«Отовсюду бедством утеснена,
Могу ль воспеть Творца миров?
Из дерзновенных скорби слов
Была бы песнь та соплетена...
Отовсюду бедством утеснена —

Она не может воспевать ни величия земного, ни счастья».

Стихотворение «При встрече весны» отражает порывы души к иному, лучшему миру:

«Сердце, сжатое тоскою, рвется вдаль на край сует.
Там, где слабому сильнейший
Не счисляет своих прав —
Не гремят где цепи рабства
И не брызжут слезы-кровь.
Где не носят с видом ласки
В сердце яд — в глазах любовь».

Интересна «Песнь свободе», писанная к NN по случаю данного на сие им повода.

«Оплот противу злых гонений,
Страж мира, знания, забав,
Вождь к славе, мать изобретений
Твой гимн — спокойствие народа».

Под сенью свободы все процветает; свободный труд всегда благословен. Про себя же поэтесса говорит:

«Мрачных стен своих темничных,
В которых ты (свобода) одна со мной
На светлу не сменю неволю,
И блеском злата и честей

Не соблазню души своей
 Без ропота на скудную долю,
 В убожестве глава смежу...
 Тебя мне Бог дал в соблюдение
 Моих скудельных малых сил»...

Но прославление столь опасного оплота общего блага требует оговорки, и вот, в конце — неожиданный аккорд:

«Тобой (свободой) в благое Царь правление
 Меня законом оградил».

Примечание поясняет, что автор в этих словах имел в виду указ о вольности дворянства, приписывая его Екатерине П. Прочувствовано и сильно по настроению стихотворение «Майская прогулка болящей», рисующее разнообразные впечатления пострадавшей души. Но и в нем современники уже отмечали устарелость языка Буниной.

Из-за утрированной скромности проглядывает глубокое увлечение литературной карьерой, своей самостоятельностью; «ее взяли музы» в свою власть, и она, слабая женщина, вышла на борьбу, на завоевание себе места среди литературных деятелей. В «Пекинском Ристалище» она приводит на состязанье в беге молодую китайку на слабых, крошечных ножках и размышляет: «К чему в краю нам (женщинам) царства

Искать того, что внутрь находится домов?
 ...То, видно, праздная, иль сирая была».

Китайка с трудом пробежала детский круг ристалища и, сконфуженная, ждала насмешек, но почтенные судьи единодушно аплодировали ей: они сумели оценить энергию при слабых силах...

«Мир судит в нас дела и подвиг лишь единый,
 Знаток их меряет со способом и силой».

Е. Пучкова выбрала эти слова эпиграфом для своих «Опытов».

В своем отношении к общей доле женщин, руководимая музами поэтесса как бы отдает дань традициям: женщина — существо подвластное и должна искать счастья в семье. Она пишет не без скрытой иронии «В альбом 13-летней племяннице» советы, несогласные с тем, что сама проводила в жизни:

«Ты женщина, — учись быть с юности покорна,
 В желаньях не упорна, —
 Упорство женщине порок,
 Упорство ей к напасти!

Над нами всюду власти
Всегда мы под рукой».

Но у Буниной имеется в запасе и другой тон относительно женщин, довольно ясно выраженный в одном из её лучших стихотворений «Разговор между мною и женщинами»:

«Женщины. Сестрица душенька, какая радость нами!
Ты стихотворица! На оды притчи, сказки
Различны у тебя готовы краски,
И, верно, ближе ты по сердцу к похвалам,
Мужчины ж, милая... Ах Боже упаси!
Язык, — как острый нож».

Однако из разговора выяснилось, что стихотворица воспекает природу, подвиги героев, труды людей, а женщин не касается. Женщины возмущены, «что она пустилася хвалить мужчин»:

«Как будто бы похвал их стоит пол один!
Изменница, сама размысли зрело,
Твое ли это дело?
Иль нет у них хвалителей своих?
Иль добродетелей в нас меньше, чем у них? —
Все правда, милые, вы их не ниже, — но ах!
Мужчины, а не вы, присутствуют в судах,
При авторских венках,
И слава, авторска у них в руках,
А всякий сам себе невольно ближе».

Внизу примечание: Да простится мне шутка сия из снисхождения к веселонравным музам и т. д.

...Любопытно, что уже во времена Буниной у нас намечалась своеобразная черта психологии многих писательниц — двойственность отношения к коллизии между положением немногих выдающихся женщин, смело и открыто бросающим свои мнения публике, и обязательной для женской массы подчиненностью сильному полу и установленным обычаям. Наша героиня разрешает вопрос очень просто, с напускным добродушием; но на Западе, где выделялось много женских талантов, раздвоенное сказывалось резче; плодовитая г-жа Жанлис, выпустившая до сотни томов своих сочинений, называла отталкивающей наглостью в молодой девушке стремление «распространять свои мысли в 2000 экземплярах». Позже то же самое замечается и у

нас в России; благочестивая и преданная старым традициям Кохановская (Соханская) долго сомневалась, подобает ли ей, женщине, существу, свыше ограниченному в способностях, печатать свои произведения, и успокоила себя тем, что среди толпы серых кошек может же родиться одна трехцветная. А её современница Хвошинская, хотя и чужда таких выводов, относилась холодно и недоверчиво к женскому движению 60-х годов. Недаром автор знаменитой «Логике» Д. С. Мильль дивился психологии английских писательниц и говорил, что литературный класс женщин пренебрежительно отрешивается от притязаний на расширение прав женщин, не умея ставить общее дело выше собственного положения в обществе.

Приниженное положение женщин, их зависимость от воли и суждений мужчин, судя по немногим сохранившимся данным, глубоко возмущали Бунину; резко критикуя в мужчинах «самовластных господ», она сравнивала их с помещиками-рабовладельцами.

В семье академика Грота хранится альбомчик писательницы со стихами и размышлениями её друзей. Замечание Шаликова: «Всего похвальнее в женщине кротость, в мужчине — справедливость» вызвало ряд размышлений писательницы о положении женщины:

«Кротость в женщине бывает двоякая: одна есть драгоценнейший её монист, другая - бесславию. Унижая себя, теряет она главное и единственное пола своего преимущество».

«Мужчинам не противна бывает сия двоякая женщин кротость. Пользуясь ею, покушаются они на все и делаются самовластными господами. Помещику не бывает противно иметь многих слуг. Чем их более, тем более для него и выгоды; но спросим у сих слуг, не пожелают ли они сделать некоторого с помещиком своим условия». Следующие её размышления, говорит К. Грот, тщательно зачернены, (вероятно, мужской рукой), и следующие странички совсем вырезаны. Зачеркнутое оказалось возможным восстановить: «Мужчинам еще полезнее двоякая кротость тех женщин, которые пробегают одно с ними поприще».

«Стихотворец охотнее осыпает похвалами женщину-писательницу, нежели своего сотоварища; ибо он привык о себе думать, что знает больше, чем она. Он готов расточать ей похвалы, самые даже неумеренные».

«Мадригалы нравятся женщинам легкомысленным. Та, которая привыкла рассуждать, желает только, что бы с нею достойно обходились. Не хвали ее, но не приноси в жертву своей гордости; она станет больше тебя любить, нежели как по своему равию ты вдруг то начнешь осыпать ее неуместными хвалами, то унижать неуместным господством».

Очень развитое чувство собственного достоинства даже в блестящие годы её известности (записи относятся к 1810 г.) не позволяло ей мириться с обычным отношением к женщине, как к ребенку, как к существу низшему. Она всегда чутким ухом сквозь гул похвал и воспеваний слышала фальшь недомолвки и рассчитанную снисходительность, особенно обидную со стороны собратий по перу. Этой чуткостью к приниженности женщин, протестами против их покорности Бунина заражала и своих приятельниц; её влияние на Пучкову вполне очевидно.

Несомненно, что среди представительниц первого поколения XIX в. уже кое-где зарождался мятежный дух, гораздо ранее романов Ж. Занд подготовивший дорогу Елене Ган и другим менее значительным выразительницам нарастающего самосознания русских женщин.

Среди произведений Буниной встречаются и басни, несколько растянутые, без меткой краткости; две из них отмечены, как удостоившиеся представления Российской Академии. От эротических же тем она, по-видимому, совершенно отказалась. Далее, в предисловии к стихотворному переводу песни «L'art rone'tique» Буало, Бунина утверждает, что и не мечтала состязаться с трудом такого писателя, как граф Хвостов; между тем несомненно, что общее недовольство переводом Буало гр. Хвостовым поощрило ее взяться за эту работу.

Первое издание «Неопытной Музы» заканчивается поэмой «Падение Фаэтона» с интересным, местами забавным предисловием, свидетельствующим об уме и такте Буниной. По её уверению, это первое стихотворение, сочиненное ею без совета с просвещенными наставниками, не подвергнутое их предварительной критике; скороспелое и неисправленное, «оно соблюло все данные ему мною погрешности».

Председатель 4-го разряда общества «Беседа» Захаров очень торопил писательницу поскорее представить свой труд к определенному дню заседания. Тогда Бунину особенно пленял велико-

лепный рассказ Овидия о Фаэтоне, и вот, сознавая всю опасность состязания с таким образцом, она выбрала эту тему для своей поэмы; «пускай даже передается оно (произведение) забвению, лишь бы словесность русская сделала выгодное себе приращение». Но Захаров очень сократил поэму, собственноручно переделал много стихов «за вялость и неблагородство слова», как слышал автор. В этом виде поэма была прочитана И. А. Крыловым на заседании и напечатана в «Чтениях» общества. Бунина «слушала и читала собственное произведение приятно преобразившимся», но внутренне, конечно, горела негодованием и немедленно издала его сама в первоначальном виде, с извинениями и оговорками, чтобы не рассердить сочленов. «Большого труда, большого над собою усилия стоило мне отрешиться от тех ученых поправок и прекрасных стихов, коими Фаэтон мой быт украшен при чтении. Знаю, сколь много теряю, представляя его в первобытном грубом состоянии; но присваивать себе чужое благоразумие почитаю хищничеством. Да и можно ли без упреков совести захватывать имущество под предлогом, что оно красиво и выгодно?» Далее Бунина дельно и твердо критикует поправки Захарова, проясляя вдумчивость и начитанность в отстаивании своего понимания мифа и своих оборотов речи.

В 1819-21 г.г. произведения российской Сафо издавались уже Российской Академией в трех томиках под заглавием «Собрание стихотворений» Анны Буниной. Сюда вошли поэма «О щастии» и патриотические гимны и оды, воспевавшие победы русских в 1813-15 г. г. и величие Александра I.

В это время она уже получала пенсию в 2.000 рублей. По новым известиям, Александр I подписал указ о пенсии за границей в 1813 г. После её смерти эту пенсию разделили между её племянницами.

В этом же году её имя, единственное из женских, появляется в маленьком сборнике «Карманная библиотека Аонид», изд. Георгиевского наряду с именами известнейших писателей того времени (среди них еще нет А. Пушкина). Кроме двух стихотворений имеются её размышления в отделе «апофтегм»; одно из них полно житейской мудрости:

«Не опускайся вниз — и не вносишься вверх,
Держись середины,
Не ослабляя бразды на миг единый,

И оком бодрственным гляди всегда вперед.

Науки сей другой замены нет».

Расцвет литературной деятельности Буниной обнимает 1806-1815 г.г.; в эту пору она наслаждалась всем, что могли дать ей успехи, свобода, обширные знакомства в литературном мире и большом свете столицы. Начитанная, с выработанным даром речи, она умела царить в гостиной и за столом, являясь почетной гостью в домах высшей аристократии; изредка представлялась она и ко двору. Сама же жила довольно скромно на свои пенсии (хотя и часто страдала безденежьем, вынужденная помогать многочисленной родне), но принимала литературных друзей. Родня, особенно из гвардейской и учащейся молодежи, толпилась у неё. Перед нею преклонялись, советовались с нею, пользовались её протекцией. Племянник Семенов, писавший комедии и оперы, всегда читал ей свои произведения. Писательница умела влиять на эту буйную военную молодежь аракчеевского времени, сдерживать грубые выходки, особенно издеательства над младшими. Кадет Стогов, тоже родственник, вспоминает в своих записках, как его защищала знаменитая тетенька от нападок щеголеватых офицеров; её внушений стеснялись, зная, что с ней трудно спорить. Её серьезная деловитость, самостоятельность и литературная известность импонировали всем, и в годы своей славы она много читала и чему-нибудь всегда училась.

О влиянии Буниной на современниц говорит Милонов в посвященных ей стихах:

«Иль дева юная свободою бесценной,
Счастливою душой страстям неприлепленной,
Не ведая тоски семейственных забот,
Ни сердцу тягостных неволею работ,
Вступая сверстниц в круг, весельем оживленный,
Поет своей души и радость и покой.
Пускай счастливая она обворожает
И ту, что в цвете дней, и ту, что отцветает,
Поет незлобие и прелесть юных лет,
И в свой подруг своих влечет заветный след.
...Оставя для других в их доле униженной,
Дар скорбный по стезе идти обыкновенной,
Ты новою стезей со славою теки»...

Умела Бунина и веселиться, не отказываясь от участия в шумных и бурных компаниях, где как будто примирялась с увлечениями мужской молодежи. Её брат, моряк И. П. Бунин, холостой весельчак и *bon vivant*, славился способностью забавлять и оживлять всякое общество. Писательница выступала в роли хозяйки на его вечеринках и концертах; неизвестно, коробило ли ее весьма вольное поведение членов «тайного общества кавалеров пробки», устроенного веселым морячком в подражание литературным и тайным кружкам того времени. По словам того же Стогова, члены его являлись на собрания с пробками в петлице сюртука. Мужчины садились между дам и пели песню, сочиненную, кажется, гроссмейстером, Буниным: «Поклонись сосед соседу, сосед любит пить вино. Обними сосед соседа, сосед любит пить вино»... и т. д.

Что касается интимной, сердечной жизни писательницы, то о ней биографические данные умалчивают; эта сторона скрывается в тумане; только сама она в письме при завещании проговаривается, что пережила не мало увлечений, да письма Державина намекают на её отношения к И. И. Дмитриеву. В 1804 г. по поводу слухов о его женитьбе, друзья недоумевали — на ком? На Буниной или Н. Плюсковой? А в 1808 г. Державин шуточно сообщает Дмитриеву: «С А. П. Буниной мы иногда видимся и беседуем о вас; и как она застенчива и скромна, то всякий раз при имени вашем заикается и дрожит: это, я думаю, оттого, что столь нежного и приятного стихотворца нельзя иначе вспомнить». Вот все, что известно о романе забытой героини своего времени, имя которой, по словам Цебриковой, «повторялось бабушками нашими с таким благоговением, с каким самые пламенные поклонницы Тургенева и Некрасова не произносили их имен».

После 1812 г. писательницу постигла тяжелая болезнь, вначале, вероятно, нервная; в 1821 г. у неё определился рак в груди. Лучшие врачи двора не могли помочь ей. Императрица Мария Феодоровна устроила ей поездку за границу для леченья. Больную поэтессу напутствовали пожеланиями в стихах и прозе Пучкова, Шаликов и другие поклонники. Свои впечатления от путешествия она живо и интересно описывала в письмах к родным и друзьям. Двухлетнее пребывание в Англии и еще на каких-то водах плохо помогало, а по возвращении в Россию болезнь продолжала понемногу развиваться. Говорят, что больная

чувствовала себя хорошо только в присутствии Е. Ф. Татариновой, ясновидящей мистических собраний в Инженерном Замке, и даже, будто бы, издали чувствовала её приближение к дому. Но и в 20-х годах, часто страдая, Бунина не отказывалась от литературных занятий, иногда писала стихи, переводила; после неё остался перевод проповедей Беера, начатый по совету императрицы Елизаветы Алексеевны. Последние 5 лет её жизни были уже одним томлением; она провела их с семьёй двоюродного племянника Д. Бунина то в Москве, то на Кавказских водах, то в деревне, где и скончалась в декабре 1829 г.

Она оставила письма, завещание и записки, которые приказала Д. М. Бунину по прочтении передать племяннику Семенову. Судя по отрывку из завещания, напечатанному в «Дамском Журнале» 1830 г., она не пощадила себя в воспоминаниях, сообщая подробности своих увлечений и ошибок. Родные, по-видимому, желали их напечатать, но не решались; посылали их кн. Шаликову, и тот нашел возможным поместить только письмо Буниной и начало завещания. Что смущало Буниных и даже такого страстного издателя дамских произведений, как редактор «Дамского Журнала», неизвестно пока. Может быть, в записках задевалось много лиц; или, может быть, в них отразились те же протесты против женской доли, из-за которых изрезали и перепачкали странички её заветного альбомчика? Тогда утрата документа особенно печальна.

Жаль, что остались не изданными и письма из-за границы, у нас очень мало сведений о впечатлениях тех немногих женщин старого времени, которым доводилось путешествовать. Такова была лучшая представительница мыслящих женщин среднего круга в начале XIX века. Бедная дворянка, она самостоятельно пробивала себе дорогу и добывала средства к жизни. При социальных порядках её времени, широкий, свободный размах личной жизни, доставивший известность и придавший столько блеска биографиям гр. Головиной, Свечиной, кн. З. Волконской, был недоступен для девицы Буниной; но для людей XX века эти условия должны придавать тем больше интереса и значительности положению сотрудниц в деятельности кружков русской интеллигенции прошлых лет. Если принять свидетельство И. В. Киреевского, что новые женщины 30-х годов выгодно отличаются от своих предшественниц тем, что не удовлетворяются

бойкой салонной беседой, искусством вертеть понятиями и нить узорные фразы, а приобретают собственный образ мыслей, что в их любезном разговоре скрывается не перелетная мысль, а настоящее мнение, то на переходных ступеньках этого подъема духовной женской личности найдем устойчивую работницу на избранном пути и твердую защитницу своих тем и своего образа мыслей — А.П. Бунину.

Екатерина Наумовна Пучкова — типичная дилетантка, писала недолго и немного, выступив в печати под несомненным влиянием Буниной, её редкой самостоятельности и начитанности. Лет с 16-ти (род. в 1792 г.) Пучкова начала помещать свои рассуждения в прозе: «О чтении», «О женщинах» и др. в «Вестнике Европы» Каченовского, «Аглае» кн. Шаликова. После 1812 г. появилось всего несколько стихотворений её в «Сыне Отечества» и «Дамском Журнале». В своем маленьком сборнике «Первые опыты в прозе» кроме двух повестушек совершенно бездарных и неинтересных, она перепечатала рассуждения на серьезные темы, местами страдающие наивной претензией на начитанность. Если Бунина заслужила укоры женщин, что не занималась их судьбой, то Пучкова как бы стремится исправить недочет; она пишет преимущественно для женщин, желает быть им полезной, просветить их, преподает им советы тоном матери или опытной старшей сестры.

В небольшой статейке «Нужны ли женщинам науки?» (Вестник Европы. 1811) она отвечает на вопрос утвердительно, и приводит в защиту своего мнения аргументы, ставшие общим местом в XIX веке: может ли женщина, не имеющая никаких познаний, быть надежной подругой образованного юноши? Мать, первая наставница детей, должна обо всем иметь достаточное понятие и т. д. В другой статейке она воспроизводит довольно бойко спор, возбужденный чтением первой статьи в кружке 10 лиц, где преобладали мужчины. Все присутствующие хвалили умственные и душевные способности женщин и признавали серьезное образование необходимым для них. Только один юноша неожиданно решился утверждать, что женщины притворны, тщеславны, корыстолюбивы; их влияние портит мужчин. «И что такое ученая женщина, философка, женщина со вкусом? Чем разнятся они от обыкновенных женщин? Сии просты, скучны и сварливы, а другие притворны, хитры и мстительны. Вот плоды просвещения!»

Присутствующие примолкли, смущенные резкостью хулителя женщин. Только одна молодая девушка, читавшая статью Пучковой (очевидно — сам автор) спокойно и твердо возразила ему, пользуясь его же заявлением, что женщины управляют мужчинами — не лучше ли повиноваться людям образованным, нежели невеждам? Ведь матери образуют дух будущих людей; старцы, утомленные жизнью, ищут отрады и утешения в обществе женщин. Женщины — покровительницы, «наставницы, непременные спутницы ваши» во всякое время жизни... «Вы говорите, мужчины оттого порочны, что женщины управляют ими. Неужели женщины рождаются порочными, а мужчины добродетельными? Вы этого ничем доказать не можете! Природа, как нежная мать, всех равно наделяет своими дарами. Мужчины лучше нас пользуются ими — виноваты ли мы в том? Их наставляют в твердости духа... обогащают познаниями... А у нас отнимают все способы к приобретению сведений; можно сказать, что с первой каплею молока поселяют в нас обо всем ложные понятия и притворство». «Напрасно зовете нас хитрыми и притворными... К сим искусствам мы прибегаем против воли. Рабы и люди угнетенные поневоле делают хитрецами и притворщиками... Те же давно нам знакомые речи 60-х годов. Умственное движение начала XIX века, задев и женщин, породило в них настроения, напоминающие эту более позднюю эпоху. В заключение спора юноша смирился и просил извинения за свою резкость.

Статьей «О чтении» Пучкова возражает матерям, которые думают, что чтение книг не только излишне для девиц, но даже вредно. Конечно, встречаются и дурные книги, но благоразумные родители следят за чтением детей. В «Письмах к приятельнице» писательница радуется, что их общий друг, некая Милена, оставила, наконец, «иноземных краснобаев» и принялась за «Несторов Летописец». Теперь она убеждается в высоких достоинствах русской словесности; она восхищается женщинами-сочинительницами... Но отчего умная Милена сама не пишет? Неужели боится ненавистников женского ума, которые запрещают женщинам заниматься науками!»

К заботам Пучковой о просвещении женщин и расширении их умственной деятельности присоединяется новая задача — борьба с увлечениями иностранной литературой и восхваление своей родной, даже славянской. В письме «О словесности рус-

ской» обе задачи сплетаются. Умная хозяйка гостиной объединяет посетителей беседой о словесности. Некий старец (вероятно, Шишков) перечисляет огромные успехи русских в просвещении; не беда, что их первыми наставниками были иностранцы; ведь и римляне учились у греков и гречанок; затем сводит речь на значение писательниц в обществе. Всюду редки питы, подобные девице Буниной; родись она на западе — ее бы увенчали в Капитолии. Превозносили и других русских поэтесс.

Откуда взялся тон феминистки в юной барышне начала XIX века, так легкомысленно игравшей опасным знаменем синего чулка? Биография её неизвестна, и пока нет ответа на этот вопрос. До 1812 г. она жила в Москве, дружила с Коченовским и Шаликовым; там же изданы её «Опыты»: может быть, не без их влияния. Несомненно, на ней отразилось направление московских журналов, преклонявшихся перед «милыми» просвещенными и чувствительными женщинами; окрыляли ее успехи Буниной, смелые выступления в печати юной Извековой и общее внимание к писательницам; вдохновляли толки и споры, возбуждаемые сочинениями женщин; но как это часто случается, ученица ушла в сторону от учителей, изменила «милому» женскому образу сентименталистов и заговорила языком наставниц 60-х годов. Пучкова искренне и горячо поклонялась Буниной и с 17 лет училась говорить женщинам о женщинах. Готовые образы поучений доброй советчицы она могла найти в статьях обоих журналистов Макаровых, прославлявших женское творчество, в переводах книг Томаса и Сегюра. В Петербурге влияние Шишкова внушило ей довольно поверхностное почтение к родной старине.

Судя по её переписке с кн. Шаликовым, С. Глинкой и Каченовским, напечатанной в «Дамском Вестнике» 30-х годов, Пучкова в Петербурге дружила с кружком В. И. Козлова, увлекавшимся славянщиной; друзья приглашались к нему на «сонмище», где стихотворица именовалась «девой песнопевницей», а прозаик Пучкова — «девой словесницей».

После своих «Опытов» словесница написала несколько стихотворений, а затем совсем забросила писательство. На сожаления и укоры Шаликова она отвечала, что чем-то очень озабочена, так что даже письмо оканчивает второпях, стоя; все её время уходит на посещения и приемы друзей и т. п.

После писем в «Дамском Журнале» о ней надолго замолчали в литературе. В 1847 г. Белевич посвятил ей странички две в своей статье о русских писательницах XIX века (Московский Городской Листок 1847 г., № 144) с довольно ироническими отзывами о её произведениях.

Она жила до преклонных лет в Петербурге, пережила женское движение 60-х годов; что думала о нем ранняя феминистка, да и думала ли что-либо в годы старости и болезни — неизвестно. Она скончалась 26 апреля 1887 года в доме Гильдебранта, № 11 на Литейной после долговременной и тяжелой болезни, о чем извещала знакомых в «Голосе» № 115 Е. Ф. Черткова.

Женские типы Пушкина (Вестник Европы, 1911, кн. 6-я).

В прошлом году в заседании одного ученого общества был прочитан доклад о новых открытиях в рукописях Пушкина. Докладчик обратил особое внимание на его женские типы и назвал поэта первым феминистом в России. Термин, думается нам, вряд ли подходящий. Выдвигал женщин на первый план и Карамзин в своих повестях «Бедная Лиза» и «Наталья, боярская дочь». «Вы нас во всем, во всем добрее, почти во всем умнее», — восклицал он в «Послании женщинам», требуя, чтобы на его могиле стояла эпитафия «Он любил; он нежной женщины нежнейшим другом был». В пору своей журнальной деятельности Карамзин усердно привлекал женщин к занятию литературой. Однако, более чем сомнительно, чтобы кто-либо решился назвать знаменитого историка феминистом. Нельзя отрицать, однако, что женские типы Пушкина — очень любопытное явление в нашей литературе. Они поражают удивительным разнообразием, каким впоследствии мог похвалиться разве певец расцветающей девичьей души — Тургенев. Татьяна, мельничиха-русалка Маша Миронова, Земфира и благородная черкешенка Полина и героини мелких эскизов — огромный материал, еще ожидающий исследователей.

Но что же питало мечты поэта, когда он творил эти образы? Уловлял ли он живые черты современниц, или литературное наследие доставляло ему готовый запас форм и красок, чтобы создать картины из небогатой действительности, доступной глазу? Вероятно и то, и другое; все стучалось в одну душу.

Еще со времен Новикова, основавшего литературный журнал для женщин («Модное ежемесячное издание») и поместившего пламенную «Похвалу женскому полу» в журнале «Покоящийся Трудолюбец», русские писатели горячо призывали женщин к культурной и литературной работе. И женщины понемногу откликались на призывы. В столицах возникали литературные кружки, где женщины получали право гражданства; ими много занимались, ценили их духовное влияние. К началу XIX века выдавался кружок чувствительных карамзинистов с юношей Жуковским и братьями Тургеневыми во главе. Члены его культивировали нежную дружбу с литературно-образованными дамами, как Свечина, сестры Соковнины, Протасова. В другом кружке Бланк с друзьями руководил самообразованием и литературными опытами А. Буниной. Ежегодно появлялись ультра сентиментальные журнальчики для женщин. Далеко не сентиментальный Батюшков, вращаясь в салонах иного характера, научился придавать огромное развивающее значение обществу умных, здравомыслящих женщин, и его биографу Л. Майкову пришлось посвятить несколько страниц своего труда «влиянию женщин на русскую литературу».

С легкой руки поклонников Руссо у сентименталистов выработался свой женский идеал — не блестящей царицы салона, не ослепительной красавицы, а тонко-изящной, миловидной женщины, одухотворенной и интеллигентной. «Она мила только, — говорится в статейке аббата Рейналя, переведенной в одном из карамзинских журналов, — но не было красоты, которой бы она не помрачила, будучи единственной!» Этот идеал отразился в «Портрете милой женщины», в первом номере карамзинского «Вестника Европы». Через 8 лет в журнале «Аглия» читаем: «Правильный стан, прелестное лицо не могут еще составить «милого», которое требует притом качеств душевных».

Быт русского общества еще не изменился, судьба дочерей еще всецело зависела от воли родителей; но второе поколение женщин XIX в. сильно отличается от первого. По признанию иных современников (например, кн. П. Вяземского), ученицы переросли своих воспитателей и вышли из тесных рамок доступных им литературных форм. «Милые» героини сентименталистов со слезами на глазах и нежным дружеством в очах отошли в прошлое. Женские личности 20-х годов отливались в яркие, цель-

ные индивидуальности, обаятельные для близких, сильные сознанием нравственного долга и чувством общественности. Среди них появились царицы интеллигентных кружков, первые пионерки женской общественной деятельности, расчищавшие путь своим преемницам 50-х и 60-х годов; были, наконец, и политические подвижницы, в лице жен декабристов. Женщины с новым, более сложным душевным миром воспитали и новых поэтов... О ты, с которой образован Татьяны милый идеал! — так обращался к одной из них Пушкин.

Русские женщины значительно двинулись вперед; но не могли отставать от них и мужчины. Общественное движение александровского времени замечалось во всех доступных культуре слоях русского общества; почему же Пушкин обратил особое внимание на женщин?

Недавно француз, автор очерков о французском романе, очень кстати напомнил некоторые положения одного из мыслителей начала XVIII в., Лейбница: человек сам по себе — маленький мир, микрокосмос, и он сам это смутно сознает; смутно — потому что один человек не может иметь ясного понятия обо всем на свете, о целом мире. Человек постигает мир только бессознательными «малыми представлениями», туманными, колеблющимися. В его душе, этом маленьком центре мировой жизни, могут сливаться все лучи внешнего мира. Когда наше сознание приближается к одному лучу, чтобы изучить его, оно удаляется от всех остальных. Необходимо стоять в центре, чтобы бессознательно воспринимать все лучи. Эти малые представления — ничто иное, как отражение жизни предметов внешнего мира в душе человека. Ясные идеи, определенные понятия — одни и те же у множества лиц; смутные представления, их окраска и свойства принадлежат исключительно одной индивидуальности. Из них складывается личный характер человека, особенности его душевной жизни.

В XVIII веке бессознательным представлениям придавали огромное значение. Мысль Лейбница способствовала научному развитию психологии, а писателям помогла победить устаревшее литературное направление и открыть новые пути творчества. Литературные деятели обратили «малые представления» в чувствительность, в «шестое» чувство, по выражению Бернардена де С.-Пьера. Духовный мир Руссо слагался из этих пред-

ставлений; он жил и наслаждался отражениями красот внешней природы. Таким же духовным миром он наделил свой женский идеал — Юлию «Новой Элоизы», идеализируя её умение радовать окружающих, влиять на их настроение незаметным изменением в одежде или причёске (*philosophie du chiffon*, как говорят французы). Несомненно, что душе женщин той поры было особенно свойственно переполняться малыми представлениями; подобно Руссо, они умели помещать много души в ощущения, много сердца — в идеи. Женщина, в чьей душе, как в микрокосмосе Лейбница, переплетались все лучи внешнего мира, могла доставить богатый материал для творчества, особенно в раннюю пору нашей бедной, односторонней общественной жизни. Вот почему, может быть, богатая фантазия Пушкина так охотно сосредоточивалась на создании женских образов. Их устами он любил бросать крылатые словечки и резкие приговоры; вспомним «москвича в Гарольдовом плаще» — Татьяны, «обезьян просвещения» — Полины («Рославлев»).

Подобно героиням первого поколения XIX века, воспитанного эпохой чувствительности, Татьяна — мечтательница; она развивалась чтением романов и общением с природой; она всегда проста и естественна; ей душно в тисках старого быта, где она одинока. Да и вольной душе Пушкина не нужны слишком покорные, смиренные дочери, и он рано выводит свою любимую героиню на самостоятельный путь. С первой вспышкой страсти «боязливая лань» смело берет на свою ответственность первый шаг к сближению с героем. Она не может быть виновной в том,

«Что — от небес одарена
Воображением мятежным,
Умом и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцем пламенным и нежным».

Её любовь отвергнута; она не ропщет, как не роптали и героини чувствительности. Случайное, невольное замужество ввело ее в большой свет; как Светлану — А. А. Воейкову, — он «не опалил ее» (слова А. Тургенева). Затаив в себе сознание «постылой жизни мишуры», Татьяна умно и твердо вошла в роль царицы гостиных и представительницы домашнего очага. С этой минуты работа предшественников более заметна в творчестве Пуш-

кина. Психология замужней женщины гораздо доступнее пониманию заурядных людей, нежели душевный мир девушки, и предшественники Пушкина до некоторой степени справлялись с нею. Почти все приятельницы Жуковского и его друзей юности выходили замуж не по любви, переживали не мало горя (Свечина, Воейкова, М. Мойер); все оставались несокрушимо добродетельны, приноровляясь к семейным и общественным обязанностям.

Героиня «Портрета милой женщины» тоже переносила безрадостную жизнь, но «сумела откинуть романтические мечтания и приучила себя видеть в муже необходимого товарища». Очень интересная и типичная для первых годов XIX в. писательница Извекова, написавшая несколько увесистых романов с необычайно добродетельными и вместе с тем энергичными и деятельными героинями, влагает с уста одной из них следующие слова. «О Виктор! Тщетно бы я старалась тебя обманывать: ты знаешь, что я люблю тебя; ты первый обратил мое внимание, ты дал мне почувствовать, что я имею сердце, и признаюсь, что почла бы за первое счастье быть тобой любимой, если бы могла желать сего без угрызения совести. Виктор, я люблю тебя, люблю больше всего на свете. Но честь и Миловзор (сын её) мне драгоценнее и самого тебя». Среди старомодного многословия здесь слышится та же душевная надломленность, которая звучит так полно, изящно и трагично в трех строках Пушкина:

«Я вас люблю (зачем лукавить?),

Но я другому отдана

И буду век ему верна».

Эффектное появление Татьяны на балу во всем обаянии изящества и грации, когда она, «беспечной прелестью мила», вызывает всеобщее почтительное внимание, имело прецеденты в литературе со времен Руссо. Его Юлия пленяла всех изменчивостью физиономии; её настроения отражались в своеобразных морщинках, которые, нарушая строгую правильность очертаний, придавали особую очаровательную индивидуальность её лицу. «Милые» женщины карамзинистов не обладали красотой, иногда бывали просто некрасивы, как Протасова-Мойер, героиня личного романа Жуковского; но во всем её существове, голосе, взгляде было «нечто неизъяснимо-обворожительное», и даже Ф. Ф. Вигель готов был в умилении склонить перед нею колена.

Автор «Портрета» особенно ценит ту особенность своей героини, что грубый, нечувствительный человек мог даже не заметить ее. Очевидно, и в ней отсутствовало то «vulgar», которое презирал Пушкин.

Следует думать, что среди нового поколения женщин Пушкин видел свою женщину с покрывалом (*donna velata* Рафаэля) и преобразил ее в милейшую из милых, единственной в своем роде духовной красоты. Грубая, подготовленная историей канва у Пушкина приблизительно та же, что и у подражателей западным сентименталистам; но он вплел в нее чудный художественный рисунок из малых представлений — отраженных лучей нового национального колорита, создавших новую русскую личность, первую в блестящей галерее женских типов, прославивших нашу литературу.

Очень характерна для творчества Пушкина фабула «Капитанской дочки» с её энергичными и самостоятельными женщинами, заброшенными в глухие и опасные заволжские степи. Как ни значительна сама по себе эпопея пугачевщины, но без этих героинь, выносящих на своих плечах и горе, и радость, было бы немыслимо создание образцового исторического романа. Первое лицо в крепости — мужественная и находчивая Василиса Егоровна, попечительная и умелая хозяйка. Её инициатива выступает во всех административных распоряжениях. Её старик-капитан умеет только с беззаветной смелостью выступать против неприятеля; в военном деле он ничего не смыслит, что капитанша ставит ему на вид, давая окрики, если ее не призывают на офицерские совещания. При этом она строгая исполнительница всего семейного обряда, на жизнь и смерть верная подруга мужа. Пушкин проникновением таланта обрисовал в ней исторически сложившийся тип жены старинного служилого человека, которая на опасной позиции, при муже и без мужа, умела распоряжаться и хозяйством, и обороной от врага. Столбцы архивных старых дел хранят немало биографий таких сотничих и капитанш.

Дочь капитанши духом в мать, но слабее нервами. Она скромна и тиха, покорна бытовому укладу: родительское благословение для неё первое условие брака, и без него нет счастья. Но раз волею судьбы и согласием старших она признана подругой любимого человека, она сразу вырастает в отважную, полную инициативы и сознания долга женщину. Она умнее и тактичнее ма-

тери и умело спасает жениха от военного суда. Даже прислуга её, Палашка, и та в своем роде делец: командует над урядником и его казаками. Если бы современники настойчиво допрашивали Пушкина, почему, строго говоря, не Пугачев и не юный офицерик — герои его повести, а скромная девица Миронова, он, вероятно, нетерпеливо ответил бы: «Я не мог иначе сделать!»

В мелких беллетристических отрывках сохранились «эскизы» более сложных женских натур, протестующих против гнетущих светских обычаев, чутких до нервности к тяжелым условиям общественной жизни. Пушкин набрасывал их около 1831 г., до выхода «Дубровского» и значительно ранее окончания «Капитанской дочки». Но эскизы остались эскизами, может быть именно потому, что сложная психология задуманных типов труднее поддавалась обработке.

Сирота-бесприданница Лиза, героиня «Романа в письмах», воспитанная богатой родственницей в Петербурге, тяжело страдала от сознания, как унижительно её положение среди чужой роскоши, как обидны старания подруг не отличаться от неё рядами. Ей казалось, что ее унижает даже ухаживанье светского богача, и она скрылась в бедную усадьбу бабушки. Оттуда она сообщает петербургской приятельнице, что вполне счастлива, оказавшись, наконец, у себя дома хозяйкой. У деревенских соседей она нашла довольно много книг; она замечает, что в провинции больше занимаются русской литературой, чем в столице. Теперь она поняла, почему Вяземский и Пушкин так ценят уездных барышень: это их настоящая публика. Перечитав много старых романов, Лиза пишет: «Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внучек!» А между тем роль женщин не изменяется, старые героини все еще похожи на новых... «может быть потому, что способы нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного влияния, а в женщинах они основаны на чувстве и природе, которые вечны». Таково, несомненно, мнение самого Пушкина.

Богатый поклонник Лизы тоже не заурядный человек. Он тоже ценитель деятельной жизни в деревне, где еще более увлекается Лизой... «Эта тихая, благородная стройность в обращении — главная прелесть высшего петербургского общества, а между тем, что-то женское, снисходительное, добродородное (как говорит её бабушка). В её суждениях нет ничего резкого, жесткого. Она не морщится перед впечатлениями... Эту «добрород-

ность» очень ценили в своих героинях наши старые родовитые писатели, а Тургенев умело смягчил ею порывистость своей землеволки Марианны.

Но Лиза еще близка к Татьяне. С княжной Полиной в отрывке «Рославлев» поэт значительно шагнул вперед, и автор доклада о рукописях Пушкина заслуживает глубокой благодарности за особое внимание к этой личности. Полина - несомненная представительница новейшего типа «внучек», замеченного Лизой, хотя Пушкин нашел нужным отодвинуть ее назад, к 1811-1812 гг. Рассказ ведется от лица остроумной московской барышни, напоминающей корреспондентку Лизы. Она умно объясняет пристрастие своих современниц к иностранной литературе. На русском языке нечего было читать кроме стихшков, но не все же любили их; женщины нуждались и в серьезном чтении; но — «мы не видим даже переводов лучших произведений, а если и видим, то воля ваша, я все-таки предпочитаю оригиналы». Полина хорошо знает французскую литературу, начиная с Монтескье, но с трудом читает русскую печать, что не мешает ей быть искренней, страстной патриоткой. Ее возмущают некультурность и общественная неразвитость современников, унижавшие их перед иностранцами. Оригинальна и интересна сцена на обеде, который её отец давал г-же Сталь. Москвичи наслаждаются искусством княжеского повара и не знают, что делать со знаменитой гостьей; большинство не имеет понятия о том, кто она, в чем её слава и значение; иные признаются, что считали ее шпионкой Наполеона. Полина сгорает со стыда и тут же за обедом изливает свои чувства подруге: знаменитая женщина привыкла к увлекательному разговору, а здесь ни одной мысли, ни одного замечательного слова... Она со скуки бросает двусмысленный каламбур, и эти «обезьяны просвещения» радостно подобрали его, чтобы разносить по Москве.

В этой филиппике слышится благородный гнев женщины-Чацкого. Как Чацкий, Полина скучает среди московских болтливых гостиных, утешаясь остроумием любимой подруги. В 1812 г. Полину до боли раздражает показной патриотизм светского люда. Сама она читает только политические известия, думает только о грозных событиях; а на замечание подруги, что война — не женское дело, отвечает жгучим негодованием. «Нет, я знаю, какое влияние женщина может иметь на мнение общественное.

Я не признаю унижения, на которое присуждают нас. Посмотри на г-жу Сталь: Наполеон считался с нею, как с неприятельскою силою». Ей и в других особенно нравится искренность и резкая прямота; жених раздражает ее своим приноравливанием к женскому пониманию. Полина с подругою думают, что такое отношение «неуместно вообще, а в России глупо, потому что русские женщины более мужчин образованы и больше читают». Даже такие слова Пушкина все-таки не дают права называть его феминистом; то же самое мелькало у Карамзина и его последователей, даже у Новикова.

Пересмотр черновых тетрадей Пушкина выяснил смысл не разобранных строк. Оказывается, что у Полины вспыхнуло стремление идти в неприятельский лагерь и убить Наполеона ради спасения России; но то был лишь минутный порыв; ее скоро отговорили.

Верен ли в действительности такой женский образ? Вполне возможно, что под влиянием французской литературы иным романтическим головкам грезился подвиг Шарлоты Корде. В романах Извековой, правда, лишенных политического оттенка, героини всегда готовы на подвиги; одна из них, переодетая в мужское платье, выступает даже вместо мужа на дуэли. Говорили, что Волкова, известная московская патриотка, автор интересных писем о 1812 годе, могла послужить для Пушкина прототипом Полины. Издательница этих писем в переводе с французского называет Волкову женщиной-Чацким за бойкие суждения о современниках. Но Волкова, при большом уме и здравом смысле, глубоко предана старомосковским традициям, она необыкновенно набожна, во всем видит промысел Божий и неизменно ему покорна. К французским мыслителям и писателям, особенно к г-же Сталь, она относится с презрением и отвращением, а Полина благоговела перед ними. Волкова судила только о лицах, плакала главным образом об участи Москвы, а не о жалком состоянии русского общества. Героиня Пушкина одарена силой благородного негодования и нервной чуткостью; она не переносит пошлости и пламенно протестует против унижения людей. Это — боевая натура, способная на подвиги, отзываящаяся на запросы времени.

Такая женщина была нужна Пушкину, когда он, может быть и бессознательно, остановился на крупнейшем явлении своего

времени — на толчке, который колоссальная борьба народов, несомненно, дала развитию национальной культуры. Именно на женщинах, далеких от служебной рутины и обязательных официальных сношений, думавших и говоривших на иностранных языках, он мог яснее указать таившиеся под налетом чужой культуры порывы к индивидуальной самобытности, способность путем наблюдений над жизнью других народов придти к пониманию своего родного. Г-жа Сталь сказала Полине: народ, который сто лет тому назад сумел отстоять свою бороду, отстоит в наше время и свою голову; а с нею — могла прибавить Полина — и право на собственную духовную жизнь. Лиза и Полина — эскизы родоначальниц будущей русской интеллигенции; но не из увлечения женской личностью задумывал их Пушкин, а потому, что его творческой мысли удобнее было от этих маленьких центров духовной работы охватывать внутреннюю жизнь русского общества. Татьяна и её няня, Василиса Егоровна с дочерью, Лиза и Полина тонкими, сливающимися лучами отражали в себе краски русской природы, особенности окружавшего их внешнего мира.

Х

Абенсур, историк феминизма во Франции 30-х и 40-х гг., сравнивая его различные течения - от социалистического сенсимонисток до скромных проповедниц нравственного усовершенствования женщин - находит в них некоторые общие черты: все феминистки были уверены, что женщины, если им удастся достигнуть равноправия, останутся верны своей исконной миссии — быть вдохновительницами мужчин, утешительницами скорбящих, целительницами униженных и страдающих; они сумеют настолько улучшить условия труда, что устранят ужасы бедности, отменят жестокие кары, прекратят войны и установят всеобщее братство людей. С менее героическими, более реальными, но красивыми чертами женский идеал этот отражался в литературе и поэзии, особенно в обаятельной «*Consuelo*» романа Ж. Занд, чаровнице, одним своим присутствием просвещающей мятежные и помраченные души, пробуждающей высшие, благородные чувства.

В России идеальные *Consuelo* со сложной психологией и большим богатством душевных сил появились *avant la le'ttre* в

20-х годах — то были жены декабристов, чья жизнь подарила яркую страницу истории нашего общества XIX века.

После колоссальной борьбы с Наполеоном замечалось смутное состояние умов, какой то разброд среди мыслящей части русского общества; слишком еще чуждо оно было пониманию сложных и затяжных политических коллизий. И все-таки огромным весом и влиянием пользовались среди него группы героев военной поры и их молодых учеников, воспитавшихся на освободительных идеях, вынесенных с запада за время борьбы народов. Дочери, родственницы героев, росли и развивались под влиянием целого поколения людей, привыкших просто и беззаветно жертвовать собой ради долга, ради родины. И старшее поколение женщин, их матери, вышли из тяжких потрясений с окрепшим нравственным закалом и пробуждающимся миропониманием. Не принимая участия в тайных обществах, женская молодежь часто мельком схватывала отрывочные сведения о том, что занимало их близких, их друзей. Юная жена декабриста Фонвизина знала программу тайного общества и убеждения мужа. Сестра кн. С. Волконского, по-видимому, была посвящена в тайные заботы брата. Когда же катастрофа разразилась, среди женщин, даже избалованных роскошью представительниц высшего общества, проявилось много инициативы, выдержки и решительности жить и действовать на свой личный страх.

Цвет армии и столичной молодежи исчез из русского общества. Лишенными прав каторжниками деятелей 14-го декабря отправили в тюрьмы далекой, безотрадной Сибири, Сибири старых времен, чтобы там, в тяжком искуплении своих вин, доживать век в полном забвении. Самая память о дерзких бунтовщиках должна была исчезнуть с их гражданской смертью, чтобы имена и дела их погибли для потомства. Растерянное и запуганное общество молчало: в стране наступило какое-то гробовое затишье. Одна маленькая группа женщин расстроила расчеты власти: она добилась возможности последовать к каторжным тюрьмам за мужьями и женихами; она вернула нескольким декабристам семейную жизнь, а с нею всем им отчасти и гражданскую, установила постоянные сношения с родиной, осветила и укрепила память о событии и деятелях 14 декабря. Русские Консуэло выполнили задачу, которую сен-симонистки возлагали на освобожденных женщин: вышли на борьбу с суровыми карами в за-

щиту личности от подавляющих строгостей и произвола. Заставить власть признать человеческие права тех, в ком решили раздавить все духовные и телесные силы — нелегкий подвиг. Они помогли единению заключенных и униженных ради удовлетворения духовных потребностей и улучшения условий жизни, ради общей борьбы с гнетом администрации; постоянно напоминая русскому обществу о судьбе борцов за политическую свободу, они как бы продолжали дело мужей. То не был порыв одной личной привязанности, чувства супружеского долга; появление жен декабристов в Сибири — гражданский подвиг, выражение сочувствия людям, сумевшим пожертвовать за убеждения, притаившегося в глубине сознания многих современников. И образы этих женщин оставили яркий след в памяти русского общества.

«Спасибо женщинам: они дадут несколько прекрасных строк нашей истории, писал поэт кн. Вяземский; в них точно была видна не экзальтация фанатизма, а какая-то чистая безмятежная покорность мученичества, которая не думает о славе, а увлекается, поглощается одним чувством тихим, но всеобъемлющим, всеодолевающим»... Их было десять, искупивших тяжелое молчание общества. Не все оставили записки, письма, которые отражали их жизнь, их душевную драму; но и то, что сохранилось, восстанавливает перед нами оригинальные, сильные и нежные женские личности, воспитанные бурными годами начала XIX века.

Грандиозна и обаятельна кн. М. Волконская, дочь генерала Раевского, героя наполеоновских войн, того генерала, который вышел против артиллерийского огня с двумя мальчиками-сыновьями, когда его солдаты дрогнули перед неприятелем, а на Бородинском поле командовал грозным редутом (*la fatale redoute*), под которым погибли массы французов. Семья Раевских поддерживала тесные сношения с лучшим передовым обществом того времени; ею был обласкан Пушкин в тяжелые минуты ссылки на юге. Марья Николаевна, любимица отца, получила хорошее литературное образование, была подготовлена к серьезному чтению, и в Сибири она много читала по истории и литературе; она очень любила музыку, прекрасно пела. Высокая, стройная, с горящими глазами, с грациозными движениями, она еще девочкой-подростком поражала пылкой жадой жизни, притаившейся силой духа. Пушкин увлекся ею и, не найдя ответа с её стороны, долго

хранил нежное чувство к ней. Ей посвящена «Полтава»; про неё говорят стихи: «Её пленительные очи — яснее дня, чернее ночи». Другой поклонник, граф Олизар, писал, что обязан любви к Марии Раевской пробуждением высших стремлений, вдохновленных сердечным чувством; она осветила его жизненный путь, как Беатриче Данте. Ею увлекся боевой товарищ отца, герой 45 сражений, кн. Сергей Волконский, генерал лет на 20 старше её. Он сознавал, что тяжким опытом жизни, исключительным положением и летами — он не герой романа юного существа; к тому же он предупредил Раевских, знакомых с его политическими убеждениями, что и за высшее личное счастье не откажется от участия в тайном обществе. Он страшился отказа и заранее приготовился скрыться, исчезнуть из России среди новых опасностей боевой жизни на Кавказе.

Не по любви, а по воле отца и в силу сознания, что таким героям не отказывают, Мария Николаевна вышла «за достойнейшего, благороднейшего из людей», как говорит в «Записках» детям, признаваясь, как тяжело и горько было расставанье с родными, словно сквозь подвенечный вуаль ей смутно виделась ожидавшая её судьба. В первый год брака молодая мало видела мужа, отчасти по своей болезни, отчасти потому, что он отдавал много времени тайному обществу, не открывая жене своих забот. Тотчас после тяжелых родов, среди опасной болезни, как гром обрушились на нее аресты мужа, братьев, дяди, зятя. От княгини тщательно скрывали участь мужа, заключенного в крепости; но она добилась правды, все поняла и оценила; разом выросла её несокрушимая энергия; она вся загорелась сочувствием и сознанием нравственного долга. Позже она говорила детям: «кто жертвует жизнью за убеждения, тот не может не заслуживать сочувствия современников, тот истинно любит родину, а суд над чистым порывом патриотизма может произнести только потомство». Она бесповоротно решила ехать к мужу, оторвавшись от сына и родных. В Москве Марья Николаевна, с еще не потухнувшей жаждой жизни — ей только минуло 20 лет — прощалась с миром культуры и красоты, который воспитал ее.

Веневитинов оставил проникновенное, глубоко прочувствованное описание своих впечатлений от встречи с нею. «Прискорбно на нее смотреть и вместе завидно. Есть блаженство и в самом несчастье! Она видит в себе божество, ангела-хранителя и

утешителя двух существ, для которых она теперь одна осталась и все в мире... Она теперь будет жить в мире, созданном ею самой. Во вдохновении своем она сама избрала свою судьбу и без страха глядит в будущее... Я желал в то время, чтобы все добрые стали счастливыми. А собственное впечатление сего вечера старался увековечить в себе самом. Но подобные движения души и без того не пропадут». Так глубоко и благотворно влияли на современников встречи с добровольными изгнанницами, уходившими в иной, неведомый мир, где живут высшим напряжением воли, идеальными порывами мысли и чувства.

Хозяйка-поэтесса напутствовала Марию Николаевну стихотворением в прозе. «О ты, вошедшая отдохнуть ко мне!. Мой взор еще видит тебя: твой высокий стан встает передо мною, как высокая мысль, и твои красивые движения как будто сливаются в мелодию, которую древние приписывали звездам небесным... Я слышала твои песни: они еще звучат, они никогда не смолкнут, — твои речи, твоя молодость, твой взор имеют звуки, раздающиеся в будущем... Окружи себя всю гармонией, дыши ею, пой, пой всегда... разве жизнь твоя не гимн?» Предсказание исполнилось; эти звуки раздались в будущем, волнуют души, и слышатся нам громче прежнего.

Высокая мысль в образе обаятельной женщины засветилась над шахтами и каторжной тюрьмой и оживила «гордое терпение» в душах людей 14 декабря. Поразительна картина первого свидания Волконской с мужем. Сам начальник Благодатского рудника сопровождал ее в тюрьму и подвел ее к низенькой дверце, через которую влезали в клетку в стене; там, в узком застенке, без света и воздуха один над другим содержались два Рюриковича и один Гедиминович. В открытой дверке показался, гремя цепями, герой 45 сражений. Пораженная ужасным видом заключенных, не ожидавшая видеть их в оковах, княгиня бросилась на колени перед мужем и поцеловала его кандалы. Начальник, говоривший каторжникам «ты», остолбенел от изумления перед порывом восторженного почтения; ему впервые дали понять, кто те, кого он стережет. Борьба с унижением изгнанников, обреченных на двойное наказание каторги и тюрьмы началась.

Декабристы были лишены права переписки и не имели своих денег. Тотчас по приезде Волконская и Трубецкая, а за ними и позже приехавшие женщины занялись корреспонденцией зак-

люченных с родными; получали и хранили их деньги, сами готовили им улучшенную пищу, шили белье, снабжали одеждой и уголовных, в которых нашли преданных почитателей и друзей. Целыми днями дежурили они у массивной ограды тюрьмы, чтобы беседовать с заключенными обо всем, что могло их интересовать, сообщать новости. Они помогали выписывать книги и материалы для занятий; и непрерывно, шаг за шагом отвоевывали у высшей и низшей администрации облегчения и права для заключенных. Особенной энергией в преследовании намеченных целей отличалась кн. Волконская; «то была истинно боевая натура», говорили про неё декабристы. Мы должны быть готовы импонировать, внушать, требовать, и потому не можем распускаться, говорила Волконская. Одетая и причесанная как столичная дама, она всегда на стороже, как бы на службе. Она строго и гордо обращалась с сибирским начальством, а перед мужем и его друзьями демонстративно становилась на колени, когда приходилось напоминать им о «гордом терпении», чтобы избежать лишних объяснений и репрессий; уголовные и беглые относились к ней, как к матери.

На долю этой группы женщин выпала историческая миссия — братить забытые каторжные остроги и глухие поселки Сибири в своего рода маленькие культурные центры, где поддерживались сношения с русской интеллигенцией, и сберегать для молодой России заветы её первых политических борцов. Сложная задача требовала много личных данных, импонирующего величия и большой душевной энергии. В этой роли скромные и даже малозаметные женщины вырастали духом, и их светлые личности слились с величием события.

Из всех подруг по несчастью Волконская особенно понимала и ценила А. Муравьеву, пользовавшуюся особой симпатией всех окружающих. Необыкновенно нежная натура, с пламенным сердцем и высоким благородством души, она восторженно преклонялась перед своим мужем, довольно холодным, всегда углубленным в свои мысли Никитой Муравьевым; но в России она оставила детей, и её нежное, чуткое сердце разрывалось между страстными привязанностями: к жертве долга, для которого она должна жертвовать чувствами матери, и к далеким покинутым детям. Хрупкая натура не выдержала, она зачахла и рано умерла, оставив маленькую дочку-сибирячку, и вызвав взрыв

скорби во всех изгнанниках; каждая из подруг думала, что ждет без меня моих детей?

Трубецкая отличалась необыкновенной добротой, участливостью ко всем бедствиям и страданиям ближних. «Каташа примирилась со всем, говорила кн. Волконская; она была воспитана в великолепном дворце Лавалья в Петербурге, где ходила по мраморным плитам Нерона, приобретенным её матерью в Риме: она все испытала, но продолжала любить общество... отличалась приятным, легким характером»...

Юный офицер барон Розен, один из лучших фронтовиков гвардии, очень ценимый великими князьями, в начале 1825 г. влюбился в племянницу известного архивиста Малиновского, хорошенькую, грациозную девушку, пленившую его женственной прелестью: «Как лань лесная боязлива», писал он о невесте. Позже он признавался, что совсем не замечал её духовных сил; только в Сибири, когда поселился среди лучшего общества России, он понял, что жена умом и образованием выше его. Товарищи помогли ему умственно развиться, и молодая чета достигла такого полного духовного единения, что в старости, по возвращении в Россию считала свою жизнь в Сибири временем высокого душевного счастья.

Уже пожилой, на пятом десятке, Ентальцевой пришлось приспособляться к тюрьмам и ссылке. Очень умная, она поражала своей начитанностью: «она прочла все, что было написано на русском языке», говорила Волконская, очень ценившая её беседу. Она тоже боготворила своего пожилого и довольно мрачного мужа, заслуженного полковника. Но он скоро проявил признаки тяжелого умственного расстройства и долго мучил жену своими выходками, пока не скончался в тихом помешательстве.

Несколько особняком стояла оригинальная и сильная личность Натальи Дмитриевны Фонвизиной. Единственная дочь костромского предводителя дворянства Апухтина, она росла в деревне в своеобразной среде провинциального дворянства, где литературное образование, некоторая европейская воспитанность легко и просто совмещалась с простонародной набожностью и старинными русскими привычками. Очень набожная, её мать охотно принимала всяких странниц и странников. Девочка очень любила их беседы, увлекалась их фантастическими легендами про аскетические подвиги святых и на всю жизнь зара-

зилась склонностью к мистическим экстазам, подобно своей землячке Катерине Островского. В ней уживались сочувствие идеям передовых умов александровского времени с традициями прошлого, даже народными суевериями, и надо всем царила неукротимая страстность, до самоуничтожения, исключавшая компромиссы и осторожность. «Все или ничего», могло бы быть её девизом с ранних лет.

Есть указания, довольно смутные, о неудачном романе юной Апухтиной, о том, что она, смелая и искренняя, вышла навстречу чувствам поклонника, который грубо оттолкнул её раскрывшуюся душу, а впоследствии пытался ухаживать за нею, молодой генеральшей.

Среди людей 20-х годов высказывалось мнение, что жена декабриста Фонвизина послужила Пушкину прототипом Татьяны. Может быть, оно зародилось в кружке её позднейших друзей-декабристов Пушина и Бобрищева-Пушкина, которым она писала под именем Тани. Пламенная мистическая религиозность наряду с холодностью к общественной жизни одно время загли в ней стремление уйти в монастырь. 15-ти летняя девушка так подчинилась своему влиянию сельского священника, лицо всегда зависимое от помещика, что он помог бегству дочери барина-предводителя; сам обрезал ей волосы, одел в подрясник своего сына и отпустил в ближайшую женскую обитель. Романтическая барышня в образе Алеши Карамазова исчезла из родного гнезда. Ее, конечно, скоро нашли и убедили вернуться. Через несколько месяцев Наталья Дмитриевна сделалась невестой своего двоюродного дяди, 40-летнего генерала Фонвизина. Убеждения сурового, пожилого декабриста нашли отзыв в её юной душе, но не своим политическим содержанием, а этической стороной, готовностью жертвовать собой за верность своим идеалам, во имя нравственного долга; за эту готовность она глубоко уважала мужа. «Как сладостна для меня мысль, что я буду вполне разделять твою участь. Поверишь ли, что она укрощает мое существование!» — писала она ему.

Страстная вера поддерживала ее в её несчастье: ребенок, родившийся в Сибири, скоро умер; оба сына, оставленные в России, росли неудачниками и умерли в юности. Душевная драма осиротевшей матери достигала по временам такого напряжения,

что в мистическом экстазе она видела сыновей, беседовала с ними, общалась с родными в России.

Начитанностью в богословской литературе и церковных вопросах, она умела влиять на духовенство; всюду, где ей довелось жить, она проповедовала греховность поборов с паствы, распущенного поведения. Сибирские монахини ездили к ней за наставлениями. Её духовник в Тобольске во всем совещался с нею и так сблизился с декабристами, даже с нерелигиозным Якушкиным, что принимал деятельное участие в их школе.

Супруги Фонвизины вернулись в Россию раньше общей амнистии; декабрист вскоре скончался; Наталья Дмитриевна тосковала одна; порядки жизни и настроение общества на родине тяготили ее. Она погрузилась в сельское хозяйство и устройство крестьян своих и мужних имений; крестьяне ценили и понимали её чисто русскую натуру, верили ей, обожали ее. Когда в один из своих экстазов она уехала тайно в монастырь, крестьяне заволновались, подозревая недоброе; неужто нашу барыню опять в Сибирь увезли? Утешалась Фонвизина только письмами друзьям в Ялуторовск. В письмах к Пушкину воображаемая 14-летняя Таня — двойник стареющей вдовы; пылкая девочка врывается непрощенной в разговоры, говорит устами Натальи Дмитриевны, пишет её пером, всех молодит и оживляет. Письма Тани — крик сильной, богатой и страстной натуры, перенесшей самые тяжкие испытания, какие могли выпасть на долю женщины в положении и возрасте Фонвизиной, не смилившейся несчастным материнством среди замужества, основанного на высоко настроенных чувствах уважения авторитета, теплой дружбы к старшему и нежной беспредельной преданности, своего рода служения идеалу. Теперь жажда живой деятельной любви молодила стареющую женщину, придавала новую горячность её отношением к людям, возрождала юношеские порывы в тех, к кому прикасалась. Вечно-женственное, юношески-неумеренное, высоко-человечное сливалось и перепутывалось в настроении свободной, широкой души и ярко, почти художественно запечатлелось на страницах сохранившейся переписки.

После амнистии в 1856 г. Фонвизина — Таня и молодой духом, но больной, старый Пущин встретились, и брак был заключен. Друг Пушкина на закате жизни пережил трогательный

роман, оставивший литературе прекрасный памятник русского романтизма.

В душную пору реакции 30-х и 40-х годов влияние женщин заметно усиливалось; именно в эти десятилетия духовная личность женщины начала раскрепощаться. Перед дамами света преклонялись, прислушивались к их мнениям. Настроения столичного общества отразились в записках поэта-аристократа кн. Вяземского, полных почтительного внимания и интереса к выдающимся современницам. Казалось, мужская интеллигенция стремилась хотя бы теперь вознаградить русских женщин за былое пренебрежение, исправить ошибку истории, лишившую их красивого века рыцарства. Умная женщина, тактичная, живая, без труда могла собрать вокруг себя маленький двор и устроить род салона. Наши чиновные дамы, как княгиня Ливен, и знатные эмигрантки устраивали блестящие космополитические салоны в столицах Запада, и захудалая французская аристократия с завистью следила за успехами русских героинь в международном мире.

Княгиня Ливен, жена русского посла в Лондоне и приятельница Меттерниха, царила среди дипломатов. Свечина, приняв католичество, создала в Париже очень влиятельный салон писателей и философов религиозного направления. Рано покинувшая знаменитого мужа, княгиня Багратион окружила себя в Париже всем, что только находила в нем изысканно светского, артистически изящного.

В Петербурге приковывали внимание светского общества оригинальные, на редкость изящные женские образы. Княгиня Гагарина, *princesse nocturne*, блистала среди феерической обстановки художественного отеля на Миллионной и дачи на островах. У неё всегда собирались очень поздно и засиживались до утра. Посетители не могли забыть этих собраний, тихой беседы над зелеными берегами Невки в прозрачные весенние ночи. В Москве царила Марья Дмитриевна Офросимова, обязанная всеобщим уважением и даже несомненной властью в административных кругах не знатности своей и высоте положения, а ясности ума, неподкупной прямоте и смелой искренности в отношениях к людям без различия чинов и званий. Московское дворянство гордилось энергичной умницей, своей Марьей Дмитриевной и прозывало ее Марфой Посадницей.

В Петербурге несколько позже, но уже на поприще определенной и яркой общественной деятельности пользовалась огромным влиянием сенаторша Агафоклея Марковна Сухарева из рода Полторацких. Председательница женского попечительства о тюрьмах и петербургского патриотического общества, она отличалась совершенно мужской энергией и инициативой; хорошая семьянинка, она умела проводить дни в неутомной деятельности на пользу сирот, учащихся, заключенных, притесняемых; она считалась ими несокрушимым гранитом, на который всегда можно опереться; она обладала талантом привлекать капиталы, созидать и укреплять, все видеть своими глазами, всюду поспевать. Она имела огромные связи во всех слоях общества; и всюду со всеми одинаково обращалась, смело, прямо и правдиво. Ее очень уважал император Николай I, говорят, иногда даже слушался.

При дворе в эту же пору во фрейлинских комнатах блистала красотой и бойкой речью А. О. Россет, потом Смирнова, собирая вокруг себя литературный салон и представителей двора и света; она умела оказывать влияние на умы писателей; Гоголь, как преданный друг, испытывал его до самой смерти.

Литературные салоны, собиравшиеся вокруг умных, начитанных светских женщин, оказались особенно влиятельными в Москве. Они удовлетворяли сложившейся в обществе потребности в свободном обмене мыслей в своем интимном кругу. Самым ранним салоном являлись собрания у кн. Зинаиды Волконской, писательницы и музыкантши своего времени; к ней съезжалось, впрочем, очень разнохарактерное общество, вся светская Москва. Княгиня рано уехала в Рим и приняла католичество. После её отъезда получали влияние собрания у Левашевой, несравненно более серьезного направления. Ей, как другу, Чаадаев посвятил свои знаменитые «Письма». К ней съезжалось все литературное общество не только Москвы, но и Петербурга; бывали Пушкин, Жуковский, Языков.

Собирались у Елагиной, матери славянофилов Киреевских; у красавицы Свербеевой; мать большой семьи, с отзывчивым, мягким сердцем и чутким умом, она писала Гоголю критические замечания на его «Переписку с друзьями» и поддерживала дух и выдвигала милых одиноких бедняков вроде Е. М. Поповой, мемуаристки, учительницы маленьких Свербеевых.

Рыцарское поклонение женщинам сохранилось только в России, любезно говаривал один француз. Кн. Вяземский с негодованием бросал окрики по адресу представителей нарождающейся демократии 50-х гг.: «Браните нас, мужчин, работников, но не смейте касаться наших барынь! Вашему грубому демократическому уму не понять их!»

В московских салонах 40-х годов гремели бурные споры по общественным, политическим и литературным вопросам между западниками и славянофилами; здесь бывали Герцен и Грановский; последний нередко читал лекции в частных гостиных. Посетительницы этих салонов, они же слушательницы публичных лекций Грановского и Шевырева, иные сами писательницы, как Каролина Павлова, считались сливками женской интеллигенции Москвы, а рядовые москвички величали их «учеными» дамами. На жену Герцена, неохотно посещавшую знаменитые салоны, смотрели с удивлением и некоторым недоумением.

В Петербурге даже изящную Россет-Смирнову называли кое-где «bas-bleu». Особенно доставалось молодым девушкам, любившим почитать книгу и газету; их тотчас рядили в «bas-bleu». Сам любезный князь Вяземский, разбираясь в женских характерах, еще любил термины «наши сине-и-красно-чулочницы».

Женщин с серьезным образованием, большими знаниями, а главное с умением владеть ими было еще так мало, что хорошо известна только одна. Редкой по образованию и деятельности личностью была мать писательницы Елены Ган Е. Фаддеева, урожденная княжна Долгорукая. Она воспитывалась и прожила до 25 лет у бабушки-француженки в Киевской деревне; под влиянием очень умной соседки Дзялынкой рано прониклась интересом к различным отраслям знаний: занималась ботаникой, насекомыми, географией, историей, археологией, собирала коллекции, прекрасно рисовала, делала чертежи. Выйдя замуж по страстной любви за бедняка-чиновника моложе себя, она превосходно вела большое хозяйство, сама воспитывала и учила детей, занималась изящными до художественности рукоделиями и рядом с этим продолжала вести свои работы по естествознанию и археологии. Фаддеева говорила на 5 языках, переписывалась с членами Лондонского Географического Общества и известными учеными, сообщала сведения о своих лекциях и работах. Географы вспоминают о ней, как об ученой

особе. Англичанка-путешественница леди Стэнгоп рассказывала, что встретила в России с такой ученой женщиной, которая прославилась бы в Европе, если бы не имела несчастья жить на берегах Волги, где мало кто может понять ее и никто не в состоянии оценить. Часть её коллекций хранится в Кавказском музее. Её дети, воспитанные в провинции, получили заслуженную известность, но их время более благоприятствовало выдающимся людям.

Большинство женщин росло и развивалось вне школы и даже в несогласии с общим духом воспитания в институтах и частных пансионах. Религия играла важную роль в их мировоззрении; она понималась ими глубже прежнего, больше продумывалась; наиболее интеллигентные умели соединять ее с влиянием новых общественных идей и даже немецкой философии, которая царила в умах братьев, мужей и их кружковых друзей. На иных женщин восторженная религиозность налагала отпечаток романтической мечтательности, даже мистической экзальтации, как на Наташу Герцен до замужества, как на одну из сестер Бакунина. С каждым десятилетием духовный мир русских женщин заметно усложнялся, впитывал в себя новые элементы мысли и культуры. Усиливалось и определялось их влияние в семье и в среде близких. Духовная личность женщины заставляла задумываться над собой новые поколения молодежи; её представители, каждый сообразно темпераменту и способностям, приспосаблился к атмосфере душевных и умственных запросов, которые их охватывали в кругах просвещенных женщин. Юноши и девушки с жутким интересом всматривались друг в друга, смутно чувствуя, что намечаются какие-то новые мерки, которые они еще не умеют прилагать друг к другу.

В 1833 г. И. Киреевский писал, что у женщин, правда, еще немногих, появилось настоящее мнение, а не одни «перелетные мысли». Даже среди веселья и увлечения танцами новая более развитая молодежь заботилась о занимательных темах для разговора во время кадрилей и мазурки... Теперь можно видеть женщин за чтением таких книг, которые прежде считались бы доступными только ученым. Не памятью схватывают, чтобы слегка пускать в оборот в гостиной, а размышлением и чтением набираются женщины мыслей, продолжает Киреевский. Прежде плясали без памяти, теперь на самых блистательных собраниях

то там, то здесь заметна задумчивость. Одни видели в этом пресыщенность, скуку, другие видели модную разочарованность, но наш автор в этой скуке замечает нечто более глубокое, потребность чего-то лучшего, «жизни теплее, живее, умнее, одним словом, просвещения. Это болезненное ощущение духа, болезнь мыслящей души. Кажется, вот женщины, которых природа сделала для света, но и в них заметно это страдание, но это болезнь к росту, чистилище ума для перехода в мир лучший».

Подруги и родственницы юной Апухтиной, будущей жены декабриста Фонвизина, воспитанные на литературе поры чувствительности и романтизма, увлекались сердечными излияниями в письмах; мотив разочарованности и осуждение «света» — самая громкая нота этих излияний. Юные корреспондентки распространялись про обманутые надежды, обличали бездушные света, мечтали о тихом уединении. «Приятное одиночество, близость друзей, учение, чтение, искусства — вот рай земной». Свет и его требования вызывают в них пренебрежение. «Наряжаться, прихорашиваться, чтобы скучать - вот брошенные деньги!» «О, мой ангел, достойный ангел! Свет не имеет для меня ничего привлекательного: я разочарована!» И так целыми страницами; настроения, достойные любимых героев Лермонтова.

Странными экзотическими цветками росли эти мыслящие женщины среди семейного деспотизма, городского веселья, в деревнях среди массовой дикости и тупости, рядом с помещичьей жестокостью и развратом. Даже просвещенный дом Бакуниных был полон проживающих клиентов, всегда вторивших родителям против детей. Страдания, болезни души героинь 30-х годов имели свои глубокие причины.

Над мыслящею женской молодежью тяготела безграничная родительская власть, не шадившая и сыновей; с замужеством к ней присоединялись или отчасти сменяли ее прерогативы мужей; уже замечались признаки зарождающейся борьбы дочерей с деспотизмом даже уважаемых родителей, с правами нелюбимых мужей. Здесь сказывалось общее влияние освободительных идей начала века, отчасти отзвуки немецкой философии, увлекавшей мужскую молодежь; несколько позже проявило свою силу неотразимое обаяние романов Ж. Занд.

В большой семье Бакуниных родители могли считаться по-своему передовыми людьми; они благоговели перед памятью

героев 14 декабря; дочерям они дали лучшее по тому времени образование, но все в их доме подчинялось священным прерогативам родительской власти; все многочисленное потомство разных возрастов сплотилось под знаменем открыто протестовавшего против родительского деспотизма старшего брата Михаила, будущего революционера, тогда яркого гегельянца, друга Белинского и Станкевича. Под влиянием брата четыре сестры понемногу прониклись возвышающими личность человека нравственными принципами немецкой философии, сознательно укрепляя и освещая ими свою глубокую религиозность, доходившую у старшей сестры до мистической экзальтации. Атмосфера утонченной духовности сообщала особую притягательную силу их обществу. Постоянное общение и обмен мыслями с сестрами поддерживали энергию Михаила, покинувшего отчий дом. Одиноким бедняком Белинский, привезенный им в деревню в общество сестер, был весь охвачен «атмосферой нравственной гармонии». Запросы о том, что такое любовь, каково назначение женщины, остро и повелительно овладели его душой. Безнадёжная любовь к Александре Бакуниной оставила яркий след в его жизни, и при одном воспоминании о ней он чувствовал «веяние рая». Станкевич одно время увлекался другой сестрой. «Любовь, — говорил он, — это высший и лучший способ чувствовать единение с миром».

Старшая сестра языком излюбленной братом философии приглашает младших братьев-мальчиков подняться духом на высоту, с которой невозможно «падение» (про унижительность этого «падения» часто говорил Белинский с друзьями). «Я предвижу, — продолжает она, — что нам придется много бороться. Мнения наших родителей очень часто расходятся с нашими. Мы должны взаимно поддерживать друг друга в этом столкновении наших взглядов, нашей религии с родительской властью».

Брак для этих девушек, остро чутких и зараженных анализом, дело очень трудное и сложное. Их запросы очень высоки и нравственные мерки строги, благодаря общению с лучшей молодежью своего времени, знакомством с её духовными интересами, серьезному чтению; из беседы гегельянцев девушки поняли, что такое абсолютная жизнь, единство человека с Богом; они допускают возможность воспитанием обратить человека в Бога и спасти его от ужасов «падения». Одна из Бакуниных ради

успокоения родителей вышла по-старинному за незнакомого человека, но как только заметила, что муж не имеет ничего общего с её духовными интересами, ушла от него с ребенком в родительский дом. Началась драма: борьба с родителями, не признающими развода, и с жалостью к мужу, несчастному, униженному. Для неё брак без любви — профанация брака; это «падение» женщины, среди которого нельзя воспитывать ребенка. Она уже чужда старых религиозных понятий, которые помогают ко всему приспособляться; в ней уже борьба за эмансипацию женской личности. Среди перипетии борьбы Варвара Бакунина занята чтением философов и романтиков, Жан-Полем Рихтером, Новалисом, музыкой, пением; сама сочиняет мелодии. Она добилась возможности уехать на время за границу, чтобы там, проверив свои чувства к мужу, окончательно решить свою судьбу; от родителей она взяла немного денег, остальное рассчитывала заработать литературным трудом. Тогда литература могла уже доставлять заработок женщине; времена изменились. Но такие решения были еще чем-то героическим для представительницы барской среды, и Белинский преклоняется перед молодой женщиной, энергично выбивающейся из «падения». «С прежним фанатизмом мы могли бы быть жертвами родителей и жертвами чистыми, — пишет Варвара, — но, сознавая всю безнравственность требований родителей, мы в нашей покорности воле их стали бы сами безнравственны».

Героини чувствительности начала XIX в. мирились с ролью страдающих жертв воли родителей и сожительства с нелюбимыми мужьями; их поддерживали правила веры, а своего мнения еще не было. В героине 30-х годов глубокая вера сливалась с работой мысли и чувством собственного достоинства. «Я не могу принять мнения, которое предписывает жене жертвовать для счастья мужа и своими вкусами, и своими взглядами, и всем, что есть её нравственная жизнь и её физическое существование. Это мнение слишком противоречит моим принципам и самой религии, как я ее понимаю».

Умы женщин пробуждались для новой более самостоятельной работы; сердца их загорались порывами к личной свободе, к полному пользованию своими духовными силами. Напряженностью своей душевной жизни такие женщины заражали мужчин своего круга; те благоговели перед ними, но еще не пони-

мали новой женской психологии, так она необычна, загадочна; не понимал даже пытливый, пронизательный ум Белинского. «Она и они (Александра Бакунина с сестрами) возбудили все силы моего духа, открыли самому мне все богатство моей природы, привели в движение тайные сокровенные родники заключенной во мне бесконечной силы, бесконечной любви и заставили их бить и разливаться бесконечными волнами. Она и они открыли глазам моим таинство жизни, просветили, освятили храм духа моего»... — исповедует Белинский в огромном письме Мишелю Бакунину, и сознается, что многое в сестрах смущает его. Брат ввел их в царство мысли, царство, доступное только «сильным душой», а не женщинам с их «простыми» чувствами. И вдруг они в спорах о прекрасном, о музыке вздыхают: «Что я знаю? Надо все знать не чувством, а мыслью!» «Девушка, такая глубокая, доступная всему изящному, — ужасается Белинский, — вдруг отказывается от своей сущности, богатого чувства, и ради какой-то мысли, которая не будет её уделом, если она не променяет своего значения прекрасного, небесного создания на значение «*femme savante*». Ему еще понятно, если, отстаивая высказанную мысль, она прибавит: «так говорит Мишель». Женщинам свойственно знать, считать за истину то, что говорит любимый мужчина; такое знание не портит её глубокой непосредственности, а только красит ее. Любовь такой женщины удовлетворила бы его; любовь же, «основанная на сознательном понимании любимого субъекта есть порождение логических хитросплетений и самолюбивых, эгоистических потребностей». Недовольный своим другом, Бакунин показал письмо сестрам; низкая оценка женского ума в устах такого выдающегося человека поразила и огорчила их. Александра решила написать Белинскому. Мягко, дружески нежно она прикасается к его чувству к ней и кончает: «Душно, тяжело стало мне, когда я прочла границы, определения, в которые вы заключаете женщину. Разве мы не свободные существа, разве мы не достойны к соединению, слитию с вечным духом, разве мы должны умирать, страдать всю жизнь нашу?.. Нет, Виссарион Григорьевич, только чувство, просветленное мыслью, мирит с жизнью, дает нам то спокойствие, ту гармонию, которые проявляются в движениях, словах, действиях, которые просветляют все минуты жизни и делают то легко, что прежде казалось невозможным, невыносимым...

Но, — скорбно заключает девушка, — разве женщина может говорить из глубины сердца человеку, который не верит самому святому её назначению, самым святым минутам её жизни. Он проводит черту вокруг неё, и страшно, страшно угрожает той, которая преступит эту черту». Письмо не было отослано, и Белинский так и не узнал, как отнеслись Бакунины к его взглядам на женщину, взглядам 1838 г.; с переездом в Петербург он радикально изменил их и сделался одним из ранних защитников эмансипации женщин.

Сестры Бакунины, как слишком ранние цветки, не испытали полного расцвета; жизнь не улыбнулась им: они рано завяли. Только одной их близкой родственнице удалось с блеском участвовать в первом выступлении русских женщин на поприще общественного служения: она была лучшей сестрой милосердия в Крыму на полях битв и самой энергичной, беззаветно преданной делу руководительницей госпитальной службы. Пирогов с особым уважением вспоминал о ней, как о выдающейся по способностям и энергии женщине.

Настроения и душевные переживания сестер Бакуниных находили свое отражение в современной им литературе.

Едва русская литература выступила на самостоятельный путь, национальные писатели, черпая вдохновение из родной жизни и природы, творили под сильным влиянием своих современниц. Женщины сознавали это влияние и серьезней и строже относились к себе и своей роли в обществе и семье. К «падениям» своего человеческого достоинства стали чувствительны и женщины, близкие к деятелям 40-х годов. Им было не чуждо понятие гегельянцев о «становящемся», в противоположность «сущему», о своем участии в вечно движущемся мировом процессе. Значение писательниц в пушкинский и гоголевский период нашей литературы очень повысилось; появились выдающиеся и влиятельные беллетристки и поэтессы. Писательницы взяли в свои руки литературу для детей, выдвинули на очередь женский вопрос и заинтересовали им читающую публику. Он зародился у нас довольно самостоятельно в сознании мыслящих русских женщин. Особенности положения женщин, стеснения, налагаемые на них обычаем и мнением «света» занимали еще Бунину, Пучкову с их почитательницами; а романы Ж. Занд с их увлекатель-

ными фабулами и великолепным стилем придали смелости и научили умению развивать мысли и выражать их.

Особенно много сделала для этого вопроса в 30-х и 40-х годах беллетристка Елена Ган (Зинаида Р-ва), дочь высокообразованной Фаддеевой. Из-за болезни матери (параличу, приковавшему ее на долгие годы к постели), девочке пришлось учиться самостоятельно, главным образом хорошим чтением. Она рано начала писать стихами и прозой; но очень строгая в своих литературных вкусах, она долго уничтожала все написанное. В 16 лет Е. Ган вышла замуж за офицера из образцовой немецкой семьи, окончившего пажеский корпус. Люди с таким образовательным цензом редко встречались в провинции, и девушка поторопилась с замужеством, рассчитывая найти в муже просвещенного друга, старшего товарища в своих умственных интересах. Она жестоко ошиблась: капитан Ган среди неряшливой полковой жизни растерял свои знания, утратил даже светский лоск, и ум свой проявлял только в язвительных выходках и насмешках над вкусами и литературным трудом жены. Тягота семейной жизни сыграла большую роль в ранней смерти писательницы.

«Все повести этой даровитой писательницы проникнуты одним страстным чувством, одной живой идеей, одним могучим созерцанием, не дающим покоя автору и тревожно его наполняющим», — писал Белинский; эта живая идея — глубокая скорбь об общественном унижении женщины и энергичный протест против этого унижения. Источника вдохновений Е. Ган нельзя искать в одном влиянии Ж. Занд. Конечно, наша писательница читала в ранние годы её романы: «Индиану», «Лелию», «Жака», но её настроения, её страстное сочувствие женской доле зародились ранее, чем «Индиана» и «Лелия» попали ей в руки; она многое слышала от матери; недаром в первом же романе она отмечает мать героини, которая «считала непреложные условия женского быта за выдумки, годные только для толпы». К тому же она расходилась с Ж. Занд в понимании любви, не допуская полной свободы чувства; она понимала любовь только в браке, вообще же, по её мнению, любовь не может заполнять жизни женщины. «Теперь женщина родится для того, — писала беллетристка, — чтобы нравиться, прельщать, увеселять досуги мужчин, рядиться, плясать, владычествовать в обществе, а на деле быть бумажным царьком, которому паяц кланяется перед

публикой и которого он бросает в темный угол наедине... Право, иногда кажется, что мир Божий создан для одних мужчин; им открыта вселенная со всеми таинствами; для них и слава, и искусства, и познания, для них свобода и все радости жизни. Женщину от колыбели сковывают цепями приличия, опутывают ужасным, — что скажет свет!»

«Сестра по таланту и по душе этим великим поэтам, которым ты поклоняешься, ты никогда не сравнишься долею с ними, — говорит наставник юной поэтессе в повести «Напрасный дар». «Мужчины, как огромны ваши преимущества, как благословенны ваши права! Вам открыты все пути искусства, наук, поэзии, славы... Немного терпенья, труда, непоколебимой воли, и вы можете всего достигнуть; тогда как женщина, равная вам талантами и высоко превосходящая вас сердцем, должна прозябать в пустыне, в неизвестности, далеко от света и всех великих образцов, всех средств к ученью, которых так жаждет душа её, оттого только, что она женщина! К чему же ты так щедро одарила ее, природа? На что даешь ей ум, способности, таланты и это постижение всего возвышенного, и это живое сочувствие прекрасному. Но, правда, ведь не природа заслоняет женщине предназначенный ей свыше путь! Люди, законы общества, условия... сильнеешие установили свои права!» Эта страница из последнего произведения Е. Ган, повествующего о трагической судьбе талантливой девушки-поэтессы, особенно ярко отражает основное настроение писательницы.

Полны едкого юмора те страницы повести «Идеал», где Е. Ган описывает появление в уездном городке писательницы из офицерских жен. «Что? капитанша или поручица - писательница? Да это вздор! Этого нет и быть не может! возражают мне многие и многие. Правда, писала Жанлис, так она была придворная графиня! Писала Сталь, так отец её был министром; обе получили высокое образование, но капитанша!... Судят о несчастной самым удивительным образом, в нее всюду впиваются глазами; хозяйки гостиных экспонируют ее, как змею в одеяле. От неё ждут книжных речей, поражающих мыслей, кафедрального голоса, чего-то особенного в поступи, и даже латинских фраз в смеси с еврейским языком, потому что женщина-писательница, по общепринятому мнению, не может не быть ученой и педанткой, а почему так, не могу доложить». Эта роль «ярмароч-

ного уroda», «змеи в одеяле» особенно тяжела для женщины, нуждающейся как все женщины в дружеской ласке, в приятном интимном общении.

Несмотря на блестящие успехи в литературе, на лестную известность, тяжелые личные переживания внушают Е. Ган страх за женщину, которой выпадает почетный удел жить умственной жизнью; так трудно ей «найти духовную поддержку, взаимное понимание, ласку; истоскуется она сердцем». Писательницу не удовлетворяет малое влияние женского ума. «Ум женщины, как огонек далекого маяка, блещет, но не рассеивает окружающего мрака; а если жизнь обвеваает ее холодом, то не голове согреть её сердце».

Казалось бы, лучшее предназначенье для духовных сил женщины — семья. Не величайшее ли счастье — жить одною жизнью с любимыми существами? Но это только кажется. Даже в семье многое обманчиво и призрачно; и тут женщину подстерегает холод одиночества; ужасно «жить сиротой, в однообразии, ничем не нарушаемом, в тумане, сквозь который не может, пробиться ни луч солнца, никакой росы утренней». Приниженность женской личности чувствуется одинаково во всех сферах жизни, и нет удовлетворения ни чуткой душе, ни высокоразвитому уму талантливой женщины. Е. Ган умерла всего 28 лет от роду, в 1842 г.

Материал для истории русского общества 30-х и 40-х гг. настолько велик, и личности их (женщин — В.У.) так интересны, что вопрос о их роли и влиянии давно заслуживает особой монографии. В своем непритязательном очерке я могу только отметить некоторые женские типы, подготовляющие наблюдателя к переходу во вторую половину XIX в., к бурным 60-м годам.

К их числу принадлежат женщины, окружавшие Герцена в различные периоды его жизни. Среди них поражает сложной и тонкой психологией и глубиной душевных переживаний жена Герцена, Наталья Александровна Захарьина. Дочь его дяди, одного из Яковлевых, и крепостной, она была взята на воспитание теткой кн. Хованской, обратившей милостивое внимание на девочку с огромными, трогательно-ясными глазами. Наташа росла под надзором экономки в строгости, без малейшей ласки, сжимаясь перед суровыми внушениями — благоговеть перед благодетельницей. Девочка хотела бежать из тисков благодеяний, но не удачно. «Сжала сердце, и жила», молча, тихо, без улыбки, углубленная в себя, и в ней росло недоверие к людям, к их участию, от-

чужденность от них. Её душевной жизнью заинтересовался только дьякон, учивший ее грамоте и Закону Божию; сам мистик, он развил её религиозность до экстаза и мистической мечтательности. Девочка уносилась в мир грез, ночью видела Христа. В 14 лет ее сделали барышней, наняли ей гувернантку для языков, но она осталась тихой и задумчивой по-прежнему. Она смягчалась только ласками молоденькой родственницы, и тогда шептала: «Умремте, Татьяна Петровна». Да с робкой нежностью любовалась она шумным избалованным подростком. потом студентом, Сашей Герценом, и напряженное, глубокое чувство овладевало её душой, первое, единственное в её одиночестве.

Во время преследований студентов, потом ареста Герцена Наташа выступила с горячим сочувствием и пленила его ясностью мысли, чистотой своего религиозного мировоззрения. В переписке с высланным Герценом отразился её духовный мир одинокой девушки; пылкое чувство прорывалось сквозь мистическое настроение и восторженный пиэтизм. Письма Натали — стихотворения в прозе, полные лирической красоты. «Часто вечером сижу на берегу одна, и думы несутся к тебе, несутся толпой, как жаворонки улетают в зеленые края», — начинается одно письмо. «...Ангел мой, забыла писать. Где я сижу, оттуда не видно ничего, кроме неба и чуть-чуть краев кровель домов. Наши куда-то уехали, передо мною твой портрет. Что предпримет человечество, чтобы выразить любовь? Эта мысль так заняла меня, я положила перо, черты твои слились с небом, с солнцем... забудь, забудь хоть на минуту все и представь себе, вообрази... но как же назвать это, не умею выразить, Александр, и слова такого нет... но все равно, как ни скажу, ты поймешь меня! и так все забудь, никуда не смотри, кроме вот на небо, на солнце... что прекраснее их в природе? Вообрази теперь как черты твои, изображенные карандашом на бумаге, отделяются... светлеют, горят,.. горят огнем святой любви; о, как горят, сливаются с голубым светом, с огненными лучами... и вот, ты — небо, ты — солнце, солнце и небо — твой образ!»... В сущности, Герцен и Натали, люди разных темпераментов, с различным складом ума, мало понимали друг друга. Но женщина, однообразно и напряженно настроенная, вся охваченная единым чувством, оказалась сильнее мужчины, как верно отметил Миллюков в своей известной статье, и её влияние сперва торжествовало. Но прошли год-другой брака, и противоположности сказа-

лись. Герцен весь кипел общественными и политическими интересами. Натали, часто больная, с маленькими детьми опять в своем особом мире; она не любила литературных салонов и «ученых дам». Её демократизм был искреннее и глубже, чем у мужа. «Какое мещанство!» — вознегодовал Герцен, наткнувшись на лоскутки детских платьев. «Мещанство — стыдиться работы, — тихо возразила жена. — Неужели предосудительно, что жена твоя сама работает на твоего ребенка?»

И вдруг измена мужа, мимолетная связь с горничной тут же, в доме. Натали заболела от потрясения; «падение» её идеала чувствовалось тяжелее собственного падения. Герцен мучился раскаянием, но не понимал такого трагизма. Она же, утратив веру в мужа, снова «сжала сердце» и замкнулась в себя. Религиозные настроения давно покинули ее.

За границей — то же недоверие к людям, выросшее в ней, в дочери крепостной, оскорбляемой всей обстановкой крепостного быта. Среди событий 1848 г. Натали писала: «Невыносимо брожение, которого результат будет через несколько веков; существо мое слишком слабо для этих соображений». Шумные речи, заговоры, сходки для неё — мышьяная беготня. Революция, мятежи, «республика и публика» примелькались, опошлились: *liberte'*, *egalite'*, *fraternite'* — все те же насилия, фанатизм, как в первые века христианства. Жизнь всегда в толпе, на народе, благодаря политическим связям мужа, бывала ей мучительна. Влияние и роль Герцена, его глгучие, талантливые речи подавляли и томили Натали; она уходила в тень; возвращались ощущения детства, жизни чужой, под ферулой сильнейшего. К 30-ти годам ей мучительно захотелось своей жизни, своей воли. Она с жаром поддерживала дух Тучковой, сходявшейся с женатым Огаревым. «Оскорбительно предоставлять жизни сделать из себя, что она захочет или что ей случится; я бы хотела сделать из жизни твоей, что ты захочешь... Наконец, как человек, ты не имеешь права уничтожить себя оттого, что окружающие не удовлетворяют тебя. Что тебе до них? Разве ты не ты».

Она сама переживала такой же бурный кризис; ее охватила «вторая молодость», которая ярче, реальнее и богаче первой. «Хочу жить, жить своей жизнью, жить, насколько во мне жизни». Вскоре затем Натали уехала от мужа с поэтом Гервегом; открыто проявила свою волю к жизни. Подробности этого эпизо-

да из биографии А. Герцена пока неизвестны; касающиеся его главы «Былого и Дум» не опубликованы. Но известно, что в следующем 1851 г. он выехал в Турин встречать возвращавшуюся к нему жену. С первых слов они поняли друг друга и весело пошли под руку в отель, где проговорили до утра. Они встретились теперь, как равные, товарищи-ветераны, «закаленные в бою жизни, испытавшие не только свою силу, но и свою слабость», — говорил Герцен. «По ужасу и тупой боли еще яснее разглядели мы, как мы неразнымчато срослись годами, обстоятельствами, чужбиной, детьми... Вновь отправляясь в путь, мы, не считаясь, разделили печальную ношу прошлого». Оба были готовы «для возмужалого отстоявшегося счастья». К Натали вернулась вся прежняя пылкая, нежная любовь к мужу. Их новое счастье длилось не долго: весной следующего года Натали скончалась.

Так разрешалась проблема нового брака, скажем словами П. Милюкова, выработывался союз, основанный не на «надменном покровительстве мужчины» и не на «уклончивом молчании» женщины. Но сознательная постановка её стоила таких тяжких страданий, что прав был Герцен, обращаясь к потомству: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? А между тем, наши страдания — почка, из которого разовьется их счастье». ...Даже в том нешироком кругу, в который вмещала свою жизнь Натали Герцен, у женщин возникли новые запросы, потребность собственными руками разрывать мучительные узлы, опутывавшие их жизнь; и эти запросы заставили задумываться над проблемой брака.

В детстве и юности Герцена играла роль подруга иного склада, тоже родственница. Татьяна Кучина часто гостила в доме его отца Яковлева. 15-ти лет окончив пансион, она занималась с 13-тилетним Сашей русскими предметами у студента Протопопова, длинноволосого и растрепанного, но восторженного романтика, поклонника Шиллера; он научил подростков благоговеть перед Пушкиным, Грибоедовым, Рылеевым, и сам восторгался талантливыми сочинениями Герцена; училась хорошо писать и девочка, будущая литературная работница. Оба ученика научились мыслить и говорить с романтическим пафосом. Появились на сцену энциклопедисты XVIII в., права человека и гражданина, французская революция. Полную новых впечатлений Кучину вызвала в Корчеву молодая мачеха: отец её разорился и уехал;

энергичная жена, смольнянка с шифром, чтобы воспитать своего ребенка и поддержать существование множества дворовых, населявших большой дом, открыла в нем пансион. Сама она превосходно преподавала языки; падчерице поручила русский язык и предметы.

Все, что дал Протопопов, было приложено к делу. «Провинциальная жизнь мне сделалась чуждой, — писала Кучина в воспоминаниях. — Пользуясь своей обязанностью, я решила почти нигде не бывать и весь нравственный интерес свой сосредоточить на занятиях с ученицами и переписке с Сашей... Я создала себе жизнь отдельную, не похожую ни на что, меня окружавшее».

Она занимала девочек хорошими стихами, баснями, рассказывала о великих гражданских подвигах героев древности по Анахарсису, дополняя своим воображением; пускалась даже в объяснение философских систем. География изучалась путешествиями. «В этой путанице чувствовалась жизнь, — добавляет она, — и как-то все шло впрок». Увлеченные ученицы захотели быть сильными телом и твердыми духом, как спартанки, отказались от чая и лакомств, от ссор и плача; ходили босиком, обливались холодной водой, чтобы закалиться. Кучина учила их танцевать, играть на фортепиано, устраивала балеты и спектакли для своего и их удовольствия.

На праздниках и вакансии она видела уездное общество и запомнила любопытные типы. В одной семье несколько бойких, очень умных дочерей не выносили стеснительных условий, в которых жили тогда девушки, и сумели добиться свободы, полагая, что «независимая жизнь уравнивает положение женщины с независимым положением мужчины». Одни разъезжали они по соседям, вопреки требованиям приличий того времени, скакали верхом на беговых дрожках, правили тройками, с мужчинами говорили смело, по-товаришески. В другом доме одна милая, умная девушка упорно стремилась уравнивать себя с мужчинами, усваивала их костюм и манеры; ходила в мужском халате, курила трубку, стригла волосы; вечером надевала фуражку и садилась верхом на дрожки... «Эта удаль, это ребяческое подражание мужчине, это искание чего-то уже содержало в себе зародыш протеста против отживающего порядка вещей», — думала Пассек-Кучина. Среди светского общества выделялись вакханки, открыто и намеренно подражавшие кутежам мужчин; к

сожалению, трудно сказать, сколько было сознательного в этих порывах, и насколько могла сказываться в них просто распушенность «по вольности дворянской». Несомненно, однако, что многих тяготила бессодержательность и замкнутость существования девушек, не находивших нормального выхода накопившимся духовным силам. Года через два, с грустью расставшись с ученицами, Кучина опять оказалась у Яковлева. И снова она — единственный товарищ Герцена до его поступления в университет; снова уроки и чтение вместе, но лучше всего — их беседы. «Незаметно надвигались сумерки — любимое время дня мое и Саши, — и разговор становился задушевной. Что за светлые, что за прекрасные минуты проводили мы тогда! Жизнь раскидывалась перед нами лучезарно. Это доля юношеского возраста. Мы верили во все!» Кругом царил однообразный до одури, всем тиранически навязанный порядок барской жизни, тяжкая атмосфера самодурства, утонченного издевательства над людьми, злобных выходок мнимо больного старика, отца Герцена. «Утомительное однообразие охватывавшей нас среды как бы не смело касаться нас; окруженные ею, мы жили своей отдельной жизнью; она развивалась из этого отжившего мира, как свежий цветок в пустыне», записала мемуаристка. Такова сила здоровых культурных веяний; проникая в среду затхлого застоя, они помогают росту молодых особей, готовых обновить ее. Позже молодая девушка с восторгом жила интересами кружка студентов, друзей Герцена, одного из тех кружков, которые впоследствии разбились на славянофилов и западников. Здесь она нашла мужа в лице молодого ученого Вадима Пассека, кандидата в профессора. При участии молодежи устроилась поэтично трогательная свадьба, а после неё — пирушка юных друзей. Пассек вывел к товарищам молодую жену; ее встретили громом поздравлений; бокалы с треском к ее ногам. Татьяна подняла свой бокал. «За дружбу», — восторженно ответила она и бросила его на пол; взрыв восторга вспыхнул вокруг. Так вступила она в новое для женщины положение товарища-друга студентов и жены-друга молодого ученого. Но тяжелые испытания подстерегали ее; нелегкая, полная труда и забот жизнь ожидала молодую женщину. Университетская история, аресты друзей лишили мужа ожидаемой кафедры. Пришлось жить литературой и маленьким хутором. Пассек рано умер; его вдова собрала его сочинения, нахо-

дила способы издавать их; хозяйничала, воспитала детей и к старости сама взялась за литературную работу, долго, до самой смерти издавая журнал для детей.

С новыми узаконениями 1834 г. о правах домашних наставниц улучшилось положение русских учительниц. Возрастал спрос на женский преподавательский труд, чему способствовало увеличение числа женских учебных заведений. Девушки, окончившие пансион или институт, часто не мирились с унижительным существованием барышень-нахлебниц из милости в состоятельных домах и предпочитали поступать в гувернантки, классные дамы и учительницы. Даже иные матери семейств не чуждались труда вне дома. Так умная и деятельная мать Л. Шелгуновой, г-жа Михаэлис, пополняла средства семьи хорошо оплачиваемыми уроками музыки и сотрудничала в газетах; и дочь её, в сущности, не нуждаясь в заработке, с 16-ти лет брала платные переводы.

Помещик Цевловский, отец Водовозовой, готовил дочерей к самостоятельной жизни, и старшая дочь после его смерти (1848 г.) много помогала семье, хорошо зарабатывая уроками в пансионе. Казалось, уже намечался вопрос о праве на труд даже женщин привилегированного класса.

К 50-м гг. самая идея равенства полов (не «равноправия») заметно проникала в сознание лучших людей времени. Г-жа Михаэлис, по свидетельству Шелгунова, отстаивала ее в своей семье. Юноша Чернышевский глубоко проникся ею и развил ее в существенную часть своего мировоззрения. Над нею задумывались историк Шульгин и медик Пирогов.

На рассуждения своей невесты о равенстве мужа и жены Шелгунов ответил, что идея равенства привилась ей от матери, но не вытекает из требований её сердца. Жизнь супругов должна быть основана на товариществе. «Вы хотите, чтобы муж подчинялся жене по закону равенства и по убеждению, что жена лучше сумеет управлять супружеским счастьем, а я подчиняюсь своей жене, как существо, сознающее свою силу и крепость, которое отказывается от этих прав, потому что хочет находиться под влиянием любви». И все-таки молодые Шелгуновы устроились по-новому в скромной квартире в Самаре; муж и жена имели отдельные комнаты с одной общей, где принимались общие посетители, как у героев «Что делать?».

Чернышевский шел гораздо дальше в своих взглядах на права женщины, жены. «Над падшей не смейся никогда». «Как бы ни пала женщина, дайте ей только луч солнца золотой, и она заблестит снова», — любил он говорить. От себя он требовал полной чистоты до женитьбы: «ты первая, которую я обнимаю, первая, которую я люблю!» Он мечтал жениться на девушке развитой, доброй и несчастной (чтобы иметь счастье спасти ее). «Я буду покорнейшим слугою своей жены, только покорнейшим слугою», едва ли не первые слова, которые он сказал избраннице; и позже пояснил их: «По моим понятиям, женщина занимает недостойное место в семействе. Меня возмущает всякое неравенство. Женщина должна быть равна мужчине. Но когда палка была долго искривлена в одну сторону, то, чтобы выпрямить ее, должно много перегнуть ее на другую сторону. Так и теперь: женщины поставлены ниже мужчин. Всякий порядочный человек обязан, по моим понятиям, ставить свою жену выше себя: этот временный перевес необходим для будущего равенства». На измену жены он смотрел глазами «Жака» Ж. Занд. «На будущее никто не имеет права требовать обязательств. Сердцем нельзя распоряжаться... Если моя жена полюбит другого, я скажу ей только: когда тебе, друг мой, покажется лучше воротиться ко мне, пожалуйста, возвращайся, не стесняясь несколько».

За год до женитьбы Чернышевского Герцен уже выполнил это обещание на практике. Но герой 40-х годов «выстрадал» вместе с женой заданную ему жизнью задачу обновления старых отношений мужа и жены. Герой 60-х годов, совершенно неискушенный опытом, смело поднимает знамя принципа и несет его через головы живущих и страдающих. Иные люди, иные песни.

XI

За последние 25 лет революционные перевороты, широкие демократические реформы в представительном строе больших цивилизованных государств часто сопровождались вспышками женского движения; отчасти заражаясь, отчасти пользуясь возбуждением обществ, женщины добивались расширения сферы своих прав до полного равноправия полов включительно. Так было во Франции в конце XVIII в., в 1830, 1848 гг., в Соединенных Штатах Америки во время освобождения негров; в Англии

женское движение усилилось со времени реформы избирательного права. Первым решительным толчком к проявлению феминизма среди русских женщин послужила отмена крепостного права. Долго и довольно упорно опорочивали самобытность женского движения в России в 60-х годах, обличая его в грубом и бессмысленном подражании героиням Ж. Занд, её последовательницам и её друзьям-социалистам. Если всмотреться в постепенное изменение отношений к женщине в русском обществе XIX в., в условия быта, при которых совершалась реформа, и в её непосредственные последствия, то возникает убеждение, что и без влияния западного феминизма наши женщины пережили бы свой первый эмансипационный порыв, хотя бы и с иными оттенками мыслей, с менее ясно выраженными запросами за недостатком готовых образцов и примеров.

Интерес к судьбе приниженной женской личности может загораться сам собой; как будто где-то в темных глубинах мужской психологии незаметно таится до поры до времени потребность в лучших формах общения с подругами. Дома, в семье женщин могли веками держать на положении бесправных слуг хозяйства и темперамента, закрывая им всякую публичную деятельность. Но люди прежде всего существа общественные, а приниженные и порабощенные не могут удовлетворить стремления к разумному, духовно радующему общению с себе подобными; и вот оказывается необходимой хотя бы фикция, иллюзия равноправия в обращении с обходительными и занимательными представительницами другого пола, чтобы приятно провести время, отдохнуть душой и занять ум. Древние греки, запирая жен в гинекеи, наслаждались обществом литературно образованных гетер, поэтесс и певиц; в глухую пору средневековья дамы являлись царицами турниров и состязаний певцов. Даже на востоке потребность в гармоничных отношениях полов одно время побеждала опасные поучения Магомета, и мусульманский мир дал первые примеры литературных салонов, собиравшихся вокруг остроумных, интересных дам. Не только наши светские собрания, но деревенские посиделки и те нуждаются в такой иллюзии, в условном признании равноправия полов, иначе была бы невозможна общественная жизнь, а без неё немислим прогресс; все замерло бы в застывших формах быта, как у народов востока.

В могучих народных движениях, когда все силы напрягаются на борьбу, когда необходима солидарность общественных масс, женщины появляются в среде борцов, как необходимые товарищи; условную фикцию равноправия сменяет определенный призыв женщин к участию в общем деле; проявляются заботы о просвещении и подготовке женщин, им льстят, им много обещают. Такая потребность в единомышленницах вспыхнула у нас в 60-х годах; одни, как Пирогов, готовили из женщин деятельниц для просвещения и перевоспитания общества; другие искали в них товарищей для борьбы с устарелым укладом жизни на правах равенства и братства. Те и другие считали реформу неосуществимой без участия женщин.

Политические события 50-х гг. и следовавшее за ними общественное возбуждение застали женщин уже подготовленными к неизбежным переломам в их быте. Число женщин, занятых интеллигентным трудом, очень выросло, росло и сознание в недостаточности образования, которым довольствовались прежде в дворянских семьях. Замечались уже признаки неизбежного перехода к личному труду; женщины волновались и жаловались, что их ни к чему не готовили, что они ничего не знают и должны энергично взяться за свое образование. Чуткие и горячие душой личности радовались великой реформе, сознательно и бессознательно готовились к общественной деятельности, к заботам о судьбе женщин. Намечались и лидеры женского движения; рядом с кружком Трубниковой, Стасовой, Философовой выделялись Конради, Корсини, отчасти Шелгунова и др.

Французский феминизм 30-х и 40-х годов, а позже проповедь Милля имели несомненное влияние на женщин 60-х годов. Романами Ж. Занд зачитывалась и женская, и мужская молодежь 40-х годов. Когда цензура не пропускала произведений иностранных социалистов, русские читатели хватались за романы, отражавшие учение П. Леру, Кабэ, Консидеран, и упивались отзвуками социалистических доктрин. Проф. Бестужев-Рюмин, первый руководитель петербургских женских курсов, всю жизнь хранил студенческие тетради, полные выписок из Ж. Занд. Чернышевский часто говорил со своей невестой языком «Жака», отрицавшего старый семейный строй. На М. Михайлова и Шелгуновых оказал сильное влияние, когда они жили в Париже,

кружок ярых феминистов с Женни де Эрикур во главе. Французская литература, особенно по социальным вопросам, очень помогла русским женщинам разобраться в своем положении и своих интересах, а обществу — уяснить себе смысл и содержание народившегося женского вопроса.

Новейший исследователь феминизма во Франции 30-х и 40-х годов отмечает в нем три основных течения: группа сен-симонисток и их последовательниц связывала равноправие женщин с коренной реформой социального строя, ожидая от женщин разрешения проблем бедности и улучшения условий труда; представительницы среднего течения стремились к немедленному улучшению правового положения женщин, посылали петиции в палату депутатов и в правительственные ведомства, требуя восстановления развода, права голоса в избирательных комиссиях, доступа в торговые палаты и т. д. Третье течение только отчасти примыкало к феминизму; его представительницы нередко полемизировали с сен-симонистками и равноправками; они проповедовали необходимость нравственного усовершенствования женщин, расширения их умственного кругозора, чтобы сделать из них более достойных жен, матерей и воспитательниц. Все группы сходились на необходимости поднять уровень образования женщин и на том, что женщины должны всегда сохранять особенности своей женственности.

У нас в женском движении 60-х годов тоже заметны различные течения, но они плохо поддаются определенной классификации; да и сам русский феминизм того времени труднее, чем на Западе, выделить из общих эмансипационных течений эпохи реформ, благодаря отсутствию политической свободы в стране. Средняя группа феминисток с её борьбой за публичные и политические права женщин не находила себе места в русском обществе; ей не с кем было считаться, не было граждан-законодателей, к кому обратиться с запросами. К правам женственности наши радикалы-эмансипаторы относились резко отрицательно. В женщине не должно быть ничего женского, кроме пола, писал М. Михайлов: «да будет в ней не мужское, или женское, а чисто человеческое».

Особую яркость и остроту женскому движению придала отмена крепостного права, оставившая бедных дворянок без средств к существованию, а недавних властных помещиц — без

занятий и почетного положения. Длинным рядом поколений они привыкли владеть людьми и их трудом не как временные хозяйки по личному уговору, а как милостивые или немилостивые государыни своими подданными. Разом исчезли прерогативы их влияния; их деятельность утратила прежнее значение, у многих сошла на нет. Если, оставив в стороне крепостниц-изуверок, не мирившихся со свободой холопов, войдем в положение лучших представительниц сословия, подготовившихся к неизбежному событию, даже признававших его важность и значение для всех, то возникает вопрос, при чем остались они, особенно живые, деятельные натуры? Мужчины их круга и прежде служили и теперь стали служить гораздо больше и усерднее, а их женам и дочерям, лишенных домашних забот и широкого влияния, что им делать? У них не было ни привычки, ни желания, а главное — необходимости собственноручно вести свое хозяйство, как немки и француженки средней руки: дешевая прислуга в то время в изобилии приходила из деревень предлагать им свои услуги; этот труд в антигигиеничной, некультурной обстановке наших жилищ, в суровом климате был очень тяжел, да и не соответствовал потребностям нашей женской интеллигенции. Куда же девать молодые силы? Чем занять пробудившуюся пытливость ума? Служба, уроки, литература могли занять очень немногих; в заработках нуждалась дворянская беднота. Понятно, что властитель дум молодого поколения, автор «Что делать?» не мог не остановиться на этом неотложном вопросе. Женщины с увлечением примыкали к кружкам, где разрабатывалось определенное отношение к политическим и социальным вопросам, где призывали к деятельности на пользу просвещения народа и реформе его быта; шли на всякое живое дело, искали себе места и определенной роли в общественной жизни, добивались средств к серьезному образованию. Обилие незанятых женщин очень содействовало успеху новых идей и теорий.

К 50-м годам очень заметна эволюция взглядов на женщину, предвозвестником которой был Белинский второй половины своей литературной деятельности, когда он являлся страстным защитником прав женской личности; зарождалась новая оценка её. Особенности положения женщины волновали умы мужчин, особенно низкий уровень её образования. На пороге новой эпохи женщины впервые проявили удивительную деловую энергию в

лице первых сестер милосердия на театре Восточной войны. Их общину основала великая княгиня Елена Павловна, давно задумывавшаяся над улучшением образования женщин сообразно с их значением в обществе. «Полагаю, что прибытие сестер на театр войны, - говорила она доктору Пирогову, - лучшее средство вызвать внимание и сочувствие к женщинам; как со стороны общественного мнения, так и со стороны правительства».

И Пирогов из этого первого опыта вынес убеждение, что если женщина «получит надлежащее образование и воспитание, она может так же хорошо устроить свою научную, художественную и общественную культурность, как и мужчина».

Новое отношение к женской личности отражалось в литературе и журналистике; с новым царствованием в них оживленно и шумно выясняется «женский вопрос» при деятельном участии самих женщин.

Требование новых форм воспитания и образования предъявляются непрерывно, все тверже и решительней. Вопрос о реформе образования женщин теперь вытекает из необходимости общей реформы воспитания. Заговорили о духовном мире ребенка, о самостоятельной работе его ума, которой вместе со смелостью отнюдь нельзя убивать в нем. Подразумевалось, что нельзя убивать их и в девочках. Тут же касались и воспитания женщин. «Это предмет чрезвычайной важности», - писал Бем («Морской Сборник» 1856, № 1), впрочем, ограничивая деятельность женщин одною семьей.

Журнал просил читателей сообщать замечания на его статью. Заинтересованная публика уже отвечала рядом соображений и замечаний, когда летом того же года в «Морском Сборнике» появилась знаменитая статья Пирогова «Вопросы жизни». Мысли его были так новы, а широкая постановка вопроса о воспитании так захватывала, что статью читали всюду нарасхват. Пирогов предлагал русским людям вникнуть в свою жизнь, постичь свое назначение и призвание. Воспитанием нужно готовить людей. Прежде всего, родители и воспитатели не имеют права распоряжаться будущностью детей, предназначая их к специальности по своему выбору. Человека с детства необходимо готовить к неизбежной, ожидающей его в жизни борьбе. А для участия в ней необходимо иметь притязания на ум и чувство».

Каждый, он или она, должен представить себе, что принадлежит к имеющим это притязание.

Слово «она» употребляется несколько раз в программе борьбы; отсюда следует, что и девочки должны развиваться свободно и всесторонне, не стесняясь «предназначением», и готовиться к борьбе; но автор не выдерживает цельности своего положения, и «предназначение» сохраняет свою силу над женщиной. Чтобы находить сочувствие и поддержку в семье, мужчина ищет в жене сотрудницу в борьбе за идеал. Но горе ему, «если спокойная, беспечная в кругу семьи жена будет смотреть с бессмысленной улыбкой идиота на вашу заветную борьбу!» — если она не пойдет далее забот о материальных улучшениях, не осуществит основной мысли при воспитании детей. Ведь современное воспитание калечит душу женщины, а современное общество мертвит ее, усыпляет ее для высших впечатлений, уничтожает возможность понять, образовать себя, обращает в куклу. А между тем в воспитании женщины заключается воспитание всего человечества, а потому оно первое требует реформ; иначе женщина сама распорядится собой, а это пугает Пирогова. «Через щели изорванных кулис показного воспитания» она начинает видеть то, что от неё бережно скрывали. Мудрено ли, что ей тогда приходит на мысль попробовать самой, как ходят люди. Эмансипация вот эта мысль. Падение — вот первый шаг. Пусть многое останется ей неизвестным, она должна гордиться тем, что многого не узнает. Не всякий врач; не всякий должен без нужды смотреть на язвы общества. «Однако раннее развитие мышления и воли для женщины столько же нужны, как и для мужчины». Чтобы быть сопутницей в борьбе, ей нужно знать искусство понимать, нужна самостоятельная воля, чтобы избирать воспитания детей.

Если женские педанты, толкуя об эмансипации, понимают одно воспитание женщин, они правы. Если же они понимают эмансипацию общественных прав женщины, то они сами не знают, чего хотят... Женщины и так уже эмансипированы, да еще может быть более, нежели мужчины, хотя и не могут быть чиновниками, министрами... Они связывают общество, украшают его... Только близорукие, материалисты и невежды видят в женщине существо подвластное, ниже себя. Ухаживая за колыбелью человека, его детством, воспитывая, давая ему первона-

чальное направление, женщина кладет краеугольный камень жизни обществ...

Возбуждая зажигательный, опасный вопрос о неизбежной борьбе, ожидающей женщину на её жизненном пути, о необходимости и для неё отстаивать идеалы свои и своих близких, хотя бы только сотрудницей мужчины борца, Пирогов ввел реальные задачи её жизни-борьбы в старую колею одной семейной жизни. Его проникательный ум рано предвидел, какой тяжелый путь борьбы ожидает русских женщин, замечал первые эмансипационные порывы, но сам мыслитель как будто скрывал от себя следствия того, что видел, боялся их, как и многие его современники, боялся самостоятельности женщин; тогда, до падения крепостного права, Пирогов как будто не представлял себе, что многим женщинам придется жить своим трудом. «Не положение женщины в обществе, но воспитание её, в котором заключается воспитание всего человечества, вот, что требует перемены», заключительный аккорд статьи.

Статья появилась как раз вовремя и зажгла души читателей. В массе общества начиналось мощное прогрессивное движение. Громко заговорили о себе и женщины, и первая же статья «Жалоба женщины» при всей своей наивности и некоторой сентиментальности тона, выходит из рамок вопроса о семье и воспитании. «Мальчик знает, для чего он рождается, он должен превратиться или в чиновника, или в офицера, в каретного мастера... А женщина, что такое женщина? В ней с детства убивают все, что создает личность». Счастлива та, которой судьба подскажет самой дорыться до смысла своего существования, заставит идти вперед, бороться с окружающими предрассудками. Женщину учат только нравиться, а каков её удел, когда она перестает нравиться? Никто не учит ее быть хорошей матерью, и совсем не думают о том, что ей делать без кормильца. Важно, чтобы история научила будущую женщину, каково было положение женщины в обществе, какое она могла иметь значение и влияние. Вообще же нужно попробовать вести мальчика и девочку одинаково; развивая ум девочки, вы не лишите её женственности. Автор умоляет помочь женщинам в тяжелой борьбе с жизнью.

В разных журналах женщины вторили «Жалобе», выражали ей сочувствие; особенно настойчиво указывали на судьбу женщины, которую ожидает труд и тяжелая возня с хозяйством бед-

ной семьи. Даже в славянофильской «Русской Беседе» г-жа Д. скорбела о пустоте и суетности всего того, «чему мы, женщины, учились» На это г-жа Бурнашева ответила смелой статьей в «Вестнике Воспитания». «Мы сами, женщины, виноваты», в которой указывала, что несчастье женщин в том, что они не только не дополняют самостоятельно того, чему их учили, но еще слишком быстро позабывают и то, что им успели дать за годы ученья. Это «великодушное» признание, как выразилась редакция, оговариваясь в примечании, что не разделяет мрачного настроения автора, вызвало свою очередь замечания и протесты.

Некая Х-ва поместила в том же журнале ряд «Писем к русским женщинам», где указывала, какими мерами можно повысить их умственное развитие, предостерегая, что женщине не следует быть ученой. Умственные силы женщины не должны развиваться в ущерб способностям души: а это нарушает гармонию женского характера. Женщинам следует предоставить участие в общественных делах, «конечно не непосредственно», а предоставить им «высшее право нравственной оценки событий и лиц». Мысль заработала на разные лады, ища ответы на мучительные «запросы», которые предъявляла женщинам заманчивая и суровая жизнь.

С 1857 г. появились статьи первой в России писательницы по экономическим вопросам, Вернадской, выдающейся, слишком рано умершей женщины (29 лет). Она горячо ратовала за расширение сферы труда для женщин, как первую задачу времени. В образованном обществе потребности многочисленны, говорила она в статье «Свобода выбора труда». Нельзя заставлять людей исполнять только одни виды труда, а так делают с женщиной... Цивилизация уменьшает значение физической силы, а в умственном отношении мужчины и женщины равны; следовательно, цивилизация делает доступными для женщин большое число отраслей труда... Нельзя же из всякой женщины делать хозяйку и воспитательницу; у людей разные способности..., но не бойтесь за семью: признайте женщину человеком, и она не покинет семьи.

В статье «Женский труд» Вернадская высказывается решительнее. Она негодует на единственную перспективу, представляющую девушкам выходить без любви замуж; винит она и самих женщин; если бы они работали, зарабатывали свое пропитание, муж-

чины были бы с ними осторожнее. В простонародье все работают, и дело идет ровнее. Кухарки, горничные независимее барынь.. Если женщин не берут в чиновники, то торговля, фабричное дело, сельское хозяйство, литература, наука, преподавание, медицина, искусства, сцена, музыка, ремесла доступны женщинам... Им необходимо готовиться, развивать свои способности; женщинам платят дешево, потому что они менее подготовлены.

Сильные демократические настроения, стремления сблизиться с трудовым людом, искание полезного труда, охватившее тогда молодежь, ярко отражались в статьях Вернадской. «Почему нельзя быть цветочницей, портнихой, разве это унижительно?» У нас женщины как будто стыдятся труда... мужчины же гордятся работой за деньги. Конечно, теперь женщине, решившейся жить своим трудом, часто придется бороться с общественным мнением. В статье «Назначение женщины», негодуя на легкомысленное отношение к девушкам, у которых одна обязанность — быть аванжными, она с жаром восклицает: «Mesdames, перестаньте быть детьми; попробуйте стать на свои собственные ноги, жить своим умом, работать своими руками; учитесь, думайте, трудитесь, как мужчины, и вы будете так же независимы или, по крайней мере, в меньшей зависимости от своих тиранов, чем теперь». Так говорила замечательная женщина еще до отмены крепостного права. Вот важные дела на первый случай, читаем далее: девушка может готовиться воспитывать младших, изучать медицину и лечить женщин; изучать сельское хозяйство. Последний вопрос очень занимал экономистов ввиду предстоящего переворота и перехода к вольнонаемному труду.

В 1859 г. возник любопытный для того времени журнал «Наук, искусства и литературы для девиц» — «Рассвет». Очень интересна вступительная статья от редакции: «Гений преобразования опять царит над русскою землей... русский народ сам спешит по новому пути. На «рассвете» нового дня гений подлетает и к спящей русской женщине и будит ее, указывая на тот путь, по которому она должна идти, чтобы сделаться гражданкой и готовиться к новому долгу — быть воспитательницей нового возрождающегося поколения. Продолжителен был её сон. И теперь, когда вокруг неё все проснулось, она еще не может опомниться и с недоумением слушает, когда ей говорят, что женщина должна

быть гражданкой. «Мое назначение быть матерью, женой и хозяйкой в доме мужа», — говорит русская женщина. «И гражданкой в своем отечестве, — повторяет ей современное общество, — т. е. женщина должна вникнуть в современные идеи, сочувствовать им и, по возможности, принимать участие в общем движении вперед». Она должна, приобретая знания, передавать их молодым поколениям. Вообще, задача «Рассвета» — возбудить сочувствие молодых читательниц к современным идеям и вместе с тем доказать, что эти идеи вполне согласуются с духом христианства. А руководящая статья первого номера 1860 г. говорит, что общество ожидает, что женщины помогут ему исцелить раны, происшедшие от старой рутины, помогут мужчинам бороться с застарелыми нечестными привычками.

Сказываются новые взгляды и в статье, трактующей о необходимости юридических познаний для женщин; они должны иметь понятие о науке, толкующей о правах и обязанностях человека, как члена гражданского общества.

Следует отметить, что даже люди еще более умеренные, можно сказать, правые по своему времени, преклоняясь перед величием женщин-матерей, их исконным назначением, иначе смотрели на семью и положение женщин, когда справлялись с фактами. Критик журнала «Светоч» смотрит очень недоверчиво на современные настроения женщин; только немногие из них, думает он, скорее исключения и то смутно понимают начала иной жизни. Обыкновенно, раз форма, наложенная общественными условиями нарушается, женщина оказывается ничем не огражденной, без сил руководить себя, и жизнь её представляет только ряд противоречий.

Все рисуют благотворное значение матери в семейном воспитании. «Мы убеждены, говорит критик, что мать не будет иметь должного значения для детей, для семейства, если женщина, вообще, не явится с таким же значением для общества». «Мы думаем, что женщина имеет большое значение для человека, чем мать для сына». Автор не разделяет увлечение теориями воспитания. «Мы никак не можем представить себе воспитание целью, а жизнь общественную только его последствием», но не развивает своей мысли.

Высказались женщины в печати, некоторые приступили уже к планомерной общественной деятельности, когда в «Современ-

нике» раздался голос публициста и поэта М. Михайлов. Его статьи о женщинах, посвященные Л. Шелгуновой, начинаются знаменательным ярким эпиграфом «Coupez le cable» («Разрубите якорный канат»). «В какой мере зависит благоденствие общества от уравнивания прав мужчины и женщины? Как может совершиться это уравнение? Что служит ему помехой в современных понятиях и нравах? Как должна сложиться семья, чтобы стать действительным залогом прочных успехов общества, а не задержкою их, какую она является большею частью в наше время? Вот вопросы, которые он старался выяснить», — пишет Михайлов. Тогда, подобно многим, он как бы считал семью основой общества, ячейкой, из которой оно выросло. Это мнение не выдержало критики антропологов. Но он вполне прав, когда, указывая на необходимость реформы семьи, утверждал, что она породила идею эмансипации женщины. Первые шаги общества в сторону этой эмансипации он считает одним из самых важных характеристических явлений своего века. Уже большая свобода, данная женщинам в новых европейских обществах, вывела европейцев из жалкого прозябания, в которых чахнут народы востока.

Михайлов ясно видит крайности женского движения — отрицание самой семьи, признаки распущенности даже и на западе, но это временные, наносные явления. Он страстно негодует на сильные умы века, работающие для свободы, которые, однако, не допускают и мысли о равноправии полов; особенно гневно критикует он Прудона. Что касается брака, то он не может устанавливаться на одном половом влечении и деторождении; разумное сожитие должно пережить это чувство, так как оба родителя обязаны воспитывать детей, передать свой опыт молодому поколению, указать ему путь к совершенствованию. Жизнь женщины не должна приноситься в жертву короткому времени деторождения.

В заключение автор требует одинакового воспитания и образования женщин и мужчин, а для женщин — доступа ко всем родам деятельности. Он высказал намерение в близком будущем более полно и широко обработать свои взгляды и написать историю женского элемента в человечестве. Вскоре затем Михайлов писал о книге Милля, о женщинах в университете; но последовавшее политическое дело, ссылка и каторга не дали ему выполнить намеченных широких планов. Через десять лет однако,

Шашков взялся за исследование судеб женщин. Для начала XX века мысли Михайлова не новы; но в 60-х годах его дельные и умные статьи, очень последовательно и необыкновенно убедительно развивавшие идеи женской эмансипации, согреты жаром глубокой, искренней убежденности, произвели огромное впечатление. Он внес в оборот мыслей своего времени все, что могло быть внесено в среду общества, лишенного политической свободы, но уже затронутого движением в пользу освобождения женщин от старых пут. Широта взглядов, определенность постановки женского вопроса дала русским читателям средства для уяснения себе своих стремлений и догадок и надолго вооружила готовыми лозунгами для освободительной работы.

Параллельно с нею шла спешная работа и внутри общества, и в административных кругах. Возникли женские училища ведомства императрицы Марии, скоро обратившиеся в гимназии; повеяло новым духом и в институтах, и даже в твердые строгого женского воспитания — в Смольном. Пылкий и талантливый педагог Ушинский с одобрения императрицы Марии Александровны проводил коренную реформу воспитания и программ преподавания. Отношения к воспитанницам круто изменились; барышни обращались в серьезно учащуюся и развивающуюся молодежь, будущих гражданок, призываемых к деятельной интеллектуальной жизни. Напряженное состояние умов, вызванное крупным переворотом, достигло высшей точки в дни реформы 19 февраля. После молебна в день обнародования манифеста Ушинский в яркой талантливой речи обрисовал вековые бедствия крепостных и привольную, веселую жизнь помещика, считавших труд для себя позором, угнетавших и разорявших народ. В обращении к воспитанницам он говорил, что акт освобождения крестьян налагает и на них, как на всех представителей образованного класса, обязанность уплатить освобожденным хотя бы ничтожную часть нашего долга. За наше образование, за возможность жить безбедно, за блага, приобретенные за счет векового рабства масс, чтобы искупить тяжелый грех многих поколений, мы должны отдать все свои силы на просвещение народа. С этого момента все обязаны нести в народ свой труд, энергию, таланты; а на русских женщин наступившая эпоха освобождения налагает еще особую обязанность — раскрепоститься от предрассудков, специально тяготеющих над ними. Чтобы

служить наставницей молодым поколениям, нужно очень много; поэтому, женщинам необходимо, как и мужчинам, высшее образование. «Вы обязаны проникнуться стремлением к завоеванию права на высшее образование, сделать его целью своей жизни, вдохнуть это стремление в сердца ваших сестер, и добиваться достижения этой цели до тех пор, пока двери университетов, академий и высших школ не распахнутся перед вами так же гостеприимно, как и перед мужчинами». Не говоря уже о призыве женщин к борьбе за право на образование, вряд ли где так пламенно прозвучал новый демократический лозунг 60-х и 70-х гг. об уплате долга народу.

Интерес к женской личности, её воспитанию, её психологии проник и в кабинеты ученых; появились работы Буслаева, Тихонравова, Иловайского о судьбах женщин в старой Руси, ученые и популярные биографии женщин. Буслаев даже поступил инспектором по учебной части во второстепенный московский институт, а своим преподаванием истории русской словесности увлекал девушек, побуждал к научным занятиям.

ХII

С 1856 года по всей России точно повеяло свежим духом. Еще фактически ничто не изменялось; о неизбежности реформ только говорили и спорили; еще масса крепостных жила по-старому только в страстном ожидании свободы, а уже современник мог писать о русском обществе 1858 года: «Вы рискуете теперь, приехав в Россию, не узнать ее. По внешности все кажется то же, но вы чувствуете внутреннее обновление во всем, вы чувствуете, что начинается новая эра. Со всех сторон идеи и светлые взгляды вытесняют мало-помалу старую рутину, которая прежде и даже во время войны не стеснялась ничем»...

Под натиском новых идей составлялись планы просветительных обществ, экономических трудовых организаций. Молодежь, женщины, и даже пожилые люди старались вырваться из-под гнета устарелых взглядов, предрассудков и общественных отношений; особенно возмущали сословные перегородки и привилегии, и как бы назло им все заражались пылким чувством общечеловечности, стремлением помогать ближним, особенно обездоленному низшему классу. Очень изменилось студенчество даже в провинции; прежде державшаяся особняком, учащаяся

молодежь теперь проникала повсюду, стремясь объединиться и объединять, учить, просвещать, пропагандировать. В Петербурге радостное возбуждение разливалось шире и чувствовалось ярче, чем где-либо.

«...В русском обществе царило такое громадное оживление», — писал В. Стасов, такая жажда деятельности, что каждый человек, делавший что-нибудь полезное и хорошее для других, не оставался на одном каком-нибудь деле и только. Нет; и млад, и стар, всякий из действующих был у нас наполнен такой энергией!.. Мужчины после службы, а женщины после хозяйства находили время и охоту делать еще много важного, по их мнению...» «Так было с русскими людьми в 60-х гг. Они все были точно влюбленные, точно женихи и невесты, у которых кровь кипит, а виски бьются, и глаза горят, Никому не сиделось на месте. Метались все они, словно в любовном чаду, поднимались все их силы и устремлялись на чудные мысли, речи и дела». Таково было настроение во время недолгого процветания воскресных школ, этого огромного движения образованных и имущих на помощь темным массам.

Воспламенился жаждой деятельности и близкий Стасову женский кружок из лиц, уже подготовленных к новому положению женщин.

В 1855 г. поселилась в Петербурге 20-летняя М. В. Трубникова, дочь декабриста Ивашева. Сиротство и печальное детство развили в ней впечатлительность и отзывчивость; большой деятельный ум при горячем сердце очень рано побудили ее к ответственному труду. В доме тетки, княгини Хованской, она училась вместе с её сыновьями у ученого немца-учителя; потом пристрастилась к серьезному чтению и изумительно много читала на главных европейских языках, особенно внимательно следила за работами по социологии, что сильно отразилось на характере её деятельности. Рано заинтересовала ее литература по женскому вопросу. Молодая женщина переписывалась с Женни д'Эрикур и Миллем. Сама она много работала, писала в изданиях мужа и газетах. Вокруг неё собирались видные представители литературы и науки, Кавелин, Серно-Соловьевичи. Личность Трубниковой производила неотразимое впечатление и на многих имела решающее влияние; с людьми ей симпатичными она сходилась очень быстро и энергично принималась обдумывать

с ними какое-нибудь дело. Едва познакомившись, она пригласила «назавтра» Н. В. Стасову. В этот день гостья застала у неё А. П. Философову, Н. А. Белозерскую, В. Ивашеву и еще некоторых лиц. Обменялись мыслями о тяжелом положении беднейших петербургских тружениц, набросали проект устава общества дешевых квартир и немедленно наметили план действий.

В горячем стремлении улучшить условия жизни и труда женщин сказывались отзвуки женского движения 1848 во Франции с его мастерскими и ассоциациями. Быстро и энергично было поставлено на ноги общество дешевых квартир. При квартирах пришлось устраивать школы для детей, которых тогда негде было учить. Ознакомившись с бытом трудящихся в жилищах и через воскресные школы, где работали члены кружка, они: решили нужным позаботиться об их заработках. В 1861 г. кружок Трубниковой объединил группы лиц разных направлений для организации на широких началах «Общества женского труда».

Широкие круги общества относились с огромным сочувствием к начинанию, находя, что потребность в нем давно назрела, а после реформ еще разовьется. Предполагалось, что заботы организации должны распространяться на все отрасли женского труда — от интеллигентных профессий до ремесла и службы.

Скоро, однако, все почувствовали, что элементы, организующие общество, слишком разнообразны, чтобы сплотиться в нечто прочное, одушевленное стремлением к выполнению одних и тех же взятых на себя задач. Представительницы левого «нигилистического», как тогда говорили, направления высказывали недовольство руководством сплотившихся деятельниц кружка, которые примирялись с необходимостью идти к прогрессу выполнением неотложных общественных дел, служением тем новым идеям, которые можно немедленно проводить на практике. Н. А. Белозерская в коротенькой автобиографии, написанной перед кончиной, подчеркивает основную черту, разделявшую оба направления. «Давно живу я на свете, но не встречала ни до этого, ни после равных им по энергии, готовности служить делу до самоотвержения... ..Трубниковой и Стасовой обязана я многим. Они отвлекли меня от беспочвенного горячего увлечения широкими общественными задачами и идеалами и убедили меня приняться за общественную деятельность. Благодаря им, я при-

няла участие в возникшем обществе переводчиц, а затем в учреждении высших женских курсов»... и т. д.

«Нигилисткам» и «постепеновкам» не удавалось сговориться; между тем администрация соглашалась утвердить устав общества труда только под условием обязательного главенства графини Ростовцевой и А. П. Философовой. В результате разногласий открытие общества не могло состояться.

Несмотря на разные неудачи, идеи ассоциации, меры к улучшению условий труда завладели умами членов кружка Трубниковой; их старались воплотить в артелях. В начале 60-х годов вообще возникало много артелей мужских и женских. Члены кружка устраивали артели швей, башмачниц; всем кружком устроили вместе артель переводчиц, которым раздавали книги по частям для переводов, сообща издавая их; рисунки, все работы по изданию старались выполнять руками женщин, выискивая способных тружениц и выдвигая их на дорогу. Сложилась крепкая группа неутомимых деятельниц, убежденных в необходимости неотложной помощи нуждам женщин всюду, где частная инициатива могла это сделать. Позже этот кружок взял на себя организацию первых женских курсов и сыграл огромную роль в истории высшего женского образования в России да и вообще в истории просвещения. Своей сплоченностью, энергией, деловитостью, беззаветной преданностью своему делу этот кружок, как благой пример, наглядно показал, чего может достигать деятельность женщин, заставил серьезно и с уважением относиться к ней. Первый порыв женщин к высшему образованию направился тем же естественным путем, как и на западе — к университетам. Наши университеты, лишенные самостоятельности и устойчивых навыков в самоуправлении, в дни общественных движений легко поддаются чужим настроениям и быстро теряют обычный порядок. Осенью 1859 г. администрация Санкт-Петербургского университета как бы решила в виде опыта допустить женщин к слушанию лекций. К изумлению слушателей проф. Кавелина ректор Плетнев, современник Пушкина и князя Вяземского, представитель поколения 20-х и 30-х гг., которое славилось рыцарским отношением к женщинам, вошел в аудиторию под руку с молоденькой, скромно одетой девушкой (Н. Корсини) и любезно усадил ее в кресло. Это повторилось и

в ближайшие дни; потом девушка входила с Кавелиным, затем одна, и садилась уже на скамьи со студентами; посещала она лекции и других профессоров-юристов; к ней привыкли. Вскоре появились в университете А. Блюммер, М. Богданова, Е. Корсини, М. Бокова (Сеченова), за ними многие другие; и в начале 1860 г. у лучших лекторов-профессоров нередко женщин собиралось больше, чем студентов. Потом как-то само собой, без постановлений и разрешений университет открылся для всех; приходили на лекции офицеры, чиновники, учителя, литераторы, иной сановник с семейством. Но общество и печать интересовались только положением и занятиями женщин в университете. Собственно очень немногие из них проходили курс факультета; масса больше слушала интересные лекции. Из профессоров горячим защитником равноправия женщин был Кавелин. К нему примыкали Спасович, Утин, Стасюлевич, еще некоторые. Костомаров предлагал даже ради общей пользы переформировать университет в общедоступный *College de France*.

Несомненно, говорит очевидец Л. Пантелеев, большинство профессоров не «особенно» сочувственно смотрело на стремление женщин к высшему образованию. Калмыков находил, что преподавание истинной науки несовместимо с присутствием женщин в университете. Проф. Куторга подчеркивал в лекциях щекотливые для женщин подробности. То же замечали на лекциях некоторых естественников. В Москве женщинам совсем не удалось проникнуть в университет. Две девушки через своего отца ходатайствовали у попечителя разрешения посещать лекции и получили было разрешение, но попечитель спохватился и резко, даже с угрозами студенту, брату девушек, запретил им входить в университет. В Казани попечитель, как говорят, благосклонно отзывался о допущении женщин в храм науки; студенты усиленно проповедовали среди девиц важность высшего образования, но не одна не поддавалась их пропаганде и не пыталась проникнуть на лекции. Ходили слухи, что в Киеве в 1860 г. женщин видели в университетских аудиториях. В Харькове же были даже изданы правила для посетительниц университета. Вообще до сих пор собрано очень мало сведений об этом важном эпизоде женского движения.

Л. Пантелеев не берется определить отношения студентов к посетительницам университетских лекций, уж слишком быст-

ра была смена настроений среди молодежи. Еще в 1858 г. попойки, посещения веселых зал были в большом ходу, а в 1861 г. все это уже казалось давно минувшим; студенчество захвачено массой общественных вопросов и сливалось с обывательским кругом, на который само сильно влияло; и в этой эволюции сказалось в свою очередь цивилизующее влияние общений с интеллигентными женщинами. Но вот разразились пожары, испугавшие администрацию, закрылись воскресные школы, начались аресты, волнения студентов. Университет закрыли надолго, а с открытием уже не допускали в его стены женщин. Серьезно занимавшиеся естественницы перебрались в медицинскую академию, где их присутствие терпели еще с десятков лет. Три женщины добились степени доктора медицины.

Университетская история 1861—62 гг. особенно тяжело отразилась на судьбе высшего женского образования. Женщин, достаточно подготовленных, чтобы серьезно учиться в университете, было мало, наперечет. По свидетельству самого М. Михайлова, они никому не могли помешать; ничего не меняли в течении университетской жизни; случайные посетители обоего пола, конечно, отхлынули очень скоро или легко были удалены. Своим запрещением министерство поступило вопреки практике, наметившейся на западе. Высшее женское образование пошло у нас своим, совершенно своеобразным путем с открытием высших курсов, постепенно завлекая в их стены тысячи и десятки тысяч женщин. А пока, до их открытия массе женщин пришлось учиться приватно, кое-как и кое-чему, по частным квартирам; более счастливые, подготовившись, уезжали за границу.

Порыв к знанию охватил все общество, не одних женщин; учились всюду, где могли раздобыть знания, могли пристроиться с работой. Тогда на каждого более знающего возлагали нравственную обязанность учить менее знающих. Все старались учить неграмотных, от профессоров и литераторов до учеников и учениц средних школ. Почти в каждую семью, захваченную духом времени, приходили учиться грамоте дети, подростки, даже взрослые из подвалов, углов, лавочек; с ними занимались члены семьи в свободное время, чаще женщины, как не служащие, более свободные. Горячий интерес к воскресным школам принял в свое время характер особого общественного движения. В нем сказался первый, самый чистый порыв интеллигент-

ции и обеспеченного класса к сближению и взаимному пониманию с обездоленной беднотой. Юноши, молодые девушки и женщины, только что захваченные освободительными веяниями, несли в эти классы все лучшее, что загорелось в их душах. Альтруистический порыв смягчал жесткость исключительной веры в силу разума и неопровержимость общих принципов, сменившей романтические настроения 40-х гг. Социальные неурядицы, экономические бедствия, разлад семейных и общественных отношений, все эти сложные и запутанные последствия исторического прошлого считали возможным, говорит современница, быстро исправить, если за борьбу с ними дружно возьмутся очень умные и образованные люди. Уму придавали всесильное, всеобъемлющее значение. Воровство, взяточничество, подлость приписывали глупости, неразвитости ума, невежеству; умный человек должен понимать, что все это не выгодно ему самому. Во имя разума легко отбрасывались семейные и общественные традиции, навязывавшие почитание авторитетов. Благодетельство, добрую душу, развитую совесть, сердечную деликатность считали результатом развитых умственных способностей и разумного эгоизма. Сложность человеческой психологии забывали, не желали вникать в нее; не затрудняли себя мощным влиянием жизни чувств; эту область старались подчинять требованиям разума, личной и общественной пользы.

В основу образования полагались реальные, опытные знания, изучение природы; ими надеялись совершить ряд переворотов в жизни человечества. Очень ценились популярные книги по всем отраслям естествознания, и каждый сколько-нибудь развитой человек обязан был знакомиться с ними. Опытные науки считали лучшим орудием для борьбы с суевериями и предрассудками народной массы. Профессора и педагоги читали лекции в публичных залах, по частным квартирам; студенты-естественники имели массу работы с группами жаждущих знаний. Интеллигентные хозяева считали долгом уступать, если могли, комнаты для устройства демонстративных уроков, маленьких лабораторий, и в них толпами являлись мужчины и женщины анатомировать животных, заниматься с микроскопом.

Опытные знания тиранически господствовали над гуманистическими, над другими запросами духа. Крайние приверженцы утилитаризма высмеивали любовь к поэзии, музыке; с лич-

ными наклонностями, врожденными способностями почти не считались. Русскому обществу удалось тогда впервые сплотиться; оно с увлечением проповедовало солидарность, и нарождались фанатики «принципов», которые навязывали всем и каждому один и тот же цикл знаний. Музыкантши, талантливые певицы, девушки со сценическим дарованием, как загипнотизированные, брели на уроки анатомии и плакали от отвращения к препаратам. Бывали случаи нервных и психических заболеваний, потому что насилуемое сознание не справлялось с чуждым ему делом и отказывалось работать. Девочкам не полагалось давать кукол из опасения, что наряжанье их приучает к кокетству и любви к тряпкам. Частенько маленькие девочки отводили душу возней с обрубками, которым прислуга намалевывала лица. «Зинка, говори, как движется железная дорога (?) без лошадок?» ... «Объясни, из чего это сделано?» — приставала любящая тетка, приятельница Е. Водовозовой, к 5-ти летней племяннице. «А кем ты будешь, когда вырастешь?» «Буду учить бедных деток; они ничего не знают, так я им все расскажу»...

Фанатизм и деспотизм крайних шестидесятников нередко объясняли привычками крепостной поры, от которых не успели отделаться, неприспособленностью к самостоятельному мышлению и критическому анализу, что делало их жертвами настроения момента. Это отчасти, правда; но нужно сознаться, что тут сказывался главным образом элемент революционизма, расшатавший в 60-х гг. вместе со старым социальным строем жизни слабые устои воспитания, навыки общественных отношений, а главное — мирную эволюцию идей.

«Революция есть упрощение», — говорит государственный деятель современной Англии Дж. Морлей в своей биографии Кромвеля; и он, несомненно, прав. В годы колебаний старых порядков на беспомощные, не способные самостоятельно ориентироваться в социальных вопросах общественные круги, на зеленую молодежь мощно и зажигательно действуют сжатые обобщения, упрощенные теории, немногие простые положения, которые легко усвоить и запомнить, а по их отвлеченности и расплывчатости удобно прилагать ко всем случаям жизни. Анализ и вдумчивая критика задерживают порывы, заставляют личность более сосредоточиваться в себе; удобопонятные, готовые, многообещающие теории манят и толкают в заманчивую даль,

возбуждают дремавшие силы («создают настроения», как говорили у нас в 1904-1905 гг.) и деятельный дух. Кажущаяся простота и ясность лозунгов тем и сильна над людской психологией, что зажигает фанатическую веру в них, преданность им, связывает и объединяет верующих единомышленников и отталкивает от тупиц и вредных злодеев, которые, по мнению пропагандистов, не понимают или дерзко не хотят понять простых и великих истин, ведущих человечество к свету и счастью. В горячие дни общественного подъема с упрощенными теориями трудно спорить людям другого лагеря, и потому зрелые опытные деятели ради общественной солидарности в борьбе за реформы часто мирятся с крайностями движения.

Каждый, юный и пожилой, думали тогда, обязан делиться с ближними, знакомыми и незнакомыми всем, что знал сам или слышал; чувство солидарности и общественного долга увлекало толпы. Масса нахлынувших вопросов требовали разъяснения и обмена мыслей. Возникали разнообразные кружки, где собирались люди самых разнообразных слоев - от разночинцев до светских дам; знакомые и незнакомые приносили на вечеринки закуски, булки, хлеб... Первое время царило полное взаимное доверие. На беседах рассказывали, что у кого наболело; занимало недавно пережитое и еще переживаемое; с горечью и негодованием возмущенного молодого чувства описывали гнет старинной семьи, грубое вмешательство в самые дорогие уголки интимной жизни бесправного юного существа, безобразные ссоры и дразги в родных гнездах, распущенность, разврат в помещичьих усадьбах, все то, чем роняли авторитет старших, что надрывало и калечило души и организмы младших. «Вот почему мы должны вести борьбу против тирании семьи; вот почему в нас зародились отрицание авторитетов наших отцов или полный индифферентизм к ним», - кричали сочувствовавшие; крепло стремление порывать семейные цепи и радикально изменить законы и обычаи в пользу свободной личности.

Самые бесправные члены семьи, женщины, испытывали двойной гнет родительской и супружеской власти и общественных предрассудков, и вопрос об освобождении женской личности быстро выдвинулся и стал в ряды неотложных вопросов. Женщина должна завоевать себе неприкосновенность личной жизни и как равноправный член наряду с мужчинами вступить

в обновленное общество Она должна трудиться, иметь заработок и достичь такой самостоятельности, чтобы никогда не пожалеть, что она родилась женщиной.

Стремление сблизиться с народом и вести трудовую полезную жизнь породило принцип опрощения всего её обихода, начиная с внешности деятеля; самый простой костюм, но свидетельствующий о некотором внимании к изяществу, даже к аккуратности, осуждался, высмеивался бойкими лидерами молодежи и очень упорно даже в обиходе лиц, ими уважаемых и влиятельных. Женские наряды, всегда более пестрые и разнообразные, отнимавшие больше времени, подвергались особенно резкой критике и в силу этого более резкой реформе. Простое черное или темное платье с белым воротничком и рукавчиками — полный наряд женщины 60-х гг.; к этому - подстриженные волосы, нередко очки-консервы, придававшие серьезность слишком юным лицам, «скрывавшие блеск и игру женских глаз», - жаловались представители умеренного направления. Кокетство считали одно время смертным грехом, глупейшим порождением крепостного права; его бичевали Чернышевский и М. Михайлов. Значение этого проявления сложной эмоциональной жизни, свойственной всему животному миру, не занимало людей 60-х годов.

«Ты должна знать, что в молодом поколении выработано два непоколебимых принципа: человек должен иметь только то, без чего он не может обойтись, обязан сокращать свои потребности до минимума, без которого может пострадать организм», - внушала представительница одного кружка юной Водовозовой. Простотой жизнью современный человек должен стараться напоминать простой народ... Он тогда будет доверчивее относиться к нам. Деньги должно употреблять не на прихоти, а на нужды народа, на его просвещение.

Наряду с простотой и однообразием внешнего вида проводилась и простота отношений между знакомыми и незнакомыми, между мужчинами и женщинами; устанавливалось прямое товарищеское обращение, без светской уклончивости; не стесняясь, не дожидаясь вопроса, высказывали друг другу в глаза свои мнения и заключения. Осторожность, мягкая тактичность и деликатность исчезли из обихода самых ярких кружков той поры. Бурная пора наложила особенно яркий отпечаток на женщин, на весь их облик, на поведение и манеры, на образ мыслей

и занятия. С утра интеллигентная женщина, даже семейная, приступала к общественному делу или службе, если имела счастье найти работу на 15, 20, много 25 р. в месяц. По пути она отводила детей в дом, где особая воспитательница занималась с ними вместе с детьми других матерей. То были зародыши детских садов, которые возникли несколько позже. Сама мать уходила в контору, магазин или на платные уроки. Вернувшись, она учила грамоте прислугу, детей дворников, соседской бедноты или сама отправлялась на лекцию, урок анатомии или физиологии; нередко - на совещание по поводу новой организации возникающего общества. Позже вечером ее ожидали на выбор собрания кружков и вечеринок; на первых обсуждались литературные новинки, злобы дня, вопросы социального и политического характера. На вечеринках-фикс умели соединять интересные беседы с шумным весельем. А в 60-ые годы умели повеселиться. «Никогда не встречала я позже такого разудалого веселья, не слыхала такого звонкого смеха!» — пишет Е. Водовозова; «и это весьма естественно: осуществилась огромная реформа; открывались великие надежды на блестящее будущее; ожидалось, что поток гуманных и демократических идей снесет без остатка грязные пережитки былого; радужные мечты окрыляли всех... энергичная деятельность шла об руку с бурным весельем. Жилось чрезвычайно интересно».

На вечеринках болтали, спорили, пели, танцевали, затевали игры, живые картины, произносили экспромтом речи — «речи без конца...» В игре в оракул, например, вдохновившись, рисовали картины будущего социального строя города, деревни, красивой жизни просвещенных людей, напоминавшие сны героини «Что делать? Частые собрания и вечеринки очень сближали людей, способствовали быстрому обороту новых мыслей, распространению их среди массы. Здесь заводились более тесные и обширные знакомства, помогавшие приискивать работу, приобретать знания, готовиться к экзаменам, что бывало очень важно для неопытных, стесненных дома или приехавших из провинции женщин. Едва ли не самыми интересными посетительницами кружков были женщины и девушки из аристократических семей, покинувшие свою среду ради новых идеалов жизни; они жили уроками, переводами, перепиской; одевались просто,

даже бедно, отличались фанатической преданностью идеалам эпохи и до мелочей следовали её кодексу морали.

Способных, бойких девушек в кружках учили, как в удобопонятной форме пропагандировать современные идеи среди окружающих, обличать злоупотребления, даже находить способ бороться с бедствиями отечества. Давали список книг от «Колокола», произведений Фохта, Льюиса, Луи Блана, «Молотова» Помяловского, которые она должна рекомендовать для чтения. Она обязана напоминать о высоком призвании женщины-гражданки; барышням указывать на безнравственность их пустого существования, пошлость кокетства, негодовать на бессодержательную болтовню; провинциальным дамам внушать, что стыдно брать содержание от мужей, если их не любят. Всякая женщина должна уметь самостоятельно зарабатывать себе хлеб. Вопрос о браке часто вызывал жестокие споры. Фанатики объявляли брак устарелым, ненужным институтом; другие допускали его только на основах разумности: мужчина и женщина обязаны искать друг в друге идейных товарищей, чтобы рука об руку творить общественное дело. Но находились развитые женщины, которые возмущались вмешательством в интимную жизнь личности даже по соображениям общественной пользы; брак — дело чувства и возможен только по взаимной любви. В этом вихре движения, речей, внушений и споров, постоянно на народе, в погоне за знаниями, не всегда отвечающими природным склонностям и способностям, за заработками, тяжелыми и плохо оплачиваемыми, в которых нередко не нуждались, положение многих женщин, стремившихся к свободе и самостоятельности, было, нужно сознаться, не выгодно для их целей и не всегда почетно, несмотря на большое внимание к ним. Освобождаясь от власти семьи, иногда порывая с нею, среди кружковой жизни, забот об общественной пользе они не находили ни места, ни времени сосредоточиться мыслями, самостоятельно подумать, разобраться в условиях своего существования, освоиться с новизной положения, и благодаря этому не умели стать его хозяйками; они всегда чему-нибудь служили, воспринимали внушения и сами внушали; взрослые, зрелые женщины слишком заметно держались на ученическом положении. Более подготовленная и твердая на общественной почве мужская моло-

дежь постоянно подгоняла женщин вперед от старых устоев и верований на выполнение того, что считалось гражданскими обязанностями. «Новые» женщины, «нигилистки», по терминологии консерваторов, добросовестно вооружились общими лозунгами, готовыми программами движения, много и самоотверженно работали для него; послужили прекрасными передатчицами упрощенных теорий и принципов; сами же редко имели возможность сосредоточиваться и приспособляться к сложной, напряженной работе мысли, необходимой для достижения высших ступеней образования.

Проповедуемая фанатиками простота и свобода во взаимоотношениях полов да еще при обязательности взаимного обучения, наставления и критики послужили неудобной, даже скользкой почвой для нормального роста женской личности и развития в ней самосознания и чувства собственного достоинства. Люди 60-х гг. не считались с темпераментами и свойствами характеров и не желали видеть, на какой жесткий камень преткновения наталкивалась в сфере этих отношений теория разумного эгоизма, как трудно было проводить ее женщинам, всегда ответственным лицам, легко теряющим личную свободу среди свободных отношений. В этой сфере кодекс гражданской морали 60-х гг. обнаружил не мало дефектов и навлек на общество того времени тучу нареканий и обвинений в безнравственности, в значительной степени незаслуженных.

К 1863 г. политические настроения изменились к худшему; сверху началась реакция; замутились светлые надежды оптимистов; расшаталась солидарность общества раздражением одних, замешательством других. Отсутствие заработков при спросе на труд, неудачи в университетах грозили охладить дух женщин, когда появился социальный роман «Что делать?» и вновь вдохновил молодежь. Впечатление он произвел громадное, потрясающее, очень выгодное для женщин и подбодрил их на борьбу за право на образование и лучшее социальное положение. Полная натяжек, то наивной, то неуклюжей искусственности во взаимоотношениях и размышлениях героев, пророческих снов, не гармонирующих с сухой разумностью реалистов 60-х гг., повесть проникнута такой горячей верой в проповедуемые идеалы, в силы и способности людей добиться их осуществления; с такой любовью рисует возможность и близость счастья, да еще создан-

ного своими руками, что не могла не пленить умы жаждущих поддержки и утешения. Базаров, Кукшина многих смущали и пугали. «Что делать?» разъясняло и освещало; одни нашли в романе истолкование своих заветных верований и стремлений; для других он явился откровением, указывавшим новые пути. Верный себе, Чернышевский перегибает палку в сторону женщин. Жила-была красивая девушка с заурядным образованием барышни средней руки, с дремлющими способностями; родители мучили ее, чуть ли не продавали. Дельный, добрый студент предложил ей брак ради спасения от семьи; она приняла его помощь. Юноша без колебаний отказался от выпускных экзаменов и диплома врача, взялся за скучный труд ради заработка. На свободе, в браке-товариществе (но не фиктивном) вскрываются и расцветают духовные силы женщины. Пока муж добывает средства, она осуществляет социальные задачи времени, создает трудовые ассоциации, просвещает трудящихся женщин.

При этом Чернышевский возвращает нигилистке женственность и дает примеры мягкого и осторожного обращения с женщиной. Вера Павловна — украшение своего дома, общества, где бывает, душа и краса своей мастерской, благодаря изящным вкусам. Женщина мило нежится, отдыхает, бережет силы и красоту; она музыкантша, обожает оперу, веселится; времени на все хватает.

Пророческие сны героини отражают рост её идеалов, расширение её умственного горизонта и вместе указывают ей пути. Не покидая своих артелей, она решила учиться медицине с помощью своего второго мужа, профессора-медика, чтобы иметь собственное специальное дело. Сделавшись врачом, она во сне видит свое отражение в глазах чудной женщины, видит себя преобразенной, богиней; и слышит, что это её знания и труд, свобода и равноправность преобразили её в богиню.

Высоконравственному Чернышевскому не мало доставалось за безнравственные тенденции, проводимые им в романе. Действительно, есть места, где Чернышевский «перегибает палку» в сторону широких возможностей в правах любви и даже с нарушением здравого смысла. Когда героиня и друг её мужа увлеклись друг другом, первый муж, зная это, предложил жене принять друга жильцом, а другу переехать к ним; оба в пылком негодовании и обиде отказались от комбинации, и муж в восторге от их гнева.

Зачем же автор заставил его оскорблять нежно любимых им людей своим предложением? Только чтобы лишний раз укрепить веру в разумный эгоизм, оберегающий людей от того, что консерваторы называют безнравственностью. В другом месте повести тот же Лопухов, в беседе со второй невестой оплакивает стесненное положение девушек в жизни, которые, не зная, на что идут, рискуют стать жертвой ошибок в браке; принимать на себя брачные обязательства могут только вдовы. Девушка понимает его, но возражает, что среди «дурной» жизни современного общества опыты, знание её для девушек немислимы, и жених спешит с ней согласиться.

Опять на сцене спасительная логика разумного эгоизма. Но когда все люди станут прекрасными, то не страшны и ошибки в браке, может заключить от себя читатель. Из этих эпизодов, по-видимому, многие делали вывод, что автор проповедует общность жен и полную свободу жизни. Несомненно, он этого не думал; только демонстративные уроки разумного эгоизма сослужили дурную службу на почве, разрыхленной принципами упрощений. Но женщинам было важно и дорого поощрение властителя дум молодого поколения, утешительно слышать из его уст панегирик женским способностям, уму и энергии, которые выводят их на верный путь социального творчества и общего прогресса. Во имя прогресса, справедливости и равноправия мужчина, если он честный человек, обязан в ущерб своим интересам помогать женщине выбраться на свободу, стать деятельным, полезным лицом. Женщине указывали путь к достижению равноправия, и даже красиво, приятно обставленный; ей внушалась вера в свои силы, в ней возбуждали инициативу. Правда, это было русское равноправие — в труде, образовании и обязанностях, а не в правах гражданина, которых еще не существовало в стране. Под влиянием этого поощрения женщины энергичней взялись за учебу, добивались дипломов, ехали за границу ради университетского образования и там оказывались первыми пионерками нового дела; проникая в аудитории, к испытаниям для получения научных степеней, они расчищали дорогу представительницам других наций. В самой России началась упорная, без перерыва и колебаний борьба за право на высшее образование, вызвавшая сочувствие общества. Жертвы строгих семей, запрещавших девушкам учиться, находили рыцарей, ко-

торы предлагали им фиктивный брак и затем обеспечивали им свободу отдельным паспортом.

Одно время после появления «Что делать?» подражание его героям обратилось в поветрие. Тысячи дам и девиц пытались открывать артельные мастерские по программе Чернышевского. Особы со средствами жертвовали деньги на начинания, часто соблазняясь эффектной ролью руководительниц; но за единичными исключениями, все попытки терпели крушение по неподготовленности состава работниц для сложных отношений между собой и с руководительницами, по неумелости инициаторш, часто увлекавшихся невыполнимыми планами. Иногда, как у Х. Алчевской в Харькове, мастерская сразу начинала давать доход швеям; но учредительница по незнакомству с ремеслом предоставила дело руководству бойкой мастерицы, которая завладела им и скоро обратила его в доходное предприятие. Случалось, что небогатые провинциальные барыни открывали артельные мастерские с помощью кружка идейных поклонниц романа и, ловко отделившись от благодетельниц, заводили свое дело, забрав в руки швей. Бывало и хуже; легкомысленные барыньки устраивали свидания в помещении трудовой ассоциации; подбирались соответствующие мастерицы, и мастерская обращалась в приют веселой жизни.

Известны попытки общежитий интеллигентных лиц обоего пола, коммун на трудовых началах. Ими особенно увлекался писатель Слепцов; но и они быстро распались.

Грустные неудачи станут вполне понятными, если оглянуться на крайне печальное состояние женского труда в начале 60-х годов: крепостное право еще держало в тисках свободный труд и мешало естественному распределению населения. В городах и промышленных центрах число женского населения было значительно ниже мужского; относительно Петербурга на это указывает этюд Карновича 1865г. Для Москвы и других больших городов нет таких указаний, но там, несомненно, происходило то же. В Москве по переписи 1880 — 81 г. женское население числом все еще ниже мужского. После реформы начался приток женщин в города и местами очень значительный. В 1860 г. в Петербурге, говорит Е. Карнович, 494 тысячи жителей, женщин же среди них всего 176 тыс.; в 1865 г. жителей 539 тыс., а женщин уже 221 тыс., т. е. прибыло 45 тысяч одних женщин на прежнее число мужчин.

Можно думать, что в годы женского движения в глубине населения происходило и женское переселение, которое трудно исследовать по неточности наших переписей. Среди мужчин в Петербурге огромный процент холостяков, не говоря уже о солдатах; среди женщин много девиц и вдов, соотношение групп очень невыгодное для нравственности населения.

Женский труд находил себе крайне малое приложение; главный процент трудящихся давала прислуга, если не считать громадной группы более 20 тыс. особ легкомысленного поведения, как выражается в своей лекции Карнович. Фабричных работниц всего 3,475. Лучшие принадлежности костюма, предметы роскоши, все, что производят женские руки на западе, у нас привозилось из-за границы. Из 18-ти лучших перворазрядных мастеровских, одевавших beau-monde и высшее купечество, только одна принадлежала русской, прочие содержались иностранками. Хорошие «штучницы» получали за работу роскошного платья 2 р., да хорошие корсетницы с помощью швейных машин вырабатывали в хорошие дни 2 р. 50 коп.; но всех корсетных мастериц и маленьких заготовщиц всего 85 на всю столицу: корсеты все еще привозились из-за границы. Главная масса, 4,713 ремесленниц довольствовались жалованьем в 2, 3—5 руб. в месяц на хозяйском столе и чае. Те, которые работали дома, живя при муже или родных, вырабатывали на перчатках, аграманте 2—3 рубля в месяц, на чулках — еще меньше. Промысел цветочниц и др. отделок на шляпы в 60 гг. почти исчез, так как модные гарибальдийки, мушкетерки да еще увлечение молодежи опрочением вытеснили эти украшения с рынка.

220 петербургских жительниц вели торговлю, числясь в 2-х первых гильдиях, главным образом железом, салом, кожами, вином, деревом; очевидно, продолжая промысел мужей и отцов; совершенная противоположность тому, чем промышленляют предприимчивые женщины европейских столиц, замечает Карнович, и там в их руках производство кружев, украшений, шляп, нарядов и т. п.

Крепостное право установило надолго невероятно грубое, презрительное обращение с трудящимися, особенно с беззащитными женщинами; обедневшим, нуждавшимся в зароботке представительницам бывшего поместного класса было крайне трудно найти работу, конкурируя с мешанством и вчерашними

крепостными; а, добыв ее, приходилось выдерживать мучительный искус подчинения бесчисленным унижениям и издевательству. Письма и заметки наборщиц новичков о том, что они переиспытали, какого героического напряжения воли стоило им пристыдить и смягчить конкурентов-мужчин, да и то ненадолго, возобновляя борьбу с каждой переменной состава, производили потрясающее впечатление на читателей. К тяжким моральным искусствам присоединялись и физические испытания; трудящиеся женщины ютились на окраинах, грязных и темных улицах, откуда приходилось ходить пешком в мастерские, конторы, магазины центра города, (дешевых сообщений долго не знали), делая туда и обратно по 7, 8 верст в день, отрывая для 3, 4 часов ходьбы время от сна и необходимой домашней заботы. Ни такого унижительного обращения, ни мучительного передвижения не знали труженицы западной Европы, давно пользовавшиеся омнибусами, и, конечно, лучшей мостовой. Можно ли требовать, чтобы изделия измученных, приниженных людей конкурировали с продуктами лучше обставленного труда!

Что касается интеллигентных профессий, то и тут дело обстояло очень плохо; открывались женские гимназии и другие средне-учебные заведения, а спрос на женский учительский труд на время даже упал; домашние наставницы с дипломами с большим трудом находили занятия в младших классах и получали за них жалкое вознаграждение; еще всюду им предпочитали учителей, хотя бы и без высшего образования.

Не лучше шло дело и в области литературы; число изданий, журналов и газет росло, но в бурные годы первое место в периодической печати занимала публицистика, требовавшая подготовки, зрелости мысли и опыта жизни; женщины же не обладали ни опытом, ни серьезной подготовкой; на их долю приходились беллетристика, требовавшая таланта, компиляции и переводы, на которые конкуренция сбивала цены до жалких грошей. И то, о литературном труде женщин можно говорить только в столицах и больших центрах, как Киев; в провинции его не существовало. А между тем наплыв женщин в столицы, особенно в Петербург, не уменьшался. Большая часть их вырывалась из сельской глуши, где так долго задерживала их крепостная зависимость.

Провинция шлет нам каждый год сотни женщин, которые стремятся в Петербург, как в обетованную землю, писала журна-

листка 60-х гг. про участь интеллигентных искательниц труда. Трудно определить, чем обусловилась эта иммиграция. Приезжали лица с самой разнообразной подготовкой: от только грамотных до окончивших институты и гимназии; подгоняла их материальная нужда, нестерпимый семейный гнет, от которого избавишься, если станешь на свои ноги, потребность в просвещении и умственном развитии, часто потребность просто подышать свежим воздухом, искание деятельности во что бы то ни стало. Ведь Петербург - единственное место, где находили общественную жизнь, самый либеральный город, где много говорят и пишут в защиту женщин; здесь разъяснят недоразумения, все объяснят, укажут, за что взяться на первый случай. Волнение, возбужденное Чернышевским, сильно сказалось в провинции. Обеспеченные семейные дамы являлись к писательницам, и деятельницам, прося работы и рекомендации, поступали продавщицами в магазины, вышивали, шили изящные лифы и блузки на продажу и радовались грошовому заработку. Нечто подобное замечалось и во Франции после 1848 г. Застоем и переворотами в промышленности, волнениями среди работниц воспользовались женщины мелкобуржуазных и чиновничьих семей; обученные в монастырях и дома художественным работам, они захватили в свои руки значительную часть кружевного, вышивального, цветочного и швейного промыслов, спокойно и со вниманием работая в удобной обстановке; и французы радовались, что производства не перешли в руки иностранцев. Но в России вольный труд едва нарождался, и участие в нем неопытных барынь и барышень являлся никому ненужным инцидентом.

Дамы пытались заниматься торговлей, открывали лавки. Так Х. Алчевская несколько лет держала в Харькове чайную торговлю, которая тогда «удовлетворяла ее нравственно, как самостоятельный заработок». Магазин был обставлен красиво, как место интеллигентного труда. Хорошенькие мальчишки — помощники носили малороссийский наряд; на прилавке были разложены новые газеты и журналы; рядом в уютной комнатке вечно шумел самовар, и велись дружеские беседы в минуты отдыха; а по воскресеньям сюда собирались дети и взрослые учиться грамоте. Увлечение трудовым идеалом проявлялось в наивных, даже смешных формах и все-таки трогательных. Матери и старшие родственницы сопровождали обеспеченных девушек в поисках

работы на дому, каких-нибудь переводов по 6, 8 рублей с листа; девица всему радовалась; а старшая приговаривала: «Ну, положим, хоть на туалет себе заработает; et puis c' est si joli, vous savez, quand une jeune fille travaille». Смешно и грустно! Но мир душам таких матерей и теток! Они при лучших условиях сумели бы почувствовать стремление девушек к высшему образованию и более разумному труду.

Много женщин проникались глубоко справедливым принципом 60-х гг., что средства родителей и мужа — не их средства, что только тот имеет право пользоваться дающимися ему в руки материальными благами, кто выплачивает их обществу тою или другою полезной деятельностью.. Не увлекаться пустяками, не браться за работы бедняков следовало обеспеченным женщинам, а сделаться производительною силою в стране; развить широкую общественную деятельность, чтобы косвенным путем вернуть то, чем они располагали; начать серьезную организованную борьбу с бедностью (а не пустую игру в благотворительность), с невежеством, с безграмотностью; положить все свои силы и знания на искоренение этих ужасных бедствий. Так говорили вдумчивые и деятельные женщины из умеренных шестидесятниц и были правы в теории; исполнять эти советы на практике было очень мудрено.

С тех пор прошло 50 лет, возникла масса всевозможных обществ, а такой широкой организации для искоренения основных бедствий народа все еще не видно. Широкая общественная деятельность требует зрелости мысли, умудренности опытом, не только личным, но и опытом прошлого. А много ли было женщин с энергией и твердостью деятельниц кружка Трубниковой, Философовой и Стасовой? Да и те встречали на своем пути бесчисленные препятствия; в провинции их деятельность вряд ли была бы возможна. Повсеместное закрытие воскресных школ показало, как трудно отстаивать даже право преподавать грамоту.

В первые бурные годы эпохи реформ стремление женщин к труду и деятельности билось в заколдованном кругу. Немного женских сил находило себе полезное приложение, и слишком много растрачивалось на процесс искания труда, на мелочи, на шумные споры, испарялось в нервном возбуждении; но споры надоедали, нервы свыкались с волнующей обстановкой, а требования занятий и просвещения становились определенной и

тверже. С каждым годом росло упорство женщин, энергия в борьбе за право на труд; эта стойкость, как всякое проявление общественной силы, казалась опасной властям, и они пытались успокоить неугомонные элементы кое-какими уступками, допускали женщин к службе на телеграфе, потом в почтовых конторах; но дело шло так медленно, что все это оказывалось каплей в море. С переселением женщин в города требования только росли. Во второй половине 60-х годов самые благонадежные люди, твердые консерваторы с тревогой замечали возбуждение женщин, не находивших исхода своим силам. Даже «Северная Пчела» заговорила о недостаточном применении женского труда: «Теперь нечего спрашивать, чего хотят женщины? Они хотят труда, труда, труда!» Забеспокоилось, наконец, ведомство государственной полиции перед массой женщин, стучащихся в банки, конторы, во все ведомства в поисках мест, перед приливом ищущих приложения женских сил, и решило, что их необходимо чем-нибудь занять. Мнение шефа жандармов произвело впечатление в высших сферах, и министерство народного просвещения было вынуждено давать разрешения на открытие высших женских курсов.

К этому времени крайности женского движения, непримиримость нигилизма улеглись и стушевались, зато его огромные результаты заметнее сказывались во всем. Под натиском бурных молодых сил старый уклад жизни разрушился; женщины выбились из узкой колеи всеильного прежде быта, и самый термин «быт» потерял прежний смысл для интеллигенции. Даже в деревне с введением новых порядков, с уходом женщин в города и на фабрики для личных заработков понемногу распадается крестьянские многосемейные дворы, эти старые очаги патриархального деспотизма домохозяев. Борьба отцов и детей тяжело сказывалась и в крестьянстве, и среди неё громко слышались голоса женщин. В крестьянских разделах играло огромную роль стремление женщин хоть к бедной, но более нормальной жизни своей личной семьей, своим хозяйством; возникла борьба крестьянок за «малую семью», за право располагать лично своим трудом и имуществом. А на фабриках и промыслах с этой же поры женский труд и положение работниц вводится в огромную сферу рабочего вопроса.

Дух индивидуализма, эмансипации личности ужился в семьях интеллигенции; женская молодежь росла с сознанием своих прав на собственные *Lehr-und-Wanderjahre*, на право располагать своими молодыми силами. Духовные свойства русских девушек, их потребности в высших и специальных знаниях обеспечивали процветание высших женских курсов; а это в свою очередь побуждало кружки опытных деятельниц, начиная с петербургских, создавать и поддерживать высшие курсы. Их инициативой с участием общественных сил в России возникла своеобразная система высшего образования женщин посредством особых просветительных учреждений, возникавших самостоятельно, как старинные европейские университеты, но отстранявших женщин от своих русских университетов, что имело свое невыгодное влияние.

Наряду с успехами образования среди женщин расширялась и сфера доступных им отраслей труда, а с другой стороны, масса женской молодежи участвовала во всех течениях социально-политической мысли.

Беглым обзором основных явлений женской жизни, связанных с общественным переломом 60-х гг. я заканчиваю свои очерки. Женское движение в России — весьма обширная тема, требует особой специальной обработки. Конечно, оглянувшись назад, на содержание предлагаемой книги, я должна отметить и в нем своего рода движение, рост духовной личности в русской женщине, но это движение совершалось еще бессознательно, почти стихийно, не выделяясь в определенное течение.

Отсутствие общественной жизни и замкнутость семейной в Московской Руси подавляли духовные силы женщин высших классов, а рабство, отсутствие цехов и корпораций принижали женщин трудящихся низов.

Только с XVI в., когда Русь становилась объединенным национальным государством, стали лучше ценить женскую личность: церковь — как святую заступницу, государство — как сотрудницу своих служилых людей. В XVII в. среди церковной смуты и культурно-политического кризиса уже выдвигаются на роли вождей энергичные талантливые женщины и открывают пути на общественную арену следующим поколениям. В следующем веке женщины принимали участие в общественной жиз-

ни, получали некоторое образование, призывались к литературной и просветительной деятельности; в среде писательниц проникли первые отзвуки идеи о равноправии полов.

Женщины XIX в. не нуждаются в призывах; они идут вперед вместе с русской интеллигенцией, содействуя культурному подъему, устраивают литературные салоны, вдохновляют творцов национальной литературы; они идут за политическими деятелями; они — товарищи представителей молодой России, а иные вносят нотку своего группового интереса, отстаивая своих человеческих прав. А когда социально-экономическая реформа глубоко всколыхнула все население страны, женщины выдвинулись из-под давления бытового уклада; одни стали слугами рынка, а другие пополнили собой кадры интеллигенции, где оказались подготовленными к выполнению общественных задач и выделили свое феминистическое, как говорили на Западе, движение для расширения своих прав на образование и труд.

Е.Н. Щепкина

**ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1905 ГОДА
В ОТЗЫВАХ СОВРЕМЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ**

Женское движение возникло одновременно с открытым выступлением на путь политической деятельности конституционалистов—представителей общественно-выборного элемента. В начале ноября 1904 г., во время земского съезда в Петербурге, приехавшие из провинции женщины осведомлялись о женских кружках, которые могли бы поддержать заявления провинциалок, требовавших расширения гражданских и политических прав женщин; тогда в Петербурге не нашлось подходящих организаций, кроме женского взаимно-благотворительного общества, на которое тоже трудно было надеяться: оно придерживалось осторожно-консервативного направления. Так, до начала весны 1905 г. брожение среди женщин интеллигенции не выливалось в определенные формы.

Идея равноправности полов по временам мелькала в речах и резолюциях социалдемократов и таилась в сознании немногих прогрессивных деятелей.

Зимой представители различных слоев общества собирались на банкеты, пользовались общими собраниями всевозможных организованных обществ, технических, педагогических и т. д., чтобы поддерживать освободительное движение; составляли резолюции, эти «формулы соглашений прогрессивных элементов разных слоев населения», по удачному выражению одной из них. Разразилось 9-ое января 1905 г. и тяжело отдалось в глубинах русского населения. Расстрел мирных рабочих на столичных улицах и площадях, неожиданный и поразительный по бессмысленной жестокости, сразу обострил настроение борцов освободительного движения. Представители всех свободных профессий, вся чуткая к политической жизни интеллигенция Петербурга принялась собирать сведения о ходе народного движения, о деяниях властей, о погибших, об участи обездоленных семей. Вокруг представителей группировались их товарищи по профессиям, образуя кружки, быстро развивавшиеся в союзы интеллигентных сил. Одним из первых возник союз инженеров, объединившись на политической платформе, требовавшей созыва учредительного собрания из лиц избранных всем населением «без различия пола» (семичленной формулы).

В Москве женщины, собираясь группами, составили и послали в земское собрание и городскую думу заявление с требованием для женщин политических прав и гражданского равенства. Несколько гласных сочувствовали политическому равноправию полов и поддерживали стремления женщин. В половине февраля была избрана Московской думой комиссия по общим вопросам, готовящая между прочим материалы для введения всеобщего избирательного права в России.

В частности в комиссии возбуждался вопрос о правах женщин; за них высказалось еще слабое меньшинство. Оно полагало, по словам отчета, «что лишение женщин права голосования лишает систему выборов права именоваться всеобщим голосованием и что к исключению женщин нет ни принципиальных, ни практических оснований». Тем не менее меньшинство не настаивало на внесении своего мнения на обсуждение Думы, оставив за собой право настаивать на допущении женщин к участию в местных выборах.

Начались деятельные сношения с провинциями ради организации своего женского союза. Но наиболее деятельные и энергичные женщины интеллигенции были уже захвачены в ряды партий или профессиональных союзов, писателей, врачей, учителей и т.д.; организация непрофессионального, а чисто политического союза, как союз равноправности женщин, встречала различные препятствия. Возникали сомнения, следует ли выделять женское движение в особую организацию, не лучше ли довериться социалистическим партиям, признающим основным догматом политическое равноправие всех людей; часто сами женщины довольствовались работой в других союзах на равных правах с членами-мужчинами.

В апреле женские кружки в Москве сговорились окончательно; петербургские согласились примкнуть к ним. В начале мая в Москве собрался первый съезд делегатов столичных и провинциальных кружков.

Его заседания совпали с собранием делегатов всех союзов, организация которых распространялась и на провинции, собранием «Союза Союзов». Союз женщин поспешил войти в общую политическую организацию, чтобы деятельнее участвовать в освободительном движении и влиять на другие союзы в благоприятном смысле для укрепления идеи равноправия женщин.

Первое появление женщин в бюро общесоюзного съезда вызвало откровенное удивление: «Зачем сюда попали женщины? Тут какое-нибудь недоразумение». Но женщины твердо и спокойно заняли свои позиции, и к их присутствию очень скоро привыкли. Среди 14-ти объединившихся союзов едва ли четыре ввели в свою платформу семичленную формулу, уравнивающую права обоих полов. Но участие женщин на делегатских съездах хорошо повлияло на прочие союзы. Внутри каждого из них действовали представители крайних партий, которые поддерживали агитацию за равноправность женщин, чтобы придать платформам ярко-демократический характер. Опираясь на крайних, женщинам удалось внести поправки во все платформы. Делегаты признавали, что союзы, ими представляемые, ничего не имеют против равноправия женщин, а просто не подумали о новом принципе, принимая обычную 4-х членную формулу; и союзы один за другим принимали прибавку к ней «без различия пола». То же делали и вновь примыкавшие союзы. Через два месяца на 3-м делегатском съезде большинством всех против одного делегата «без различия пола» было внесено и в резолюцию, и в самую платформу Союза Союзов.

Идея политического равноправия полов делала быстрые успехи в сознании русской интеллигенции, и ею начали проникаться некоторые земские и городские собрания. Все лето 1905 г. союз женщин вел среди них свою агитацию. Июльский земский съезд в Москве получил 16 заявлений от отделений союза, а 17-е привезла делегатка из Литвы. Но ни одного заявления не прочитали на съезде; его члены вообще уклонялись от обсуждения вопроса о женских правах. В своей резолюции съезд принципиально признавал необходимость равноправности, но «дабы не затруднять момент учредительства» новых порядков в стране, нашел более политичным не решать его сейчас, а отложить или до изменения условий, при которых произойдет учредительство, или до того времени, когда народные представители уже будут созданы.

Союз равноправия горячо протестовал против такого отодвигания жгучего вопроса в неопределенное будущее. Предвидится радикальная реформа политического и социального быта страны; до сих пор русское население не знало свободы; пока политически бесправное, оно в близком будущем намеревается

резко расколоться; одна половина его, мужчины, готовясь завладеть всеми личными и политическими правами, уже отмежевывали себя от другой, осуждая женщин на неопределенное ожидание лучших условий и лучшего будущего. Государства западной Европы совсем не испытывали того деспотического гнета, который столетиями выносила Россия; там личная свобода и правовые порядки медленно и постепенно проникали в нравы и обычаи, развиваясь в более совершенные формы общежития. В отсталой России крутой, тяжелый перелом должен совершиться сразу: поэтому простая экономия сил требует, чтобы перелом был доведен до конца, чтобы обновлению дали проникнуть как можно глубже во все сферы народной жизни, охватить им всю массу населения.

Чтобы уяснить отношение общественных деятелей конституционалистов к женскому вопросу, бюро союза равноправия женщин обратилось к ним с письменными заявлениями. Ответы на них, по моему мнению, представляют немалый интерес в настоящее время, когда около Государственной Думы работает избранная ею комиссия по вопросу о равноправности населения перед законом.

Бюро разослало 169 писем с просьбой ответить на следующие вопросы, соответствующие платформе союза, хотя бы односложным «да», «нет»: «Считаете ли Вы, что женщины должны пользоваться равными с мужчинами правами: 1) при избрании народных представителей, 2) в органах местного самоуправления, и 3) считаете ли Вы предоставление этих прав женщинам своевременным при созыве учредительного собрания?».

Запросы получены были членами земских съездов как раз перед 6-м августа, днем опубликования «Булыгинского» закона о Государственной Думе, и последний вопрос об учредительном собрании смущал наиболее сдержанных деятелей. Более 60 деятелей прислали ответы; немногие из них ограничились краткими «да» или «нет», огромное большинство обосновывало свои ответы на различных данных, аргументировало свои мнения. Из 61-го имеющихся в моем распоряжении письма, четыре относятся вообще отрицательно к равноправности женщин, не видят пользы для общества в уравнении женщин с мужчинами. 22 ответа допускают возможность расширения прав женщин, иные даже признают его необходимым, но с большими или меньшими ограни-

чениями или просто признают «несвоевременным», «не очередным» вопрос о политических правах женщин. 36 деятелей ответили утвердительно на все три вопроса, выразили полное сочувствие агитации в пользу распространения избирательных прав и на женщин, доказывали, что она своевременна и необходима.

Начну обзор с ответов противников равноправия полов; этим путем развитие молодой политической идеи выразится ярче, выпуклее. А чтобы крепче связать недавнее прошлое, то, что говорилось всего 11 месяцев тому назад, с текущей деятельностью Государственной Думы приведу только одну выдержку из письма сторонника равноправия: «Полагаю, что вопрос об уравнивании прав женщин будет одним из первых, которым займется Государственная Дума». Сказанное по поводу первоначального учреждения, намеченного робким, бесцветным законом Булыгина, оказалось справедливым относительно современной Думы, более совершенной.

«В настоящее время считаю нежелательным предоставление женщинам равноправности, — говорит самый резкий из противников, — так как, вступая в общественную деятельность, женщина перестает быть матерью семьи и, становясь равноправной, теряет свое самое важное назначение — быть матерью. От этого и она, и все общество более потеряют, нежели приобретут». Ответ, можно сказать, «классический», но уже единственный в своем роде в нашей коллекции писем; это мнение переживает свое время и, видимо, теряет под собою почву.

Другой противник старается доказать, что к политической деятельности стремится очень мало женщин. «Большинство ограничивает свои стремления тем, чтобы был расширен доступ к образованию, чтобы обширнее сделалась сфера приложения женского труда, чтобы за женщинами была обеспечена равноправность с мужчинами в гражданско-правовом отношении. Стремления эти, по моему мнению, заслуживают полного сочувствия и содействия». «Никто, мало-мальский близкий к делу, — говорит он далее, — не станет отрицать, как много серьезного и полезного сделано и делается женщинами в областях, непосредственно соприкасающихся, а подчас и совпадающих со сферой деятельности земских и городских учреждений». Однако автор не знает случаев, чтобы женщины старались юридически закрепить за собой право на эту деятельность. Впрочем, он допускает возможность

ради заслуг «десяти праведниц» дать все права земских работников и всей женской братии. Агитацию же за политические права он считает излишней и не заслуживающей сочувствия.

Третий противник женского равноправия и согласился бы предоставить женщинам права избирательниц, но беда в том, что политических прав еще ни у кого нет в России; за них надо бороться, а борьбу эту надо предоставить одним мужчинам, так как «борьба очень действует на психику, а это может вредно отозваться на семье; а нужны здоровые члены семьи, готовые на борьбу умом, характером, а не нервами». Увы, позволю себе возразить, бороться приходится в значительной степени и нервами. За последнюю осень и зиму в этом, вероятно, убедился и сам автор.

Таковы доводы немногих деятелей решившихся ответить отрицательно на вопросы женщин. Жаль, что их так немного; анкета в силу этого дала односторонние результаты.

Перехожу к письмам сторонников частичного расширения сферы деятельности женщин. Этот отдел особенно богат аргументацией; нет ни одного односложного ответа из «да» и «нет». На рубеже между отделами следует поставить самое обширное в коллекции письмо, автор которого попутно разбирается в значении политических прав и обязанностей вообще, в смысле четырехчленной формулы всеобщего избирательного права.

Вопрос о политической равноправности женщин он считает очень сложным. Если бы «я был в эту минуту немцем, англичанином или французом, я высказался бы против предоставления женщинам избирательного права. И это не потому, чтобы я думал, что женщины менее сильны интеллектуально и менее подготовлены к политической деятельности, чем мужчины (даже в старо-конституционных странах средний уровень депутатов отнюдь не очень высок, и рядовой средней женщине нетрудно стать с ним вровень), а по другой причине». Автор не желает пачкать женщин участием в политической борьбе, всегда неприятной. Предвидя распадение современного института брака и полную реформу отношений полов, он полагает, что это поведет за собой полную перестройку культурных, экономических и правовых условий жизни, вообще ряд последствий, которые трудно учесть. Во всяком случае, введение женщин в активную политическую жизнь очень усложнит личную частную жизнь

людей, «не говоря о политической», замечает автор, сделает ее более тяжелой.

Творчество женщины как матери умалится, что несомненно дурно отразится на участи расы. Что касается бессемейных женщин, то существование их на свете аномалия, «ибо право на личное счастье, на любовь, на семью и для женщины — на деторождение есть такое же основное естественное право, как право человека на кислород воздуха, которым он дышит! Бессемейная женщина, *quantite negligeable*, вряд ли имеющая значение в широкой общественной деятельности. Вообще политическую деятельность лучше предоставить одним мужчинам»... — так говорил бы автор, если бы был гражданином западно-европейского государства, но он русский, и потому оказывается вынужденным признать, что «не человек для субботы, а суббота для человека. Иногда исторические условия и политическая необходимость заставляют поступиться принципиальными соображениями. Я думаю, что несмотря на все то, что мною сказано выше, русская государственная и политическая действительность чревата такими событиями, что одним мужчинам не по силам спасти культуру и обеспечить мирный прогресс страны, и что нам, несмотря на все вышеизложенное мной, необходимо обратиться к помощи и сотрудничеству русских женщин».

Признавая всеобщее, но не равное избирательное право, автор отстаивает образовательный ценз; только для того, чтобы усилить значение и влияние интеллигентных групп на выборах, автор представляет избирательные права и женщинам. От избирателя он требует по крайней мере грамотности; но, чтобы не лишиться избирательных прав 86% крестьянского населения, он допускает исключение для 30-летних крестьян-домохозяев; а затем ряды избирателей пополняются женщинами, удовлетворяющими минимальному образовательному цензу; женщины удваивают число голосов интеллигенции; ради этого и поступает своим принципом противник равноправности.

Это длинное и обстоятельное письмо ученого врача так ярко отражает настроение русской интеллигенции за время политического перелома, что его следовало бы целиком отдать в печать, если бы не категорическое заявление автора — «для печати не предназначено».

Совершенно иначе смотрит на дело другой деятель. Относительно женщин вообще, как нормальной части населения, он склонен ответить «да» на все 3 вопроса. Но право «избирать» он очень строго отличает от «права принять избрание». Первое есть право «общее», принадлежащее одинаково мужскому и женскому населению; второе — право быть народным представителем, есть право *личное* и обставляется специальными личными условиями — свободой от личных и семейных уз, способностью бесстрастного мышления, даром молчаливости, знанием народного чувства.

Соответственно этому автор делит и женщин на 1) обладающих полным атрибутом половой жизни (жены, матери, хозяйки семьи) и 2) бессемейных, лишенных половой жизни, но с широким кругозором духовных и общественных потребностей девушек (в смысле *Spinsters*); это учительницы, гувернантки, сестры милосердия, чернички; этим последним должно принадлежать наравне с мужчинами личное право «принимать избрание», быть народными представительницами. Доступно ли замужним женщинам по крайней мере активное избирательное право, или они совсем неспособны, этого автор не выясняет.

Оба автора — врачи, оба ученые; оба основывают свои взгляды на психо-физиологических данных женской природы, но только из одних и тех же данных делают противоположные выводы: один считает женщину без половой жизни за аномалию, непригодную для нормальной общественной деятельности; другой, наоборот, этих-то старых дев — «черничек», *Spinsters* — и считает самым подходящим элементом из женского населения для политической деятельности. Один боится за счастье человека в интимной жизни, если женщины увлекутся политикой. Другой считает безбрачие неизбежным для значительного числа женщин и охотно готов привлечь их к ответственным политическим ролям.

Далее один земец заявляет, что возбуждение вопросов, изложенных бюро, считает преждевременным, однако допускает для женщин пользование активными избирательными правами (но отнюдь не пассивными), как народных представителей, так и в органах местного самоуправления.

Очень опытный земский деятель считает необходимым участие женщин только в ячейке местного самоуправления, во все-

сословной волости, ведающей одни хозяйственные дела; что касается уездного земства, то оно должно ограничиваться избранием уездных гласных. Участие же их в избрании народных представителей неосуществимо при современных культурных условиях страны.

Мягче и пространнее говорит то же самое и другой земец, ссылаясь на то, что старые предубеждения и отношения к личности, допускающие ее поглощение интересами семьи и двора, хотя и поколеблены, но еще очень сильны. Только с их изменением изменится и положение женщин, а пока следует добиваться участия в местном самоуправлении.

С последним заключением с большей или меньшей уверенностью согласен ряд общественных деятелей-практиков. Неуверенные смущаются недостатком образования среди массы женского населения.

Иные, по-видимому, просто мало задумывались над вопросами, выставленными союзом женщин. «На первые 2 вопроса ответу, конечно, «да», — пишет один автор; относительно своевременности же полагаю, надо подождать? Ввиду неудовлетворительности закона 6-го августа следует бороться за истинное народное представительство, женский же вопрос — «неосновной».

Ничего не имеет в принципе против равноправности и другой автор, но осуществление женщинами приобретаемых прав считает делом неблизкого будущего.

«На первые два вопроса, с точки зрения справедливости, я должен ответить положительно, пишет осторожный деятель-практик, что же касается 3-го, о своевременности предоставления этих прав женщинам, я затрудняюсь ответить положительно, так как нужно считаться с крестьянской массой (ведь если предоставлять права, то всем женщинам). Нужно ее спросить, что она думает; я, несмотря на близость мою к деревне, все-таки не могу сказать, чтобы я узнал крестьянина; женщина же крестьянка для меня до сих пор сфинкс...».

Смело отвечая на два первых вопроса, иные авторы сильно смущаются по поводу 3-го, — своевременно ли выдвинут вопрос о равноправности женщин? «Я отнесся бы с сочувствием и к предоставлению политических равных с мужчинами прав, и при созыве учредительного собрания, но полагаю, что настаивать на

этом вопросе в настоящее время с надеждой на успех нельзя». Вопрос не вошел в сознание общества, а последнее занято более неотложными задачами.

Отвечая «да» на все вопросы, вспоминая частное совещание с 20-ю крестьянами, высказавшееся единогласно за уравнение женщин в правах, один деятель заявляет, что в Думе будет вотировать за равноправность женщин, но с собственной инициативой не выступит: это — деталь, есть более важные задачи. Участие женщин в представительных учреждениях важно тем, что «только этим путем можно достигнуть правильной постановки просвещения и воспитания женщин».

Интересно мнение радикала-южанина: «Считаю совершенно своевременным и конечно справедливым предоставление *активных* прав избирателей женщинам, как в государственных учреждениях, так и в органах местного самоуправления. Что же касается пассивных прав, то, находя предоставление их женщинам наравне с мужчинами вполне справедливым, не считаю возможным сделать это сейчас, т. е. считаю *несвоевременным*. Излагать все мотивы такого моего мнения не стану, это повлекло бы к большой переписке; скажу только, что положение женщины в семье и обществе и ее массовое низкое развитие побуждают меня считать предоставление прав пассивных несвоевременным. Но можно было бы установить образовательный ценз и такой группе предоставить пассивные избирательные права, но этого я не считаю справедливым и не могу рекомендовать».

Несколько преданных земскому делу деятелей отнеслись особенно внимательно к заданным вопросам. В их ответах заметно сознание важности вопроса о равноправности полов и стремление разобраться в нем. В органах местного самоуправления участие женщин и сейчас желательно, говорит один из них; но с участием в избрании народных представителей нужно подождать: «В подавляющей массе женского населения провинции вовсе не наблюдается сознательного отношения к политической жизни страны и стремления играть в ней какую-либо роль. Только при наличности такого отношения возможно, как мне кажется, ожидать пользы для государства от участия женщин в собрании представителей, особенно если принять во внимание, что они, преобладая по числу, будут иметь решающее влияние на ход государственной жизни». «Принципиально, имея в виду

лишь разницу физической и духовной природы женщины и мужчины, различия делать не следует», — заявляется в другом ответе. Но нужно считаться с действительностью, иметь в виду, «что в среде совершенно невежественной, где женщина является в полном семейном и экономическом подчинении мужчине (некоторые инородческие племена и часть крестьянского населения), присвоение женщинам права голоса без всяких отговорок было бы ничем иным, как усилением голоса наиболее невежественной части мужского населения»...

Автор думает, что при избрании народных представителей женщины, ведущие самостоятельное хозяйство и имеющие самостоятельное семейное положение, должны иметь право непосредственного участия в выборах (активное право); в органах местного самоуправления такие женщины должны иметь и пассивное право, т. е. право быть избираемыми. При этих же условиях автор считает возможным предоставить женщинам права голоса при созыве учредительного собрания.

Выдающийся земец еще 3 года тому назад представлял земскому собранию своей губернии доклад о пользе участия женщин в местном самоуправлении. Теперь в своем ответе бюро он признает более или менее логичными все доводы, приводимые в пользу предоставления женщинам и политических прав, но вместе с тем считает их теоретичными, далекими от русской действительности. Только весьма незначительная часть женщин способна сознательно добиваться этих прав. «У подавляющего же большинства, кому эти права свалятся с неба (крестьянок), это предоставление политических прав вызовет лишь удивление. Не говорю уже о крестьянках, которым эта мера покажется более или менее странною, несколько несоответствующею их поиманию («пустою барскою затеей»). Говорить среди населения, у которого в смысле прав «нет даже сухой корки хлеба» о женских избирательных правах, о последнем слове «политической свободы и благоустройства» «значит голодному толковать о пирожном». «Это несвоевременно, нетактично и даже нецелесообразно: явно докажет нашу политическую неуравновешенность и незрелость. Вместе с тем считаю весьма полезным, что вопрос этот выдвинут известною, наиболее передовую частью нашего общества; если он не заглохнет, в чем я почти не сомневаюсь, то можно рассчитывать, что постепенно он будет прони-

кать все более и более глубоко и широко во все слои русского общества». Весьма вероятно, что время предоставления женщинам всех политических прав и не очень далеко. Начинать нужно с участия в местном самоуправлении; на этом поприще следует показать себя достойными полной равноправности с мужчинами и приучить население к тому, что теперь ему кажется неестественным и даже диким.

Все горячие доводы автора против выступления женщин на борьбу за свои права, обличения в нетактичности в настоящее время потеряли смысл. Чтобы вопрос о равноправии полов проникал широко и глубоко в сознание общества, чтобы представители общества в Государственной Думе могли провести его в законопроекты, женщины должны были агитировать как раз в жгучие моменты возбуждения, следовательно, агитация оказалась своевременной, вопреки приведенным доводам.

В ином тоне высказывается другой сторонник несвоевременности немедленного разрешения вопроса о равноправности женщин.

«Постараюсь ответить на эти вопросы с возможной ясностью, что не представит затруднений, так как для меня этот вопрос возник не сейчас, и я думал о нем достаточно много. В основу всякого союза общественного, а следовательно и государственного, может быть положено лишь начало свободы человеческой личности, независимо от пола или каких-либо иных социальных различий. Только свобода человеческой личности может дать прочное начало нравственности, праву и справедливости, без которых никакой союз не может осуществить своей высшей, человеческой задачи. Поэтому, исходя от начал свободы, нравственности и справедливости, я не вижу никакой возможности отрицать за женщиной какое-либо право, которое уже принадлежит другой половине человеческого рода, ибо это было бы отрицанием в женщине человеческой личности.

С практической точки зрения, точно также я полагаю, что признание за женщиной полного равноправия с мужчинами произвело бы глубокий переворот в нравах и понятиях общества, так как прежде всего освободило бы человечество от господства силы над правом и создало бы действительное уважение, а не внешнее только к человеческому достоинству, к правам человека.

К несчастью, однако, человеческое общество достигает таких истин не сразу и подвигается к ним весьма медленно. Все такие истины завоевываются путем упорной борьбы, требующей своей тактики. Думаете ли вы, что настоящий момент благоприятен для того, чтобы совершить эту величайшую социальную реформу *во всей ее полноте*? Я этого не думаю, хотя всей душой ее желаю. Серьезных сторонников равноправия женщин в России не так много, как вы, быть может, думаете. Многочисленные резолюции по этому поводу, особенно же крестьянские, меня несколько не убеждают, так как «бабьи слезы» еще не высохли и по-прежнему заливают русскую жизнь. Общество во всей своей массе не может сделать скачок от грубого издевательства над человеческой личностью к признанию не только ее полной неприкосновенности, но и подчинению себя новым обязанностям, к ограничению своей воли.

Резолюции обещают то, чего сами еще не имеют; но в какой мере русский народ склонен реализовать такие обещания, едва ли можно узнать из резолюций, а действительность говорит противное. Ввиду этих соображений я полагаю, что осуществление равноправности женщин во всей полноте сейчас недостижимо. Теперь идет борьба всей страны за политические права. Завоюет ли их народ и в какой мере, нелегко предсказать, но можно сказать с полной уверенностью, что всякое осложнение в этой борьбе усилит врагов и ослабит борцов за право и свободу. Раскол из-за равноправия женщин был бы пагубен для успеха борьбы, а потому, по моему мнению, выдвигать этот вопрос на первую очередь, значило бы совершить непоправимую политическую ошибку. Девять месяцев жестокой борьбы дали нам нелепую государственную думу с цензурой, сословиями и классами и без законодательной власти. Сколько же еще нужно жертв и времени, чтобы сделать избирательное право всеобщим и признать суверенитет народа? А между тем, пока вопрос идет лишь о бесспорном всеобщем праве мужчин. Внесите в эту борьбу для очень многих спорный вопрос о правах женщины, и Вы затормозите ход борьбы на долгий срок».

«По моему мнению, надо начинать с местного самоуправления, так как на этой почве сопротивление будет неизмеримо слабее и успех обеспеченнее. Заняв позицию в местном самоуправлении и укрепившись в ней, надо вести борьбу далее, за участие

в законодательстве страны. Всякий частичный успех в завоевании права будет несомненным успехом и приведет вопрос о равноправности женщин к его окончательному разрешению. В борьбе за политические права мужчин имеется один противник—правительство; в борьбе за политические права женщин приходится бороться на два фронта — с правительством и крепким еще предрассудком самого общества. Вместе с Вами я верю в справедливость принципа, за который вы боретесь, ио вопреки Вам я не сомневаюсь, что час для его полного осуществления еще не настал и что в политической борьбе надо идти от этапа к этапу, от позиции к позиции; всякая же надежда на полную победу сразу есть пагубная иллюзия, ведущая не к победам, а к поражению».

Этот обстоятельный ответ помещаю последним из ряда писем, отрицательно относящимся к «своевременности» разрешения женского вопроса. В нем очень ярко выдвинут вопрос о тактике в политической борьбе; но те замечания, которые в свое время вызвала бы предлагаемая автором постановка вопроса, теперь, в разгар деятельности Государственной Думы и комиссии по равноправию, лишились прежнего интереса¹.

Перехожу к ответам сторонников женского равноправия.

Письма этого отдела в общем короче тех, которые только что рассмотрены; так оно и должно быть: отвечая утвердительно, часто одними «да» на все вопросы, авторы не имели надобности входить в подробности, прибегать к разъяснениям; сомневающимся, отвечавшим различно на вопросы, приходилось, хотя бы поневоле, выяснять основания, вызывавшие такой, а не иной ответ.

Обзор начну опять—таки с писем, где еще заметна неуверенность в мнениях авторов. Так один деятель пишет: «Вопрос третий более сложен, и мне казалось бы, что только тогда возможно будет дать женщинам воспользоваться предоставленными им правами, когда сложный механизм учреждения народного представительства начнет действовать и несколько окрепнет». Впрочем, автор не решается возражать против допущения женщин и в учредительное собрание. Другой тоже останавливается на вопросе об участии женщин в учредительном собрании и ставит это

---

¹ Брошюрку пришлось выпустить уже после роспуска Государственной Думы.

участие в зависимости от условий возникновения самого собрания. Если оно будет «созвано» после настойчивых, но мирных дебатов с правительством, то могут поступиться участием женщин; если же собрание явится результатом революции, тогда «жизнь покажет». Отвечая в принципе «да» на третий вопрос, автор прибавляет: «но никто не знает, при каких обстоятельствах пришлось бы собирать учредительное собрание — если вообще таковому предстоит быть. Может быть, тогда будет не до того, чтобы разбирать как следует даже права мужчин».

Отмечу ответ автора, полного уверенности, что освободительное движение в конечном результате создаст в стране «свободных и пользующихся полностью прав граждан без различий, для которых *сама жизнь* отнимает основания».

Предводитель дворянства, пославший особое мнение на съезд городских и земских деятелей, пишет: «Для меня несомненно, что и в земской, и в городской среде количество лиц, сочувствующих равноправности женщины, очень значительное; но торжество этой идеи возможно только при условии настойчивого ее пропагандирования». Вот и еще несколько охлаждающее воззрение: «На все три вопроса отвечаю «да», но в тоже время не могу не высказать своего глубокого убеждения в том, что в *массе* женщины окажутся консервативнее мужчин, хотя и не боюсь этого».

Однако и среди этих вполне определившихся сторонников равноправия полов мелькает недоумение перед ролью учредительного собрания, гадательностью его созыва или возникновения; один опасается обострения борьбы партий; другой, приведя результаты совещания в Ярославле из 20 земских гласных с 20-ю крестьянскими выборными (закрытой баллотировкой шарами большинством 25 против 21 признавшего необходимым предоставить женщинам право быть избираемыми в народные представители), уклоняется от 3-го вопроса; он находит, что первое же собрание представителей, приняв учредительный характер, должно установить избирательную систему, признать за женщинами равные с мужчинами политические права.

Другой просто обещает, если будет представителем, в первом же законодательном собрании отстаивать равноправие женщин.

«На все три вопроса отвечаю в положительном смысле, говорит деятель-литератор, — но не могу не заметить, что вопро-

сы поставлены слишком отвлеченно (особенно последний), без сопоставления с условиями времени, без оценки вопроса о полноте, последовательности и сроке осуществления». Находя все доводы против равноправия шаткими и неубедительными, сторонник все-таки рекомендует обратить внимание на деятельность в местном самоуправлении.

«Да, да, да! Считаю крайне нелогичным и непоследовательным, вотируя за предоставление избирательных прав киргизам, вотякам и чукчам, отказать в этом праве образованной русской женщине», — говорит сторонник, оставляя в некотором недоумении, имеет ли он в виду образовательный ценз или употребляет слово «образованные» только для яркости сравнения.

Следующее письмо в сущности не дает ответов; это просто изложение соображений писавшего. «Я нахожу вопрос о равноправности полов столь же важным и основным, как вопросы об элементарных гарантиях, без коих государство может лишь прозябать, и провожу этот взгляд свой всюду, где только представляется к тому возможность. Отношение к этой проблеме бюро земских съездов, а равно многих других организаций представляется мне не только актом несправедливости, но (результатом) политического недомыслия. Всякое учредительное собрание должно поставить вопрос этот в ряд фундаментальных положений, иначе, выбрасывая за борт государственного корабля половину груза, оно рискует лишиться его той устойчивости, без коей немислимо скольконибудь организованная деятельность, сколько-нибудь надежный ход его».

Одно письмо выделяется тем, что убежденно и решительно отвечает именно на 3-й вопрос об участии женщин в учредительном собрании и при этом считается с тяжелой действительностью... «Я считаю вполне своевременным и необходимым предоставление женщинам равных с мужчинами прав при созыве учредительного собрания. Лица, не признающие равноправности женщин по причинам большого процента среди них неграмотных и малоразвитых, забывают, что подобные лица и не воспользуются своим правом, как мало их интересующим, и что также поступит и неразвитая часть мужского населения, а потому каждое лицо, отчетливо сознающее свой долг перед родиной в этот важный момент, должно стать одинаково дорого, будь это мужчина или женщина, безразлично».

Вот особенно оригинальное и яркое заявление сторонника равноправия во всей его полноте: «Я категорически отвечаю «да» на все вопросы. Но при этом считаю не лишним высказать, что я не согласен с Миллем и другими защитниками прав женщин, которые полагают возможным доказывать эти права утилитарным путем. По-моему, женщины должны пользоваться равными с мужчинами правами просто потому, что они такие же люди; это для меня есть политическая аксиома; но именно поэтому, как и математические аксиомы, будучи очевидной, она не поддается частичным доказательствам. Доказывать права женщин тем, что они способны хорошо пользоваться этими правами, это значит сводить вопрос с бесспорной почвы на очень спорную. Я вовсе не уверен, что они сумеют ими воспользоваться так же хорошо, как мужчины; может быть это так, а может быть и нет. Тут придется рассуждать о физиологии и об истории, определять влияние анатомических и физиологических особенностей женщины на ее психологию, приводить разные примеры, очень мало доказывающие, по-моему, ни к чему, так как худо ли, хорошо ли будут женщины пользоваться своими правами, все-таки эти права присущи им в силу их человеческой личности и отняты у них быть не могут, как не могут они быть отняты от сословия, народности или расы, хотя бы последние и признавались стоящими на низшей степени развития».

Трудно высказаться убежденнее, проще и яснее, однако имеется ответ более конкретный по доводам, выдерживающий сравнение с этой страничкой современного Кондорсе.

«Я не раз встречал женщин в числе тех, кого признавал стоящими выше меня в умственном отношении (про нравственное, думаю, и говорить не стоит). Я обладаю всеми цензами, образовательным, имущественным и сословным, и в высшей степени трудно было бы придумать такую систему представительства, местного или государственного, которая отстраняла бы меня от участия в нем. Я играю известную роль в местном самоуправлении; мое имя называется в числе возможных будущих членов Думы. И мой ум совершенно отказывается понять, почему все это не должно быть доступно тем женщинам, которых я считаю стоящими выше себя. Я не согласен с доводами в пользу различных ограничений, препятствующих многим и многим более достойным мужчинам продвинуться в первые ряды, но все-таки

могу признать некоторую логичность за этими доводами с известной точки зрения, но понять, почему должен быть отстранен человек из-за одной принадлежности к женскому полу, хотя бы и обладающий всевозможными цензами, я совершенно не в состоянии. Что касается прав женщин при созыве учредительного собрания, то я позволю себе сравнение хозяйственного характера: когда потребности нарастают постепенно, хозяин также постепенно производит поправки, переделки и пристройки в своем хозяйстве, и тут вполне понятен разговор, что эта постройка еще постоит, с этими еще можно подождать, эту часть можно еще не переделывать. Но когда, как в настоящее время, нужно изменить сразу всю систему ведения хозяйства, выстроить заново все постройки, тогда экономнее всего сразу приняться за проведение наилучшей системы, за постройку зданий по наиболее совершенному плану и крайне нерационально сознательно портить план с тем, чтобы в будущем исправлять его. «Довлеет дневи злоба его» — и у будущего будут свои задачи».

Ответы писались в очень смутный момент нашего бурного времени: сокрушительные народные бедствия и мучительно подавленное общественное движение привело к жалкому манифесту 6 августа 1905 г. о Государственной Думе, совещательной, без всякого законодательного значения, с сохранением в прежней силе всех полицейских, цензурных и прочих запретов и пресечений относительно собраний, свободы личности и слова.

Манифест был встречен мрачным равнодушием во всей стране; как будто население сговорилось не вводить в жизнь его положения, а идти вперед своим путем, но каким именно, было неясно. Вопросы союза женщин предполагают коренную ломку государственных и общественных порядков; людям умеренных взглядов было нелегко давать мотивированные ответы; не с прежней смелостью могли отвечать и деятели более радикального направления; парламент все-таки зарождался; отношения и речи видных деятелей становились ответственнее. Может быть, в силу этого многие и воздержались от ответов на анкету.

Что касается союза равноправия женщин, то ему именно в эту пору и следовало обратиться со своими запросами к наличному составу прогрессивных деятелей, к своим товарищам по освободительной борьбе: намеченная политическая реформа совершен-

но игнорирует женщин; как же современники намерены отнестись к женскому движению?

При значительном разнообразии ответов в огромном большинстве их имеется нечто общее: так или иначе гражданские и политические права женщин должны быть расширены. Строго говоря, только один деятель безусловно отрицательно отнесся к вопросам союза; прочие авторы шли на разные компромиссы, ссылались на несвоевременность, нетактичность, неполиитичность выступления женщин со своими требованиями на политическую арену; они вовсе не отрицают способности женщин к общественной службе и публичной деятельности. Два ученых врача, судившие о ней по данным своей науки и разошедшиеся во взглядах, только лишний раз показали, как бесполезно оценивать здоровые общественные явления с точки зрения патологических случаев или временных болезненных состояний.

Сторонники «несвоевременности» разрешения женского вопроса боятся малокультурной и совсем некультурной массы населения, так как неизбежность введения всеобщего избирательного права исключает возможность установления образовательного ценза для женщин. Однако, как ни некультурно в массе женское население, участие образованных женщин в публичной деятельности мало сказать полезно — оно необходимо; на этом основываются частично благоприятные ответы: пусть русские женщины пока удовлетворятся участием в местном самоуправлении; они приучат темное еще население, проникнутое предрассудками, к их совместной с мужчинами деятельности на постах местной выборной службы, и тогда им откроется дорога к палате народных представителей. В ответственный время крайнего напряжения всех интеллигентных сил для подъема культуры в разоренной стране одних мужчин может не хватать, придется выдвинуть и женщин.

Так высказался один деятель, но думают и многие другие; эта мысль мелькает между строк тех страниц, где авторы подыскивают основания для своих ограничительных соображений. Письмами иных деятелей-практиков трудящиеся женщины могли бы возгордиться, — им готовят обязанности прежде всего; общественное дело нуждается в них, и весь вопрос в том, как начать переложение на них общественных обязанностей так, чтобы этому не помешали предрассудки массы; таким образом само собой

отпадает самое тяжкое обвинение женщин, ратующих за равноправие, что они требуют себе только прав и не думают о соответствующих обязанностях. Что касается писем сторонников равноправия, то в них уже слышится сознание, что захудалой, измученной стране необходимо установление всеобщего равноправия для всего населения, и потому распространение политических прав и на женщин должно само собой разумеяться.

В заключение напомним, что ответы присланы из среды земцев — цензовиков, тех сомнительных представителей организации союзов, которые именовались земцамн-конституционалистами и вместе с академистами остановились на краткой первоначальной формуле избирательного права; здесь не было ни представителей 3-го элемента, ни интеллигенции свободных профессий. Для такой среды и для того времени ответы в общем очень благоприятны целям союза женщин. Несомненно, что чтение запросов, желание отвечать на них заставляли деятелей лишний раз подумать над женским вопросом, а это благоприятно отразилось на дальнейшей его судьбе.

В июле и августе 1905 г. общественные организации продолжали сговариваться по поводу грядущей политической деятельности. Тверской областной съезд, костромской и ярославский земские огромным большинством высказались за избирательные права женщин; вятское, уфимское, орловское, макарьевское, старицкое земские собрания, ковенская и либавская городские думы тоже признали их. Первый съезд делегатов крестьянского союза признал равноправие женщин. В августе особенно сильное впечатление произвело единогласное решение съезда городских деятелей в пользу того же принципа.

Подходило время выборов в государственную думу; и политическое настроение разгоралось; в сентябре собрался новый земский съезд, последний перед выборами. Предыдущий съезд отложил вопрос об избирательных правах женщин в ожидании, как выскажется страна. Страна высказывалась; но бюро не подготовило по женскому вопросу ни определенного доклада, ни материалов. Съезд постановил большинством 72 против 63 (9тью голосами) вопроса не рассматривать. Оставшиеся в меньшинстве члены приложили к протоколам свое особое мнение.

Особое мнение 63 — меньшинства земского съезда, — стоявшего за равноправность с мужчинами женщин при выборах в Государственную Думу.

»Из всех вопросов, выдвинутых освободительным движением, менее всего посчастливилось вопросу о расширении политических прав женщин. Правда, он был выдвинут в некоторых, и то немногих, резолюциях, которые были постановлены отдельными собраниями и совещаниями по различным поводам, но он не был категорически разрешен в утвердительном смысле ни в одной из разработанных программ, циркулировавших в обществе и печати от имени главных организованных политических групп, на которые разделилась в последние дни мыслящая Россия.

В общеземских съездах и на предыдущем съезде земских и городских деятелей вопрос этот был затронут первоначально по докладу бюро, а впоследствии — по заявлениям отдельных членов, но вполне определенного разрешения также не получил.

Мы считаем неотложным рассмотрение и разрешение его в текущую сессию съезда по следующим основаниям:

1) Настоящий съезд является последним перед тем моментом в жизни государства, когда будущие члены Государственной Думы, получая от избирателей свои полномочия, примут на себя нравственные обязательства действовать согласно принципам, ими исповедуемым, которые послужат основанием к их избранию.

По этой причине съезд земских и городских деятелей поспешил теперь же, до наступления выборов, сговориться по всем главнейшим вопросам переустройства России, которые должны быть поставлены на первую очередь в заседаниях Государственной Думы. Съезд совершенно правильно признавал недостаточным по этим вопросам оказывать впоследствии влияние на деятельность Думы через ее членов. Съезд считал необходимым через среду земских и городских деятелей пропагандировать принятые принципы в среде самих избирателей, дабы получились в составе избранных или будущих деятелей единодушно настроенные сторонники этих начал. Мы не можем признать, чтобы вопрос о расширении политических прав женщин мог быть среди этих больных и коренных вопросов русской жизни поставлен на место второстепенного разряда. Мы не можем по-

нять, как, предпринимая коренное переустройство нашей жизни на новых светлых началах равенства и объявив еще на апрельском съезде почти единогласно всеобщее и равное голосование первой и главной основой будущей избирательной системы, мы можем затемнять светлую полосу нашей освободительной работы оставлением без немедленного разрешения вопроса о бесправном положении половины населения, не имевшей притом среди нас своего непосредственного представителя для отстаивания своих прав.

2) Мы признавали необходимым разрешение этого вопроса на нынешнем же съезде еще и потому, что этот момент является наиболее благоприятным для справедливого и беспристрастного его разрешения. Мы собрались здесь по уполномочию пославших нас земских и городских собраний без каких бы то ни было данных нами перед избирателями нашими обязательств, кроме нравственной обязанности говорить и действовать по убеждению совести. Мы здесь голос народа, а не уполномоченные от отдельных его групп. С убеждениемотируя за уравнение женщин в политических и гражданских правах, за которое подали бы голос все женщины, если бы могли быть спрошены, и, во всяком случае, значительное количество мужчин, мы можем быть уверены, что выражаем истинный голос большинства населения. Не в таком положении окажутся члены Государственной Думы, когда им после преобразования Думы на лучших, проектированных нами, началах будет предъявлен на разрешение тот же вопрос. Они явятся туда уполномоченными от различных политических партий, составляемых избирателями-мужчинами, и перед одними своими избирателями обязаны будут дать ответ за свои действия и решения. Пример всего Запада показывает, каким странным тормозом служат эти обязательства для депутатов, избираемых одними мужчинами, по отношению к вопросу, о котором идет речь. Поэтому мы признаем, что всякое отодвигание этого вопроса за пределы того острого периода, когда формируется новый строй жизни страны, ставить вопрос этот в положение шаткое, если не совсем безнадежное.

3) В рассматриваемом вопросе есть еще одна сторона— сторона чисто этическая, которая не может быть игнорируема при перестроении государства на началах равенства и справедливос-

ти. Бесправное общественное и политическое положение женщины, характеризующее ее в глазах рядовых людей как существо низшего разряда, без всякого сомнения, губительно отражается на положении женщины в семье.

Нельзя объяснить одной только слабостью ее физического строения рабское угнетение женщины в крестьянской семье, а более слабым ее образованием — приниженное ее, сравнительно с мужчиной, положение в семье культурной. Мы убеждены, что уравнение русской женщины в политических ее правах, которого она заслужила тяжким трудом в сельской и рабочей трудовой семье, и признана всем миром выдающейся общественной деятельностью в среде культурной, выведет ее из этого полурабства; что в значительной мере от этого преобразования замолкнут в деревне и в темных слоях городского населения «бабы стоны», а в семье культурной она займет то почетное положение равного во всем сотрудника нынешнего «главы» семьи, которого она теперь в большинстве случаев не имеет.

По всем этим основаниям мы не можем согласиться с постановлением съезда о том, чтобы вопрос о расширении политических прав женщин был отставлен на дальнейшую очередь».

С осени 1905 г. начинают организоваться парламентские партии, и женский вопрос вступает в новую фазу развития; под давлением общественного мнения и энергичной деятельности крайних левых групп с ним считаются внутри партий; он обсуждается при выработке партийных программ и вызывает бурные прения.

После долгих споров равноправие женщин признается партией народной свободы (кадетов), а это помогает ему найти значительное количество сторонников среди членов Государственной Думы; но в этом фазисе женский вопрос выступает далеко за пределы моего маленького обзора.

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ Е.Н.ЩЕПКИНОЙ

Популярная литература в половине XVIII века // Журнал Министерства народного просвещения, 1886, апрель.

Армия роялистов в России // Журнал Министерства народного просвещения, 1887, январь.

Старинные помещики на службе и дома. СПб., 1890.

Рассказы из русской истории для воскресных школ. СПб., 1894.

Памяти двух женщин—врачей // Образование. 1896. № 5—6, ч.1. С. 92—137.

Женское население Петербурга // Образование. 1897. № 5—6. С. 218—232.

Краткий очерк русской истории с древних времен до 1881 г. СПб., 1903.

Чтения по истории России в XVIII веке. Вып. 1. Государственный строй. СПб, 1905.

Женское движение. СПб., 1906.

Женское движение 1905 года в отзывах современных деятелей. СПб., 1906.

Вторая годовщина. // Союз женщин. 1908. № 5—6, с. 4—7.

Труд и здоровье крестьянки // Труды Первого Всероссийского женского съезда при русском женском обществе в Санкт—Петербурге, 10—16 декабря 1908. СПб., 1909. С.211—215.

Дамские и модные журналы былых времен. Библиографическая заметка. // Союз женщин. 1909. № 5—6. С. 24—26.

Апология «буржуазок» в книге г—жи Коллонтай «Социальные основы женского вопроса» // Союз женщин, 1909. № 4. С.11—14.

Литература о женщинах. // Союз женщин. 1909. № 7—8. С. 9—12.

Труды Первого Всероссийского женского съезда // Союз женщин. 1909. №10. С.10—14.

Женские типы Пушкина // Вестник Европы. 1911. №6.

Женщины в русских университетах // Вестник Европы. 1912. № 9. С. 362—377.

Женская личность в старой русской журналистике // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. №7.

Деятельность окончивших Высшие женские курсы // Вестник Европы. 1913. № 8.

Из истории женской личности в России. Лекции и статьи. СПб., 1914.

К истории развития личности женщины. СПб., 1914.

Воспоминания и дневники русских женщин. // Исторический вестник. 1914. № 8, с. 536–555.

Женское движение в годы Французской революции. С обращением к читателю А.Коллонтай. Пг., 1921.

Первые годы высших женских курсов // Русское прошлое. Пг.–М., 1923. Т.5. С.134–145.

Героиня романа «Накануне» в кругу своих современниц // Тургеневский сборник. М.–Л., 1966. Т.2. С.40–149.

